

Марина Эльденберт

НЫРЯЛЬЩИЦА

Глава 1

Проблема доверия

Вирна Мэйс

— Что здесь происходит? — Голос К'ярда старшего — голос правителя, он звучит как глухой гул набирающего силу вулкана.

Он сам напоминает скалу, неприступную и вечную, о которую способна разбиться любая, даже самая мощная волна. Высокий, с темными волосами, в которые вплетены стальные нити седины. Под тяжелым взглядом глаз цвета пламени, отличающих расу вьерхов, любой почувствует себя неуютно. Его сила и власть непререкаемы, и именно они подбрасывают со стульев всех без исключения политари, даже ведущую протокол девушку. Сидеть в кабинете остаемся разве что мы. То есть я и К'ярд.

— Ньестр К'ярд. — Политари не двигается с места, вытянувшись в струну. — Со слов ниссы Мэйс сегодня ночью на нее было совершено нападение...

— Довольно. — В мою сторону он даже не смотрит, смотрит исключительно на своего сына, и я каким-то непостижимым образом чувствую, насколько тот напряжен. — Лайтнер.

Он поворачивается к отцу и поднимается. Сейчас, когда они стоят лицом к лицу, я замечаю, насколько темнее у младшего К'ярда глаза. Темнее в том смысле, что я никогда не видела у вьерхов таких глаз, погасших, как опрокинутая со стола лампа. По лицу правителя Ландорхорна проходит судорога, от которой градус напряжения в кабинете стремительно возрастает.

— Нэрптан Диер сказал правду. Сегодня ночью на Вирну было совершено покушение...

— На Вирну. — Теперь, наконец-то, он смотрит на меня, но смотрит так, словно не против раздавить, а потом пойти помыть руки и забыть, как о досадной неприятности. Раньше этот взгляд вдавил бы меня в стул, но не сегодня. Не сейчас. Не после того, как Ромина швырнула меня в море со связанными руками, без единого шанса на спасение.

Поэтому я возвращаю ему прямой взгляд.

На миг в его глазах мелькает изумление, смешанное с раздражением, которое тут же сменяется хрустящим холодом, когда он снова смотрит на сына.

— Лайтнер, мы уходим.

Он уже почти разворачивается, когда слышит:

— Нет.

На этом у меня сдают нервы. Я могу сколько угодно делать вид, что мне все равно, но мне не все равно. Я упала с огромной высоты, у меня болит все, что только можно, я мысленно попрощалась с сестрами, и сейчас, когда я все это понимаю, меня начинает трясти. При мысли о том, что сегодня утром Митри и Тай могли остаться одни, что их в лучшем случае запихнули бы в самый дешевый социальный приют, что меня бы даже не нашли, а Ромина с подружками продолжала бы бегать по вечеринкам, красить ногти и улыбаться.

— Мне пора, — говорю я и сбрасываю плед.

Мои слова вспарывают тишину гораздо резче, чем это только что сделал Лайтнер, и теперь все смотрят на меня.

— Я вас не отпускал, нисса Мэйс. — Голос К'ярда-старшего ударяет в меня волной.

— А я у вас не отпрашивалась. Все мои показания зафиксированы, при желании вы можете с ними ознакомиться.

Не дожидаясь ответа, огибаю его и выхожу в коридор. В голове у меня творится нечто странное: события последних часов скатываются в клубок водорослей, вытащить из которых хоть одну связную решительно не получается. Меня бросает то в жар, то в холод, трясет и колотит так, что зуб на зуб не попадает, я бреду по коридору, обхватив себя руками и думаю о том, что мне нужно как можно скорее попасть домой. Каким-то чудом умудряюсь даже найти выход из участка, но только оказавшись на центральном проспекте понимаю, что у меня нет ни сумки, ни тапета, ни документов.

Эта мысль обрушивается на меня в тот самый момент, когда из участка вслед за мной вылетает К'ярд. Он очень вовремя: его появление спасло меня от желания сползти по стене и завять, уткнувшись лицом в колени.

— Куда ты собралась? — рычит он.

— Домой.

— Тебе нужно в больницу.

— Мне нужно домой.

Мы смотрим друг другу в глаза, и я чувствую, что во мне не осталось сил. Я не могу даже спорить, не говоря уже о чем-то большем, но к счастью, он спорить тоже не собирается.

— Домой так домой, — говорит он и указывает на припаркованный чуть поодаль эйрлат.

Соппротивление бесполезно. А главное, бессмысленно, потому что без него я не попаду домой, я вообще никуда не попаду, поэтому я молча иду к машине. Молча сажусь и смотрю только вперед. Пока мы взлетаем, пока движемся над городом в сторону Пятнадцатого. Сменяются районы, один за другим, но я молчу.

Стараюсь не думать о том, что произошло, но не думать не получается.

Алетту еле вытащили, меня тоже, но для Ромины это просто испорченный вечер. Для вьерхи просто испорченный вечер — то, что могло стать концом жизни для двух обычных девочек.

И стало бы.

Если бы не К'ярд.

Он тоже вьерх, но он меня спас. Этого я не могу отрицать, поэтому и говорю:

— Спасибо.

— О, — он вскидывает брови, — благодарность от Вирны Мэйс. Сегодня что-то случится.

Я отворачиваюсь.

— Прости, — доносится спустя минуту. — Насколько ты понимаешь, я тоже слегка не в себе.

Я не отвечаю, просто смотрю на проносящиеся мимо дома, границы районов побогаче не настолько резкие, как у дальних. Когда они сменяются, эйрлат словно пересекает невидимую черту, где стены становятся грязнее, этажность — ниже, а улицы превращаются из широких лент проспектов в трущобы. Это — мой мир, его остался в центре, и это тоже надо понимать.

Чего я не понимаю, так это с какой радости он сиганул за мной в воду.

— Почему?

— Почему — что?

— Почему ты это сделал?

К'ярд хмурится.

— То есть по-твоему я должен был просто стоять и смотреть, как тебя убивают?

— Друзья Ромины просто стояли и смотрели.

— При чем тут я? — Его голос становится опасным, совсем как у отца.

— Ну, вы тоже вроде как... друзья.

— Она мне никто, — резко отвечает он.

— Так же, как М'эль?

Последнее вырывается совершенно не в тему, но изменить этого я уже не могу. Совершенно точно не могу, поэтому остается только мысленно называть себя маруной и так же мысленно представлять, как отгрызаю себе язык по самый корень. Определенно, падение с высоты отрицательно сказалось на моих умственных способностях.

— Кьяна мой друг, — неожиданно заявляет он.

— Ты серьезно думаешь, что мне это интересно?

— То есть для тебя в порядке вещей интересоваться тем, что не имеет для тебя ни малейшего значения?

— Мне же нужно было поддержать разговор, — последнее звучит с издевкой, и я даже не представляю, откуда на нее силы берутся.

— Ну да, — доносится справа. — Ты же у нас общаешься только с избранными.

— Это ты сейчас о ком? — хмыкаю я, по-прежнему не глядя на него.

— О парне, с которым ты лизалась на берегу.

Пока до меня доходит, о чем он говорит, я тупо пялюсь на город. Понимаю, что летим мы уже над Четырнадцатым, и что К'ярду я совершенно точно не говорила, где живу. Мысли о том, что об этом знают все, что все знают больше меня, становятся последней каплей.

— Я. Ни с кем. Не лизалась, — цежу сквозь зубы, яростно сжимая кулаки и испытывая желание как минимум ему врезать. — Это парень моей сестры.

— Да, я в курсе.

— Она пропала! — почти ору я. — Я пытаюсь ее найти, уже несколько недель пытаюсь ее найти, и не могу!

После этого в салоне воцаряется тишина. Такая громкая тишина, от которой звенит в ушах, и мне снова хочется врезать — на этот раз себе, тоже до звона в ушах. Она звенит во мне до той самой минуты, пока эйрлат летит над Пятнадцатым. Пока опускается на моей улице, чуть поодаль, потому что рядом с домом толком сесть не получится. Небо над морем начинает светлеть, и в эту минуту я понимаю, что ключей у меня тоже нет.

Придется будить Митри.

И денег нет тоже. Только те, что остались у сестер. На сколько их хватит?

Оглушенная этой мыслью, я возвращаюсь в реальность только когда К'ярд касается моего плеча. Прикосновение отдается странным теплом, и лишь спустя пару мгновений я понимаю, что не дернулась, не шарахнулась в сторону, да я вообще не сделала ничего из того, что обычно происходит, когда меня пытаются коснуться посторонний. К'ярд ничего не заметил, но достаточно уже того, что заметила я.

— Почему ты ничего не сказала? — Он снова хмурится.

Когда он хмурится, становится еще больше похожим на отца, и это окончательно отрезвляет. Я толкаю дверцу и выхожу, чувствуя на себе пристальный взгляд все время, что иду к дому. Даже когда стучу: ногой, потому что колотить кулаками по нашей двери себе дороже, занозы замучаешься вытаскивать.

— Вирна? Что случилось?!

Заспанное лицо сестры мигом становится встревоженным, но я просто захожу в дом, на ходу бросив:

— Потом.

В комнате просто стягиваю одежду, сбрасывая ее на пол, падаю на диван и заворачиваюсь в плед. Митри какое-то время стоит в дверях, но потом все-таки уходит, и только тогда под пледом меня начинает трясти по-настоящему. Я позволяю этой дрожи взять верх, а слезам — катиться по щекам до полного опустошения. Когда оно наступает, солнце уже поднялось, и мне приходится тащиться к окну, чтобы задернуть шторы. Первое, что бросается в глаза — накатывающие на берег волны, от которых передергивает.

Второе — стоящий в конце улицы эйрлат, который отлично видно под таким углом.

С силой задергиваю шторы и возвращаюсь на диван, почти сразу после этого раздается стук в дверь:

— Вирна? — голос Митри. — С тобой все хорошо? Спишь?

Молча переворачиваюсь на другой бок: никаких больше разговоров, пока не приду в себя. Сегодня я и так сказала слишком много, и сказала это тому, кому совершенно необязательно об этом знать.

Глава 2

Дипломатия или вроде того

Лайтнер К'ярд

Я не знал сколько просидел в эйрлате возле дома Мэйс.

Произошедшее этой ночью просто отказывалось укладываться в голове. Это будто бы случилось во сне, или с кем-то другим, но точно не со мной. Начиная со ссоры в «Бабочке», где Вирна набросилась на меня с кулаками, и заканчивая прыжком в океан.

Свист ветра.

Удар.

Сомкнувшаяся надо мной вода.

Воспоминания мелькали перед глазами, как на ускоренном просмотре. А от некоторых вовсе начинали подрагивать пальцы, и тогда я сильнее стискивал их на рогатке эйрлата.

Сегодня мне было по-настоящему страшно, не признать это — означало солгать самому себе. Да едх, я едва не сдох. Но я едва не сдох при мысли, что навсегда потеряю девчонку с теперь уже голубыми волосами. Которая вторглась в мой мир и перевернула его с ног на голову.

Этой ночью многое изменилось. Во мне самом.

Я не мог поступить иначе, и не жалел ни о чем ни секунды. Разве что о своем поведении в клубе: Хар (я искренне надеялся, что мы по-прежнему друзья) был прав. Я вел себя как настоящий урод, когда издевался над девчонкой, у которой пропала сестра.

Едх!

Откуда же я мог знать про сестру?

Скептик внутри подсказывал, что мог. Я мог заставить Родди выяснить абсолютно все о Вирне Мэйс. Мог бы спросить это у самой девчонки, добиться, чтобы рассказала правду. Но я не захотел. Считал, что она просто ломается и набивает себе цену. Проблема была в том, что я не пытался ее понять, поставить себя на ее место.

Я относился к ней, как к девчонке-вьерхе. Той, что думает лишь о модных шмотках и парнях. Хотя, скорее, как к забавной игрушке.

И напрочь забыл, что Вирна человек.

Человек, которого можно просто вышвырнуть из академии за единственный прогул, уволить за то, что ты не понравился одному засранцу-вьерху, или сбросить в океан, потому что никто не станет тебя искать. Как мусор.

Только Мэйс мусором не была. Игрушкой тоже. Она была живой. Настоящей. Сильной.

Как океан.

Даже произошедшее этой ночью ее не сломило, хотя я видел, что девчонка едва сдерживает слезы, прячет их за показным безразличием. Что ж, сегодня у меня получилось вызвать в ней эмоции. Дважды. Но от своей выходки гадко было до сих пор.

Что я говорил про долг Мэйс? Теперь я ее должник. Того, что Эн вытащил Вирну из бушующей воды — мало. Это из-за меня она оказалась в океане. Значит, мне это и исправлять. Исправлять то, что натворил.

И я исправлю.

Вот только как заставить ее принять мою помощь?

Я очнулся только когда солнце уже светило во всю, будто вынырнул из собственных мыслей. Щурясь от солнечных лучей, завел машину и направил эйрлат в сторону дома.

Пытаться поговорить сегодня с Вирной — не вариант. В лучшем случае она пошлет меня к едхам, и будет полностью права. В худшем — просто не откроет дверь. Я бы, наверное, тоже не открыл.

Нет, Мэйс необходимо отойти ото всего этого кошмара, прийти в себя. И мне это нужно тоже. Так что разговор откладывается, как и поездка в «Бабочку». Хотелось свернуть на Четвертый, вызвать владельца клуба и приказать ему немедленно вернуть ей работу, а после отправиться к политари и потребовать искать сестру Вирны. Но я понимал, что моих сил оставалось лишь на автопилоте добраться домой, и что спешка в этом деле может сделать только хуже.

В парадную дверь родительского особняка я не вошел, а почти ввалился, искренне радуясь наличию лифта. Правда, воспользоваться последним мне было не суждено: в холле меня встречал отец.

Диггхард К'ярд застыл возле стены, на которой красовалось полотно с изображением голого острова, парящего над бушующим морем. Оно принадлежало кисти Б'эльха, одного из самых известных художников прошлого века. Мама всегда говорила, что эта картина ее пугает, но отец все равно повесил «Шторм» напротив входа. Наверное, ему хотелось, чтобы все завидовали тому, что у него есть Б'эльх. Ну или чтобы с порога чувствовали себя не в своей ракушке. Но сейчас плевать я хотел на то, что ему там хотелось. Меня ждала постель и сон. Много-много сна.

Вот только если папаша рассматривает «Шторм», жди урагана.

Тем более если он встречает меня лично.

— Я не в настроении разговаривать, — бросаю и направляюсь в сторону лифта.

— Тебя никто не спрашивает, Лайтнер.

Отец следует за мной, но, когда мы оказываемся в кабине лифта, нажимает на этаж, на котором находится его кабинет, и я прислоняюсь к стене и мысленно прощаюсь с надеждой проскочить в собственную спальню незамеченным. А заодно и со спокойным сном. В зеркале отражается лицо отца: ромбовидный, пылающий зрачок, раздутые от едва сдерживаемого гнева ноздри и сжатые челюсти.

Лифт подкидывает на этаж, и двери открываются.

— Идем, — приказывает Диггхард К'ярд. — Тебе ждет доктор Э'рер. В моем кабинете.

— Доктор? — приподнимаю брови, хотя по коже стелется холодный пот. — Не знал, что тебя так заботит мое здоровье.

Отец резко выбрасывает руку вперед и впивается пальцами в мой подбородок. До боли, которая отрезвляет, переключает с режима «наплевать» на режим «ярость». Поэтому я стряхиваю его руку.

— Не зли меня, мальчишка, — почти шипит он. — Ты лучше меня знаешь, что оставил в океане.

— Мне нужен отдых, а не доктор.

— Вот и посмотрим.

Не отвяжется же! А новой битвы я могу не выдержать.

Поэтому первым выхожу из лифта и, стараясь идти ровно, направляюсь в сторону отцовского кабинета. Только сейчас понимаю, что вымотан настолько, что каждый шаг дается с трудом, а рухнуть на диван в кабинете — настоящий кайф.

Я не слишком вежлив с доктором, но и он по просьбе отца не церемонится, прикладывая к моей голове различные датчики, считывающие силу. Силу вьерха, которую я сейчас в себе не чувствую.

Осмотр длится не больше двадцати минут (по крайней мере об этом говорят часы на стене кабинета), но у меня ощущение что несколько часов. Потому что силы утекают как вода. Я даже умудряюсь задремать, поэтому вздрагиваю от легкого похлопывания доктора Э'рера по плечу.

— Истощение, — оглашает он свой вердикт. — И достаточно сильное.

Как будто я сам этого не знаю? Любая попытка вызвать хотя бы крохотную искру между пальцами заканчивается тем, что у меня начинает двоиться в глазах.

— Последний раз я сталкивался с таким в двадцатых, когда к Ландорхорну подошла Нресская волна. Тогда вьерхи падали без сил, пытаюсь сдержать стихию. Кто-то замертво.

Доктор бросает на меня внимательный взгляд из-под седых бровей. Он стар, я помню его с самого раннего детства: неудивительно, что вьерх застал последнюю гигантскую волну, пришедшую к берегам Ландорхорна со стороны океана, и катастрофу, случившуюся задолго до моего рождения. Еще Э'рер предан К'ярдам, поэтому меня осматривают в отцовском кабинете, а не тащат в больницу.

— Тебе очень повезло, Лайтнер, — добавляет доктор, и в его голосе слышатся забота и беспокойство, — что ты не остался в океане навсегда и смог выбраться на сушу...

— Какие прогнозы? — перебивает его отец.

— Силы со временем вернутся, нужен только отдых и исключить контакт с водой.

Хидрец!

Я пытаюсь подняться с дивана, но быстро понимаю, что это не так просто, как кажется.

— Вы еще скажите, что мне теперь даже в душ нельзя.

Представляю, как в академии все начнут шарахаться от вонючего меня, и даже пробирает на смех.

— В душ можно, — заявляет доктор, отражая мой сарказм, — но от прогулок по побережью придется отказаться. Не думаю, что это будет так сложно, Лайтнер.

Последнее Э'рер выдает уже с улыбкой: ему это кажется смешным. Действительно, что наследнику Диггхарда К'ярда делать на побережье.

Я с деланным безразличием созерцаю потолок.

Отказаться от океана.

Лучше бы запретили мыться, помимо шуток.

— Сколько? — Отец рубит фразы, и это означает, что он если не зол, то крайне раздражен. А я, кажется, вообще забыл как дышать.

— Так как Лайтнер молодой и сильный, то думаю, около трех месяцев. Возможно, меньше.

Три месяца? Три месяца!

Я останусь без силы, не смогу приближаться к океану целых три месяца...

Полный. Хидрец.

Я смотрю на отца, и вижу на его лице отражение собственных чувств: шок, недоверие и каплю надежды. Не знаю, умеет ли надеяться Диггхард К'ярд, но я не собираюсь сдаваться. Поэтому следующий вопрос успеваю задать первым:

— Это можно ускорить? Пройти восстановление?

Э'рер качает головой.

— Если бы истощение было не полным, могло бы сработать. Но теперь тебе поможет только соблюдение строгого режима, Лайтнер, который я тебе назначу. И тогда через несколько месяцев ты сможешь снова сворачивать горы...

— Вливание силы другого вьерха, — отвечает отец, и его ответ заставляет доктора нахмуриться.

— Это не вариант.

— Почему? Именно так поступали с военными, чтобы поскорее вернуть их в строй.

— Это были крайние меры, когда приходилось выбирать между здоровьем вьерха и жизнью миллионов...

— Но это срабатывало, — отрезает отец.

— Диггхард...

— Лайтнер мой наследник. Он учится в Кэйпдоре. Он не может бросить учебу, а без силы вьерха просто не сможет ее продолжать. Другие вьерхи сразу же почувствуют изменения в нем, не просто почувствуют, они это увидят, — он кивает в мою сторону. — Ты видел его глаза. Все поймут, что случилось, но я не позволю, чтобы это просочилось в прессу. Это ляжет пятном на его репутацию.

А заодно и на репутацию отца. Именно поэтому он вызвал Э'рера. Именно поэтому немедленно приехал в участок, как только политики расстарались ему обо мне доложить. Именно поэтому позволил мне утром уйти вслед за Вирной. Чтобы не раздувать скандал. Все политики — люди, так что они не могли почувствовать или заметить отсутствие моих сил. Плевать он хотел на меня, более того, наверняка считал, что это очередной нужный урок. Но это могло здорово навредить ему

самому.

В другой раз я бы даже позлорадствовал, если бы это не касалось меня, поэтому интересуюсь:

— Что не так с этим вливанием?

— Вливание не ускорит процесс восстановления, — все еще хмурится доктор. — Чужая сила есть чужая сила, она не заменит твою собственную, несмотря на родственные связи, она вряд ли приживется и будет очень быстро расходоваться. Можно сказать, испаряться. В лучшем случае тебе придется пополнять ресурс раз в несколько дней, в худшем — делать это ежедневно.

— Это может помешать мне вернуть свои силы?

— Нет-нет, я уже говорил, что от этого ничего не зависит.

— Тогда в чем подвох?

В том, что подвох есть, я не сомневаюсь. Иначе бы Э'рер не начал спорить с отцом. С Диггхардом К'ярдом вообще предпочитают не спорить. А значит, причина должна быть существенной.

— Это не слишком приятная процедура.

— Обучение в'ерхов тоже не собирание ракушек на берегу, — напоминаю я.

Это чистая правда.

Особенно такое обучение, которое мне с самого детства устраивал отец. У меня были лучшие учителя, много дополнительных занятий по раскрытию способностей. Не считая того, что все это еще контролировал правитель Ландорхорна, а я из кожи вон лез, чтобы ему угодить. Поэтому не на словах знаю о том, как после тренировок ломит тело, ты падаешь на постель и тебе даже снов никаких не снится.

— Те, кто перенес вливание силы рассказывали, что ощущение такие, словно тебе сжигают заживо изнутри.

Едх! А доктор решил мои чувства не щадить. Но, может, это и к лучшему.

— И после... Мы не знаем, как она поведет себя после.

— Придется потерпеть, если ты хочешь, чтобы никто не узнал о твоей проблеме, — напоминает о себе отец. — Но зато в тебе будет сила в'ерха.

Чужая сила.

— Подумай, Лайтнер. — Доктор поднимается. Больше ему здесь делать нечего. — Решать только тебе.

Он прописывает мне какие-то витамины, обещает отправить на тапет указания и даже рацион питания, который просит неукоснительно соблюдать. Я киваю, но больше для того, чтобы от меня наконец-то отстали. Когда за Э'рером закрывается дверь, я тоже поднимаюсь с желанием свалить отсюда подальше. Меня уже даже не так сильно штормит.

— Мы не закончили, — холодно произносит отец.

— Закончим, когда я выплусь, — бросаю в ответ. — Не переживай, я не собираюсь никому рассказывать о своей слабости или как-то еще позорить имя К'ярдов. Отдохну, и сможешь влить в меня столько сил, сколько влезет.

— После ночного инцидента я уже не уверен, что тебя действительно заботит репутация семьи, Лайтнер.

Начинается! И спорить нет сил, и даже не уйдешь просто так. Но нам действительно есть о чем поговорить. Например, о том, что творит Ромина.

— Еще как заботит. И не только семьи. Меня волнует, что некоторые считают, что законы Ландорхорна писаны не для них. В'ерхи заплатили собственными жизнями, подавив восстание людей, мы создали «Калейдоскоп», договорились о компромиссе, чтобы жить в мире. Но из-за таких, как Ромина, все может снова пойти ко дну. По ее приказу одну студентку накачали психотропными, а вторую сбросили в океан. Обычных девчонок.

— Уверен, что в этом замешана дочь судьи Д'ерри? — спрашивает отец.

— Она и ее дружки даже не особо пряталась.

— И как ты оказался в подобной компании?

Диггхард К'ярд спокоен, но сверлит меня взглядом, будто пытается докопаться до моих мыслей. В висках покалывает от пережитого напряжения, но когда отвечаю, голос звучит ровно:

— Стечение обстоятельств. Я отдыхал в клубе, где работает Мэйс. Заглянул туда вместе с Харом и своей девушкой.

Отец все сможет проверить, а в том, что он все проверит, я даже не сомневаюсь. Иначе бы не появился в участке, иначе бы сейчас не тратил на меня и разговоры свое драгоценное время. Не пытался узнать о моем отношении к Вирне Мэйс. Но едха с два я ему буду рассказывать о том, в чем еще сам толком не разобрался.

— Девушкой? — Впервые за наш разговор в голосе отца слышится удивление.

— Кьяной М'ель. Насколько мне известно, ты знаком с ее отцом.

Диггхард К'ярд задумчиво потирает пальцами подбородок.

— Я рад слышать, что тебя наконец-то заинтересовала политика и такие важные вещи, Лайтнер. Но мы с тобой уже говорили, что ты слишком усердствуешь в своих геройствах.

— Знаю. Сегодня я переоценил свои возможности, но и получил за это сполна.

— Надеюсь, тебя это чему-то научит.

— Как видишь, уже научило, — киваю я. — И хочу, чтобы научило других. Я хочу чтобы об этой истории узнали все.

Вот теперь ярость прорывается через мой голос, но я и не хочу ее сдерживать. Потому что сегодня по вине этой стервы пережил несколько самых жутких минут своей жизни.

— Чтобы Ромина Д'ерри была наказана, чтобы другие вьерхи не считали, что они стоят выше законов Ландорхорна. И выше тебя.

Может, я немного перегибаю с пафосом, но когда тебя штормит на суше, выбирать не приходится. Говорить с отцом на его языке, где каждое слово можно вывернуть наизнанку — задача не из легких, но сейчас мне нужно, чтобы он меня услышал.

Лицо Диггхарда К'ярда каменеет.

— У тебя есть доказательства, Лайтнер? Кроме слов той девочки?

— Моего слова недостаточно? — я сжимаю кулаки.

— Ньестр Д'ерри — уважаемый вьерх.

— Про него и речи не идет. Но доказательств более чем достаточно, и я их тебе предоставляю. Мы должны защищать людей, отец.

— Мы должны защищать себя.

— Защищая людей, мы защищаем себя. Нам хватает угрозы от воды, чтобы опасаться еще и ножа в спину. И я сейчас говорю не только о людях.

Меня пронизывают очередным взглядом, и я уже готовлюсь спорить, тем неожиданнее звучит ответ:

— Я тебя услышал, Лайтнер.

Я киваю, усталость наваливается всей тяжестью, еще немного и свалюсь прямо здесь. Чего бы очень не хотелось. Потому что выдерживать отца еще несколько минут — это просто хидрец!

— Ах да, еще кое-что, — останавливает он меня в дверях, и на этот раз я готов выругаться уже вслух. — Что связывает тебя и Вирну Мэйс?

Что связывает меня и синеглазку?

Океан. Тайны. Едхово притяжение, которое, кажется, просочилось под кожу.

Что еще?

— Общий курс в Кэйпдоре, — бросаю я.

— И все?

— А должно быть что-то еще?

Ответа я не жду, выхожу за дверь.

Не уверен, что мне прямо сейчас хочется разобраться в том, что происходит между мной и Вирной.

Глава 3

Ныряльщица

Вирна Мэйс

— Мне очень жаль, Вирна. — Дядюшка Ро, пожилой вьетхергец, лысоватый и худенький, несмотря на рекламу сочной лапши, зазывающей в его заведение, развел руками. Его акцент смягчал раверханский язык, достаточно резкий и сильный. — Я взял помощницу неделю назад. Вот если бы ты раньше сказала...

Если бы я раньше знала, чем закончится мой эпичный выход в «Бабочке», я бы тоже много чего сделала. В частности, не повелась бы на провокацию К'ярда, но махать ластами после того, как на берег вынесло, смысла нет. Что самое паршивое, я не представляла, куда мне идти еще, потому что на Пятнадцатом толковых заведений больше не было. Значит, надо ехать на Четырнадцатый, Тринадцатый, Двенадцатый, и искать там. Просто заходить во все мало-мальски приличные кафе и спрашивать, не нужна ли им официантка, посудомойка, уборщица. Потому что выбирать сейчас особо не приходится.

— Понимаю, — сказала я. — Удачного вечера.

Хотела было уже уйти, но мужчина вскинул руку:

— Подожди.

Замерев, я смотрела на то, как пластиковая сумка наполняется паками лапши и фрикаделек, а еще хрустящим хворостом (сухим хлебом, который в производстве выходил самым дешевым).

— Нет, — я покачала головой, когда дядюшка Ро протянул мне сумку. — Я не могу.

Вьетхергец нахмурился, цепким взглядом оценив зашедшего в лавочку посетителя.

— Мьожешь, — сказал он. — Повьерь, я знаю, о чем говорю. Гордость — хьороший помощник, но не тогда, когда ньужно кьормить семью. Кьогда я приехал в Льяндорхьорн, мне многое пришлось испытать. Так что бьери. Не обижай старика.

Поколевавшись с минуту, все-таки взяла: в том, что касается гордости, дядюшка Ро был прав, сейчас не до нее. Мне нужно накормить сестер и как можно скорее устроиться на работу. Главное, чтобы не пришлось бросить академию, потому что не факт, что мне пойдут навстречу и согласятся поставить только в вечерний график.

— Спасибо, — сказала искренне.

— На здьоровье. — Вьетхергец мне подмигнул и повернулся к очередному посетителю. — Дьобро пожаловать! Что вьы хотель?

Улыбнувшись ему еще раз, я вышла на улицу, подставляя лицо соленому колючему ветру. В конце концов, все не так уж и плохо: еда для сестер теперь есть, а сегодня я обегу все близлежащие районы, где-нибудь что-нибудь да найдется. Пусть даже самое ерундовое, что поможет кормить их первое время, а потом найду что-то еще. Что-то еще придется искать, потому что Лэйси зарабатывала гораздо больше, и деньги на дом, на оплату воды, электричества и даже земли, на которой он стоит, совершенно иные, нежели чем те, что позволят себя прокормить. До внесения квартальной платы время еще есть, так что все у меня получится.

На этот раз обязательно получится, опрометчивых решений и ошибок с меня хватит на всю следующую жизнь.

— Не взял? — спросила Митри, стоило мне переступить порог дома, но тут увидела еду, и глаза ее расширились: — Это что, в долг?

— Нет, это подарок. Но я заплачу, когда заработаю. — Прошла на кухню, и сестра направилась следом за мной.

Сегодня она вообще от меня не отходила ни на шаг: с той минуты, как я проснулась, только и делала, что забрасывала вопросами. Пришлось все ей рассказать, пусть даже изначально я не собиралась этого делать. Митри выслушала спокойно, а потом выругалась.

— И что, теперь все сойдет ей с рук?

— Не сойдет, — уверенно сказала я.

По крайней мере, я сделаю все от меня зависящее, чтобы не сошло.

— Дай свой тапет? — попросила я, пока она разогревала еду. — Мне нужно узнать, в какой больнице Алетта.

Не уверена, что получится навестить ее сегодня, но по крайней мере, узнать о состоянии бывшей подруги я хотела сейчас. Просто сказать, что я рада, что с ней все в порядке.

Митри ушла за тапетом, а я сняла лапшу с нагревателя.

Надо будет позвать Тай, пообедаем все вместе, и я поеду дальше. После выходных еще придется переоформлять документы, без которых по Ландорхорну ни шагу нельзя ступить. А потом снова общаться с деканом (студенческая карта тоже канула в глубину вместе со всем остальным). Сомневаюсь, что разговор будет приятным.

Сомневаюсь, что в этот раз я так легко отделаюсь.

Очень не вовремя снова пришли мысли о К'ярде и о том, что он мне помог. Одно дело помочь походя, просто потому что при виде тебя все вытягиваются в струнку, пусть даже это декан или заведующий медпунктом, и совсем другое — сигануть с высоты в бушующий океан.

Так, все. Сейчас не время об этом думать.

Достала старенькие вилки, тарелки (поморщившись при мысли, что снова придется возиться в холодной воде), разложила лапшу. Как раз в тот момент, когда вернулась Михри с тапетом, в дверь постучали.

— Ты кого-то ждешь? — Сестра взглянула на меня.

— Нет.

Решительным шагом направилась к двери, накинув тяжеловесную цепочку, приоткрыла.

И замерла: на крыльце стоял Вартас.

— Вартас! Привет! — Митри сдернула цепочку раньше, чем я успела слово сказать, и порывисто бросилась парню на шею. — Ты так вовремя! С Вирной такое случилось...

Под моим взглядом она осеклась и отступила, сунув руки в карманы. Что касается Вартаса, он, хоть и ответил на приветствие сестры, смотрел исключительно на меня. Я его приветствовать не собиралась и уж тем более не собиралась приглашать в дом, особенно после всего, что произошло. Мало того, что он за мной следил — следил с самого начала, так он явно знал что-то об исчезновении Лэйс, не уверена, что что-то полезное, зато точно гораздо больше чем я, но рассказывать об этом не собирался.

Сестра покосилась сначала на него, потом на меня.

— Вы что, поссорились?

Я приподняла брови:

— Давай, Вартас. Скажи, почему мы поссорились.

Раньше я считала, что умалчивая от сестер правду, я их оберегаю. Сейчас считаю, что когда говорю правду, я их защищаю. Потому что об опасности лучше знать заранее, точно так же, как врагов и лжецов — в лицо. И уж совершенно точно недопустимо, чтобы в семье были такие секреты, какие были у Лэйс. Я не представляю, что она от нас скрывала, но в одном уверена точно: если бы мне было известно, где ее искать, все было бы гораздо проще.

— Вирна, на пару слов. — Вартас отступает от двери, позволяя самой решить, идти за ним или нет.

— На пару, — четко обозначаю границы я, и киваю Митри. — Садитесь есть, пока не остыло. Я сейчас подойду.

Сестра смотрит на меня, словно собираясь что-то спросить, но потом закрывает дверь. Я слышу удаляющиеся шаги, которые стирает шум волн. От этого звука меня передергивает, я отворачиваюсь, чтобы не видеть накатывающей на берег свинцовой пены. При мысли о воде желудок сжимает спазм, перед глазами темнеет.

— Что случилось?! — в себя прихожу от голоса парня.

Он по-прежнему стоит рядом со мной на крыльце, ветер треплет длинные светлые волосы, то швыряя пряди ему на лицо, то отбрасывая назад.

— Пара слов, — напоминаю я.

— Куда ты вчера исчезла из «Бабочки»? Я ждал тебя после смены, чтобы поговорить.

Можно рассказать ему все то, что я рассказала Митри, но это не имеет ни малейшего смысла. Хотя бы потому, что я ему не доверяю.

К'ярду я тоже не доверяю, но ему рассказала.

Какого едха я постоянно о нем думаю?!

— Ты хотел поговорить. О чем?

— Вирна, это сложно.

— Не сложнее, чем искать Лэйс, не имея ни малейшего представления о том, во что она влипла.

Вартас вздыхает, плотно сжимает губы, потом смотрит вдаль. В ту сторону, откуда я пришла сегодня на рассвете, туда, где стоял эйрлат. Мне хочется зажмуриться, потому что все это совершенно не к месту, но я помню все, и помню слишком отчетливо. Прикосновение к плечу, взгляд глаза в глаза, мгновение тишины и наше дыхание.

— Пройдемся? — Вартас кивает в другую сторону, и я соглашаюсь.

Мне нужно повернуться к этому спиной и забыть, пусть даже забыть все до конца не получится. Потому что помимо этого еще был ледяной, пробирающий до костей ветер, грохот разбивающихся о камни волн. Дрожь тела, втекающая в сильные руки, мокрые пряди, налипшие на лицо, и черные, как ночь, глаза. Я не знаю, что это было, не представляю, я слишком мало знаю о в'ерхах. Впрочем, кто о них знает много, кроме них самих?

— Мы с Лэйс не так долго встречались...

— Избавь меня от вашей истории любви, — возможно, это звучит грубо, но мне сейчас не до вежливости. У меня впереди покатушки через несколько районов и беготня по улицам в поисках работы, а еще разбирательство с деканом и подвешенное состояние по поводу места в академии. Не говоря уже о том, что меня ждет после того, как я написала заявление на Ромину Д'ерри, дочь главного судьи Ландорхорна.

— Вирна, я тебе не враг.

— Но ты мне и не друг. Друзья говорят правду.

— Не всегда.

— Я возвращаюсь.

Резко разворачиваюсь, но Вартас перехватывает меня за локоть.

— Лэйс не говорила конкретики, но в «Бабочке» она познакомилась с людьми, которые сделали ее такой, какой она стала.

— Серьезно? Очень ценные сведения.

— Ты не понимаешь... — Он замолкает: мимо нас проходит пожилая женщина с испытанным лицом, я ее знаю, она наша соседка через два дома. Она моет улицы на Шестом круге (чистит вывески и указатели, убирает мусор). Поравнявшись с нами, женщина угрюмо кивает, и идет дальше.

Стоит ей отойти, Вартас снова поворачивается ко мне:

— Подозреваю, что именно там они встречались, Вирна. В ВИП-ложах или где-то еще, что именно в «Бабочке» они передавали друг другу послания. В клубе, который не вызовет подозрений именно потому, что он у всех на виду. Именно потому, что это элитная развлекаловка для тех, кто считает себя хозяевами жизни.

Последнее он словно выплевывает, у меня же в голове не укладывается то, что он сказал. Лэйс встречалась в «Бабочке» — с кем? Кому она передавала послания? Какие? Ото всего этого голова идет кругом, поэтому я уточняю:

— Кто с кем встречался?

Парень морщится, но потом все-таки произносит:

— Те, кем занимается Подводное ведомство.

Прежде чем я успеваю осознать сказанное, очередные слова Вартаса прилетают, как удар штормовой волны в грудь:

— Лэйс была ныряльщицей.

Глава 4

Проверка на прочность

Вирна Мэйс

— Вирна, ты рехнулась, — говорит Вартас, внимательно глядя на меня. — Ты хоть понимаешь, что ты можешь оттуда не выйти?

— Ну, в таком случае ты позаботишься о моих сестрах, не так ли? — я приподнимаю бровь.

— Тебе смешно?

Нет. Мне не смешно. Давно уже не смешно, и сейчас я это понимаю, как никогда раньше. Одно дело, когда Ромина швыряет тебя мордой вниз в бушующие волны и совсем другое, когда твоя сестра подвергает опасности всю семью, занимаясь глубоководными погружениями.

Ради чего? Зачем?

Это мне сейчас предстоит выяснить. Поэтому я стою на улице напротив сверкающих неонов огней, а рядом стоит Вартас, так и не утративший надежды меня отговорить.

Зря.

Время игр закончилось, и я прекрасно понимаю, чем я сейчас рискую. Но еще я понимаю, что не смогу спокойно спать, пока не пойму, что случилось. Шагаю в сторону перехода, и Вартас перехватывает меня за руку.

— Остановись. Я рассказал тебе это не для того, чтобы ты себя угробила.

— А для чего? — интересуюсь, вскидывая бровь. — Чтобы я спокойно жила с этим дальше? Как ты?

По лицу его проходит судорога, парень судорожно стискивает зубы.

— Я не живу с этим. Я...

— Вот и я жить не буду. Можешь не переживать, о тебе я не скажу ни слова даже если меня будут пытаться.

— Очень смешно, — огрызается он.

Яжимаю плечами и отнимаю руку. Когда он мне рассказал, я не могла поверить. Наверное, до сих пор отчасти не могу, возможно, именно поэтому меня знобит. Знобит так сильно, что я ежусь и обхватываю себя руками, останавливаясь у перехода. Мне кажется странным думать о том, что моя сестра занималась смертельно опасным делом. Не только потому, что это запрещено законом и карается высшей мерой, но еще потому, что когда представляю сомкнувшуюся над головой воду, горло хватается спазм.

— Я иду с тобой, — меня догоняет Вартас, и мы вместе переходим улицу.

Наверное, я должна сказать: нет, но мне не хочется. Совершенно точно не хочется говорить ему, чтобы он ушел. Он и так прекрасно знает, что ему необязательно это делать, и если считает, что таким образом может меня остановить, он ошибается. Впрочем, перед дверями служебного входа я все-таки останавливаюсь и киваю на другую сторону улицы.

— Не дури.

— Это ты мне говоришь?

Складываю руки на груди.

— Митри и Тай.

— Вирна.

— Ты обещал Лэйс.

— Я обещал заботиться обо всех вас.

— Но разорваться ты не можешь, не так ли?

— Тебе необязательно это делать.

— Ты сказал это уже больше сотни раз.

— Ты считала?

— Да.

Это не шутка, я действительно считала. Считала, когда меня трясло, пока он говорил. Лэйси рассказала ему о том, чем занималась, за несколько дней до исчезновения: предложила стать одним из них, дала время подумать, и... больше они с Вартасом не встречались. Она не сказала ничего конкретного, обещала ввести его в курс дела уже после того, как он даст ответ.

Видит море, за несколько недель мой мир рухнул и собрался заново столько раз, что сейчас он представляет собой конгломерат из старых установок, привычек и мыслей с шипованными наростами нового.

Не хотела бы я, чтобы сейчас его кто-то увидел.

— Если ты не выйдешь оттуда, девчонок, скорее всего, заберут. Их некому будет воспитывать, мне их не отдадут, потому что я им никто.

— Значит, у меня нет выбора. Я выйду, — просто отвечаю я, разворачиваюсь и шагаю в ставший уже знакомым служебный холл.

Честно говоря, я столько раз проходила сквозь эти двери с самым разным настроением, что сейчас все происходящее кажется мне сном. Когда я собиралась искать ответы в «Бабочке», я даже не предполагала, как глубоко мне придется нырнуть. Когда я думала о тайнах, которые, возможно, скрываются за стенами клуба, они казались далекими и нереальными. Я представляла (хоть и старалась не пускать эту мысль на поверхность сознания), что Лэйс, возможно, понравилась кому-то из клиентов. Что она делилась с коллегами какими-то тайнами, которые я со временем узнаю. Да море знает, что еще, но такой тайны я представить не могла.

— Привет, Вирна, — произносит охранник, но тут же мрачнеет.

Он знает, что меня уволили. Разумеется, потому что первым делом об этом уведомляют службу безопасности, и мой пропуск аннулируется. Вчера я так спешила уйти, что забыла его отдать, но даже если бы он не утонул в океане с остальными документами, все равно не получилось бы им воспользоваться.

— Привет, Барлж, — говорю я.

Да, это один из тех парней, которые не пускали меня сюда в мой самый первый визит.

— Сообщи Дженне, что я хочу с ней поговорить.

Он вздыхает.

— Я бы с радостью, но...

— Но?

— У меня приказ доложить Н'эргесу, если ты появишься.

Вот даже как.

— Докладывай, — говорю я.

Должно быть, у меня напрочь вырубается инстинкт самосохранения, потому что Вартас прав: Дженна может не иметь ни малейшего представления о том, что творится у нее в клубе, а Лэйси могла связываться с другими ныряльщиками в VIP-ложах, под предлогами обслуживания клиентов. Как я могла убедиться, звук внутри не записывается, поэтому они могли говорить о чем угодно, но мне это представляется глупостью. Во-первых, зачем рисковать и идти в клуб, когда можно общаться с помощью защищенного соединения по тапету? А во-вторых... во-вторых, теперь разговор с Дженной в вечер, когда она приняла меня на работу, представляется совершенно иначе.

Мне кажется, она что-то знает.

Я уверена, что она что-то знает, иначе не изучала бы так пристально. Едх меня побери, да она разве что насквозь меня не просвечивала. Вспоминая нашу встречу и ее взгляды, снова и снова прокручивая в голове все, что случилось, я отчетливо вытаскиваю из памяти все новые и новые детали головоломки.

«У Лэйсандры очень непростой характер, но у нее выдающиеся внешние данные у ее умения держаться могу позавидовать даже я. Теперь, когда она исчезла, мы оказались в затруднительном положении. Дело в том, что многие приходили сюда только ради нее. И в том, что в конце следующей недели „Бабочка“ отмечает свой пятидесятый юбилей».

Неужели?

Неужели нельзя было поставить на главную роль кого угодно из девчонок? Я видела их, они все как на подбор, других в «Бабочке» просто не держат. Но если отбросить всех, была Тимри, ослепительно яркая и проработавшая здесь около трех лет, если не ошибаюсь. Не такой уж маленький стаж, а до ее умения держаться мне как до дна в Ктарианской впадине.

«Твоя сестра слишком запоминающаяся. Твой цвет волос может вызвать ненужные ассоциации. Не бойся, Вирна, с тобой будет работать наш ведущий стилист, ничего дурного она не посоветует».

От кого они хотели меня спрятать?

В тот вечер я слишком тряслась, стараясь получить место, настолько, что ничего вокруг себя не замечала. Теперь я думаю, что это приглашение на работу означало одно: она знает многое, но не все. В частности, не знает о том, куда делась Лэйс, и хочет понять, что известно мне.

Если это так, то мы с ней взаимно заинтересованы друг в друге.

Если это так, меня восстановят в «Бабочке», и я продолжу сюда ходить. Столько, сколько потребуется.

Остается, правда, еще Н'эргес, но с ним я справлюсь. По крайней мере, с тем, о чем он хочет меня спросить.

— Вирна, держи. Временный пропуск.

Из мыслей меня выталкивает голос Баджа. Пальцы не гнутся, но я все равно беру пластик со вмонтированным в него чипом, прикладываю его к турникету и шагаю в неизвестность.

Неизвестность долго не длится, кабинет начальника службы безопасности встречает меня горьким сигаретным дымом. Н'эргес со мной церемониться не будет, это понятно сразу, поэтому я ставлю рюкзак (старый рюкзак Митри, который я временно позаимствовала) на пол, и сажусь, не дожидаясь приглашения. В мужском кабинете все по-другому, здесь подняты жалюзи и открыты оба окна, из-за чего более чем свежо. Впрочем, если бы не было свежо, было бы нечем дышать, судя по пепельнице, вверх работает между курением.

— Зачем вы пришли, нисса Мэйс? — Он смотрит на меня так, словно пытается просветить взглядом.

— Это же очевидно. — Подавив желание скрыться за скрещенными руками, я чуть выпрямляюсь. — Мне нужна работа.

— Вчера вы с ней не справились.

— Поэтому мне за нее и не заплатили.

Квадратная челюсть мужчины чуть сдвигается вправо, потом возвращается на место.

— Где ваша сестра?

— Не знаю. — У меня холодеют ладони.

— Не знаете.

— Нет.

— Напомните, зачем вы здесь?

— Чтобы вернуть работу. Но вы это уже спрашивали.

Мне стоит немалых усилий не пытаться обхватить колени руками. Не съезжиться, не попытаться вжаться в спинку, хотя очень хочется.

Напоминаю себе про Ромину, и, как ни странно, срабатывает это на ура. Мне мгновенно перестает быть страшно.

— Почему вы набросились на Лайтнера К'ярда?

А вот к этому вопросу я оказываюсь не готова. Не столько потому, что не знаю, что на него ответить, сколько потому, что не знаю, какой ответ будет правильным. Правильным для того, чтобы остаться в «Бабочке» или правильным для меня?

— Его поведение показалось мне вызывающим.

Огненный взгляд вплавляется в мое лицо в надежде под стекающей маской добраться до правды. Тщетно. Еще вчера Ригман Н'эргес мог меня раздавить, вытряхнуть из меня все, используя свои методы, но не сегодня. Сегодня я точно знаю, за что сражаюсь — за свою семью. Не только за Лэйси, за Митри и Тай, за их будущее. За наше общее будущее. Потому что от того, что случилось с Лэйс, зависит не только ее жизнь, а очень и очень многое.

— Вызывающим. Вы бросаетесь на всех, чье поведение кажется, — вверху выделяет последнее слово, — вам вызывающим.

— Разумеется, нет.

— Разумеется. И вы, разумеется, знали, что нэстр К'ярд — сын правителя Ландорхорна.

Я пожимаю плечами.

— Мы учимся с ним в Академии и у нас есть совмещенный курс. Не говорите мне, что вы это не выяснили, нэстр Н'эргес. Вы наверняка изучили мою жизнь вдоль и поперек, потому что я вам не нравлюсь. Вы хотите от меня избавиться, но не можете. Почему — не мое дело. Я пришла вернуть себе место, и вы можете еще десять раз спросить меня о том, зачем я здесь. Ответ будет тем же.

— Почему вы набросились на Лайтнера К'ярда, нисса Мэйс?

Почему от упоминания его имени меня снова начинает потряхивать, хотя вчерашний вечер остался, как мне кажется, в прошлой жизни?

Потому что в новой он был первым, кого ты увидела, Вирна. Тем, кто вернул твое дыхание, и возможно, Н'эргесу об этом уже известно. Не представляю, какие у него связи.

— Он меня унизил, — говорю чистую правду. — Хотел надо мной посмеяться и привел друзей, с которыми я знакома по Академии. Своего друга и свою... девушку.

Короткая запинка, разумеется, от внимания вверху не укрывается.

— Вам это неприятно, — говорит он.

— Нет.

— Я не сказал, что именно вам неприятно, нисса Мэйс. — Уголки его губ слегка подрагивают, но сомневаюсь, что он хочет улыбнуться. Скорее, торжествует, потому что сумел меня зацепить.

Мысленно прикусываю язык и обещаю себе быть осторожнее.

— Это сказала я, — криво улыбаюсь. — Чуть раньше, когда говорила про посмеяться и про друзей. Помните?

— Почему он так поступил?

Не знаю, каким образом, но каждым следующим вопросом ему удастся вытряхивать меня из внутренней защиты. Когда мне кажется, что все уже хорошо, Н'эргес бьет снова и попадает точно в цель.

— Думаю, это вам лучше спросить у него.

— Я спрашиваю у вас, нисса Мэйс. — Он дотягивается до портсигара, но не закуривает, просто двигает его по столу: туда — сюда.

— Ему стало скучно.

Кажется, этот ответ Н'эргесу нравится, и мне он тоже должен нравиться, но нет. Я чувствую странное саднящее чувство, от которого хочется немедленно избавиться, но оно только усиливается, когда я вспоминаю про М'эль. Кьяна, всплывает имя. Откуда, я сейчас уже не помню, но оно мне и не нужно.

— В «Бабочку» приходят преимущественно те, кому скучно. — Откинувшись на спинку, Н'эргес все-таки достает сигарету и щелкает зажигалкой. — И каждый из них будет проверять вас на прочность, нисса Мэйс.

— Как это сейчас делаете вы?

Густые брови вверх остаются неподвижны, равно как и его лицо. Монументальное, словно выточенное из камня.

— Как это сейчас делаю я. Какова вероятность, что вы с этим справитесь?

С вами или с ними, хочется спросить мне.

— На вас я не бросилась.

Еще одна глубокая затяжка.

— Вы спите с К'ярдом?

Во мне кончается воздух. Так резко, что сигаретный дым, когда я все-таки вдыхаю, обжигает горло.

«Проверка, Вирна, это всего лишь проверка», — напоминаю себе.

— Это уже совершенно точно вас не касается, — отвечаю холодно. — А впрочем, вы всегда можете задействовать свои связи и об этом узнать.

Н'эргес молчит, и я тоже. Я изучаю его лицо: массивное, жесткое, гладко выбритое. Ежик серебристо-стальных волос...

— Значит, вы хотите вернуть свое место, — говорит он.

— Совершенно верно.

И если мы закончили, я хочу поговорить с Дженной.

Этого я, впрочем, не говорю, потому что любая такая фраза будет напоминать бегство, да что там, она бегством и будет.

— Ниссы Карринг сегодня нет, но я передам ей, что вы приходили, — наконец, говорит он.

Нет? Дженны нет?!

— Не беспокойтесь, нисса Мэйс. — Он едва различимо хмыкает. — Если бы я хотел от вас избавиться, я бы просто развернул вас еще до турникета.

Это правда.

— Почему же не развернули? — в упор спрашиваю я, и лицо Н'эргеса едва уловимо меняется. На миг даже кажется, что привычная каменная маска пойдет трещинами, обнажая истинную суть, но нет.

— Вы правы, — говорит он. — Вы мне не нравитесь. А здесь за вами проще присматривать.

От него я выхожу со странным чувством не то маленькой победы, не то невесомости. Почему-то здесь, в коридорах под искусственным освещением, где воздух десять раз обработан системой кондиционирования, дышится в разы проще, чем в его кабинете, где настезь распахнуты окна.

— Вирна! — Вартас бросается ко мне, стоит шагнуть на улицу.

Оглушительно чихнув, застегиваю куртку.

— Как все прошло?

— Научи меня драться, — говорю я, направляясь к станции гусеницы.

— Что?!

— Научи меня драться, — повторяю. — Так, как это делаешь ты. Я хочу уметь себя защитить.

Глава 5

Легенды и реальная жизнь

Вирна Мэйс

Я привыкла к тому, что в жизни все приходится делать самой. Что если тебе что-то нужно, приходится впахивать до потери сознания, чтобы себе это позволить, но в большинстве случаев ты себе этого позволить просто не можешь. Потому что надо кормить семью. Поэтому сейчас меня немного смущает тот факт, что у меня в старом рюкзаке Митри тапет Вартаса. В общем-то, он сказал, что его тапет тоже старый, и это видно — по загрузке системы и по тому, что перо скорее царапает, чем пишет. Тем не менее я искренне благодарна парню сестры, потому что иначе мне бы не с чем было идти на учебу.

Мы договорились, что тапет я беру в аренду до тех пор, пока не смогу позволить себе новый. Если меня вернут в «Бабочку», это случится быстро. Если нет... О том, что будет за этим «если нет», я стараюсь не думать. После случившегося с Роминой во мне нет страха перед политари, но идти к политари со знанием о том, чем занималась Лэйс, значит, подписать нам всем приговор. Вартасу тоже, кстати, потому что он вроде как в теме, а значит, «занимается укрывательством».

Я обещала ему, что скажу, если меня позовут в «Бабочку», и это тоже немного смущает. Потому что раньше никто не беспокоился обо мне, кроме моей семьи. Пусть даже он делает это из-за Лэйс. Мы с Вартасом не говорили об их чувствах, о том, были ли они вообще, но сейчас я невольно задумываюсь об этом. Когда все, что ты умеешь — день за днем выживать, не до высоких материй. Но все-таки мама и папа любили друг друга, или, по крайней мере, мне очень хочется в это верить. Пусть я это плохо помню, мы действительно были счастливой семьей.

Совершенно ненужные мысли.

Но они приходят, и возможно, именно потому, что все складывается чересчур хорошо. Когда я приехала с временными документами в Кэйпдор, декан встретила меня с кислой физиономией, но об отчислении даже не заикнулась. Больше того, для меня была готова новая карта, по которой я могу снова пользоваться льготами лотереи «Калейдоскоп». Благодаря кому или благодаря чему столь быстро решился вопрос с восстановлением, я тоже стараюсь не думать. Мне нужно держаться от К'ярда как можно дальше, и мне совершенно точно не нужна его помощь.

О чем я собираюсь ему сказать при первой же встрече.

Впрочем, первая встреча состоится не скоро — подводная зоология у нас только в конце недели, такой большой перерыв из-за того, что преподаватель заболел. Первой же парой (точнее, первой парой для меня, потому что все утро я плясала с документами, заполняя кучу бумажек) становятся легенды и мифы Старого времени.

Риардан Н'етх приветствует нас, после чего отступает в сторону, раскрывая голограмму во всю стену.

— Доброго дня, студенты. На вводном занятии мы говорили о том, что наши легенды когда-то считались альтернативной историей древности. Поговорим теперь о том, что же несет в себе основа нашего мира под призмой легенд. Может быть, кто-то знает?

Я знаю, но сегодня мне не хочется говорить. Окидываю взглядом собравшихся и думаю об Алетте. Не без помощи Вартаса удалось выяснить, что она в больнице на Девятом, и сегодня после занятий я собираюсь ее навестить.

— Ньестра М'эль?

Кьяна выглядит как обычно: собранная и сосредоточенная. Густые темные волосы стянуты в хвост, чувственный профиль притягивает взгляды парней.

— Основа мира легенд такая же, как в истории: до первой мировой катастрофы заселенных материков было шесть. Были еще обитаемые острова, единого государства не существовало, а страны были, как сейчас города, каждая с местным правителем. Чтобы перемещаться между ними, необходимо было оформить множество документов, а все три расы были равны.

— И вот тут мы подошли к одному из важнейших моментов столкновения историков и поклонников альтернативного мира. Насколько нам всем известно, до мировой катастрофы нашей расы не существовало... Слушаю, ньестр?..

— Р'амриш.

Да, друг К'ярда тоже здесь, и это удивительно. На первом занятии его не было, сейчас же он сидит во втором ряду, по диагонали от меня. У нас на занятиях по-прежнему действует «метод сплоченности», и этот метод сплоченности усадил меня рядом с двумя старшекурсниками, одним парнем с пятого, другим, кажется, с третьего. Оба калейдоскопники, как и я.

— В истории говорится, что нет сведений о существовании вьерхов, — замечает Хар. — А не о том, что нас не было.

— Хорошее уточнение, — замечает преподаватель. — А главное, отчасти созвучное с легендами. Потому что после низвержения и гибели божественного Роргха (которым он обязан вероломству своего брата) в нашем мире возникло три расы. Вьерхи — управляющей сушей, лиархи — управляющие водой. И люди, как те, кто призван объединить два мира.

— Люди вообще могут что-то объединить? — хохотнул вьерх с ежиком выкрашенных в ярко-сиреневый цвет волос.

— Не поверите, но да, — преподаватель повернулся к нему. — Вьерхи — столпы силы, те, кто держит землю. Лиархи — повелители глубин, берегущие воду, в которой началась жизнь...

«Вода — это жизнь, Вирна».

Именно сейчас вспоминаю мамины слова. Хотя маме, они, конечно же не принадлежат, они принадлежат моему воспаленному сознанию.

— А люди стоят на грани двух миров.

— Согласно легенде, — не унимался парень.

— Согласно легенде, — подтвердил Н'етх. — Но если вы не заметили, ньестр Э'тхан, здесь собрались те, кто легендами увлечен.

По рядам прокатилась волна смеха, даже у меня дрогнули уголки губ.

— Кстати, советую как можно скорее определиться, что вы выбираете — экзамен или курсовую. Я уже говорил, что от написания последней потребую полного погружения, поэтому начать стоит уже в ближайшее время.

Я почувствовала на себе взгляд Хара и сделала вид, что увлечена голограммой, где между землей и водой проходила четкая граница. Впрочем, долго на мне этот взгляд не продержался, когда я повернулась к парню, он уже смотрел на Кьяну. Вьерха, судя по всему, задумалась, потому что уткнула кончик пера в губы.

— Вспомним о богах, решивших сотворить мир...

Я слушала и писала конспекты, стараясь не смотреть в сторону Кьяны и не думать о том, что связывает их с К'ярдом. Потому что это совершенно точно меня не касалось, ни коим образом. Только почему-то взгляд все равно притягивался к девушке, профиль которой сейчас казался мне слишком идеальным. Слишком женственным. Слишком не похожим на мой.

Я всегда считала себя резкой и угловатой, но сейчас почему-то ощущала это в полной мере. Еще и с этими идиотскими голубыми волосами... состригать их было жалко, а возвращать свой цвет мне пока не по карману.

— ... начнем с божественного, потом спустимся на землю. — Последние слова Н'етха снова отозвались в аудитории смехом. — Как вы уже поняли, тема домашнего задания: первопричины вражды Роргха и Эльда. Не те, что лежат на поверхности и обозначены в учебных пособиях, а те, которые видите вы. До встречи на следующем занятии.

Звонок подбросил большинство студентов из-за столов, но между парнями, сидевшими с краю рядом со мной, разгорелась дискуссия. Из-за чего мне пришлось пару раз кашлянуть, чтобы меня пропустили. Перекинув лямку рюкзака через плечо, я вышла из аудитории и наткнулась взглядом на К'ярда и Кьяну.

Оказывается, сосредоточиться на богах и прочем довольно сложно, если постоянно о ком-то думать. Я смотрела на экран тапета, листая книги по легендам, переключаясь от одной на другую, а перед глазами стояла эта парочка. То, как он взял ее под руку, и то, как она на него смотрела. Нет, это нельзя было назвать восторгом или обожанием, она смотрела на него как на равного. Что, в общем-то, логично, потому что они и правда на равных, а я в это уравнение не вписываюсь.

На этой мысли мне захотелось побиться головой о стол, потому что у меня пропала сестра. Сестра,

которая с какой-то радости увлеклась смертельно опасным занятием. Саму меня не так давно чуть не утопили в океане, ежедневная оплата на временной работе, которую мне удалось найти (на время болезни официантки) еще меньше, чем была у Доггинса, и если мне не позвонят из «Бабочки» в ближайшее время, мне будет нечего есть, а я думаю про К'ярда!

Вернувшись к нашим богам, я еще минут пятнадцать смотрела в учебники, перебирая информацию о противостоянии Роргха и Эльда, но потом поняла, что это бессмысленно. Н'етх сказал искать скрытые причины, а значит, надо просто выписывать факты и анализировать. Потому что то, что лежало не поверхности, читай борьба за власть, озвучит каждый.

Но это уже явно не сейчас, потому что глаза просто слипаются.

Помимо работы, я сегодня еще заскочила к Алетте, но подругу в больнице уже не застала: ее забрали домой. Говорить со мной врачи не стали, а на мое сообщение (я отправила его, когда вернулась домой) подруга не ответила.

Открыв чат, посмотрела на свое сообщение: «Ты как?» — и решила больше ничего не писать. Наверняка после случившегося ей предстоит долгий восстановительный период, и Алетта сейчас, скорее всего, много спит. Людей из больниц выписывают быстро: пациентов много, а оплачивать стационар государство нужным не считает. В общем, если ты ни при смерти, то встал и пошел, а как ты себя при этом чувствуешь, уже дело десятое.

Хотела уже выключить тапет, но взгляд упал на список контактов.

Сама не знаю зачем, открыла чат с К'ярдом.

«Что значит — занята?! Ты ничего не забыла, синеглазка?»

Последнее сообщение.

Если так подумать, со стороны все выглядело так, как будто я его кинула. И если на минуту представить, что это действительно было приглашение на вечеринку, а не очередной способ ткнуть меня носом в мое происхождение, то... в общем, да. Ситуация получилась некрасивая.

Хотя с какой радости ему меня просто так приглашать?

На следующий день он уже тусовался с Кьяной, а значит, все было подстроено.

Да, в отличие от Д'ерри он не убийца. В остальном в точности такой же вьерх, как и все остальные. Они могут дать людям видимость благополучия, могут сделать любовниками или любовницами, могут сунуть под нос подачку «Калейдоскопа», но это — всего лишь видимость.

Вьерхи никогда не станут относиться к нам, как к равным.

Правда с этих позиций совершенно непонятно, с какой радости ему меня спасать.

Прыгать в бушующий океан.

Рисковать жизнью.

Разозлившись на себя, резко выключила тапет, сунула его в сумку и вытянулась на диване. Запрокинув голову так, что увидела покачивающуюся на волнах лунную дорожку. Отсюда море казалось умиротворенным и безмятежным, спокойным, как чистое летнее небо.

Сейчас мне представлялось, что до лета еще целая жизнь, если не больше.

А то, что осталось в прошлом, было вообще не со мной.

— Не спишь? — в комнату заглянула Митри.

— Вопрос в другом, — приподнявшись на локтях, заметила я. — Почему не спишь ты?

— Не спится, — сестра вошла в комнату и остановилась рядом со мной.

Вместо предложения сесть я подвинулась, прижавшись к спинке дивана. Ни вставать, ни садиться категорически не хотелось.

— Вообще я хотела с тобой поговорить. О том, что случилось...

— Все в порядке.

— Правда?

Митри опустилась на край дивана и заглянула мне в глаза.

— Правда.

Ромину я сегодня не видела. К счастью. Не уверена была, что из этой встречи выйдет что-то хорошее.

Но знала, что дочь судьи Д'ерри продолжает учиться в Кэйпдоре, что сегодня она была на занятиях, и кажется, о том, что она сотворила, не знает никто. Правда, на завтра мне прислали вызов явиться в участок политари, в тот самый, где принимали мои показания. Из чего я сделала вывод, что дело сдвинулось с точки штиля.

Посмотрим.

— Ты же скажешь, если будет нужна помощь? — неожиданно спросила Митри, сжимая кулаки.

Только этого мне еще не хватало.

— Единственная помощь, которую вы с Тай можете оказать — это держаться как можно дальше от всей этой дряни.

— Это не дрянь! Ты могла погибнуть, — процедила сестра. — А я выдеру ей все волосы, если она...

Вот теперь я села на постели.

— Ты не приблизишься к ней даже на сотню валлов, — резко сказала я. — Это понятно?!

Митри вскочила.

— Понятно, — процедила она. — Понятно, что ты ничем не отличаешься от Лэйс. Ей тоже важно было только ее мнение.

— Мит! — я попыталась поймать руку сестры, но она уже вылетела за дверь.

Я выругалась и снова сползла на подлокотник дивана. Объяснять сестре, что приближаться к Ромине попросту опасно, у меня сейчас не было сил.

Тем более что гораздо больше меня сейчас волновало другое.

То, что Митри сказала о Лэйс в прошедшем времени.

И то, что в свете открывшихся обстоятельств ее смерть вполне может оказаться правдой.

Глава 6

Недружеские отношения

Лайтнер К'ярд

Я не очень хорошо знал расписание Кьяны, но запомнил, что в этот день у нее второй парой «Легенды и мифы». Поэтому и не стал тянуть. Не считая того вечера, я больше ей не звонил и не писал, хотел поговорить при встрече. А поговорить нам было нужно.

О том, что случилось. И о том, как я себя повел. Несмотря на ее слова, Кьяна была достойна объяснений и извинений.

Но на входе в аудиторию меня ждал сюрприз. Одним из первых из нее вышел Хар. С ним мы тоже с той ночи виделись впервые, потому что на мой утренний звонок он так и не ответил. А на выходных мне было совсем не до звонков.

— Привет, — кивнул я, но вместо этого Хар больно толкнул меня плечом и прошел мимо, сделав вид, что я пустое место.

Сначала шагнул следом, но тут же вспомнил о Кьяне и только выругался про себя. Потом, все потом.

Она как раз выходит из аудитории. После того, что я сделал, другая девчонка на ее месте дала бы мне по морде, ну или прошла бы мимо, как это сделал мой вроде как лучший друг. Но она останавливается.

Правда, не улыбается, как обычно, смотрит сосредоточенно и серьезно.

— Привет.

— Привет.

Я едва открываю рот, чтобы произнести заготовленные слова, но тут замечаю Мэйс, проносящуюся мимо. Раньше она выделялась из толпы красными волосами, сейчас же выглядит так, будто сама выпрыгнула из мифов. Из тех, что про водных жителей.

Вирна тоже посещает этот факультатив? Куда она снова от меня понеслась? Ни привет, ни пока. Что вообще в голове у этой девчонки?

Я морщусь и поворачиваюсь к Кьяне, чтобы натолкнуться на внимательный взгляд и сложенные на груди руки.

М-да.

— Я перед ней извинился, — говорю я, вспоминая о нашем последнем разговоре. — Теперь хочу извиниться перед тобой. Может прогуляемся в сторону кафетерия?

Она кивает, и я считаю это хорошим знаком: по морде я все-таки еще не получил.

— То, что случилось в ту ночь... Мне это было несвойственно. Я не считаю людей отбросами, тем более калейдоскопников. Они талантливые ребята, которые достойны учиться в Кэйпдоре гораздо больше некоторых вьерхов.

Например, Ромины и ее прихвостней.

— Сам факт, что они помимо учебы еще и работают делает их только лучше. Таких как Мэйс. Я сделаю все, чтобы вернуть ей работу, и позабочусь, чтобы ее не обижали в академии. Ни ее, ни других калейдоскопников.

— Эту будет правильно, Лайтнер.

И это все? Столько слов про калейдоскопников, а теперь ей все равно? Почему тогда у меня такое чувство, словно я свернул не туда?

Она разворачивается, чтобы уйти, но я удерживаю ее за руку. Мне не хочется расставаться вот так.

— Кьяна, подожди.

— Лайтнер, я не хочу быть третьей лишней. — Кьяна хмурится. — Не хочу стоять между тобой и

Вирной Мэйс.

— Между нами ничего нет.

— Не сомневаюсь. Тем не менее я сейчас третья лишняя, и ты прекрасно это знаешь.

Хуже всего то, что я действительно прекрасно это знаю.

— Мы можем хотя бы остаться друзьями?

— А ты оставался друзьями с бывшими? И что из этого вышло?

Я вспоминаю Ромину и морщусь. С такими друзьями врагов не надо.

— Ничего хорошего, — признаюсь. — Значит, это все?

— Да, — пожимает плечами Кьяна и уходит.

Я же засовываю руки в карманы и бреду в другом направлении.

Едх!

За все свои поступки нужно платить, кажется, теперь я осознаю это в полной мере. Это будет мне уроком, как сказал отец, и сейчас я с ним согласен. Поэтому хочется немедленно исправить свои ошибки, хотя бы для того, чтобы с ним не соглашаться. Ну и потому, что мне есть что исправлять. Да, я не могу изменить прошлое, но настоящее в моих руках.

Я не кривил душой, когда говорил Кьяне про калейдоскопников и Вирну. Особенно про нее. Кьяна права: Мэйс мне не просто нравится, я ею восхищаюсь. Как восхищаюсь океаном. Но мы слишком разные, и дело вовсе не в том, что я вьерх, а она человек.

Чтобы отвлечься от мыслей о синеглазке, иду на стадион: до следующей пары прилично времени, а я знаю где найти Хара. И не ошибаюсь. Он сидит на трибуне, на самом верхнем ряду и что-то читает на своем тапете. Обычно мы зависаем здесь вместе, но сегодня особый случай.

— Привет, браг, — здороваюсь снова.

Мы знакомы с детства, и действительно близки друг с другом, как братья.

— Я здесь своих братьев не вижу, — отвечает Хар. — Мой брат никогда бы не стал травить людей.

— Это была ошибка.

— Ошибкой было, что ты позвал меня с собой, ничего не рассказав.

— Так ты поэтому злишься? — замечаю едко. — Что я тебя не предупредил?

— Я злюсь? Нет. Разочарован. Потому что место моего друга заняла роминина подружка.

Хидрец! Я теперь еще и перед ним должен оправдываться?

— Ты тоже не храмовый служитель!

Он резко поднимается с явным намерением уйти.

На этот раз я перехватываю его за плечо, отцовская сила струится по телу, концентрируется в пальцах, и только благодаря ей я удерживаюсь на ногах, когда друг отпихивает меня в сторону ударом в грудь.

— Какого едха? — рычу я и посылаю импульс в ладони.

Хару прилетает в ответ, земля под нашими ногами вздрагивает и идет волной. Бурлящая во мне сила чужеродная, и вместо того, чтобы подчиниться мне, она выходит на свободу. Друга отшвыривает на добрые десять валлов, и он с хрустом падает между покосившихся лавок.

У меня все внутри переворачивается, и вовсе не от замкнутой в моем теле силы.

Хидрец!

От моего гнева ничего не остается. Я в считанные мгновения оказываюсь рядом с ним и протягиваю ладонь, чтобы помочь подняться. Но Хар смотрит на мою руку, как на ядовитую водную змею. Он встает сам, пошатывается, но держится на ногах. Сплевывает кровь и цедит:

— Катись к едхам!

А потом, прихрамывая, уходит. Как Кьяна.

Меня же накрывает откатом: в теле будто открывается рана, из которой выплескивается ресурс силы, отданной отцом. Все горит, перед глазами то плывет, то темнеет, я сцепляю челюсти и концентрируюсь только на том, чтобы перекрыть этот поток, и чтобы не орать в голос.

Как больно! Просто невероятно.

Все заканчивается так же быстро, как и началось. Во мне еще осталась сила, а значит, все хорошо.

Я пинаю лавку, и она прогибается от мощного удара. Если бы мы были не на стадионе, то, как минимум, получили бы выговор от ректора. Потому что применять силу в Кэйпдоре можно только в определенных местах. Хотя меньше всего меня сейчас волнует вероятный вызов к декану.

Я был уверен, что Хар точно меня поймет. Мы всегда поддерживали друг друга, с самого детства. Вправляли мозги, если один считал, что другой неправ. Так какого едха это изменилось? С каких это пор Хар ставит меня на один уровень с Роминой?!

С тех пор, как я встретил Мэйс.

Нет. С тех пор, как решил, что имею право ей мстить. За то, что она не пришла на свидание. Что бы я сделал, если бы так поступила Кьяна или любая другая вьерха? Забил бы на это. До встречи с Вирной я вообще не думал, что мне может отказать какая-то девчонка. Поэтому сделал то, что сделал.

Правда, про ее сестру я не знал, но вряд ли это достойное оправдание.

Развернувшись, я направляюсь к центральному корпусу академии. У Родреса как раз там должна быть следующая пара, а мне нужно задать ему несколько вопросов. Ладони горят, как хочется спросить.

Если Хар мой лучший друг с самого детства, то с Родди мы знакомы с поступления в Кэйпдор. В отличие от Р'амриша с ним я готов делиться далеко не всем. Но как показали эти выходные, вообще не стоило ему доверять.

Теперь я знаю, что Родрес слабак во всех смыслах, именно он слил информацию о Мэйс Ромине. О том, что синеглазка работает в «Бабочке». Конечно, часть вины на подружке Вирны, но именно Родди поставил на тапет Ромины следающую программу, которая показывала местонахождение Мэйс вплоть до валла.

И мне хочется спросить: какого едха он это сделал? Чем думал? То, что не головой, понятно.

Родреса я заметил в одном из коридоров, он действительно спешил в центральный корпус. Ему крупно повезло, что мы пересеклись здесь, потому что использование силы в переходах академии было строго запрещено: слишком узкое пространство, слишком велика вероятность пришибить кого-нибудь, кого не планируешь.

Я догнал парня и хлопнул его по плечу.

— Здравствуй, Родди.

Он едва до потолка не подпрыгнул, казалось, только тяжесть моей руки смогла удержать его на земле.

— Привет, Лайтнер.

К его чести, голос у Родреса не дрожал, но лихорадочный блеск в глазах выдавал желание сбежать от меня подальше.

— Надо поговорить.

— Я опаздываю на социологию.

— Это ненадолго, — пообещал я.

— Послушай, я же тебе помог найти девчонку, и с ней все в порядке.

Я прищурился.

— Откуда ты знаешь?

— Я...

Родрес тут же закрыл рот, плотно сжимая губы.

Вряд ли он так беспокоился за Мэйс, что бегал посмотреть, жива она или нет. А вот Ромина вполне могла ею интересоваться. Едх меня задери, если я неправ!

Рывок — и мои пальцы сдавливают шею Родди. Бывший приятель слабее и ниже ростом, поэтому трепыхается и пытается встать на носочки, чтобы дышать, потому что я держу его так, чтобы оставаться лицом к лицу.

— Да, ты мне помог, но именно ты виноват в том, что с ней случилось.

И не только с ней, но Родресу я про свои проблемы с силой точно не расскажу. Хару мог бы, вот только ему теперь плевать.

— Не понимаю, о чем ты, — сипит он.

— Да ладно? Если бы не ты, Ромина бы не нашла Мэйс.

— Отпусти его, Лайтнер, — раздается за спиной, как в плохом трагифарсе.

Я отталкиваю Родди от себя, и он едва не падает, кашля и захлебываясь воздухом. А потом, наплевав на гордость, бежит к компании Ромины, прячась за спины ее подружек. Пусть даже среди них несколько парней.

Д'ерри кривит полные губы в насмешливой улыбке и стоит, эффектно скрестив руки на груди, которую подчеркивает вырез рубашки. Но теперь я вижу перед собой только убийцу, и меня передергивает. Передергивает от того, что я когда-то с ней встречался. От того, что на красивом лице Ромины нет ни капли раскаяния или хотя бы осознания, что она сделала что-то не так.

— Ну и как тебе с этим живется? — едко спрашиваю, подходя ближе. — Кошмары не мучают?

Навстречу мне выступает защита, Броне Т'орри. Парень с меня ростом, но справится с ним даже первокурсник — слишком он неповоротлив. К тому же сила горит на ладонях, требуя выхода, приходится остановиться в паре шагов от компании, чтобы сдержать свой порыв раскидать их по сторонам.

Правда, Ромина отодвигает Бронса в сторону.

— А должны? — интересуется она.

— То есть ты каждую неделю кого-то убиваешь, и уже к этому привыкла?

Подружки возмущенно ахают, парни рычат, а вот Ромина вскидывает брови.

— Что за странные шутки, Аайтнер? — Она снова улыбается и поворачивается к своей свите. — Кажется, у кого-то были гораздо более интересные выходные, чем у меня.

— Вирна Мэйс. Помнишь такую?

Ромина хмурится, но по ее взгляду я вижу, что все это ее забавляет.

— Если честно, не припоминаю.

— Ничего, — хмыкаю я. — Родди помнит, как скинул тебе программу, по которой ты смогла ее отследить.

— Родрес, ты устанавливал мне на тапет какой-то неизвестный софт? — капризно спрашивает Д'ерри, и приятель мотает головой. — Вот видишь?

А я не могу этому поверить!

Этот едх отказывается от своих слов. Да я ему сейчас ноги повыдергиваю!

В этот раз путь мне преграждает сама Ромина: мы стоим практически касаясь друг друга, но она не отступает ни на шаг.

— Это уже не смешно, Лайт, — тянет она. — На твоём месте я бы больше не употребляла то, что ты попробовал на этих выходных.

— Я ничего не употреблял, — отвечаю я, и мой голос больше напоминает глухой рык. Может, и к лучшему, потому что слышит меня только она. — И ты это знаешь. Как я знаю, что ты сбросила

Вирну Мэйс в океан.

Ее зрачки на миг расширяются, растягиваются в стороны острыми пиками, но Ромина так же быстро берет себя в руки.

— Это она тебе сказала? — хмыкает она и поправляет волосы. — Передай ей, что зависть — плохое чувство.

— Я видел это своими глазами.

— Хватит. Нести. Чушь, — чеканит слова Ромина. — Я к этой Мэйс ни на шаг не приближалась, и не стану.

А потом делает то, чего я точно не ожидал: приподнимается на цыпочки и почти касается губами моего виска.

— Я уничтожу эту девку, если попробуешь меня утопить, — говорит она еле слышно, скользя дыханием по моей щеке. — Ты не сможешь быть рядом с ней постоянно. Ой, прости... ты вообще не можешь быть с ней, я права?

И так же мягко отстраняется.

— Мы были друзьями, Лайт, — говорит уже для всех. — Не стоит все портить.

После чего разворачивается к своей компании, к которой уже присоединилось несколько парней, прежде таскающиеся за мной. Как выяснилось, таскались они за ней.

Ромина посылает мне воздушный поцелуй перед тем, как скрыться за поворотом.

Сила искрит на пальцах, и мне искренне хочется повторить с Д'ерри тот же фокус, что с Родресом даже несмотря на то, что она девчонка. Но толку от этого не будет, сейчас мне нужны доказательства ее преступления.

И я их достану.

Глава 7

Сторона обвинения

Вирна Мэйс

Я надеюсь, что все закончится быстро, потому что декан хоть и прочитала сообщение, но ответить не пожелала. Ни вчера, ни сегодня утром, хотя по идее она уже должна была прийти на работу. Что касается меня, я снова в «гусенице», стараюсь не думать о Лэйс, и размышляю о политари. О том, зачем меня вызывают, хотя в причинах указано: «Заявление о нападении». Возможно, хотят что-то уточнить, поэтому надолго задержать не должны. Мне сейчас очень не с руки пропускать занятия, и даже не из-за гнева декана, а просто потому, что навестывать особо некогда. Если в мой и так забитый делами до отказа график добавится еще и «Бабочка»... Хотя в последнем я уже начинаю сомневаться. Прошло несколько дней, но от Дженны никаких новостей, от Н'эргеса тоже. Неужели я все-таки ошиблась?

Этот участок гораздо чище того, в который я обращалась после исчезновения Лэйс. В прошлый раз мне было не до обстановки, но сейчас я замечаю, что ремонт здесь гораздо более новый, стеклянные двери блестят, равно как и полы, а отделение для задержанных (которых еще только предстоит оформить) не в общем зале, а отгорожено дверями, за которыми ничего не видно. Яркие лампы напоминают о больнице и Алетте: она мне так ничего и не ответила.

— Нисса Мэйс, — меня встречает молодой политари.

Один из тех, кто нас опрашивал, когда К'ярд привез меня в участок.

— Добрый день, — здороваюсь.

Он молча кивает и проводит меня в тот же самый кабинет, из которого я выходила в странном полутрансе. Там снова протоколистка и еще один политари, тоже знакомый. Отличают его огромные залысины на висках, зачесанные назад оставшиеся волосы и цепкий взгляд. Хотя до Н'эргеса ему далеко.

— Садитесь, нисса Мэйс, — мне кивают на кресло. — У нас возникли небольшие сложности по вашему делу.

— Небольшие?

Протоколистка уже колотит пальцами по экрану большого тапета, специально предназначенного исключительно для набора текста. Я на миг перевожу взгляд на нее, потому снова на сидящего за столом мужчину.

— Да. С наибольшей вероятностью, в ваши показания закралась ошибка. Ромина Д'ерри ни коим образом не могла на вас напасть, поскольку в это время находилась дома.

Мне кажется, что я ослышалась. Хотя нет, не кажется, и я не ослышалась, он только что сказал про алиби Ромины.

— Это невозможно, — говорю я. — Она и ее дружки...

— Послушайте, нисса Мэйс, — меня перебивают пока еще достаточно мягко. — Ее отец — весьма уважаемый в городе...

— В этом все дело?! — я вцепляюсь в подлокотники. — В том, что ее отец — главный судья Ландорхорна?! Но если не ошибаюсь, у вас не только мои показания, у вас показания ньестра К'ярда, и...

— Исключительно поэтому мы с вами сейчас говорим здесь, а не в присутствии адвоката. Боюсь, что вы были введены в заблуждение.

Что?!

— Вы были, если не ошибаюсь, под действием тяжелых психотропных препаратов, с помощью которых вас и вашу подругу пытались усыпить.

Я глубоко вдыхаю. Потом выдыхаю.

Успокоиться, Вирна. Нужно успокоиться, потому что прошлая моя вспышка в «Бабочке» ничем хорошим не закончилась, а здесь еще и фиксируется каждое мое слово. «Все, что вы скажете,

может быть использовано для того, чтобы затолкать вам это обратно в глотку». Так любила говорить Лэйс, когда речь заходила о политари, и теперь я вижу, что она права.

— Это так, но...

— Препарат, который использовали на вас, приводит к самым разным побочным эффектам. В том числе и к галлюцинациям. Вы вполне могли видеть другую девушку со светлыми волосами, но представлять, что это ньестра Д'ерри.

Поверить не могу. Я просто не могу в это поверить!

— Вы считаете, что я совсем идиотка? — спрашиваю я. — И что я не могу отличить Ромину Д'ерри от какой-то другой девушки?!

— Можете. Сейчас, — политари подается вперед и смотрит мне в глаза. Руки его сцеплены на столе. — Но не когда у вас в крови яд, который воздействует на мозг.

Я прикусываю язык, чтобы не сказать, что ему никакого яда не нужно, потому что ему и так отлично воздействует на мозг статус отца Ромины, но молчу. Молчу, молчу, молчу, стараясь не сжимать пальцы еще сильнее.

— Опросите Алетту Грейм, — говорю я. — Она подтвердит...

— Уже опросили. Нисса Грейм рассказала, что на вас напали парни, которым вы однажды отказали в весьма грубой форме, когда собирались на вечеринку. И что с ними была девушка, которую она видела впервые.

Я моргаю. Несколько раз, прежде чем до меня доходит смысл сказанных им слов. Мы действительно отшили парней, когда собирались на вечеринку, точнее, их отшила Алетта, но при чем тут они?

— Это бред, — выдыхаю я.

— Отнюдь. Мы проверили информацию: нападавшие на вас угнали эйрлат у одного из знакомых ньестры Д'ерри, о чем он заявил на следующее утро...

— До или после того, как я подала заявление?

— При чем тут это, нисса Мэйс?

— Ну как же, — я с трудом сдерживаю дрожь в руках. — Вы такой опытный детектив, а объясняю вам я. Не находите, что это слишком удачное совпадение?

Политари хмурится еще сильнее, у него дергается кадык.

— Поосторожнее с заявлениями, нисса Мэйс, — говорит он. — Не то я могу расценить это как намеренное оскорбление должностного лица.

Ну разумеется.

— Я не собиралась никого оскорблять, — говорю я. — И что же, те парни подтвердили, что угнали эйрлат?

— Они уже ничего не смогут подтвердить, нисса Мэйс. Они мертвы, как и их подружка.

Меня снова бросает в дрожь.

Мертвы. Слова политари звучат в сознании снова и снова.

На что еще способна Ромина? Или... ее отец?

— Ньестр Д'ерри подтвердил, что в указанное вами время его дочь была дома.

Куда мне против ньестра Д'ерри.

— А показания ньестра К'ярда? Если не ошибаюсь, его друг, занимающийся информационными технологиями, подтвердил, что Ромина Д'ерри мной интересовалась. И не только интересовалась, но и просила его установить программу «Бёрт», с помощью которой можно отследить местонахождение.

— Ньестр Родрес Б'игг объяснил, что вынужден был это сказать. Как бы это поточнее выразиться... потому что ньестр К'ярд на него очень сильно давил. Мы провели тщательное расследование, и выяснили, что тапет ньестры Д'ерри находился в эйрлате ее знакомого.

— В том, который был угнан? — уточнила я.

— Да. В любом случае, виновники случившегося с вами мертвы, они погибли от передозировки. Состав преступления исчерпан, и я предлагаю вам, нисса Мэйс...

— Нет, — спокойно сказала я, хотя меня всю трясло.

— Нет?

— Нет. Не исчерпан. Я не снимаю обвинения с Ромины Д'ерри.

— Вы же понимаете, что если станете упорствовать, это может быть расценено как намеренное лжесвидетельство и клевета? И что обвиняющей стороной может стать семья Д'ерри?

— Ромина Д'ерри, — четко сказала я. — И ее дружки. Я могу поклясться всем, что мне дорого, что в ту ночь на меня напали именно они.

Политари ощутимо напрягся.

— Что ж, в таком случае мне остается только устроить вам очную ставку, нисса Мэйс. Это большее, что я могу для вас сделать, и то исключительно потому, что ваша ситуация действительно очень сложная. Вам пришлось пережить нападение под действием...

— Устраивайте, — сказала я. — А сейчас мне пора в Кэйпдор, потому что если я пропущу еще одну пару, мне придется покупать методичку, которые на лекциях выписываются бесплатно.

Да, в Кэйпдоре своя система соблюдения учебной дисциплины. На некоторых занятиях пропуск равносителен тому, что приходится покупать учебные материалы, вот только я сомневаюсь, что для таких как Ромина это что-то значит. Впрочем, человеческие жизни для них тоже ничего не значат, и судя по всему, для главного судьи тоже. Мы живем в потрясающем мире, защищающем нас со всех сторон. Как ни крути.

Я уже почти выхожу из участка, когда меня догоняет молодой политари.

— Нисса Мэйс!

Оборачиваюсь: это тот самый парень, что сопровождал меня в кабинет.

— Вы отлично держались, — говорит он.

В глазах его я читаю понимание.

— Спасибо, — я смотрю на его нашивки и имя на мундире, — риджант Фьер.

Парень улыбается и уходит. Я же смотрю ему вслед и думаю о том, сколько ему лет. На вид не больше двадцати, но он уже рискует жизнью на улицах Ландорхорна. Может, Аэйс была права в том, что я зря поступила в Кэйпдор, все это обучение — развлечение для богатеньких, и мне там нечего делать. Если я брошу академию, у меня будет гораздо больше времени на семью, да и на работу тоже.

Справиться с этой мыслью не так-то просто, поэтому когда я подхожу к Кэйпдору, останавливаюсь в валле от ворот.

Estors. Virhaain. Keaaihpain.

«Ум. Знание. Сила».

Когда-то здесь учились только вьерхи, но потом в обитель силы и знаний допустили людей. «Калейдоскоп» стал откупом за спокойствие народных масс, но если вьерхи предпочли откупиться, значит, им было чего бояться. Значит, их власть не настолько прочна, насколько они хотят показать.

Удобнее перехватив лямки рюкзака, шагаю внутрь.

Нет, учебу мне оставлять нельзя. Потому что если уйду сейчас — стану одной из тех, кто сломался. Когда-то вьерхи были в нашем мире изгоями, но Лидх Картерн нашел в себе силы все изменить. Он вытащил свою расу со дна, заставил людей уважать ее, и долгие годы, до Проседания, мы были равны. Все зависело не от того, какого цвета у тебя глаза и умеешь ли ты удерживать сушу, когда идет большая волна, все зависело от желания развиваться, от упорства каждого, будь то вьерх или человек.

Я иду по дорожке, стараясь не думать о том, что узнала от политари. Похоже, Алетту запугали

дальше некуда. Чем они ее взяли? Сестрой? Семей? Мне не хочется об этом думать, потому что у меня тоже есть семья, а Ромина (теперь уже сомнений в этом нет) не остановится ни перед чем.

Переехать?

Сбежать из Ландорхорна?

И... бросить Лэйс?

Нет.

Она бы никогда так не поступила, окажись я на ее месте.

А как бы поступила она? Много я о ней знаю? Да я до сих пор не представляю, почему она пропала: может, сбежала из-за нависшей над ней угрозы, из-за того, что кому-то стало известно о том, чем она занимается.

За такие мысли хочется себе как следует врезать, но я действительно не знаю, что произошло. Не так давно мне казалось, что я могу представить, как бы Лэйс повела себя в той или иной ситуации, но одним словом «Ныряльщица» Вартас разрушил эту уверенность раз и навсегда.

Опустившись на холодную скамейку, вытягиваю ноги и закрываю глаза. Мне надо подняться, идти в Кэйпдор, но я медлю. При одной только мысли о том, что что-то может случиться с Митри и Тай, бросает сначала в жар, а после в холодный пот. Там, в участке, мне казалось, что я поступаю правильно, но что если я ошибаюсь?

Не знаю, сколько я так сижу, пока на щеки не падает несколько холодных капель, и я открываю глаза. Дождь мелкий, но от этого не менее холодный.

Что я могу противопоставить авторитету главного судьи?

Поднимаюсь и направляюсь в Кэйпдор, который встречает меня относительной тишиной. Когда идут занятия, не так шумно: те, кто свободен, предпочитают зависать в столовой, которая по размерам больше напоминает ресторан, либо отдыхать в парке, но на улице сейчас слишком промозгло. На Ландорхорн надвигается туман, который пронизывает сыростью до костей, если ты не успеешь от него спрятаться.

Зависаю у интерактивного стенда: мне нужно найти свою аудиторию, но вместо этого я ищу совершенно другое.

«Про сестер тебе надо было думать раньше», — в воспоминаниях отчетливо звучит голос Д'ерри.

Она сказала это перед тем, как сбросить меня в океан.

Не думаю, что Ромина или ее отец подошлют кого-то к Митри и Тай сразу, это слишком опасно. Особенно учитывая тот факт, что показания вместе со мной давал К'ярд, а Диггхард К'ярд — фигура мощнее. Мне нужно что-то придумать, нужно защитить сестер, пусть даже ради этого мне придется сделать возможное и невозможное. Пожалуй, это скорее относится к числу невозможного, потому что мне нужно поддерживать иллюзию видимости хороших отношений с Лайтнером К'ярдом.

Кажется, мы пришли к тому, от чего ушли.

Жую губы и изучаю расписание второго курса факультета юриспруденции. На экране чуть повыше перечня занятий крутится планета, над которой распростерта рука закона. Забавно, что Ромина учится именно на этом факультете.

У К'ярда сейчас занятия в главном корпусе, занятия, которые скоро закончатся, и мне нужно успеть поговорить с ним, пока его не перехватил кто-то еще. В ту минуту, когда я уже почти готова шагнуть в нужный мне коридор, на тапет падает сообщение:

«Жду тебя сегодня вечером, за два часа до открытия. Дж».

Дж. Это Дженна?

Номер незнакомый, но за два часа до открытия — это может значить только одно.

Впрочем, сейчас это может значить все, что угодно, но прежде чем я успеваю испытать весь спектр эмоций — от холодеющих пальцев рук до невозможности нормально вдохнуть, за спиной раздается насмешливый голос:

— Соскучилась, синеглазка?

Ну супер. Отлично. Стоило ему появиться за моей спиной, как меня уже всю потряхивает. Как же бесит это его «синеглазка»!

— Привет, огнеглазик, — ответила я, поворачиваясь к нему. — С чего ты взял?

Глаза у него сейчас были обычные, как у всех вьерхов. Ну вот и отлично, значит, с ним все хорошо. Хотя какая мне разница, что там с ним хорошо, а что нет?

— Не знаю, — К'ярд обошел меня и коснулся стенда. — Возможно, потому что у тебя открыто мое расписание?

Едхова жесть.

— Кстати, я тоже собирался тебе напомнить, что у нас грядет общая практика на занятиях полезного ископаемого.

— Чего?

Это прозвучало так неожиданно, что я даже не сразу отвисла. Голограмма с расписанием тоже: она несколько раз мигнула, прежде чем снова уйти в спящий режим.

— Старье, — вздохнул К'ярд и снова повернулся ко мне. — Полезное ископаемое — это наш препод по подводной зоологии. Хотя... нет, он скорее антиквариат, но это к делу не относится. Практика сама себя не зачтет.

— А... да, — сказала я, вспомнив, что нас и правда поставили в пару.

Удивительно, что он свернул именно на эту тему и не стал издеваться по поводу расписания, но на этой мысли я решила не задерживаться.

— Что ты предлагаешь? — спросила, глядя на него и испытывая желание отодвинуться.

Близко. Он подошел слишком близко, и меня это нервировало.

— Предлагаю сегодня после твоих пар встретиться в библиотеке. Для начала. Наметим программу, а потом разберемся, сколько занятий нам потребуется в океанариуме, где брать дополнительные материалы, и все такое.

— Угу, — сказала я.

— Это понимать как да?

— Да.

— Ну вот и чудесно. Тогда до встречи, напарница.

Прежде чем я успела отпрыгнуть, он прошел мимо. По-прежнему недопустимо близко, из-за чего меня ударило ароматом туалетной воды, холодной, как морские глубины. Хорошо, что ударило, потому что именно он напомнил мне нашу первую встречу, сломанное перо и его взгляд сверху вниз. Впрочем, сейчас, минуту назад он смотрел на меня совершенно иначе, и что это вообще было?!

Я смотрела ему вслед, пока К'ярд не скрылся за поворотом, и только после этого глубоко вздохнула.

Кажется, я собиралась с ним поговорить.

Кажется, мне пришло сообщение от Дженны, которая хочет меня видеть сегодня вечером. И судя по тону ее приглашения, эта встреча будет не то чтобы особо официальной.

Я перекинула рюкзак на другое плечо и направилась в сторону раздевалок. За последнее время в моей жизни столько всего случилось, что я уже с трудом успевала за происходящим. Первоочередными оставались Лэйс, Митри и Тай, все остальное было вторично, но... К'ярд, кажется, не стеснялся отодвигать все в сторону. Иначе как объяснить, какого едха я сейчас думаю о том, что будет у нас на совместной практике? А заодно о том, чем вчера закончилась их встреча с Кьяной М'эль?

Да не думаю я об этом!

Я вскинула голову как раз в тот момент, когда из раздевалок вышли Ромина с подружками. Подружки заметили меня раньше нее, одна из них даже как-то слегка побледнела, вторую перекосило от злости. Ромина же, когда повернулась, даже не изменилась в лице и не сбавила шага. Ее свита, почувствовав настроение главной, приободрилась. Их лица снова приобрели холеный

девичий лоск, эмоции стерлись. Они шли рядом с ней, и я шла им навстречу, испытывая подсознательное желание свернуть в ближайшую кишку коридора.

Нельзя.

Сейчас нельзя.

На самом деле нельзя никогда, но сейчас — особенно.

Осталось пройти всего несколько шагов, и мы вполне могли бы разминуться, если бы Ромина не остановилась:

— Что ты чувствуешь, когда портишь всем жизнь, калейдоскопница?

Она смотрела на меня сверху вниз, уверенная в своей безнаказанности, как всегда идеальная: длинные волосы стекают по плечам и спине шелковистым каскадом, форма сидит как влитая, и даже пару расстегнутых верхних пуговиц ей наверняка простят. С зубами у нее все в порядке, видимо, у семьи Д'ерри отличные стоматологи.

— А что ты чувствуешь, когда ее отнимаешь?

Улыбка сбегает с ее лица, равно как с лиц остальных девчонок. Одна из них шагает ко мне, но Ромина вскидывает руку, и вверху резко останавливается.

— Тебе кажется, должны были объяснить, что та обозналась.

— Объяснили. Но я не поверила.

— Это твои проблемы, — отрывисто произносит она, наконец.

В ее глазах клубится злая сила, и сейчас, когда она на меня смотрит, я понимаю, что для нее это был просто неудачный вечер. Один из многих. Она не сожалеет о том, что произошло, она сожалеет только о том, что я жива.

А те парни, которым не повезло заинтересоваться мной и Алеттой, и совершенно безымянная девчонка — нет.

— И твои тоже, — говорю я, но дожидаться ответа не собираюсь. Меня колотит так, что пальцы сжимаются в кулаки.

Чтобы как-то их расслабить, я потягиваюсь на ходу.

В раздевалке я смотрю на шкафчик Алетты, и у меня больше не остается сомнений, как поступить.

Мы с Вартасом уже начали тренировки на выходных, следующая у нас — завтра. Пока отрабатываем простейшие приемы самозащиты, чуть позже перейдем к более сложным боевым техникам. В этом он — просто кладезь полезной информации. Его старший брат был чемпионом по вар-до, древней боевой технике, и кое-чему полезному младшего научил. А он научит меня.

Все, что мне сейчас нужно — это спрятать Митри и Тай. Спрятать на время, пока Ромина не окажется за решеткой, а ее папаша не будет смещен с должности. Сейчас это кажется мне далеким, чуть ли не более далеким, чем подвиги Лидха Картерна, но когда он начинал борьбу, вряд ли цель казалась ему близкой. Сестрам же действительно нужна защита. Настоящая защита, которая поможет мне не оглядываться на свои страхи и не вздрагивать каждую минуту, когда приходит сообщение на тапет.

Они — моя слабость.

А в битве с Роминой и ее отцом слабостей у меня быть не должно.

Глава 8

Совместная практика

Вирна Мэйс

К'ярд дожидался меня возле библиотеки. Стоял, прислонившись к стене и что-то набирал на тапете, заметив меня, легко оттолкнулся и шагнул ко мне. Раньше я не замечала, какая у него походка: опасная, как у хищника. Взгляд тоже — затягивающий и глубокий, как океан.

Ну и о чем я вообще думаю?

С океаном у нас точно не сложилось.

— Готова? — поинтересовался он, кивнув в сторону дверей.

— Смотря к чему.

— А на что ты рассчитываешь?

Так, все. Это лучше не начинать.

— Рассчитываю как можно скорее обсудить совместную работу, а потом ехать по делам, — сообщила я и, не дожидаясь ответа, прошла в библиотеку.

— Наш стол. — Он указал на свободный. — Я уже выгрузил список литературы, который нам предстоит изучить. Половину выносить из библиотеки нельзя, поэтому придется иногда зависать здесь.

Я пожала плечами и направилась к столу. Собственно, библиотека больше напоминала огромную аудиторию, заполненную рядами вмонтированных в мебель тапетов. Электронный доступ получали с помощью личной карточки, соответственно твоему курсу и специальности открывался перечень доступной литературы. Подозреваю, что у К'ярда доступ был пошире моего.

Пока мы шли по проходу, на нас все пялились. Камеры системы безопасности и все, кто «зависал» в библиотеке по тому или иному поводу. За неимением лишнего времени я сюда редко навещалась, заходила только в центральный зал, где мне выдали список и помогли закачать все необходимое себе на тапет, но сейчас поразились. Заполнена она была если не на сто процентов, то очень близко к тому. Казалось, что если свободные места и остались, то где-то очень далеко.

— Удивлена? — спросил К'ярд.

Похоже, пока я пялилась на всех, а все пялились на нас, он пялился на меня.

— Немного.

— Считала, что все вверху ходят сюда исключительно протирать штаны и юбки?

— Не все, — сказала я. — Избранные.

И уселась на стул, не дожидаясь особого распоряжения.

— Показывай, что ты нашел, — кивнула на тапет.

Поскольку на нас продолжали пялиться (я буквально почувствовала покалывающие спину, лицо и руки иголки взглядов), вскинула голову:

— Народ, я действительно здесь. Действительно с Лайтнером К'ярдом, но больше ничего интересного вы не увидите. Возвращайтесь к своим занятиям, всем спасибо за внимание.

Вернулись, кстати. По крайней мере, глазеть перестали, зато возникла другая проблема. Эта проблема предавалась безудержному веселью, прикрыв ладонью лицо. Выражаясь иными словами, К'ярд даже не пытался сдерживать смех, из-за чего трясся чуть ли не вместе со стулом.

— Как закончишь, говори. Займемся делом.

К'ярд поперхнулся и прокашлялся.

— Как скажешь, синеглазка.

Его плечи снова затряслись.

Откинувшись на спинку стула, я сложила руки на груди.

— В столовой дают что-то такое, о чем я не знаю?

Он покачал головой.

— Прости. Давай займемся делом, или как ты там сказала.

Планшет снимался с базы исключительно по карте, и Лайтнер провел своей по сканеру. После чего положил его на стол между нами:

— Значит, так. Список литературы у нас начинается с общедоступной «Затерянной в океане» и заканчивается вот этими архивами, которые нужно искать даже не в Кэйпдоре...

«Затерянная в океане» представляла собой краткую историю возникновения и исчезновения популяции океанских бабочек, а не фантастический роман о том, как из вод вышла дева морская и полюбила сухопутного правителя.

— Что ты вообще знаешь о раг'эне?

Задумавшись, выпала в реальность от голоса К'ярда.

— Знаю, что она существовала очень давно, и что обитала исключительно на глубине. Однажды раг'эны доверились обитателям суши и подошли к побережью, а те, воспользовавшись их доверчивостью, принялись их безжалостно уничтожать. Из их плавников делали наконечники стрел и оружие, мясо употребляли в пищу. После такой попытки «подружиться» раг'эны ушли в море и больше никогда не появлялись у побережья. Разве что в сезон штормов, потому что когда вода еще не была под запретом, никто в здравом уме не рискнул бы сунуться на берет во время шторма.

Я замолчала, потому что К'ярд пристально смотрел на меня.

— Не так уж мало ты знаешь.

— Считал, что все люди здесь оказались исключительно благодаря «Калейдоскопу»? — вернула ему его же шпильку.

— Только избранные, — хмыкнул он.

Надо же! Какая хорошая у него память.

— Знаешь про них что-то еще? — поинтересовался К'ярд.

— Раг'эны не приходят поодиночке. Долгие годы считалось, что их появление — предзнаменование несчастья, отчасти так оно и было, потому что шторма очень часто оставляли после себя страшные разрушения.

Он кивнул.

— Приходят. Если ранены.

Теперь уже брови вскинула я.

— Раненая раг'эна ухлит как можно дальше от стаи, — пояснил К'ярд, — чтобы не привлечь своей кровью к семье глубоководных хищников. И чаще всего погибает. У побережья.

— А если...

— А если выживает, то потом погибает так или иначе. Потому что раг'эны долго не задерживаются на одном месте, и найти свою семью она больше не может.

— Жестоко, — сказала я.

— Жестоко, — подтвердил К'ярд и подтянул тапет поближе. — Смотри, предлагаю начать с истории возникновения вида. Бот тут есть список литературы, в котором, если закопаться поглубже, можно найти много всего интересного.

Я подалась вперед, и тут же об этом пожалела. Потому что смотреть мне надо было на дисплей тапета, в крайнем случае — по сторонам, но никак не на профиль К'ярда, который продолжал говорить, и уж совершенно точно не на его губы. Такие же резкие, как и он весь.

Едхова жесь!

Уже не помню, где я подцепила это ругательство, но именно оно всплыло у меня в голове в тот самый момент, когда я поняла, куда пляжусь. После чего мои щеки стали бывшего цвета моих волос, который пытался пробиться корешками из-под устроенной на моей голове голубизны.

Усилием воли столкнув себя в список литературы и мысленно отвесив якорем под зад, я вспомнила, что со стороны К'ярда помимо аромата туалетной воды идет еще и звук. То есть по-хорошему, мне надо было слушать все, что он говорил.

Но это по-хорошему, да.

— В общем, ты берешь первую часть, я вторую, потом сводим это в одно и идем к тому зануде. Пусть скажет свой веский «бульк».

К'ярд оторвался от дисплея и посмотрел на меня, я же чувствовала себя примерно как рыбка-мигги перед хищной пастью. В смысле, взгляд у меня был такой же осмысленный, хотя жрать меня сейчас никто не собирался.

— Что? — нахмурившись, переспросил вверху. — Хочешь вторую часть?

— Нет, — я покачала головой.

— Тогда...

— Я прослушала.

— Что?

— Я все прослушала.

Признаться сейчас будет гораздо проще, это я поняла. По крайней мере, это свернет мои мысли в нужное направление, и я перестану вести себя как маруна.

— О сестре думаешь? — неожиданно спросил он.

Что?

Если честно, я не думала, что он запомнил, но подсказка вышла хорошая. Напоминание, кстати тоже.

— Да.

— Если хочешь, я могу помочь.

— Что? — теперь я спросила это вслух.

— Могу помочь с поисками.

— Нет!

Я выпалила это так поспешно, что у меня сорвалось дыхание, а к щекам снова прилила кровь. Правда, на сей раз по другой причине. Предложи он мне это до того, что сказал Вартас, особенно так, я бы точно согласилась. Но не теперь, когда Лэйс грозит опасность, если кто-то узнает о том, чем она занималась. В том, что К'ярд узнает все очень быстро, я не сомневалась: с его-то связями. Поэтому лучше, чтобы он вовсе о ней забыл. Почему он о ней не забыл?

— Как знаешь. — Его голос снова стал холоднее, равно как и взгляд.

В том, что вверху умеют смотреть на тебя как сквозь льдину, я уже убедилась, и сейчас убедилась в этом снова.

— Вот это, — он выделил список литературы, скользнув пальцами по галету, — твое. Изучаешь, читаешь, делаешь записи. Как будешь готова, маякнешь. Договоримся и вместе пойдем к О'лэю.

Не дожидаясь ответа, К'ярд поднялся, подхватил тапет и сумку, и вышел из библиотеки, даже не оглянувшись. Я подключилась к библиотечной сети, позволяя части книг «просочиться» на тапет, параллельно открывая те, которые выносить было нельзя. Стараясь не тянуться взглядом за закрывшуюся дверь и уж тем более не тянуться мыслями за тем, кто за нее вышел.

Что это сейчас только что было?

Перехватила взгляд светловолосой вверху, сидевший за соседним столиком, и снова уткнулась в книгу. Скоро надо будет собираться на работу, а пока еще немного времени у меня есть: того, которое нужно потратить на учебу, а не на мысли непонятно о ком. То есть непонятно о чем. То

есть...

Я покосилась на стул, который выехал в проход после того, как К'ярд резко поднялся. Мысленно снова от души выругалась, за каким-то едхом залезла в чат и открыла нашу переписку. Вся история нашего общения сохраняется на облачных серверах, поэтому сколько бы раз я ни меняла технику, она так и будет отзываться последним сообщением: «Что значит — занята?! Ты ничего не забыла, синеглазка?»

Я совершенно точно могла написать в тот вечер: «У меня не получается прийти, потому что мне неожиданно назначили важное собеседование», или «Я не смогу, потому что сейчас устраиваюсь на работу, которая поможет мне прокормить сестер». Вместо этого я предпочла промолчать.

Глубоко вздыхаю и пишу: «я не могу принять твою помощь, не сейчас».

Да, ничего более идиотского не придумаешь, но я действительно испугалась. Действительно испугалась, что он начнет искать и что-то найдет.

Зачем это ему?

Зачем ему искать Лэйс?

Стираю и пишу снова: «я не хотела тебя обидеть».

Да, это еще более идиотское заявление, чем предыдущее. Мне хочется побиться головой о стол или о тапет, вместо этого я смотрю на мигающие за курсором строчки. Когда я уже почти готова сдаться, пальцы сами собой выбивают: «спасибо, что предложил помочь».

Я нажимаю «отправить» раньше, чем успеваю себя остановить, после чего снова возвращаюсь к библиотечному тапету. Кажется, даже успеваю найти что-то нужное до того, как мне приходит ответ:

«На здоровье, синеглазка».

Он всегда пишет очень грамотно, не пропускает заглавные и ставит точки. Может, и опечатки исправляет, или же просто их не делает. Как бы там ни было, снова возвращаясь к раг'азне, я улыбаюсь.

Глава 9

Бессильный

Лайтнер К'ярд

Неделя еще только началась, а я успел расстаться с девушкой, поссориться с лучшим другом и понять, что сила отца отказывается меня слушаться. Неутешительные выводы.

Исключение составляет разве что синеглазка, но с ней мы никогда и не дружили. Мэйс меня бесила, я ее — тоже. Нас связывала одна общая работа по подводной зоологии и раг'аэна. Хотя в том, что Вирна видела и запомнила Эн, я уверен не был.

Почему? Да едх знает, почему.

Возможно, потому что Вирна ничего не спросила, когда я рассказал ей про ранения океанских бабочек. И еще раньше, когда я отвозил ее домой. Любой бы на ее месте впал в транс (даже я надолго залип, когда впервые встретил Эн), а потом забросал бы вопросами. Но Мэйс молчала, будто старалась забыть тот страшный день, и в этом я ее понимал. Хотя если она и видела раг'аэну, то наверняка решила, что это галлюцинации. Если Ромина права, Вирне еще и дрянь какую-то вкололи.

Не знаю, что я больше испытывал от осознания факта, что об Эн по-прежнему знаю только я: облегчение или досаду. Просто потому что хотелось поделиться этим хоть с кем-то. Нет, не с кем-то — с Вирной. Мне казалось, синеглазка его не сдаст.

И я какого-то едха решил, что для начала мы сможем просто начать нормально общаться. Тогда я вспомнил о своем обещании Кьяне и самому себе. Но как только предложил Мэйс свою помощь, она снова меня выбесила.

Из библиотеки я выходил с мыслью, что совместная работа может превратиться в пытку. Отчасти от того, что синеглазка умеет быть невыносимой, отчасти от того, что когда она сидела так близко, у меня ускорялся пульс, словно от рывка под воду. Сегодня я мог рассмотреть ее получше, и новый образ ей удивительно шел: с голубыми волосами кожа казалась еще светлее, а губы — хотя она совсем не пользовалась косметикой — ярче. И мне невыносимо хотелось их коснуться.

Задумчивая Мэйс выглядела такой незащитной и нежной, что я забывал, что от одного прикосновения к ней можно пораниться как о вытасченный из воды коралл. До крови. Сегодня, когда она в очередной раз меня оттолкнула, мне в очередной раз захотелось поинтересоваться, что с ней не так.

Поэтому и ушел. Куда подальше.

С мыслью, что хотя бы здесь все привычно, а не наперекосяк. Пусть даже я зол как самый глубоководный едх! В основном, правда, на себя, потому что никто меня за язык не тянул, к тому же, меня с моей помощью и раньше посылали далеко-далеко. И вообще надо Мэйс сказать спасибо за «спасибо», которое она мне сказала после ее спасения...

Сообщение на тапет пришло неожиданно.

Сначала вообще подумал, что ошибся чатом. Ну или у синеглазки украли тапет, и кто-то таким образом развлекается. Не может Вирна Мэйс за этот месяц говорить столько слов благодарности!

Только тут вспомнил слова Кьяны о том, что синеглазке приходится постоянно со всеми сражаться. Отстаивать свое право на учебу в Кэйпдоре, на жизнь в Ландорхорне. На жизнь, в принципе. Сцена в библиотеке — лучшее тому подтверждение. Другая либо попыталась бы показать, что мы вместе, либо слилась бы со стулом. Но не Мэйс!

Как она уела глазеющих на нас.

Волна, а не девчонка!

— Что, или кто — причина улыбки моего мальчика?

Я так увлекся мыслями о синеглазке, что даже не сразу заметил мать, спускающуюся по лестнице. Лифт она всегда игнорировала, заявляя, что количество пройденных за день ступеней лучше всего бережет фигуру и здоровье.

— Привет, мам. — Подхожу ближе и целую в светлую, словно внутренняя часть раковин, щеку. И

такую же хрупкую. Мама вся хрупкая. Даже удивительно, как она стала женой Диггхарда К'ярда. Видимо, для мирового баланса. — Учеба, конечно же. Каждый день только и делает, что радуется.

— Что? — смеется мама. — Ты в детстве не любил школу, я не поверю, что вдруг полюбил академию. Разве что дело вовсе не в Кэйпдоре.

Она мне подмигивает.

— Дело в девушке? Ромина?

— Нет.

Едх меня забирай, нет!

— Нет, это не Д'ерри.

На лице матери расцветает улыбка.

— Значит, все-таки девушка, — заявляет она. — Но ладно. Буду ждать, когда ты нам ее представишь.

Представить Мэйс родителям? Совсем не уверен, что хочу ее им представлять. Точнее, уверен, что не хочу. Когда-то это казалось мне забавным — позлить таким образом отца. Но тот я, видимо, сгинул в океане.

Потому что нынешний я не собирался подставлять девчонку, которая и так одна против толпы.

Против студентов Кэйпдора. Против учителей, которые считают людей обузой. Против таких как Д'ерри, с которой мы пока не закончили. Она решила прикрыть собой Родреса, а тот и рад прикрыться. Без Родди доказать ее вину несколько сложнее, но едха с два они оба останутся безнаказанными. Какой бы популярной Ромина не была среди своих подпевал, большинство студентов Кэйпдора сделают все, чтобы угодить, читай подмазаться к наследнику правителя Ландорхорна. Пусть отец не спешит помогать, мне поможет мое имя.

Так что Вирна больше не одна. Она со мной.

— Мам, ты не знаешь, где сейчас отец?

То, что его нет дома — понятно и так. Она не выходит из дома, когда может ему понадобиться.

Ее улыбка блекнет. Мама по-прежнему улыбается, но уже не так искренне, как мгновение назад.

— Кажется, у него какая-то важная встреча, — она пожимает плечами. — Но к ужину должен вернуться.

— Хорошо. Спасибо большое.

— Люблю тебя, мой мальчик.

— Я не мальчик!

— Для меня ты всегда мальчик.

Мама снова смеется, целует меня в щеку и убегает по своим делам.

А я поднимаюсь в свою комнату, переступаю порог и последнее, что помню перед глазами — дизайнерский узор на полу.

Когда я прихожу в себя, узор на том же месте — подо мной. Разве что он то приближается, то отдаляется, то темнеет так, что рассмотреть его становится невозможно. В ушах шумит, а в горле скребет, будто я не пил месяца два, либо наоборот, сильно перебрал с выпивкой. Голова раскалывается, словно меня приложили чем-то тяжелым. Ко всему прочему, я не чувствую в себе капли силы: ни силы вверху, ни простой физической, когда не можешь пошевелить рукой или ногой. Я долго соскребаю себя с пола, прежде чем поползти до кровати и привалиться к ней спиной.

Думал, что хоть на третий день станет легче, но нет, кажется, сегодня откат еще сильнее.

Когда я соглашался на вливание силы, то точно думал не головой!

В итоге я изображаю припадочную девицу дважды в день. Утром, когда принимаю чужую силу вместо витаминных коктейлей, и вечером, когда она так или иначе покидает мое тело. Вчера, после стычки с Харом пришлось прогулять два факультатива, чтобы себя не выдать. Потому что контролировать это сложно. Если собственная сила отзывалась на любой мой зов, отцовская

заставляла быть начеку и сражаться с собой каждую минуту.

Я подергал кистью, сжимая-разжимая пальцы, покрутил шеей, разминая мышцы. Силы понемногу возвращались: конечно, глыбу я не сдвину и воду не остановлю, но сейчас хотя бы уже способен держаться на ногах.

И принять душ.

Стягиваю кэйпдорскую форму, швыряю ее на стул и плетусь в ванную. Вола забирает усталость, смывает ее. Считается, что верхи не любят воду, мы же дети земли и огня, но, видимо, я родился неправильным вьерхом, потому что жить без воды не могу.

Точнее, без океана.

И подобное ждет меня еще несколько месяцев? Хидрец!

Но отказаться от этого сейчас нельзя. Не из-за отца, а из-за Вирны.

Пока не разберусь с Д'ерри, никто в Кэйпдоре не должен узнать, что я остался без сил вьерха.

Теперь даже Хар.

От мысли о друге внутри снова царапает злостью. Хочется ему выедхиваться, пусть! Мне плевать. Остынет, сам предложит мир, а пока у меня самого достаточно проблем. При всем при этом никто не отменял учебу. Доклад по политологии сам себя не напишет.

Последним я как раз и занялся вплоть до ужина. Тем более что после него мне предстоит разговор с отцом, а потом я собирался сгонять в «Бабочку» и поговорить с управляющим насчет возвращения Мэйс на работу. Не хочет, чтобы я помогал в поисках сестры? Хорошо, но исправить то, что испортил сам, я просто обязан.

После выходных нам с отцом так и не удалось нормально поговорить. Утром разговоров не получалось по той причине, что вливание силы требовало концентрации обеих сторон: меня выматывала боль, ощущение было такое, будто под кожу вливали раскаленную магму, отца все это напрягало. Пусть он мне в этом не признавался, на его лице отражалось раздражение, проступающее сквозь привычную маску Диггхарда К'ярда. Я привыкал к чужой силе и вечером просто валился с ног, но Ромина по-прежнему посещала Кэйпдор, поэтому сегодня я собирался его дождаться. Впрочем, долго ждать не пришлось.

Отец приехал сразу после ужина и сам пригласил меня к себе в кабинет.

Он указывает на кресло напротив себя и спрашивает:

— Как успехи с контролем силы, Лайтнер?

— Сегодня я продержался на час дольше.

— Значит, никак, — припечатывает отец.

Для него всегда так: либо идеально, либо плохо. Но меня давно не волнуют его замечания, чтобы я не делал, он все равно останется разочарован, так стоит ли стараться?

— У меня не всегда будет возможность пополнить твой ресурс, — говорит он. — Так что не забывай тренироваться. Я рассчитываю, что к следующей неделе ты сможешь показать лучший результат. Думаю, ты сам в этом заинтересован.

— Ты даже не представляешь, насколько сильно, — отвечаю, складывая руки на груди.

Отец хмурится, но так как намек, что я не слишком хочу его видеть, очень завуалирован, то и сказать по этому поводу ему нечего.

— Ты только за этим меня позвал? — интересуюсь я.

Если отец рассчитывал на то, что я смогу удерживать силу дольше суток, то я рассчитывал получить ответы на свой вопрос о судьбе Д'ерри.

— Нет. — Отец соединяет пальцы и пронизывает меня взглядом. — Я хотел бы поговорить о тебе.

— Обо мне? — я приподнимаю брови.

— Ты расстался с Кьяной М'эль. Перестал общаться с друзьями, смотришь на них, как на мусор,

хотя это достойные парни и девушки. Зато общаешься с девчонкой из трущоб.

— Разве имя К'ярдов не позволяет мне общаться, с кем хочется?

— Не дерзи, мальчишка! — В голосе отца землетрясение в шесть баллов. Пока что в шесть. — Ты еще не дорос до того, чтобы приписывать себе заслуги нашего рода. Я хочу услышать, что ты скажешь по этому поводу.

Скажу, что это полный хидрец. Как давно за мной шпионят, докладывая отцу о каждом моем шаге? Даже про Кьяну узнали, хотя очень сомневаюсь, что она дала интервью кэмпдорскому новостному portalу о том, как чувствует себя девушка, бросившая Лайтнера К'ярда. Что касается достойных... Попытки подлизаться ко мне со стороны последних (сообщив, что Ромина — отстой) на фоне нашей с ней «размолвки» вызывали у меня исключительно рвотные позывы. Я едва сдерживаюсь, чтобы не сжать кулаки, потому что показать, что я в бешенстве (а я в бешенстве), не самый умный ход!

— Что Надар хорошо выполняет свою работу.

— Да, он ни разу меня не разочаровывал, поэтому я его держу рядом с собой, — отец скупно улыбается. — Но не переводи тему. Почему тебя снова видели в обществе этой Мэйс?

Он выплевывает фамилию Вирны так, будто и фамилия, и сама девушка ядовиты.

— Потому что у нас с ней общая работа по подводной зоологии. Об этом я тебе говорил сам, а Шадар забыл напомнить?

Ноздри отца яростно подрагивают, но он берет в себя в руки, и даже голос его звучит спокойно:

— Я советую тебе отказаться от совместной работы с Мэйс.

Желание Диггхарда К'ярда — закон. Его «советую» означает приказ, который нужно обязательно исполнить. Но для меня это как удар волной в морду. Потому что мое «хочу» идет вразрез с его.

Потому что мне нужна Вирна.

И я не собираюсь от нее отказываться.

Но если сейчас упрусь, то только привлеку еще большее внимание к ней.

— Я решу эту проблему, — говорю. — А что насчет моей?

— Проблемы?

— С Роминой Д'ерри, — напоминаю я, — и ее отцом.

На этот раз отец смотрит на меня, и от силы этого взгляда нехило потряхивает. А еще от осознания, что у меня теперь нет никакой защиты. Я будто человек. Люди чувствуют себя так же? Паршиво.

— Только не говори, что забыл об этом.

— Нет, Лайтнер, я не забыл. Скорее раздумывал.

И что надумал?

Хотелось так спросить, но не стану.

— И?

— Это не твоя проблема.

— Нет?

— Нет. Я считаю, что тебе еще слишком рано лезть в большую политику. Ты не видишь всей глубины.

Глубины?!

Теперь я сжимаю кулаки и рывком поднимаюсь из кресла. На меня накатывает волна ярости вперемежку с неверием. Да, какая-то часть меня все еще надеется, что я ослышался.

— Проще говоря, судья Д'ерри полезен, поэтому ты его не тронешь? — рычу я. — Ты собираешься покрывать убийцу? То есть не считая того, что Ромина сделала с Вирной, она будет и Дальше спокойно травить студентов-калейдоскопников, потому что родилась в «полезной» семейке?

— У тебя нет доказательств.

— Тебе они и не нужны!

По кабинету прокатывается волна силы и отбрасывает обратно в кресло, напоминая о том, что сам я бессильный.

— Не лезь в это дело! — почти кричит отец. — Это мой приказ.

— Я не собираюсь слушаться приказов того, кому плевать на справедливость.

Глаза отца светятся силой вверху и яростью.

— Предоставь мне думать о справедливости и законах Ландорхорна, — говорит он, — а сам сосредоточься на учебе. На хороших отношениях с достойными тебя, и на том, чтобы освоить контроль, чтобы не расходовать такой объем силы.

Не лезь.

Я сжимаю и разжимаю пальцы.

Не могу поверить, что отцу плевать на то, что у Д'ерри своя игра! Точнее, не так. У него собственные игры.

Хилрец!

— Хорошо, — говорю, хотя мой голос слегка подрагивает от ярости, что кипит внутри. Нужно успокоиться. Ради себя. Ради Вирны. Иначе меня посадят под замок или приставят сопровождение, от которого не получится отвязаться. Поэтому сейчас я делаю глубокий вдох и добавляю: — Я тебя услышал.

Отец щурится, но кивает.

Мне придется делать все самому и придумать, как избавиться от хвоста, который за мной плавает. Уйти на глубину. Особенно после сегодняшней вспышки.

Едх, в «Бабочку» сегодня тоже не получится попасть!

Может, завтра?

Отец будто читает мои мысли, потому что интересуется:

— Тебе нужно пополнить запас силы?

— Нет, — качаю головой. — Я не собираюсь сегодня вечером выходить из дома. У меня работа по политологии еще не сделана.

— Тогда жду тебя утром.

Я соскребаю себя с кресла и направляюсь к выходу.

Дохожу до лестницы и шарахаю по доспеху, попавшемуся на пути.

Сегодня поход в «Бабочку» точно отпадает. Это привлечет лишнее внимание, особенно к тому, что я собираюсь сделать. А вот завтра... Завтра я верну Вирне ее работу.

А еще решу проблему с едховым контролем! Мне нужно, просто необходимо удерживать силу весь день, не обращаясь к отцу. И я это сделаю.

Глава 10

Ночная смена

Вирна Мэйс

У меня чувство, что все повторяется, причем дважды: я в кабинете Дженны, сижу на том самом стуле, где проходило мое собеседование, Дженна затягивается и выпускает тонкий ароматный дым. А у стены стоит Н'эргес и допрашивает меня.

— Вы сегодня были в участке политари, нисса Мэйс.

Честно говоря, меня начинает раздражать это превосходство в его голосе, поэтому я отвечаю:

— Да. Вы следите за мной от самого дома, или когда я пересаживаюсь на гусеницу, потому что на Пятнадцатом слишком воняет?

Дженна прячет улыбку в уголок губ, но молчит. Ее молчание меня раздражает чуть ли не больше постоянного прессинга начальника службы безопасности. В конце концов, я не преступница, и пришла сюда по своей воле.

— О чем вы говорили?

— Не поверите. О покушении на меня некой Ромины Д'ерри, — отвечаю я.

Дженна перестает улыбаться, Н'эргес отталкивается от стены и подходит ближе. Раньше я даже представить себе не могла, что такая громадина может так бесшумно передвигаться, как зверь перед прыжком. Думаю об этом и снова вспоминаю К'ярда: текучие, плавные движения. Короткий глубокий взгляд и резкий профиль.

Да чтоб его!

— На вас было совершено покушение? — В'ерх пристально вглядывается в мое лицо.

— Ага. Вы не знали? — качаю головой. — Ай-яй-яй, такое упущение.

— Нисса Мэйс.

— Н'эстр Н'эргес, — я чуть полаюсь вперед, — вы уже расспросили меня по десять раз обо всем, о чем только можно. Если у вас есть какой-то серьезный вопрос, который вы стесняетесь задать, сделайте это прямо сейчас. Потому что я жутко устала после работы, мне надо учить задания, чтобы меня не выперли из Академии...

А параллельно еще придумать, как спрятать сестер.

— А я трачу свое время на вас.

— Вы тратите свое время? — акцент он делает на слове «вы», но Дженна останавливает его взмахом руки.

— Ригман, достаточно. Почему ты сразу не рассказала о том, что случилось, Вирна?

— Потому что он не спрашивал, — пожимаю плечами.

— Когда это произошло? И что?

Мне приходится кратко обрисовать ситуацию, и все это время безопасник сканирует мое лицо так, словно надеется там уловить малейший зачаток лжи. Зря надеется: скрывать мне нечего, а что касается «лжесвидетельства», не уверена, что из этого кабинета что-то выйдет к политари. Хотя бы потому, что я все еще думаю... нет, я уверена, что Дженна что-то знает о ныряльщиках. И Н'эргес тоже.

За все время, что я говорю, Дженна меняется в лице несколько раз, в'ерха заклинило. Поспорить могу, его давно и прочно заклинило, это выражение лица он носит, когда засыпает, когда просыпается, когда чистит зубы или сидит на толчке. Впрочем, с толчком могут быть варианты.

— Лайтнер К'ярд. Какие у вас отношения? — Дженна глубоко затягивается.

— Я уже все сказала по этому поводу.

— Не все, — она смотрит на меня, наклонив голову. — Ты не сказала, что этот парень защищал тебя в участке политари.

— Это не имеет ни малейшего отношения...

— Имеет, — перебивает Дженна. — С той самой минуты, как ты опрокинула на него поднос. Ты, девушка, проработавшая официанткой не в самом приятном заведении Ландорхорна, желающая получить это место, подставилась, потому что ничего к нему не испытываешь?

— Какое вам до этого дело?

— Самое прямое. Я хочу быть уверена, что если этот парень снова окажется в моем клубе, ты больше не станешь швыряться в него подносами.

— Не стану.

— Предлагаешь мне поверить тебе на слово?

— Можете запихнуть меня в камеру, которая вытащит из моей головы всю правду.

Судя по выражению лица, Дженна мою шутку не оценила. В общем-то, ее можно понять, эти камеры применяют спецслужбы для допросов особо опасных преступников. После применения такого «пробуждения» воспоминаний в лучшем случае человек будет всю жизнь заикаться. В худшем — пускать слюни на перекошенное левое плечо.

— Ты знаешь, кто его отец, Вирна?

— Да.

— И ты можешь мне пообещать, что не создашь проблем?

Мне хочется спросить прямо — о чем она? Вместо этого я киваю.

— Обещаю.

Дженна меня изучает.

— О том, что случилось, не знает никто, кроме вас с К'ярдом.

И управляющего, и ведущего, но я об этом не говорю.

— Мне бы хотелось, чтобы это так и осталось. Ты понимаешь, о чем я?

— Я точно никому не скажу.

— А он?

Вспоминаю его взгляд.

— Не думаю.

— Не думаешь?

Молчу. Нет, я действительно так не думаю, еще на прошлой неделе я считала его куском дерьма, которому нечего делать по жизни и он развлекается за счет других, но сейчас... Чтобы я еще знала, что именно скрывается под этим «сейчас».

— Как хорошо ты его знаешь, Вирна?

Мне кажется, или меня снова пытаются раскрутить на инфу о том, насколько мы близки?

— Погано, — говорю я. — Минусовой уровень знаний, за такие оценки выгоняют из Академии. Но он вряд ли станет трепаться о том, что его окатила напитками и закусками какая-то официантка.

Кажется, Дженну этот ответ устраивает.

— Испытательный срок — неделя, — говорит она, — приступаешь сейчас.

Почему-то у меня даже нет сил удивиться, а те, что находятся, идут на другое. Мне сегодня предстоит целая смена в «Бабочке». Смена, после которой мне нужно ехать в «Кэйпдор», и не просто сидеть на занятиях, а что-то еще и впитывать.

— Мне понадобится форма, — говорю я, поднимаясь.

— Твоя форма готова, — отвечает Дженна.

Глаза ее сужаются, как у домашней феери (пушистой зверюги с острыми когтями, молниеносной и быстрой), которую себе могут позволить только очень богатые люди. Или вьерхи.

Она смотрит на меня так, словно видит насквозь, или хочет это показать. Я не вижу насквозь, но я чувствую, что права. И что стала на шаг ближе к поиску Лэйс.

Поднимаюсь и подхватываю рюкзак.

— Пойду переодеваться, — поясняю под перекрестными взглядами вьерха и управляющей. — А то макияж не успеют сделать.

Макияж сделать успели, а когда я надела форму (ничем не напоминающую роскошное платье, в котором была на юбилее), превратилась в самую обычную официантку. Хотя вру, обычной меня вряд ли можно было назвать: стрелки сделали меня лет на пять старше, особенно в сочетании с тушью и помадой. Тимри, которой делали макияж через пару кресел от меня, то и дело косилась в мою сторону.

— Не хочешь волосы постричь? — поинтересовалась невысокая кареглазая девушка, которая делала мне укладку.

Честь ей и хвала, потому что с такой копной управиться достаточно сложно. Я справлялась потому что привыкла, но мое «я справлялась» было далеко от того, что сделала она. Уложенные крупными локонами волосы, на затылке собранные в тяжелый пучок (хотя я бы сказала в тяжелый тючок), тянули голову назад.

— Хочу, — честно призналась я. — Заработаю и постригусь.

Тимри прыснула.

— Я сказала что-то смешное?

— Нет, просто ты разговариваешь по-человечески. Твоя сестра была той еще засранкой.

— Может Лэйси и засранка, — хмыкнула я, — но она моя сестра. Не стоит об этом забывать. Помимо прочего, я была бы очень тебе благодарна, если бы ты говорила о ней в настоящем времени.

Тимри мигом перестала ухмыляться.

— Я не хотела тебя обидеть.

— Да ты что?

— Нет, правда. С ней невозможно было разговаривать, но это не значит, что... слушай, у меня как-то сложно получается с объяснениями. Давай я лучше тебе все расскажу по залу.

По залу мне многое уже рассказывали, но это касалось юбилея. В том, что касается работы официантки, главное не расположение столиков, не знание блюд и даже не этикет, как может показаться на первый взгляд. Главное — знание клиентов, которого у меня по вполне понятной причине не было. Не к каждому можно подойти с улыбкой, скажем так, не к каждому стоит подходить с улыбкой. Дженна была права: проработав в забегаловке Доггинса, я получила кое-какой, не всегда приятный опыт. Поэтому поступок в отношении К'ярда сейчас мне самой казался идиотским.

Нет, ну чего мне стоило промолчать, а?

И с какой радости я снова о нем думаю?

Мы вышли в зал за пять минут до открытия, и Тимри глянула в мой тапет.

— У тебя пятый, шестнадцатый, двадцатый... — Она окинула взглядом мои столики. Учитывая, что сам зал был выполнен в форме крыльев бабочки, расположение в секторах тоже было весьма специфическим, приходилось внимательно следить за тем, что мне показывает рыжая и запоминать.

Сразу после открытия в зал хлынул народ (я даже не представляла, что в будни может быть настолько заполненный зал и такая загруженность). Заполнялся, он, разумеется, постепенно, но мне хватало. Я носилась между столиками на высоких каблуках с такой скоростью, которой сама от

себя не ожидала. Уроки Дженны не прошли даром, а помощь Тимри пришлась очень кстати.

— Это Брайкинс за пятым. У него аллергия на айраки, так что не вздумай предложить ему салат брефто.

— Это Лоустрен, у него слегка подвижка на бюстах. Будет пялиться — не обращай внимания.

— За твоим дальним парочка, не вздумай улыбнуться. Эта девица с приветом, решит, что ты соблазняешь ее толстопузого, и закатит скандал.

В общем, такие мелочи узнаются постепенно, за время работы, но в целом подсказки Тимри здорово облегчали мне жизнь. Особенно после ситуации в ВИП-ке, которая мне теперь ночами будет сниться. Кстати, о ВИП-ках: я заметила, что часть девушек обслуживает только ВИП-зону, спускаясь вниз исключительно для того, чтобы забрать заказы.

— Как вообще туда попадают? Вне юбилея? — спросила я, когда мы с Тимри в очередной раз столкнулись у стойки, собирая заказы.

— Мы не особо горим желанием туда попасть, — хмыкнула рыжая, ловко расставляя коктейли и подхватывая подносы. — По понятной причине. Но есть такая радость, как дежурство.

— Дежурство?

— Да, в зависимости от того, сколько кабинок в ВИП-зонах заполнено, на вечер Дженна назначает дежурных. Постоянные могут заказать кого-то конкретного.

На этом мы с ней разошлись, а встретились уже только в конце смены, когда зал опустел. Танцевальное шоу собирало реквизит со сцены, а я, чувствуя, что ноги меня держат весьма сомнительно, проводила последних клиентов и проковыляла в раздевалку.

— Макияж не забудь смыть, — напомнила мне одна из девчонок, светловолосая и улыбчивая.

— Спасибо.

Если честно, я совсем забыла о том, что выходить за пределы «Бабочки» в макияже запрещается. Переодевшись и с наслаждением (даже не представляла, какое это наслаждение!) стянув туфли на шпильках, я переобулась и направилась в туалетную комнату. Почти сутки без сна сделали свое дело, и сейчас я казалась себе маруной на ножках. Шум в ушах напоминал шум прибоя, а мысли отказывались складываться во что-то более-менее серьезное.

Пришлось смывать макияж ледяной водой (да-да, здесь была теплая, а можно было даже сделать горячую!), после чего я все-таки проснулась. Относительно.

Посмотрела на себя в зеркало и ужаснулась.

— О, ты еще здесь. — Тимри влетела в туалетную и поставила флакон на раковину. — Надровы лапки! Ты себя в зеркало видела?

Видела. В этом-то и проблема: краска со щек, маской лежавшая на лице, отказывалась смываться. Крылья бабочки размазались, и если сейчас распустить волосы, от меня даже линария с воплями убежит.

— Держи, — рыжая сунула мне в руки флакон. — Умывалка, марку запоминай. Не из дешевых, но смывает отлично.

Смывало и правда отлично, даже холодной водой.

— Спасибо, — сказала я, промокая лицо салфетками и бросая их в мусорную корзину.

— Да не за что. По поводу Лэйс... — Тимри напоследок плеснула себе в лицо водой и закрыла кран. — Я едхову хрень тогда сказала. По поводу счастья из-за того, что она исчезла. Прости.

Я кивнула.

— Почему вы с Лэйс были в контрах?

Тимри подхватила флакон:

— Я уже говорила. У твоей сестры был не самый легкий характер.

Рыжая быстро прошла мимо меня, дверь скользнула вперед-назад, гоняя потоки кондиционированного воздуха, я же глянула на себя в зеркало и развернулась. С потолка, не мигая,

на меня уставился зрачок камеры.

Мотнув головой, я вышла в коридор и направилась в раздевалку, чтобы забрать вещи.

Глава 11

Откровенно о главном

Лайтнер К'ярд

Сегодня, отправляясь на Четвертый круг, я, по-прежнему, ощущал в себе силу вверху. В глазах не двоилось, в ушах не звенело, а отражение в зеркале заднего вида показывало ромбовидный зрачок.

Размышляя на тему отцовской слежки, я решил ехать в клуб в открытую. Во-первых, у меня есть членство. Во-вторых, Вирна там больше не работает.

Я беру куртку и выхожу из эйрлата, который оставляю на парковке «Бабочки». Клуб сияет неонами, он, в общем-то, один из лучших, где мне довелось побывать, стильный и в меру пафосный.

Показываю охраннику карточку, врученную мне в прошлый раз, и прохожу. Пришлось оформить членство постоянного визитера «Бабочки», чтобы попасть в ложу и заполучить себе Вирну в официантки. Сегодня мне это не нужно, я собираюсь задержаться здесь ровно столько, чтобы Шадар ничего не заподозрил, и чтобы успеть поговорить с тем, кто здесь за главного.

Без лишних вопросов меня провожают в просторный кабинет, который чем-то напоминает одну из лож — отсюда весь зал как на ладони. В остальном, в отличие от самого клуба, он несколько безликий: стол, кресла, диван. На языке слегка горчит терпкий дым, от которого не помогает избавиться даже вытяжка. И здесь слишком душно после промозглой сырости ландрохорнской ночи.

Главным сегодня оказывается верх, которого я в прошлый раз не видел. Владелец, судя по всему, появляется тут только по большим праздникам.

— Ньестр К'ярд? — спрашивает он. — Чем обязан?

Он улыбается, но улыбка не касается его глаз. Взгляд цепкий, изучающий. Очевидно, думает, зачем меня принесло именно к нему. Учитывая, что в прошлый раз одна из официанток клуба вывалила на мою голову поднос с закусками. Ирония в том, что я здесь ради этой официантки.

— Я хочу поговорить с вами о Вирне Мэйс, ньестр...

— Н'эргес, — подсказывает верх.

— Да, ньестр Н'эргес. О той девушке, с которой у нас произошло недопонимание.

Обычно услышав мое имя, все всегда вспоминают отца, и начинают нервничать. Иногда это бесит до сжатых челюстей, иногда полезно. Но этого, кажется, даже не удивляет мое появление.

— О чем именно? — интересуется Н'эргес. — В прошлый раз вы утверждали, что у вас нет никаких замечаний к работе клуба...

— У меня по-прежнему их нет, — отвечаю я. — Вся вина за тот инцидент лежит полностью на мне.

Теперь верх подается вперед, всем своим видом сообщая, что слушает еще более внимательно.

— Да, — киваю я. — Именно поэтому я хочу, чтобы вы вернули ей работу.

Повисает пауза, за время которой мужчина не сводит с меня глаз, но по его лицу сложно сказать, удивлен он или наоборот раздумывает, как потактичнее меня выпроводить. Незнание раздражает, поэтому я первый нарушаю тишину:

— Это проблема?

— Нет, — заверяет он. — Вы уверены, что мы с вами говорим об одной и той же девушке?

Я хмурюсь.

— Вирна Мэйс.

— Да, Вирна Мэйс, — повторяет Н'эргес, а потом указывает в зал, где между столиков с гостями снуют официантки. — О ней?

Свет слегка приглушен, чтобы сделать акцент на сцене, но среди девушек трудно не заметить ярко-голубую шевелюру синеглазки.

— Что она здесь делает? — спрашиваю я скорее у себя, чем у вверху, но он отвечает.

— Работает.

— Разве вы ее не уволили?

Раздражение выплескивается вместе с вопросом. Значит, я тут стараюсь вернуть ей работу, а она уже ее вернула. Сама.

— Мы пересмотрели свое решение и дали ниссе Мэйс второй шанс. Вы хотите, чтобы мы ее уволили?

— Что? — Я слежу взглядом за Вирной, которая лавирует между столиками, удерживая на ладонях сразу два подноса, и поэтому до меня не сразу доходит вопрос Н'эргеса. — Конечно, нет! Я рад, что вы передумали.

Он снова жестко улыбается. Из-за этой незримой снисходительности хочется послать его к едху.

Вирна ускользает из поля видимости, и я интересуюсь:

— Я могу с ней увидеться?

— Зачем?

Так я тебе и ответил!

— Хочу извиниться за тот вечер.

А заодно кое-что спросить. И не завтра, когда придется разыскивать ее по всему Кэйпдору — сейчас.

Лицо Н'эргеса становится хищным, сквозь вежливость понятно, что моя идея ему не нравится.

— Персоналу запрещено отвлекаться на личные разговоры во время работы.

— Тогда я сниму ложу, и хочу видеть Мэйс своей официанткой, — заявляю я, складывая руки на груди.

— Вы помните о наших правилах, ньестр К'ярд?

Помню. Если Вирна швырнет в меня подносом — она снова лишится работы, а если я швырну подносом в Вирну, то лишусь членства «Бабочки».

— Мое желание как-то противоречит правилам клуба?

— Нет, — качает головой вверху. — Просто вы наш новый гость, и я хотел быть убедиться, что вы о них помните.

Я киваю и наконец-то избавляюсь от общества этого типа: меня провожают в одну из свободных лож. Не в ту, в которой мы с друзьями были в прошлый раз. Эта поменьше, но для одного-двух гостей в самый раз, и поближе к сцене, где танцовщицы в ярких костюмах показывают чудеса акробатики на шпильках. Меня словно на миг отбрасывает в тот вечер, когда мы пришли сюда с Харом и Кьяной, и с этой пискучей Джослин, которая оказалась очень даже ничего девчонкой.

Друзья.

Теперь у меня их нет.

Зато есть странные отношения с Мэйс.

Мои мысли прерывает не то вздох, не то тихое «ой» со стороны двери.

Оборачиваюсь, и успеваю заметить удивление в глазах Вирны. Но она быстро берет себя в руки и улыбается.

— Добрый вечер! Меня зовут Вирна и весь вечер я буду вашей официанткой. Что бы вам хотелось выпить или перекусить?

Сейчас Мэйс совсем не напоминает девчонку, которую я знаю. На ней нет диковинного наряда бабочки, как в прошлый раз, но форма официанток обтягивает ее стройную фигуру сильнее кэйпдорской и подчеркивает красивые ноги и грудь. В рамках приличий, но в горле немедленно пересыхает и действительно хочется выпить. Или посадить ее себя на колени и...

Вот только от стандартной и явно старательно заученной фразы меня окатывает новой волной раздражения.

— Я помню как тебя зовут, синеглазка, — хмурюсь я. — Почему ты не сказала мне, что тебя взяли обратно на работу?

— Извините, нам запрещено отвечать на личные вопросы. Хотите, я помогу вам выбрать закуски и напитки?

— Я здесь не из-за выпивки!

Взгляд Мэйс скользит по полу, стене, стеклянной перегородке, но не задерживается на мне даже на мгновение. Она рассматривает все, что угодно, а я рассматриваю ее. И пришедшая в голову догадка мне совсем не нравится.

— Здесь стоит прослушка?

Вообще-то в договоре для постоянных гостей написано, что в ложах установлены камеры, показывающие лишь картинку, не звук. И если это не так, то у меня есть много вопросов к «Бабочке» и к ньестру Н'эргесу в частности.

— Нет, — отвечает Вирна. — Она есть везде, кроме лож.

— Тогда какого едха ты не отвечаешь на мой вопрос?

Мэйс наконец-то смотрит на меня, и вместо улыбки в ее глазах на мгновение сверкают знакомые воинственные искорки. Которые, впрочем, очень быстро гаснут.

— Потому что вы посетитель «Бабочки», а я ваша официантка.

Вот заладила!

— Тогда принеси мне две банки «Лавы».

Это единственный напиток, который я могу пить, будучи за рогаткой. А еще в закрытую банку нельзя плюнуть.

— Это все?

— Да.

Мэйс вылетает из ложи, а я сажусь на диван, достаю тапет и нахожу свод правил «Бабочки». Мне скинули его, как только впервые переступил порог клуба. Страниц здесь не меньше, чем в правилах Кэйпдора для калейдоскопников, но я провожу пальцем по экрану, выделяя зеленым нужные пункты.

Думал, что Вирна будет ползти как черепаха-ерту по берегу, только чтобы подольше меня не видеть, но она возвращается достаточно быстро и ведет себя безукоризненно. Для официантки. Она наклоняется и расставляет банки с «Лавой» на низком столике, и со своего места я могу рассмотреть край ее нижнего белья.

Мэйс делает это не специально, я знаю, потому что выпрямляется она достаточно быстро. В ее жестах нет призыва, но в меня будто молния ударяет. Во всем теле вспыхивает огонь и становится очень жарко.

Я на миг отворачиваюсь, но помогает не очень. Перед глазами стоит кромка белья, подчеркивающая светлую кожу, и воздух в ложе мгновенно разогревается так, что мне действительно нужно что-нибудь выпить.

— Хотите что-нибудь еще?

— Нет, — отвечаю и указываю на банки с «Лавой»: — Присядь и выпей со мной.

— Я не могу...

— Можешь, — перебиваю ее я. — В правилах клуба сказано, что я могу угостить официантку безалкогольным напитком. В качестве комплимента.

Вирна замирает, а затем расправляет плечи и решительно тянется за банкой.

О нет! Еще раз подобного зрелища я не выдержу!

— Сначала присядь!

Получается слишком резко, и девушка едва не отшатывается в сторону, но потом послушно опускается на диван. Подальше от меня. Вот только изящность из ее движений куда-то девается, Вирна действует как марионетка, которую слишком резко дергают за нити. Открывает банку «Лавы» и давится первым же глотком.

— Эй, осторожнее!

Я тянусь, чтобы постучать по спине, но... Едх! Правила!

Поэтому приходится сбегать к кулеру в углу ложи, вручить Мэйс полный стакан с водой и ждать, пока она справится с кашлем.

— Что за... Как это вообще можно пить? — с искренним отвращением спрашивает она. Таким комичным, что я с трудом сдерживаю смех.

— Это же «Лава»! То есть название тебя не смутило? Никогда не пробовала?

Она кривится и качает головой.

— Нет. Почему она такая острая?

— Ее добывают из коры дерева Бай, и это любимый напиток всех вьерхов.

— У вас очень-очень специфический вкус.

Я смеюсь, а Мэйс порывается уйти.

— Эй, мы не закончили, — напоминаю я.

— Я не имею права говорить на личные темы.

— Вообще-то имеешь, если я этого захочу. Это указано в пункте восемнадцать и три. О тебе мы говорить не можем, значит поговорим обо мне.

Ее плечи напрягаются, и я спешу добавить:

— Для начала, я не знал, что ты не любишь «Лаву», Мэйс. И я здесь из-за тебя.

Вирна наконец-то смотрит прямо на меня, и в синих глазах плещется целый океан чувств. Хотел бы я знать, что она сейчас думает.

— Я хотел вернуть тебе эту работу, — продолжаю я. — Потому что из-за меня тебя уволили, но ты уверена, что хочешь работать здесь?

Я морщусь и обвожу взглядом ложу.

— Сюда тебя может пригласить любой.

Я читал правила: они не позволяют прикасаться к официанткам, но им вовсе необязательно к ней прикасаться, достаточно того, что они могут прикасаться к себе. Извращенцев полно даже среди вьерхов, а Мэйс очень симпатичная. Особенно в этой одежде, с такой прической и яркой помадой на губах.

— Может, тебе найти более подходящую работу? Поспокойнее, с тем же уровнем оплаты. Мне ничего не стоит дать тебе хорошую рекомендацию.

— Нет. — Она отвечает тихо, но твердо.

Сила подрагивает в пальцах, готовая вырваться в любой момент, и только едх знает, чего мне стоит загнать ее обратно под кожу. Приходится напоминать себе, что Вирна ко всему и ко всем относится враждебно, чтобы снова не вспылить.

— Значит, тебе здесь правда нравится?

Девушка сжимает кулаки, но тут же их расслабляет и прикрывает глаза. И упрямо молчит.

М-да, с ней просто невозможно разговаривать!

— Мэйс, я потратил на тебя больше, чем когда-либо тратил на любую из своих подружек. Нам нужно поговорить, а ты не можешь просто взять и ответить на простые вопросы?

— Хватит! — резко отвечает она, и добавляет уже немного мягче: — Пожалуйста.

— Хватит — что?

— Не стоит делать вид, что нас что-то связывает.

— Разве нет?

— Ничего, кроме совместной практики по подводной зоологии.

— А то, что я тебя спас?

Вирна выпрямляется и снова смотрит мне в глаза.

— Ты пришел сюда специально? Хочешь, чтобы меня снова уволили? Для тебя это шутки?

Шутки?!

Это не шутки отправляться в «Бабочку», пока моя сила нестабильна. Пока за мной хвостом таскается подчиненный Шадара.

— Если бы я шутил, меня бы здесь не было, синеглазка.

— Тогда уходи. Потому что мне нужна эта работа.

— Именно эта? — переспрашиваю я. — Почему?

Мэйс сжимает губы в тонкую линию и поднимается. По глазам вижу, что теперь ей хочется стукнуть подносом себя.

— Принести еще «Лавы»? — интересуется она, возвращаясь к образу официантки.

— Хватит и этого, — бросаю я и подхватываю новую банку. Но она выскальзывает из моих пальцев.

Перед глазами знакомо темнеет, а в ушах будто нарастает гул океанских волн. Я заваливаюсь на диван, чувствуя, как силы безвозвратно утекают.

Хидрец!

Вместе со слабостью накатывает паника.

Никто не должен знать.

Никто.

Эта мысль бьется в моей голове. И только перепутанное лицо Вирны, склонившейся надо мной, заставляет вынырнуть из этого водоворота. Она отшатывается, как тогда, на берегу, а я выталкиваю из себя слова:

— Мэйс... Никого не зови... Не надо.

Мой голос больше напоминает скрип песка под ботинками, но надеюсь, она меня слышит.

— К'ярд! Что с тобой? Нужна помощь?

— Нет, — шепчу я, и от бессилия хочется рычать. — Никто не должен... узнать.

— Ты уверен?

- Да.

— Хочешь воды?

— Нет. Мне просто нужно отлежаться.

Вирна не двигается и никого не зовет. Она просто сидит рядом, неотрывно глядя на меня. Когда синеглазка так близко, она кажется еще более красивой, и в другой раз я бы подался вперед и поцеловал ее. Если бы мог. Но голова будто прилипла к диванной подушке.

— Твои глаза, — тихо говорит она. — Что с тобой?

— Это последствия твоего спасения. Я тогда переоценил свои возможности, — делаю паузу и неожиданно даже для себя признаюсь: — Лишился силы въерха.

Ее глаза расширяются, темнеют, как вода на глубине.

— Навсегда?

— На время.

— Если никто не должен знать, почему ты говоришь мне об этом?

Я усмехаюсь.

— Хочу, чтобы еще кто-то кроме меня знал, что мне паршиво.

— Нет. Почему ты рассказываешь это именно мне?

— Потому что ты никому не расскажешь.

Вирна больше ничего не спрашивает, и я прикрываю глаза, стараясь как можно скорее прийти в себя.

Слабость, как дикий зверь, почуявший кровь, кружит вокруг меня: то подступая ближе, то отходя далеко. Но победителем в этой схватке все-таки становлюсь я. Меня уже не шатает из стороны в сторону, когда я поднимаюсь. Ну почти.

— Мне пора.

— Ты сам доберешься? — с сомнением спрашивает Вирна. — Я могу вызвать эйрлат, тебя отвезут домой.

— Нет, — отказываюсь. — Никто не должен знать, помнишь?

Мэйс кивает.

— Сам дойдешь?

— Ты обо мне волнуешься, что ли?

Она складывает руки на груди.

— Не приходи сюда больше. А если придешь, не приглашай меня в ложу.

— Только если расскажешь, почему ты здесь работаешь.

Судя по ее лицу, я понимаю, что перегнул.

— Это тоже была шутка.

— Хорошо, если так.

Я оставляю на столе более чем щедрые чаевые и выхожу из ложи. Приходится опускать глаза, но в коридорах, которыми меня провожает Вирна, по пути нам попадаются только охранники и другие официантки.

На самом выходе мы смотрим друг на друга и без слов расходимся: я в сторону парковки, Вирна возвращается на работу. Я больше не собираюсь приходить в «Бабочку», но сегодняшний вечер как никогда показывает, что в жизни ни в чем нельзя быть уверенным.

Что я знаю точно: мне нужно выяснить, почему она работает здесь. Но сначала — разобраться со своими няньками. Поэтому я подхожу к темному эйрлату, припаркованному в третьем ряду, и стучу по стеклу.

— Эй, парни, нужна ваша помощь.

Когда стекло опускается вниз, открывая моему взгляду двух безопасников, я наклоняюсь вперед.

— Мне фигово, так что подкиньте домой, а мой эйрлат отгоните. И передайте Шадару, что мне нужно как можно скорее поговорить с отцом.

Так действительно будет быстрее, чем если я скину ему сообщение на тапет, а мне нужно срочно с ним поговорить. Я должен избавиться от слежки, если хочу продолжать видеться с Вирной.

Как я и думал, стоило оказаться дома, отец уже дожидался меня и сразу потребовал подробностей того, что случилось. Пришлось рассказать, естественно, не упоминая при этом Мэйс. Тем более что по пути сюда у меня уже полностью сложился план.

— Меня вырубило прямо в клубе. Сила просто утекла, хотя я только расслаблялся и наслаждался вечером.

— Тебя кто-то видел?

— Нет, — вру, не моргая. — Когда я смог подняться, то старался не показывать никому своих глаз.

Отец качает головой.

— Послушай, — говорю, — я с детства контролирую свою силу, но контролировать твою у меня не всегда выходит. И меня это напрягает. Поэтому я не знаю, что делать дальше. Сидеть безвылазно дома?

— Не вариант. Это привлечет лишнее внимание.

— Лишнее внимание привлекает темный эйрлат, следующий за мной.

Отец хмурится еще сильнее, а я продолжаю:

— Это наводит на мысль, что с твоим наследником что-то не так, — морщусь я. — Но все это ерунда, потому что не уверен, что смог бы сегодня нормально добраться домой без помощи парней Шадара.

Отец расхаживает по кабинету, а я, развалившись на диване, терпеливо жду. Моя главная задача — привести его к мысли, что я перепугался до едхов и теперь буду вести себя как самый примерный сын.

— Значит, твоими проблемами с контролем займусь я, — неожиданно заявляет он. Этого нет в моем плане, и мне с трудом удастся сдержаться, чтобы сразу не отказаться от подобной щедрости. — Буду тренировать тебя сам, а от силовых тренировок в Кэйпдоре ты получишь освобождение.

— Если я перестану ходить на тренировки, это будет еще более странно.

— Не будет, если всем рассказать правду.

Ну да, правитель Ландорхорна занимается со мной лично. На что я подписался?

— Хорошо, — киваю я. — Что насчет других занятий?

— Тебе нужно снизить нагрузку, так что я поговорю с ректором. Думаю, он согласится со мной, что из-за индивидуальных занятий некоторые факультативы можно перенести на следующий год.

— Согласен. Я могу пока не посещать политологию.

— И подводную зоологию.

Вот едх!

— Я уже взялся за проект. Сдам его и забуду.

Взгляд отца вонзается в мой лоб.

— Тебе разонравилась подводная зоология?

— После сегодняшнего вечера я понял, что здоровье важнее.

По лицу отца скользит тень одобрительной улыбки. Теперь мой выход, и сейчас важно — не облажаться.

— На самом деле, я взял этот факультатив, чтобы позлить тебя. — Смотрю прямо на отца, «признаваясь» во всем. Как он сжимает губы в тонкую линию, как выпрямляется. — Заметь, это сработало.

— Не самый взрослый поступок, Лайтнер.

— Согласен, — я криво усмехаюсь.

— А твой интерес к Вирне Мэйс?

— И это тоже.

— Тогда зачем ты прыгнул в океан?

— Я уже отвечал на этот вопрос. Потому что не мог стоять и смотреть, как Ромина бросает девчонку

в воду.

Отец едва уловимо морщится.

— Завтра я свяжусь с ректором, и мы все решим. А сейчас иди отдыхать.

Я киваю и поднимаюсь с дивана. Уже в дверях меня настигает:

— Если считаешь, что подчиненные Шадара привлекают внимание, я их уберу. Но я рассчитываю на твоё благоразумие, Лайтнер.

Я киваю снова и выскакиваю из кабинета, чтобы он не заметил моей победной улыбки.

Что ж, полдела сделано.

Глава 12

О переработках и чувствах

Вирна Мэйс

— Лиархи, — говорит Н'етх. — Считается, что они были способны существовать как на земле, так и под водой. Это было основное их отличие от вьерхов и от людей, это делало их сильнее, и превращало в доминирующую расу. С одной небольшой поправкой: чем дальше они уходили от воды, тем слабее становились.

Я слушаю преподавателя, точнее, пытаюсь слушать. Потому что после очередной ночной смены в голове у меня лишь туман и мысли о К'ярде. Его глаза, потемневшие от потери силы, до сих пор не дают мне покоя. Равно как и то, нормально ли он добрался домой. В Кэйпдоре мы сегодня не пересекались, но в Кэйпдоре вообще сложно пересечься, если не ходишь на один и тот же курс. Впрочем, М'эль здесь и Хар тоже, вряд ли они были бы такими спокойными, если бы что-то случилось.

— Именно поэтому они ушли в глубину? — спрашивает кто-то из аудитории.

— Согласно легенде они ушли, — разводит руками Н'етх, — потому что исчерпали свою миссию на земле...

— Да, но они бы здорово пригодились, когда пойдет следующая волна-убийца, — фыркает один из вьерхов, остальные смеются. Пожалуй, все, кроме Кьяны и Хара. — Нет, ну а что? Они же управляют водой, значит, нам не пришлось бы рисковать жизнями и удерживать сушу, которую смоем ко всем едхам, если мы не...

Он осекается под взглядом преподавателя.

— Простите, ньестр Н'етх.

— Минус двадцать баллов, и в следующий раз следите за своими словами, — преподаватель уже отворачивается от пытающегося возразить вьерха. — В прошлый раз я просил вас определиться с тем, какую форму отчетности вы выберете. Пожалуйста, отметьте на своих тапетах свой выбор и обозначьте темы, по которым хотите работать, если решили писать курсовую.

Я тыкаю в курсовую: мне гораздо проще будет отчитаться по одной теме, чем изучить все. Перечень тем, который выскакивает на тапет, длиннющий, и я ставлю галочку напротив лиархов, чтобы не заморачиваться. Мне дико хочется спать.

А еще дико хочется домой, я с сестрами даже толком не вижусь.

И, пожалуй, мне хочется увидеть К'ярда, чтобы понять, что с ним все в порядке. Если честно, раньше я даже не представляла, что вьерх может потерять силу, никогда о таком не слышала. Как это вообще происходит? И сколько времени требуется на восстановление?

Вчера он выглядел едва ли лучше, чем в ту ночь, когда вытащил меня из воды, но тогда нас здорово помотало по волнам, я вообще удивлена, что мы выплыли. Точнее, что выплыл он. Все-таки каким бы хорошим пловцом ты ни был, в такой шторм достаточно сложно выбраться на берег. Особенно учитывая тот факт, что никто из людей и вьерхов даже близко не подходит к воде, если это не бассейн.

Звенит звонок, в него врывается голос преподавателя.

— Нисса Мэйс, ньестра М'эль, задержитесь пожалуйста.

Из-за недосыпа до меня даже не сразу доходит, кого он попросил задержаться, но потом я смотрю, как Кьяна спускается к кафедре, и... и похоже, мне тоже надо туда спуститься. Я могу повозиться, конечно, подольше, но Н'етх смотрит на меня и ждет, поэтому приходится убрать тапет и идти вниз.

— У нас с вами очень непростая ситуация, девушки, — говорит он, улыбаясь. — Вы обе выбрали курсовую работу и одинаковую тему. Обычно это не возбраняется, но я бы предпочел, чтобы мои студентки работали в разных направлениях.

Кьяна хмурится, но вопрос задать не успевает.

— Если только вы не хотите поработать в паре.

Мы... нет. О нет.

Это уже даже не смешно. Если я готова работать в паре с К'ярдом, то с его девушкой точно нет.

— Чтобы это не выглядело как самодурство, поясню. Мне не хочется, чтобы вы говорили об одном и том же во время защиты. Я строю их таким образом, чтобы всем собравшимся хотелось не заснуть, а поучаствовать в обсуждении. И уж тем более не хочется, чтобы между вами существовало какое-либо соперничество.

Вот с последним он точно опоздал.

— Нет? — Н'етх разводит руками, глядя почему-то на меня. Я чувствую, что Кьяна тоже на меня смотрит, но сама на нее не смотрю. Интересно, она знает о том, что вчера ее парень приходил в «Бабочку»? А о том, что происходит с его силой?

«Никто не должен знать».

Никто — и она тоже? Судя по всему, так. Эта мысль меня так потрясает, что я на минуту выпадаю из реальности, а потом слышу.

— Что же, в таком случае одной из вас придется выбрать. Чтобы все было честно...

— Не стоит, ньестр, — Кьяна поднимает руку. — Я возьму другую тему.

Прежде чем я успеваю возразить, она уже взлетает по лестнице и исчезает за дверями.

— Удачного дня, нисса Мэйс, — произносит преподаватель, и я киваю, а потом поднимаюсь следом за ней.

Кьяна далеко не ушла, стоит в полуovalле от аудитории и роется в сумке.

— Да чтоб его, — выдыхает, разворачивается в сторону дверей и сталкивается со мной взглядом. Глаза вьверху на миг расширяются, выдавая ее чувства, потом она шагает к аудитории.

— Почему ты отказалась? — спрашиваю я.

— Потому что это неважно. Возьму другую тему.

— Да ну? — говорю я. — То есть ты просто ткнула в список почти с закрытыми глазами, как это сделала я?

— Ты ткнула в список с закрытыми глазами? — она приподнимает брови.

— Ну вообще я взяла первую попавшуюся тему, потому что дико не выпалась.

Кьяна качает головой.

— М-да.

— Так что если хочешь, она твоя, — развожу руками. — Мне без разницы, я ткну еще раз.

Мгновение она смотрит на меня, а потом проходит мимо так резко, что я едва успеваю отскочить в сторону.

М-да — это точно. На нее-то что сегодня нашло?

Улар приходится мне в плечо: несильный вроде бы, но я валюсь с ног. Реально падаю, к счастью для меня, на мат.

— Вирна!

Парень бросается ко мне, протягивает руку, перехватив палку подмышкой так ловко, что мне остается только молча завидовать.

— Все в порядке?

— Все.

Заниматься мы с Вартасом решили у него, у него в квартире всего две комнаты, одна — для тренировок, вот и занимаемся. Учитывая, что за последние пару дней я спала в общей сложности часов пять, ноги меня еле держат, но Вартасу об этом точно не надо знать. Я должна научиться

даться, а значит, буду учиться.

— Что-то я сильно в этом сомневаюсь. — Он недовольно косится на меня. — Ты сегодня ела?

— Ела.

— Что?

— Тебе список выдать, папочка?

Он морщится.

— Давай без этих твоих штучек, идет?

— Без каких?

— Перерыв, — говорит Вартас. — Пока не научишься нормально говорить, учить дальше не буду.

— Ну и пожалуйста, — бурчу я.

Сил сопротивляться у меня не осталось, поэтому я сажусь прямо на мат, а точнее, попросту снова падаю и цепляюсь за колени, чтобы не откинуться на спину. Потому что если лягу, то захраплю. Несмотря на то, что прошла лишь половина дня, глаза у меня уже слипаются. А мне, между прочим, через пару часов на одну работу, потом на другую. Эта мысль меня здорово подкидывает: нельзя раскисать и тратить время впустую.

— Продолжим, — говорю я. — Я просто не выпалась.

— Тебе нельзя работать в «Бабочке». — Вартас садится рядом со мной. — Ты хоть понимаешь, что себя загоняешь?

— Ничего, сейчас у меня подработка закончится и будет попроще.

— ЧТО?!

— Зачем же так орать? — я морщусь.

— Орать? — Вартас подсказывает, как если бы внутри него раскрутилась пружина, подходит к окну и распаивает его.

Окно здесь огромное, не в пример тем, что мне доводилось видеть раньше, хотя сама комнатка небольшая. Мат, лестница у стены, какие-то прикрученные к ней резинки, и еще массивная груша для отработки ударов. По разгоряченной спине тянет холодом, и я тыкаю в него пальцем:

— Если я простыну, виноват будешь ты.

— Ага, — говорит он. — Не простынешь.

После чего вздергивает меня за плечо и тащит на кухню. Я даже особо не шевелюсь, когда в нос ударяет характерный горьковато-терпкий аромат льяри, который Вартас готовит вручную. Все-таки Лэйс — донельзя странная, я бы такого замечательного парня точно сестрам представила.

Когда передо мной ставят чашку, с наслаждением вдыхаю аромат, а после делаю глоток. Пока я пью льяри, передо мной уже гора еды — хлеб с мясом, сыр, разогретая замороженная лапша с острым соусом. Запахи будят аппетит, и к тому времени, как я понимаю, что заниматься сегодня уже не смогу, становится поздно. От льяри в голове прояснилось, зато желудок тяжелый.

— Как ты вообще додумалась работать на двух работах? — интересуется Вартас, подперев рукой подбородок.

— Меня взяли на замену, я не хотела подводить...

— Я про «Бабочку». Ты всерьез думаешь, что что-нибудь там найдешь?

— Думаю, да. Я уверена. Они что-то знают, иначе не вытряхивали бы из меня, зачем и почему я общаюсь с К'ярдом.

Странно, но после нашего с ним общения в ложе ни Н'эргес, ни Дженна меня не вызывали. Я не сильно расстроилась, но все это и правда очень странно. Хотя гораздо более странно то, что я не могу перестать думать про К'ярда. Был он сегодня на занятиях или нет? После вчерашних откровений у меня в голове появились совсем странные мысли, в частности — могу ли я попросить его помочь защитить сестер. Не знаю, с чем это связано: видимо, с недосыпом, а может, с его словами о том, что он может дать мне рекомендацию. Зачем ему давать мне рекомендацию? Вот это

совсем не то, о чем сейчас стоит думать. О его глазах и силе. И о том, что нам предстоит совместная работа, потому что в конце недели у нас курс у старого зануды.

Именно так его называл К'ярд.

— Прием! — Вартас щелкает пальцами у меня перед носом. — Суша вызывает Вирну.

— Чего?

— Того, — передразнивает он. — Ты вообще слышала, что я говорил?

— М-м-м...

— Я спрашивал, зачем ты общаешься с К'ярдом.

Вартас смотрит на меня так серьезно, что я морщусь.

— Он меня спас.

— И все?

— Слушай, ты это сейчас серьезно?

— Я серьезно, потому что этот парень не для тебя.

— Я записалась на курсы самообороны, а не к психологу.

— Вирна, едх тебя раздери. Это опасно. Ты что, не понимаешь, во что ты ввязалась? «Бабочка», Лэйси, море. Вьерхи и Служба подводного ведомства. Если он узнает о том, чем занималась Лэйс...

— Он не узнает.

— Правда? Точно так же, как он «не узнал», что ты работаешь в «Бабочке»?

По спине бежит холодок.

— Зачем ему копаться в моей жизни? — спрашиваю я.

Вартас пожимает плечами.

— Потому что ему скучно?

— И в океан он за мной сиганул от скуки.

Парень хмурится.

— Я этого не говорил.

— А что ты говорил? — сама не понимая с чего, я завожусь. Подскакиваю на месте, подхватываю рюкзак. — По-моему, ты лезешь туда, куда тебя не просят. Я вполне способна разобраться со своей жизнью сама, и если ты считаешь, что у меня не хватит мозгов чтобы не подставить Лэйс и сестер, ты глубоко ошибаешься.

— Ну разумеется, именно поэтому та лезешь в самое пекло, в клуб, где едх знает что творится, и светишь своей физиономией направо и налево.

— А ты вообще сидел и ждал, пока на тебя снизойдет озарение, — рычу я. — Как ты собирался ее искать? Общась с рыбами? Уповая на чудо?!

Вартас примирительно поднимает руки, но остановиться я уже не могу.

— Я единственная, кто хоть что-то делает, чтобы ее найти. Временами мне кажется, что все это впустую — что все, что я делаю, ни к чему не ведет. Но я хотя бы что-то делаю, понял? А не изображаю заботу, которую «обещал».

— Заботу? — цедит Вартас. — Твои сестры скоро забудут, как ты выглядишь. Пока та «общаешься», — он выделяет последнее слово, — с парнем, который через пару месяцев не вспомнит даже как ты выглядишь.

— Да пошел ты!

Я вылетаю на лестницу, не дожидаясь лифта, просто бегу вниз. Наверное, это от недосыпа мне дико печет глаза и хочется тереть их, чтобы избавиться от этого жжения.

Что ж, по крайней мере во всей этой ситуации есть один существенный плюс: я расхотела спать.

Глава 13

Тайна для двоих

Вирна Мэйс

Я снова падаю в воду, и океан затягивает меня в темный холод глубины. Барахтаюсь, пытаюсь вырваться на поверхность, но солнце все дальше, а может быть, это вспышки молний. Даже они гаснут, вода все сильнее давит на плечи, я продолжаю тонуть, несмотря на попытки вытолкнуть себя на поверхность.

— Не с-с-сопротивляй-с-с-сяяя, — странное шипение сквозь толщу воды.

Я дергаюсь, разворачиваюсь и оказываюсь лицом к лицу с линарией, которая как две капли воды похожа на Ромину. Ее светлые волосы сияют золотом, но глаза пустые и черные, как у К'ярда. Она тянет ко мне руки, сквозь которые проступают черные жгуты жил, я пытаюсь отбиваться и орать, но вместо этого еще глубже ухожу под воду. Чувствую, как ледяные пальцы смыкаются вокруг шеи.

— Не с-с-сопротивляй-с-с-сяяя, — шипит она. — Или я утоплю и тебя, и твоих сестер.

В миг, когда я уже почти теряю сознание, меня ослепляет странная вспышка. Динарию отбрасывает назад, ее глухой визг съедает стремительный водоворот, а я вдруг понимаю, что сейчас дышу под водой. Разворачиваюсь снова и вижу Лэйс: ее глаза широко раскрыты, от пальцев тянутся прозрачные нити.

Стоит ей пошевелить рукой, и подводный мир приходит в движение, он закручивает меня в водоворот, подхватывает и тянет наверх. Глаза сестры неестественно-синие, а зрачок вертикальный.

— Скоро ты все узнаешь, — доносится до меня отголосками эха, прежде чем вода спирает лицо Лэйс, а потом меня выталкивает на поверхность, в ослепительный солнечный свет. Кто-то трясет меня за плечо, и я подскакиваю, больно ударяюсь коленкой о край стола.

— Ай!

— Зачем же так прыгать, синеглазка?

К'ярд, прищурившись, смотрит на меня, с глазами у него все в порядке. Смотрит, впрочем, не только он, но к этому, наверное, пора бы привыкнуть: Лайтнер устроился рядом со мной, и теперь на нас пялится вся аудитория. За исключением Ромины и ее компании, да еще, пожалуй, Хара. Впрочем, последние сидят не вместе, Хар в одиночестве, в центре аудитории, Ромина как всегда на первом ряду. А мы с К'ярдом на последнем. Я специально села подальше, вопрос только в том, зачем сюда сел он.

— Ты что здесь делаешь?

— Вопрос в стиле Вирны Мэйс. Учусь вообще-то, — фыркает он.

— Нет. Здесь, — показываю глазами на соседнее место.

— А. Здесь я бужу тебя и надеюсь на внятный разговор по поводу нашей совместной работы. Но если хочешь поспать, можешь лечь ко мне на колени, я никому ничего не скажу.

Несколько секунд я на него смотрю, потом подхватываю рюкзак и поднимаюсь.

— Мэйс! — рычит он, а потом дергает меня за руку так, что мне приходится сесть. — Нельзя же быть такой...

— Какой? — интересуюсь я.

— Напрочь лишенной чувства юмора.

— Мне как-то не до шуток в последнее время, — пожимаю плечами, — но если ты хочешь... ха-ха-ха.

Кажется, на нас косится Хар: да нет, не кажется. Смотрит в упор, еще и так, словно глазам поверить не может. Здесь происходит что-то, чего я не знаю?

Дальнейшие размышления на эту тему и разговор с К'ярдом прерывает звонок. В аудиторию входит преподаватель, я же достаю тапет и стараюсь не думать про глаза. К'ярда, разумеется, а не преподавателя, который окидывает взглядом собравшихся и говорит:

— Добрый день. Журнал запущен, всех присутствующих прошу отметить.

Отметить можно только себя, такова уж система Кэйпдора, поэтому здесь схитрить не получится. Либо отмечаешь себя, либо того, кого хочешь выгородить, но мне выгораживать некого. Алетта не отвечает на мои сообщения, на выходных я собираюсь съездить к ней домой. Нам нужно поговорить о случившемся. В том числе о Ромине.

«Ты сегодня опять работала, синеглазка?» — падает сообщение в чат.

«Я работаю каждый день».

К'ярд пихает меня локтем в бок, и когда поворачиваюсь, приподнимает брови. Я пожимаю плечами.

— В прошлый раз мы остановились на...

«Ты в курсе, что человеку нужен отдых?»

«Ты в курсе, что я пришла сюда слушать лекцию?»

«Да брось, все, что он скажет, можно найти в библиотеке. И даже больше».

Я делаю вид, что слушаю преподавателя. Делаю, потому что на тапет падают сообщения.

Мрачный смайл.

Смайл с вытаращенными глазами.

«Однажды ты заснешь, и тебя будет некому разбудить».

Я кошусь на него, но потом перевожу взгляд на преподавателя.

— ... пьератназы отличаются...

«Неужели ты совсем обо мне не волновалась?»

Закатываю глаза.

«Ни капельки?»

Смайл с печальным лицом.

«Совсем?»

Признаваться ему в том, что я волновалась, я точно не собираюсь.

«Если тебе так хочется со мной пообщаться, предлагаю делать это предметно. Я прошла по списку литературы, кое-что набросала, могу тебе показать после лекции».

«Да, Мэйс, покажи мне что-нибудь».

Я присылаю ему озверевший смайл и искренне жалею, что не могу отодвинуться подальше, а еще лучше — пересесть. Не знаю, сколько проходит времени, пока я слушаю про пьератназ и особенности их поведения, когда мне в плечо тыкают перышком.

— Не злись, — шепотом говорит этот... вьерх.

Я молчу.

«Мэйс! Хочешь узнать кое-что про океанскую бабочку?»

«Такого, чего я не узнаю в библиотеке, и даже больше?»

«Попробуй меня удивить, Мэйс».

Присылаю насмешливый смайл, а за ним:

«Ты знал, что в истории были случаи, когда раг'эны возвращались в стаю?»

«Разумеется. А ты знала, что в истории были случаи дружбы человека и раг'эны? Давно, еще до того, как они перестали подходить к людям?»

«Да, как раз вчера об этом читала».

«Какая та начитанная, Мэйс. Ничем тебя не удивишь».

«И не говори».

Впрочем, кое-чем меня удивить еще можно, я понимаю это, когда мой взгляд падает на тапет, там смайл-океанская бабочка. Нет, в смайле нет ничего удивительного, оно есть в словах К'ярда, который подается ко мне, к самому моему уху и произносит:

— Что ты скажешь, если я тебя с одной из них познакомлю?

После этого он повернулся к кафедре и с самым независимым видом уставился на голограмму пьератназ. Это морское существо напоминало нечто среднее между рыбой, колючим стрелоходом (животным, обитающим в лесах и стреляющимся ядовитыми колючками) и плавучим фонарем. Впрочем, мне сейчас было не до особенностей его сезонного размножения и не до раскрытия жабр.

«Хорошая шутка, К'ярд».

«Это не шутка, Мэйс».

«А у тебя прогресс. Ты уже перестал называть меня синеглазкой».

«Мы все эволюционируем. Ты тоже больше на меня не рычишь».

Мне хочется его стукнуть. Seriously хочется, но еще больше мне хочется понять: это розыгрыш или нет. Даже если представить, что какая-то раг'азна подошла к берегу (чего не случилось уже бесчисленное множество лет), как К'ярду удалось об этом узнать? Решил вечером пройтись по берегу океана, и случайно заметил?

Ага.

Вечерком.

По берегу! Сын правителя Ландорхорна.

Тем не менее в памяти всплывает домишко на берегу, куда меня привел К'ярд, а еще жуткий шторм, с грохотом разбивающий высоченные волны о камни. Недавно я задавалась вопросом, как ему удалось выплыть... что, если с помощью раг'азны?

Он больше ничего не пишет, просто делает пометки, когда что-то кажется ему интересным, а после звонка мы вместе идем к преподавателю. Он смотрит мои заметки, хмыкает, потом смотрит записи К'ярда, и взгляд его становится уже гораздо более внимательным.

— А вы умеете удивить, ньестр К'ярд, — замечает въех, его скрипучий голос действительно звучит заинтересованно, глаза за линзами очков смотрят так, словно хотят увидеть гораздо большее.

— То же самое ей говорю, — парень кивает на меня. — Не верит.

— Что ж, продолжайте в том же направлении. Если вам потребуется студенческий абонемент в океанариум...

— Не стоит. Пока, — говорит К'ярд, а пот ом подмигивает мне.

— Что ж, в таком случае удачной совместной работы и до встречи на семинаре.

Из аудитории я вылетаю, с трудом сдерживая рвущиеся с губ вопросы:

— Так это правда?!

Раг'азна, настоящая океанская бабочка... и я ее увижу?!

— Поттише, синеглазка. — Он кивает на обтекающий нас народ, и только ленивый не сворачивает шею, но сейчас мне на это плевать. — Пойдем в столовую.

Это мгновенно отрезвляет, потому что лишних денег у меня нет. На столовую так точно.

— Нет. Я не...

— Я не стану тебя кормить и запихивать в рот котлеты. Посидеть со мной ты, по крайней мере, можешь?

Прищурившись, смотрю на него, но в общем-то, все уже решено.

— Хорошо.

— Вот и чудно.

Откровенность К'ярда не укладывается у меня в голове. Я настолько потрясена, что почти не замечаю, как мы добираемся до столовой, и что столовая, этот ресторанный зал, обрушивается на меня самыми соблазнительными запахами. Желудок мигом напоминает: последний раз я пила и ела в далеком прошлом, но я приказываю ему заткнуться.

— Займи нам столик, — говорит К'ярд, и пока я иду через зал к дальнему окну, у которого еще остались свободные места, в голове крутятся мысли про океанскую бабочку.

Когда до столика остается пара шагов, меня грубо отталкивают в сторону: вьерхи, два парня и одна девушка.

— Не успела, калейдоскопница? — интересуется один из них и плюхается на стул.

Девушка смеется и занимает соседний, второй парень не стесняется толкнуть меня плечом второй раз. Я с трудом сдерживаюсь оттого, чтобы перехватить его руку и повторить захват, которому меня научил Вартас, когда за спиной раздается голос К'ярда:

— Извинились. Живо.

Один из парней слегка побледнел, второй положил руку на спинку стула.

— У вас плохо со слухом?

К'ярд шагнул вперед, волной силы вьерха стул вырвало из-под руки парня и оттащило в сторону. Он шарахнулся назад, девушка и его друг вскочили.

— Оу, — звучный голос Ромины застал меня врасплох. — Лайтнер К'ярд злой. С чего бы?

Ее свита была при ней, включая парня, которого я раньше видела в их общей с К'ярдом компании. Скользнув по мне снисходительным взглядом, она накрутила локон на палец и тут же его отпустила, позволив мягкой пружинкой скользнуть по плечу.

— С того, что никто в Кэйпдоре больше не назовет ни одного человека калейдоскопником. А если назовет, разбираться будет лично со мной. Это понятно?

Акустика в зале была хорошая, поэтому сейчас в столовой повисла тишина. Было слышно как кто-то вздохнул, а кто-то отложил вилку. Не дожидаясь, пока ее нарушит что-то еще, К'ярд поставил подносы на стол и отодвинул стул.

— Все. Представление закончено. Расходимся.

— Не слишком много на себя берешь? — ехидно поинтересовалась Ромина.

— Ровно столько, сколько могу поднять. — Он в ее сторону даже не взглянул, и лицо Д'ерри исказилось от злобы.

— Скоро в твоём окружении останутся одни калейдоскопники. — Она выделила последнее слово. — Что ты будешь делать тогда?

Пол под ногами Ромины буквально разлетелся крошкой, каменная пыль взметнулась ей в лицо и на волосы, от волны прокатившейся по залу силы потемнело перед глазами. Д'ерри с визгом отпрыгнула в сторону:

— Сумасшедший!

— Следи за своим окружением, — холодно произнес К'ярд, а потом повернулся к замершим вьерхам.

— И-и-извини, — пробормотал парень и вместе с друзьями испарился из поля зрения с такой скоростью, которой мог позавидовать гоночный эйрлат. Ромина с компанией двигалась к выходу более достойно, но учитывая, что они все были в пыли, от кончиков некогда начищенных туфель до волос, это достоинство выглядело сомнительно.

— Ну? Чего стоим? — поинтересовался К'ярд, глядя на меня. — Падай, пока я не заработал несварение на нервной почве.

На подносах оказалось столько еды, что я вскинула брови.

— Извини. Забылся и взял на двоих.

Я покосилась сначала на него, потом на пол.

— У тебя проблем не будет, забывчивый?

— Так ты все-таки за меня волнуешься? — Он широко улыбнулся и подвинул ко мне еду.

Я отодвинула поднос.

Он подвинул обратно.

Я сложила руки на груди.

— Зачем ты это сделал?

— Затем, что меня достало это отношение к людям.

Я открыла рот, и К'ярд угрожающе поднял булочку.

— Знаешь, если я заткну тебя этим, мне даже выговор не сделают.

От такого заявления я слегка опешила, если не сказать больше.

— А если я откушу тебе палец?

— Ну, тогда выговор ждет тебя. Но прежде чем мы займемся членовредительством, давай обсудим то, о чем говорили на паре.

Мне как-то разом расхотелось с ним спорить.

— Это правда? — спросила я. — Ты с ней знаком?

— С ней... с ним, — он пожал плечами. — Да.

— И... давно?

— Давай об этом поговорим завтра. Когда поедем знакомиться.

Я глубоко вздохнула.

— Ты же свободна завтра, Мэйс? — Он пристально на меня посмотрел.

— Почему ты вообще рассказал мне о ней?

— Потому что я тебе доверяю. И вообще, ешь. А то я себя чувствую, как в музее. Экспонатом. Или как в том заведении для извращенцев, которые таскают худеньких мальчиков и девочек в ресторан, чтобы их накормить, потому что сами на диете.

— Вообще-то это ты решил меня накормить.

— А я тот еще извращенец.

Я поперхнулась, но все-таки потянулась к тарелке. Поняла, что сидеть и смотреть как он ест, бессмысленно. Запахи сводили с ума, это было форменное издевательство. Успокоив себя тем, что зарплата в «Бабочке» позволит мне заплатить за этот обед, взяла еще булочку, и с наслаждением принялась за еду.

Глава 14

Потому что — это не причина

Вирна Мэйс

— Неплохо выглядишь, — заявляет Митри, когда приходит на кухню.

Сестра что-то жует и вообще настроена благодушно, а это значит, что вчера вечером у нас дома опять побывал Вартас. В общем-то, я уже смирилась с тем, что он проводит сестер и иногда приносит еду: завтра у нас снова занятия по самозащите, и надеюсь, они пройдут лучше, чем в прошлый раз. Как показывает практика, если выспаться (сегодня я вернулась из «Бабочки» и дрыхла до обеда), настроение становится немного лучше, и я могу адекватно взаимодействовать с окружающим миром. А еще слышать большую часть из того, что мне говорят.

— Так, что у нас...

Я открываю шкафчик, и вижу, что Вартас у нас точно был: продуктов хватит на пару-тройку дней. Митри пожимает плечами, усаживается на стул и подгибает под себя ноги.

— У тебя стрелка неровная.

— Да?

— Ага.

Посмотреться в мутное стекло шкафчика — задача сложная, но мне это удастся. Краситься я умею еще паршивее, чем драться, но этому меня учить некому.

— Вчера не только Вартас приходил, кстати, — говорит Митри, а я замираю вместе с хлебцами. — Еще какой-то мужик из социальной службы. Просили тебе передать, что о сестрах надо заботиться лучше.

Я оборачиваюсь.

— Митри, я тебе говорила — не открывать дверь посторонним?

— А я и не открывала. Он через дверь передал.

Через дверь? Социальщик?

— Что? Что конкретно он сказал?

Митри приподняла брови.

— Так и сказал: о сестрах надо заботиться лучше. Особенно когда живете на побережье.

Есть мне больше не хочется, равно как и выглядеть красивой. Первое, что я делаю, когда иду в ванную — стираю проклятые стрелки, а потом еще долго оттираю краску с нижних век. Мне нельзя ехать с К'ярдом, мне нужно вызвонить Вартаса и узнать, сможет ли он забрать девчонок на время, пока я буду в «Бабочке». Оставлять их здесь не вариант, даже с ним — Вартас крут, но...

Глядя в истертое царапинами зеркало, я понимаю, что у меня совсем не осталось времени. К'ярд предлагал за мной заехать, но я сказала, что встретимся в центре, а до центра мне надо еще добраться. Поэтому вылетаю в спальню, хватаю тапет и пишу ему сообщение: «У меня сегодня не получится. Прости».

Да, я знаю, как это выглядит, и представляю, что он может подумать, но мне сейчас не до этого. Объясню потом, или в Кэйпдоре после выходных. Может, у меня паранойя, но лучше перестраховаться, чем однажды вернуться домой и не обнаружить девчонок. Я думала, что у меня есть время, но судя по всему, его у меня нет.

Влетаю на кухню прямо с тапетом:

— Мит, когда он приходил?

— Вечером. Около двадцати одного.

Едха с два это паранойя, социальщики не ходят по домам в такое время. Да что там, они вообще по домам не ходят, с той минуты, как Лэйс оформила тройное опекуновство, к нам ни разу никто не

заглядывал. Пока что это просто предупреждение, но что будет дальше?

Набираю номер Вартаса, но он не отвечает.

Набираю снова — бесполезно.

— Эм... — Митри вскидывает брови. — Ничего не хочешь мне сказать?

— Ничего! — рываю я, но тут же глубоко вздыхаю. — Д'ерри выставляет все так, что она тут ни при чем. Она знает, что у меня есть вы, и я не хочу, чтобы с вами что-то случилось.

Митри приоткрывает рот.

— Ты... ты это сейчас серьезно? Ты не хочешь пойти к политари?

— С чем? С тем, что к нам приходил представитель социальной службы и советовал мне лучше о вас заботиться?

Швыряю тапет на стол так, что он чудом остается в живых, плотно сжимаю губы.

— Собери вещи. Свои и Тай, пока поживете у Вартаса.

— А школа?

Школа! Вот же хидрец!

— Я что-нибудь придумаю. Мит, просто послушай меня и просто собери вещи, хорошо?

Как ни странно, сестра больше не возражает. Поднимается тут же, разве что спрашивает:

— Что мне сказать Тай?

— Скажи, что это игра такая. Не знаю... что нам придется пожить у Вартаса, пока, какое-то время, и...

— Ладно. Я что-нибудь придумаю, — сестра касается моей руки, а потом уходит.

Я же снова набираю номер Вартаса и снова натыкаюсь на тишину. Засосало его там в разлом, что ли? Все, что мне остается — кусать губы. Ехать к нему просто так не вариант, если его нет дома, я застряну в центре с сестрами. Приходится сделать глубокий вдох, потом глубокий выдох.

Все хорошо, Вирна. Все будет хорошо.

До вечера еще уйма времени, Вартас объявится, и...

Зачем-то открываю чат с К'ярдом: сообщение прочитано, ответа нет. Сейчас совершенно не время об этом думать, но я почему-то думаю. О том, что совершенно по-идиотски хотела увидеть бабочку, и... ладно, будем честны, хотела увидеть его. Иначе не сидела бы сейчас как дура в платье Лэйс, подхваченном булавками изнутри. У Лэйс размер больше моего, но булавки в общем-то это неплохо маскируют, если подобрать ткань в нужных местах.

Шить я умела исключительно потому, что на новые вещи не всегда были деньги, но шить, разумеется, было некогда, поэтому получилось так, как получилось. В общем, надо пойти переодеться.

Я стерла помаду ладонью, и тут же об этом пожалела: она размазалась по руке густым слоем. Выругавшись, поднялась и подпрыгнула: в дверь постучали с такой силой, с какой мог бы постучать ураганный ветер. Однажды во время шторма у нас сорвало ставни: с таким грохотом, от которого даже Лэйс подскочила. Потом мы в темноте (на время урагана электричество на Пятнадцатом вырубает) выясняли, что случилось, но пока я думала, что к нам кто-то ломится, успела несколько раз облиться холодным потом.

Сейчас, к слову, тоже.

Хотя вряд ли группа поддержки Ромины работает посреди бела дня. Эта мысль меня отрезвила и заставила подойти к двери и поинтересоваться:

— Кто?

— Едх в пальто, — донеслось рычащее с крыльца. — И если ты сейчас не откроешь, Мэйс, твоей двери хидрец.

Я так офигела от подобного заявления, что даже открыла дверь. К'ярд стоит на пороге: глаза

сверкают, и в них клубится сила, та самая, которой он вроде как лишился, ага. На миг даже показалось, что меня просто в очередной раз бодренько развели, но потом я вспомнила его темный взгляд.

— Зачем ты здесь? — поинтересовалась я, выходя на крыльцо: для этого пришлось подтолкнуть К'ярда в грудь, и судя по всему, он прифигел не меньше меня. — Я, кажется, сказала, что не смогу с тобой поехать сегодня.

— Почему?

— Потому что, — ответила, надежно подпирая дверь спиной.

— Тебе никто не говорил, что «потому что» — это не причина?

— «Потому что» — вполне причина, когла не хочешь ничего объяснять.

— Да ну?

Прежде чем я успела что-то сказать, меня рывком отодвинули в сторону, как малька, после чего распахнули дверь и шагнули в дом.

— Эй! — крикнула я, врываясь следом за ним.

— А? — К'ярд обернулся, огонь в глазах разгорался все ярче. — Ты что-то сказала?

— Я сказала — вали из моего дома!

— Только после того, как ты мне все объяснишь.

Вместо объяснений я вцепилась в его руку, дернула к выходу, и тут же поняла, что сделала это зря. Освободился К'ярд легко, а я снова оказалась прижатой к двери, с той лишь разницей, что теперь меня прижимал он. Руки — по обе стороны от моих, настолько близко, что у меня потемнело перед глазами.

— Эм... я вам не мешаю? — голос Митри раздался издалека.

От его пальцев по коже расходился жар, я же застыла изваянием, понимая, что не могу вдохнуть.

— Не мешаешь. — Ступор сменился противной мелкой дрожью. — К'ярд уже уходит.

— Кто?!

— Отпусти, — прошипела я, вырываясь из его рук. Меня зацепило пристальным взглядом, на этом — все, я чувствовала себя как пьяная. Ноги внезапно стали слабыми, стена потянулась ввысь. То, что я падаю, я поняла, когда он меня подхватил.

— Ну знаешь ли... девчонки, конечно, падали к моим ногам, но не настолько эпично.

— Заткнись, — пробормотала я. — Просто заткнись, ладно?

— Куда ее положить? — поинтересовался он.

Митри ткнула в сторону открытой двери, и спустя несколько широких шагов я уже обнималась с родным пледом и подушкой, вцепившись в них ледяными пальцами. То прикосновение в эйрлате, видимо, было исключением, потому что близость К'ярда выбила почву у меня из-под ног. Буквально. Но сообщать об этом ему я точно не собиралась.

— Перетрудились, — прокомментировал К'ярд, приближаясь к окну и глядя на улицу. — На благо «Бабочки».

Прежде чем я успела ему сказать, куда он может пойти, в комнату заглянула Митри.

— А ты тот самый К'ярд?

— Она обо мне рассказывала? — он приподнял брови.

Спасибо, что говорите обо мне так, будто меня здесь нет.

— Нет. Я твоего папашу... отца видела в новостях.

Физиономию К'ярда в этот момент надо было видеть: ну да, бывают в жизни огорчения и разочарования, что ж поделать.

— Тебе никто не говорил, что вмешиваться в разговор взрослых неприлично?

Он в два шага пересек комнату и захлопнул дверь перед носом обалдевшей Мит.

— И не подслушивай.

— Ой, да больно надо, — донеслось из коридора.

— Ты издеваешься? — спросила я, когда парень снова нарисовался передо мной. — Я тебе ясно сказала — вали.

— Видимо, из солидарности свалилась сама, — хмыкнул он и подтянул ногой стул, усаживаясь на него.

— Ха-ха.

— Да, я в курсе, что у тебя проблемы с чувством юмора. Что произошло, Мэйс?

Я смотрю на него, с трудом справляясь с головокружением. Все это кажется настолько нереальным, я имею в виду нереальным кажется К'ярд в своих брендовых шмотках, сидящий на стуле, который вот-вот развалится, в комнате, которую пересекает за пару-тройку шагов. Хотя то, что случилось в «Бабочке», было не более реальным, только тогда он валялся на диване, а я сидела рядом, не представляя, что делать.

С губ срывается смешок.

— Что смешного?

— Не у одной меня проблемы с чувством юмора?

— В данном случае я вижу проблему с логикой.

— А-а-а... — Я приподнимаюсь и сажусь, все-таки так мне гораздо привычнее и удобнее общаться. Особенно с ним. — Уходи.

— Нет. Пока не скажешь, в чем дело.

Он смотрит на меня, сложив руки, в глазах — ни тени насмешки. Длинная прядь падает ему на лоб и на щеку, и я вдруг ловлю себя на мысли, что он выглядит стильно. Да, стильно — это то, что ему подходит, а мне подходит — хидрец. В платье Лэйс, с размазанной по руке помадой я, наверное, просто красotka.

— Хорошо, — неожиданно говорю я. — Скажу. Если ты скажешь, зачем я тебе понадобилась.

— Я уже говорил, Мэйс...

— Ага. Говорил, десять раз. Но до этого ты не спешил никого с ней знакомить. Или с ним.

— С чего ты взяла?

— Может, с того, что иначе ты сейчас не говорил бы со мной? — Я складываю руки на груди, пытаюсь отзеркалить его позу. Еще мне отчаянно хочется подогнуть под себя ноги, я не привыкла ходить в платьях, я их терпеть не могу, но... он смотрит на меня, и я остаюсь неподвижна.

— Я лишился силы, — говорит он.

— Это я уже слышала.

— Отец вливает в меня свою, но мне нельзя приближаться к океану, пока резерв не восстановится...

Что?!

— А Эндар ранен, и ему нужна помощь. Точнее, сейчас ему просто нужен кто-то, кто покажет, что он не один. Раг'аэны умирают от тоски в одиночестве.

Я моргаю, потому что пытаюсь осмыслить то, что он сказал до этого. И еще то, что сказал после.

— Что значит — умирают?

— То и значит, — К'ярд пожимает плечами. — Умирают, когда не могут никому помочь. Умирают, когда чувствуют себя ненужными. Перестают есть. Уходят на дно — и все. Для него я такого не хочу, Мэйс. Он меня спас.

— Он и меня спас, — говорю я.

— Вот именно.

Какое-то время мы молча смотрим друг другу в глаза, и я собираюсь с силами. Непросто взять и вот так открыться, особенно перед тем, кто... кто в общем-то только что сказал мне о том, что не может приближаться к океану. Фактически, о своей слабости.

— У меня... — чтобы вытолкнуть это из себя, мне приходится глубоко вздохнуть, и только потом продолжить, глядя ему в глаза. Цепляясь за отражающуюся в них нестабильную (теперь я это отчетливо вижу, неровные всполохи огня, темные штрихи, которые то и дело приглушают привычный цвет) силу. — Мне нужно спрятать сестер.

Глава 15

Вся правда о бабочке

Лайтнер К'ярд

Когда Мэйс прислала очередное сообщение с отказом, я едва не разбил солнцезащитные очки, швырнув их на соседнее сиденье эйрлата.

Да сколько можно?!

Я почти развернулся, чтобы отправиться в зал, где можно потренировать контроль над новой силой, а заодно легально подраться. Но потом вспомнил, чем все закончилось в прошлый раз. Не драка, а отказ Вирны. Тогда причина была существенная, и я повернул в сторону Пятнадцатого, чтобы для разнообразия спросить: «Какого едха?» у нее самой, а не гадать в чем дело.

Дело оказалось в Ромине, чтоб ее. И в травле, которую она устроила. Поэтому рассказ синеглазки я принял как вызов себе.

Мне даже не пришлось раздумывать: я знал только одно место, где можно было спрятать семейку Мэйс. О котором не знает ни отец, ни дружки Ромины. Даже если Д'ерри узнает, что помог я, все равно не сможет их найти.

Мелкие не задавали лишних вопросов, одна (та, что интересовалась К'ярдами) вовсе дулась и бросала на меня злые взгляды. Быстро собрали необходимые вещи, которые поместились в три небольших и сильно потрепанных рюкзака, и погрузились в мой эйрлат. И затаились на заднем сидении, как рыбки-малыши среди рифов. Такие же тихие и такие же яркие. Сообразительные девчонки.

Мэйс тоже молчала, только бросала на меня короткие взгляды, когда думала, что я смотрю исключительно на дорогу. Не то смущенные, не то испытующие. Вряд ли она сомневалась, иначе бы не доверила самое дорогое. Но, видимо, от прежних привычек избавиться сложно.

Когда она начинает догадываться, куда мы едем, ее глаза расширяются.

— Ты уверен, что здесь они будут в безопасности?

— Только здесь и будут, — киваю я.

А Вирна обхватывает себя руками, словно пытается согреться, хотя в салоне эйрлата тепло. Мне тоже хочется ее обхватить, подхватить на руки, как сегодня. Только чтобы синеглазка была в сознании и смотрела при этом на меня.

Приходится мысленно дать себе оплеуху, чтобы вернуть мысли в нужное русло.

До домика Зорга приходится идти, и я несу рюкзаки малышни, которые оказываются такими же невесомыми, как по ощущениям все представители семэйства. Они вообще едят? Или питаются только соленым морским ветром, который продувает их хибару?! По сравнению с ней жилище Зорга кажется дворцом.

Сегодня хорошая погода, а сам парень сидит на веранде и шлифует одну из досок. Из-за бритого черепа и густой бороды сложно сказать сколько ему на самом деле лет. Да я никогда и не спрашивал. А еще я ни разу не видел его с тапетом, и даже контакта его не знаю.

— Ты хорошо его знаешь? — будто в ответ на мои мысли спрашивает Мэйс. Точнее, Вирна. Потому что сейчас рядом со мной три Мэйс.

— Достаточно, чтобы быть уверенным, что Зорг никому не проболтается.

Несмотря на общее настроение, малышня рассматривает бухту и дом на высоких деревянных сваях с истинно детским любопытством, а вот на Зорга косится с подозрением. Я оставляю семэйство возле камина в углу, и отвожу его в сторону, быстро объясняя в чем соль. Парень понятливый и совсем не любопытный, поэтому соглашается приютить девчонок за разумную сумму.

Издали вижу, что Вирна косится на нас и уже едва не протоптала дыру в полу.

— Идем, — возвращаюсь к яркой семейке, — покажу вам вашу комнату.

Она оказывается на чердаке, но здесь чисто и просторно: даже я могу выпрямиться в полный рост.

Нет щелей в стенах и толстые стекла на окнах. Двухэтажная кровать и диван с вязаными пледами с кисточками, тканевая салфетка на круглом столике. В общем, не сравнить с домом семейства. Но они явно чувствуют себя не в своей тарелке и косятся на меня и на Вирну.

Наверное, я их понимаю. Хотя я предпочел бы эту комнату родительскому особняку, одно дело выбирать, куда отправиться самому, совсем другое — вынужденно покидать место, которое стало домом.

Вирна просит сестер разложить вещи, а сама кивает мне на дверь. И стоит нам выйти, забрасывает меня вопросами:

— Кто он такой? Что это вообще за место? И как ты о нем узнал?

— Давай обо всем по порядку, — я вскидываю руки. — Но сначала тебе нужно переодеться.

— Переодеться? — У синеглазки становится такой оскорбленный вид, словно я предлагаю ей уединиться в подсобке. С трудом сдерживаю смех. — Что не так с моей одеждой?

— Все с ней так, только в платье в воде будет неудобно. И холодно.

Мы спускаемся вниз, в ту самую подсобку, где сложены доски и висят защитные костюмы, которые можно взять напрокат. Мэйс топчется на пороге, пока я подбираю размер. Как назло, они все мужские и слишком большие для такой хрупкой девушки.

— Но это же запрещено законом! — напоминает синеглазка. — Заходить в воду нельзя.

— Да, поэтому тебе лучше никому об этом не рассказывать.

— Зачем мне вообще это делать?

— По-другому с раг'эной не встретиться.

Мэйс глубоко вздыхает.

— Ты уверен, что это безопасно? Нас никто не увидит?

— Не увидит. Там, где он обитает, не бывает ни людей, ни вьерхов.

— Я не умею плавать, — признается синеглазка.

— Это необязательно. Эн не позволит тебе утонуть.

Она молчит, и я решаю ответить на ее вопросы.

— Зорг — отшельник, живущий на берегу океана. О нем и о его хижине мне рассказал старшекурсник на одной из вечеринок, потом мы даже в академии ни разу не сталкивались.

— Если он отшельник, на что же он живет?

— На то, что продает вьерхам острые ощущения.

Это нужно было сказать только для того, что увидеть, как вытягивается лицо Мэйс.

— Куда ты привез моих сестер?! — шипит она.

— Спокойно, синеглазка. Я привез тебя к океану, именно тут мы можем получить самые острые из самых острых ощущений, которые можно придумать. Потому что в воде мы теряем свою силу.

— Теряете силу?! В воде? — Мэйс изумленно моргает. — А в душе?!

— Нет, — смеюсь я. Вьерхам вода нужна так же, как и людям. — Эта вода не считается.

— А какая считается?

— Живая вода. Стихия.

Будь иначе, я бы и к бассейну приблизиться не смог. Отец еще в моем детстве настоял на занятиях плаванием, по его мнению, это должно было еще больше развить мой потенциал и физическую форму. Так же считали и родители Хара, поэтому мы учились плавать вместе. Но даже мальчишкой мне в бассейне было тесно, поэтому предложение старшекурсника укротить океанскую волну я воспринял с азартом. И поделился им с другом, как раньше делился с ним всем...

— Об этом никто не знает, — из мыслей про Хара меня вытаскивает Вирна. — О том, что вы теряете

силу рядом с водой. Зачем ты говоришь мне все это?

— Твои варианты?

Вопрос риторический, поэтому я протягиваю ей самый маленький костюм, который только смог найти:

— Вот, держи. Переоденься.

Вирна не торопится забирать костюм и хмурится.

— Будешь смотреть?

— Предлагаешь мне остаться? — спрашиваю, шагнув к ней близко-близко. И даже в тусклом свете одинокой лампы замечаю, как часто-часто бьется жилка на ее шее, и как Мэйс резко, со свистом втягивает воздух.

— Нет! — она выхватывает одежду из моих рук и отталкивает меня в сторону.

— Очень жаль, синеглазка, — смеюсь я. — Я бы не отказался.

Вирна бросает на меня гневный взгляд и уходит вверх к сестрам. А я выхожу на веранду и смотрю на океан. Тут в гавани он не настолько бушующий, хотя накатывающие на берег волны на первый взгляд могут показаться устрашающими.

Я никогда не боялся воды, но сейчас едва сдерживаю внутреннюю дрожь. Инстинкт (тот самый, что живет в каждом въерхе с рождения) советует как можно скорее убраться от океана как можно дальше. Может, было бы проще без отцовской силы, бьющейся во мне, но этого я не могу знать наверняка. Рядом с океаном контролировать ее сложно, пусть даже за несколько дней я привык. Виски сдавливает, будто на меня надели шлем, хотя до кромки воды валлов сорок. Но повернуть назад — значит, подвести Эн.

— Я готова, — раздается за спиной.

Оборачиваюсь и замираю. С тем, что гидрокостюм окажется слишком велик, я погорячился. Темно-синяя ткань все равно облепила фигуру Вирны, как вторая кожа, и подчеркнула все, что можно подчеркнуть, сильнее, чем форма официантки-бабочки. У меня перехватывает дыхание, а все мысли испаряются из головы. Что я там говорил про океан? Или думал? Какой вообще океан...

Приходится прочистить горло, чтобы ответить что-то связное:

— Круто выглядишь.

На бледных щеках Мэйс тут же вспыхивает румянец.

— Спасибо.

— Только нужно сделать что-то с волосами. Чтобы они не мешались.

Сейчас они волнами стекают на ее плечи и спину, я тянусь за прядкой, чтобы заправить ее за ухо, но синеглазка отшатывается.

— Я заплету косу.

Едх! Ну с чего она так от меня шарахается?! Да, никто не позволял мне распускать руки, но я же не монстр какой-то.

— Пойдем.

— Сейчас.

Вирна направляется к Зоргу, засевшему в кресле и вернувшемуся к шлифованию доски.

— Спасибо, что согласились приютить моих сестер, — говорит она. — Я не знаю, надолго ли это, но заплачу, сколько потребуется.

Кто бы сомневался!

— Сочтемся, — отвечает Зорг.

— Мэйс! — зову я, и когда она возвращается, добавляю: — В том, что Ромина на тебя взъелась, моя вина. Так что не думай об оплате.

— Ошибаешься. Ты сделал достаточно, а я не хочу долгов.

— Заработаешь в «Бабочке»?

— Что, если и так? — бросает она с вызовом.

Упрямая маруна!

Сжимаю кулаки, но сила внутри с радостью откликается на злость, перехватывая контроль. Так что я закрываю глаза и мысленно считаю до десяти. Ладно, придется вернуться к этому разговору позже, иначе снова разругаемся и уже никуда не поедем.

Мы спускаемся по лестнице и возвращаемся к моему эйрлату.

— Разве нам нужно не к океану? — спрашивает синеглазка.

— К нему. Но Эн обитает не здесь, а за мысом Гор. К тому же, здесь мы можем встретиться с другими любителями острых ощущений.

Вирна с беспокойством оглядывается, будто ищет других въерхов, но я продолжаю:

— Не волнуйся, посетителей у Зорга не сказать, чтобы много. Сейчас еще и не сезон, кроме нас с Харом в такое время никто на досках не гоняет. Так что никто девчонок не выдаст.

Учитывая нашу с другом стычку, не уверен, что здесь бывает даже он.

— А летом? Не боишься, что кто-то тебя узнает?

Усмехаюсь и достаю из бардачка последний атрибут костюма.

— Для этого все носят маски. Хотя на самом деле функция у них отнюдь не карнавальная. Маска плотно ложится на кожу, прикрывает нос и рог и поддерживает тепло... Попробуй!

Вирна сначала крутит темную полоску в руках, но потом все-таки прикладывает ее к лицу.

— Еще внутри есть датчики, которые не позволят тебе захлебнуться, если совсем накроет волной и утащит на глубину. Подарит пару минут форы, чтобы можно было сориентироваться и вернуть контроль над стихией. Интересно?

— Очень! — заявляет Мэйс и впервые за сегодня улыбается.

Поворачиваю машину в нужном направлении, здесь нет дорог, поэтому приходится отключить навигатор, настойчиво требующий вернуться на трассу. Чем дальше от океана, тем легче, но лишь немного.

Вирна ловко заплетает волосы в густую косу, а я то и дело кошусь на синеглазку. Она ловит один из таких взглядов, и я чувствую себя странно, будто она застала меня за подглядыванием.

— Почему ты выбрал такое... увлечение? — спрашивает она, нарушая неловкое молчание. — Тебе нравится чувствовать себя бессильным?

Качаю головой.

— Не поэтому. Мне всегда нравился океан, я им восхищался. Можешь не верить, но в детстве я провел много-много часов в океанариуме. Не говоря уже о тренировках в бассейне. Поэтому когда узнал о существовании такого спорта, не раздумывая приехал сюда.

А после были долгие месяцы тренировок, сражений с океаном и с самим собой. Которые с появлением в моей жизни Эн приобрели совершенно другую цель.

— Давай сменим тему, потому что если дело пойдет так, я расскажу тебе все свои тайны, а некоторые из них достаточно неприличные.

Губы Мэйс подрагивают, но сдержать улыбку у нее все-таки не выходит.

— Да, — подтверждаю я. — Теперь никто не знает про меня столько, сколько ты.

— Даже М'эль?

— Даже она.

Может, это странно, но с Кьяной у нас в основном были поцелуи и разговоры об искусстве, учебе и прочем, о чем говорят с девчонками. А с синеглазкой мы даже до поцелуев не дошли.

— Я тоже рассказала тебе больше, чем кому-либо, — признается Вирна.

— Даже парню своей сестры? — не остаюсь в долгу я.

Ответить она не успевает, потому что тапет Мэйс, оставшийся в сумке на заднем сиденье, разрывается мелодией входящего звонка. Вирна подскакивает на месте и тянется за ним, а я морщусь от досады на то, что нас прервали.

Интересно, кто это?

— Да, Вартас.

Пальцы крепко сжимаются на рогатке.

— Ты меня набирала. Что-то случилось?

— Нет, все в порядке. Я просто хотела кое о чем тебя попросить.

Динамики этого старья фонят так, что я слышу все до последнего слова, и сейчас предпочел бы, чтобы этот тапет накрылся окончательно.

— О чем?

— Уже ничего не нужно.

Меня так и подмывает включить музыку. Значит, она собиралась просить этого парня спрятать сестер. И если бы я не наплевал на все и не приехал, встретила бы сегодня с ним. Снова.

— Ты уверена?

— Да, абсолютно. А у тебя все нормально?

— Как обычно. Просто морс работы навалилось, но через пару часов освобожусь. Если хочешь, можем сегодня...

— Я не смогу сегодня, — быстро отвечает Мэйс.

— Почему?

— Буду очень занята.

— В выходной?

— Да.

— Ты с ним?

С ним? Это еще с кем?

— Мы договаривались на завтра. — На том конце линии повисает пауза, и Мэйс добавляет: — Расскажу обо всем при встрече. Пока.

А затем завершает звонок. Ее лицо пылает, поэтому она старательно рассматривает скалы и цепляющиеся за них искореженные деревья впереди.

Хочется спросить, что между ними, до одури хочется, сам не знаю, как сдерживаюсь. Это. Не. Мое. Дело. Мы с Мэйс не встречаемся, и мы с ней не друзья. Нас объединяет только практическая работа, проблема Ромины и океанская бабочка. Все!

— Ты же понимаешь, что никому нельзя рассказывать, где ты спрятала сестер? — говорю резче, чем нужно, за что готов пнуть себя с самой высокой вершины Дракура. За то, что показываю свои эмоции. — Даже этому... Вартасу. Даже если ты ему доверяешь, Ромина умеет добиваться своего, и она не настолько глупа, как может показаться.

На этот раз Мэйс бледнеет.

— Ему тоже грозит опасность?

Хидрец! Только не говорите мне, что сейчас она еще и его попросит спрятать.

— Вряд ли, но если ты всем и каждому будешь рассказывать про дом Зорга, то проблемы будут у всех.

— Я не собираюсь никому о нем рассказывать.

— Рад, что мы друг друга поняли, — цежу я.

Мэйс гневно сверкает глазами и заявляет:

— Лучше расскажи про бабочку.

— Хорошее предложение.

Продолжать в том же духе действительно не имеет смысла.

Повезло, что мы на месте. Я сажаю эйрлат, дальше лучше пешком.

Здесь, по другую сторону мыса, ветер слабее. Берег каменистый и неровный, до него можно добраться только по узкой тропе между валунов, волн практически нет, но здесь я впервые познакомился с Эн. Сюда меня приволокло течением, здесь раг’эна вытащила меня в ту жуткую ночь. В место, которое обходят даже дежурные катера политари, и куда никому в голову не придет сунуться, потому что за мысом Гор заканчивается граница оберегающего сушу щита. Случись что — и от волны уже никто не спасет.

— Это случилось в конце лета, во время сильного шторма. Обычно никто в такую погоду в океан не суется, даже искатели приключений, но я в тот день был слишком зол, и мне просто необходимо было как-то спустить пар. Вот и выбрал такой способ. Пару волн я все-таки укротил, можно сказать, почувствовал себя героем. А вот с третьей не повезло... Она меня накрыла и поволокла вниз, даже маска не спасла. Я почувствовал, что не справляюсь, и запаниковал.

Раньше я считал, что это мое самое страшное воспоминание, до дрожи, до учащенного пульса, но сейчас понял, что меня больше не дергает. Ночь похищения Мэйс сейчас казалась в разы страшнее, хотя тонул тогда вовсе не я.

— Понимаю, — хрипло отозвалась девушка.

— Когда я думал, что мне настал хидрец, появилась раг’эна.

Воспоминания об этом живы до сих пор: Эн светился, если быть точным, фосфоресцировал, и казался настолько неземным, что впору было подумать про дорожку в другой мир.

— Он поднырнул под меня и просто вынес на поверхность.

Потом я долго кашлял, едва не выхаркав легкие, а после тащился до Зорга часа полтора. Но не думаю, что именно об этом стоит рассказывать Мэйс.

— Если бы не раг’эна, я бы, наверное, больше никогда не подошел к океану, но мне хотелось убедиться, что это не было галлюцинацией. Ну и узнать, что привело ожившую легенду к берегам Ландорхорна.

— Узнал?

— Если бы. Но он приплывает ко мне в девяти случаях из десяти. У него на боку длинный рваный шрам, похоже на следы от зубов. Он был серьезно ранен. Возможно, поэтому отстал от своих или сделал это специально. Но наверняка никто не скажет.

— Все-таки он, — бормочет Мэйс. — Почему ты решил, что это он? А не она?

— Потому что он похож на парня, — фыркаю я. — И откликается на имя Эндар.

— Незнакомец?

— Да, — киваю я. — Ты точно не зря учишься в Кэйпдоре.

Мы почти пришли, до берега остается каких-то валлов двадцать, и я будто натыкаюсь на невидимую стену. Сила отца ударяет в ладони, дрожит внутри.

— Дальше мне нельзя.

— Что? — Мэйс отрывает взгляд от волн и взволнованно смотрит на меня.

— Я — лишусь силы, если подойду ближе к океану. Меня смоем волной и тогда тебе придется меня оттуда вытаскивать.

— А если волной смоем меня?!

— Не смоет. Тут пологий склон и неглубоко. Тебе нужно просто войти в воду, по колено, не глубже, и мысленно позвать Эн.

— А если он не откликнется?

— Откликнется. Он тебя уже знает, и придет. Ему тоскливо и одиноко, а ты мне должна, синеглазка!

Пусть это нечестно, но во взгляде Мэйс теперь говорит гнев. Она сжимает губы в тонкую линию, идет к воде. Я смотрю на ее прямую спину, смотрю, как она останавливается в двух шагах от холодной иены.

Волн здесь практически нет, а те, что есть, навредить не смогут, но Мэйс вдруг замирает, а потом начинает отступать. Она пятится назад до тех пор, пока не натывается на крупный камень, а потом разворачивается и бежит вдоль побережья, все дальше от воды и от меня.

Несколько мгновений я смотрю на бегущую девчонку, а потом бросаюсь за ней.

Глава 16

Ближе некуда

Вирна Мэйс

В ушах грохочет собственное сердце, рядом грохочет океан. Мне кажется идиотизмом то, что я только что собиралась туда войти. В воду.

«Вода — это жизнь, Вирна».

Нет, вода — это смерть. Страшная, соленая смерть, которая смыкается над головой, швыряя тебя из стороны в сторону, как щепку. Пусть даже я не помню этого, я отчетливо ощущаю, как волны подхватывают меня и швыряют о камни. С той же легкостью, с которой ветер может швырнуть перышко, и тогда станет уже все равно, есть там Эн или нет, потому что меня уже не будет.

— Синеглазка, стой! — доносится из-за спины. — Мэйс! Да стой ты уже!

Я оборачиваюсь: К'ярд меня догоняет. Это я так быстро бегаю, или... Нет, или. Я понимаю это в тот момент, когда он подлетает ко мне с темными, как ночь глазами, и вместо румянца от быстрого бега на щеках белые пятна.

— Куда тебя понесло? — рычит он. — Что случилось?!

— Я не могу, — мотаю головой, не представляя, как сказать ему о силе. — Не могу. Мне... страшно.

И нечем дышать.

Стоит представить, что я сейчас окажусь в воде, и мне снова становится нечем дышать: спазм сдавливает грудь, не пуская в легкие воздух, начинает тошнить, все тело пронзает мелкая дрожь. К'ярд сдергивает с меня маску и вглядывается в лицо, а потом ругается так, что я краснею. По крайней мере, мне так кажется.

— Просто сказать нельзя было? — цедит он, протягивая мне руку. — Пойдем.

— Я не...

— Да не в воду! Назад.

Назад мы идем очень медленно. То, что меня трясет, я чувствую как-то странно, фоном, словно смотрю на себя со стороны. Впрочем, стоит мне окончательно осознать, что никто не заставит меня приближаться к воде и тем более туда заходить, как дышать становится легче. Кровь снова растекается по телу, согревая ледяные пальцы, в отличие от К'ярда, рука которого просто ледяная.

— Ты в порядке? — спрашиваю я, когда мы садимся в эйрлат.

Идиотский вопрос, но он все-таки отвечает.

— Нет. Мне говорили, что мне нельзя к океану, но чтобы так... Е-е-едхов хидрец!

От улара панель навигатора идет трещинами, и я вздрагиваю. Особенно когда вижу сбитые в кровь костяшки и совершенно белое лицо, а еще глаза — дикие, сумасшедшие, полные такого отчаяния, что мне становится не по себе.

— Я могу попробовать еще раз, — говорю я, глядя на К'ярда.

Не потому, что хочу туда идти, а потому... потому что он сейчас такой из-за меня. Осознание этого отзывается солью океанских брызг на губах и странным ударом сердца, напоминающим удар падающей в жестянку ложки.

— А мне потом вытаскивать твоё бездыханное тело? — Он косится на меня. — И заново запускать сердце? Нет, спасибо.

Да, я сама только что об этом думала, но его слова от этого не становятся менее острыми.

— Я не просила меня спасти, — говорю глухо и отворачиваюсь.

К'ярд снова ругается, а потом хватается за плечи и разворачивает лицом к себе.

— Я не об этом, — говорит он. — А о том, что если ты зайдешь в воду, у тебя случится остановка

сердца. Это был юмор, Мэйс, чтоб тебя! Ты свое лицо вообще видела?

— Нет, зато я видела твое, — хмыкаю я.

Это точно не совсем то, что стоит говорить, но он слишком близко и вызывает во мне слишком много чувств. Честно говоря, он вызывает во мне столько чувств, сколько не вызывал никто и никогда за всю свою жизнь, поэтому мне хочется оказаться как можно дальше от него. Не только физически.

— И чем же тебя не устраивает мое лицо? — неожиданно интересуется он.

Сейчас, когда в его глазах не горит огонь вѣрхов, он выглядит просто человеком. Хотя нет, просто человеком он никогда не выглядел, потому что эта черная тьма в глазах, в которой тонут даже зрачки — нечеловеческая, но она меня не пугает. Я вдруг отчетливо понимаю, что она меня не пугает, и что единственное, что мне сейчас хочется сделать — это проверить, соленые у него губы или нет.

Приплыли.

— Тебе помочь? — интересуюсь я, выворачиваясь из его рук и кивая на панель навигатора, которая тоже темная.

Еще бы, после того, как ее чуть ли не раскрошили одним ударом.

Одним ударом! И это при том, что в нем не было силы вѣрха. О том, что стало бы с эйрлатом, будь она у него, думать не хочется. Хотя тогда с эйрлатом точно было бы все в порядке.

— Я поставлю автопилот, — говорит он. — Здесь по прямой, никаких ограничителей, так что твоя помощь не потребуется.

Ну и чудесно.

— А вот в городе тебе придется сесть за рогатку.

— Что?!

— Меня сейчас может вырубить, — говорит он. — И если это случится...

Можно не продолжать.

— Я не умею водить!

— Здесь ничего сложного. Я объясню.

Ну еще бы, это же так легко.

— У меня прав нет, Лайтнер!

— Ты назвала меня Лайтнер?

В салоне взмывшего ввысь эйрлата нет ничего тяжелого, и это определенно в тему. Потому что мне хочется его стукнуть.

— Ты никогда не нарушаешь правила, Вирна?

Он выделяет мое имя, и стукнуть его хочется еще сильнее.

— Нет, — отвечаю я. — Не нарушаю.

— В общем, если даже случится такое счастье и тебя остановят... в законах Раверхарна есть пункт, что ты имеешь право сесть за рогатку, если спасаешь кому-то жизнь.

— Ты это только что придумал? — вскидываю бровь. — И тебе не надо спасать жизнь. Вроде бы.

— Ты в этом так уверена? — интересуется К'ярд, а потом начинает хрипеть и заваливается на бок.

От удара головой о стекло раздается глухой звук.

— Очень смешно, — говорю я.

Ответа, разумеется, не получаю. Автопилот ведет ровно, но мне все равно не по себе.

— Ладно, — говорю я. — Пошутили и хватит. Ха-ха-ха.

Тишина.

К'ярд белый, как полотно, грудь его тяжело вздымается, и мне становится не по себе.

— Эй, — наклоняюсь к нему, легонько касаюсь его руки. Собираюсь осторожно нащупать пульс, когда меня резко перехватывают за запястье. От неожиданности дергаюсь назад, ладонью впечатываюсь в панель управления, раздается писк, и сиденье К'ярда откидывается. Нас дергает назад, я валюсь на него, собираясь высказать все, что думаю, но не успеваю. Его губы врезаются в мои раньше, чем я делаю вдох, и мне снова нечем дышать. Нечем дышать, не за что ухватиться, кроме как за одну мысль.

Его губы совсем не соленые.

Жесткие и горячие — да, но не соленые. Меня странно ведет то ли от этой мысли, то ли от того, как они сминают мои. Ураган чувств, который обрушивается всей своей мощью, грозя утопить не хуже штормовой волны, но я все-таки дышу. Рвано и через раз, когда по губам скользит холодный воздух, а потом опять падаю в этот дикий, обжигающий поцелуй.

Поцелуй.

С К'ярдом.

Осознание этого заставляет отстраниться, вот только вдох (или выдох?) почему-то похож на стон. Я снова дергаюсь назад, но он успевает меня подхватить за мгновение до того, как я влечу в рогатку. Мне хочется закрыть руками рог, хочется затолкать этот выдох в себя и стереть его поцелуи с губ и из памяти, вместо этого я упираюсь ему в грудь.

— Ты идиот! — шиплю я.

— Так на меня еще никто не реагировал.

Почему-то это «никто» ударяет сильнее, чем должно. По большому счету, оно меня вообще цеплять не должно, но он меня цепляет.

— Все когда-нибудь случается впервые, — хмыкаю я, отбрасываю его руку и буквально падаю на собственное сиденье. — Но это не отменяет того, что ты идиот.

К'ярд дотягивается до панели, коротким прикосновением возвращает кресло в нормальное положение.

— Почему бы тебе просто не признать, что ты за меня волновалась, Мэйс?

— Почему бы тебе просто не признать, что это нормально — волноваться, когда кому-то становится плохо? — возвращаю ему его же слова.

— Кому-то? — Он смотрит на меня, прищурившись.

— Кому-то, — подтверждаю я.

— Ну-ну, — он усмехается.

В другой раз я бы промолчала, но сейчас внутри все бурлит и клокочет, наверное, так чувствует себя океан, когда в нем зарождается смертоносная волна.

— По-моему, тебе стоит признать, что не все крутится вокруг твоей персоны, К'ярд.

— По-моему, тебе стоит признать, что тебе понравилось со мной целоваться, — фыркает он, и прежде чем я успеваю ответить, добивает: — Гораздо больше, чем с парнем твоей сестры.

Сначала во мне кончаются слова. Потом начинаются, но я молчу, потому что все они нецензурные. Потому что помню, что произошло в «Бабочке». Потому что помню, что он меня спас.

— Между мной и Вартасом ничего нет, — говорю я. — А если ты до сих пор этого не уяснил, ты идиот. Хотя с этим фактом мы уже почти разобрались.

— Ну разумеется. — К'ярд издевательски вскидывает брови: откуда только силы взялись. — Осталось только разобраться с тем, что кое-кто полная и безоговорочная трусиха, не умеющая признавать даже самых очевидных вещей.

— Очевидных? — интересуюсь я. — Например?

— Что он на тебя запал.

— Он — что?!

— Бегаёт за тобой, Мэйс. Пускает на тебя слюни, понимай, как знаешь.

— Он любит мою сестру!

— А я люблю Кьяну, — сообщает К'ярд.

— Ну ты и едх, — цежу я. — Даже без пальто.

— От надры слышу.

— В следующий раз, когда тебе станет плохо, я пройду мимо.

— Даже не сомневаюсь.

Из эйрлата мы выкатываемся растрепанные, злые, и если честно, я готова не просто опрокинуть на него поднос, я готова его пнуть. В самое ценное, потому что просвещенные умы полагают, что боль приводит в гармонию разум и восстанавливает равновесие. Не знаю, что она там куда приводит, но мне правда не помешает это самое равновесие восстановить.

Чтобы это поскорее случилось, я поднимаюсь к сестрам и коротко обрисовываю Мит ситуацию: до того, как Ромина окажется под следствием, им придется пожить здесь. В школе я постараюсь выбить им домашнее обучение, у нас такое допустимо, если, например, в семье не хватает денег на еду и на проезд, но если не получится, придумаю что-нибудь еще. Впрочем, то, что они не будут ходить в школу, вовсе не значит, что им целыми днями не придется ничем заниматься.

— Будешь готовиться к занятиям, как обычно, — говорю я сестре. Мы стоим в коридоре и стараемся говорить тише, чтобы Тай не услышала. Для нее это просто интересное приключение, пусть оно таким и останется. — А заодно помогать Тай освоить программу.

— Тапеты придется отключить от сети, — доносится из-за спины голос К'ярда.

— Что?! — У Мит расширяются глаза, я же принципиально не оборачиваюсь.

— Иначе ваше пребывание здесь теряет всякий смысл.

Понимаю, что он прав, поэтому протягиваю руку.

— Нет! — восклицает сестра.

— Митри.

— Ненавижу, — бурчит она. — Мы же здесь со скуки сдохнем.

— Не сдохнете, — сообщает К'ярд, — Вирна соберет школьную программу на свой тапет и перекинет мне. Я передам ее Зоргу, так что будете учиться.

Он обходит меня и теперь стоит впереди, рядом с сестрой, так что мне волей-неволей приходится на него смотреть. На него и на его губы, чтоб его линария взасос поцеловала!

— А если это затянется на годы? — язвительно интересуется Митри.

— Не затянется, — обещает К'ярд.

После чего возвращается к лестнице, снова оставляя нас одних.

— Поверь, если бы не было серьезной угрозы, я бы ни за что с вами не рассталась, — говорю я, и внутри что-то дергается. Мне страшно представить, каким станет дом без сестер, но еще страшнее представить, что с ними может сделать Ромина.

— Я знаю, — вздыхает Мит. — Иначе едха с два ты бы меня сюда затащила.

— Митри!

— Угу, — она разворачивается, уходит, возвращается с тапетами. Я вырубаю сеть, меняю пароли и отдаю ей.

— Я буду скучать, — говорю тихо.

— Я тоже.

Мы обнимаемся, потом я обнимаю Тай. Она сидит на кровати, гораздо более удобной, чем была у

нас дома, и болтает ногами.

— Ты же вернешься? — спрашивает, облизывая леденец.

Откуда он у нее взялся — вопрос, но без Зорга тут точно не обошлось.

— Обязательно.

— Скоро?

— Скоро.

Горло сдавливают, поэтому я быстро отпускаю сестру и выхожу из комнаты. Понимаю, что долгое прощание сейчас лишнее, и что К'ярду сейчас стоит убраться как можно дальше от океана. Стоит мне подумать про него — и губы начинают гореть, я вытираю их тыльной стороной ладони, но не помогает.

— Хидрец, — доносится до меня.

Поворачиваюсь и вижу, что он стоит в дверях, в арке, ведущей на кухню (кажется, именно здесь меня отпаивали чем-то после того, как Ромина швырнула меня в воду). Смотрит, и даже сквозь непроглядную темень в его глазах начинают вспыхивать искры.

— Пошли, — командует резко, разворачивается и выходит.

Я иду за ним, сунув руки в карманы, чувствуя, как сердце ударяется о ребра.

Со стороны это выглядело паршиво, этот жест с губами, но так будет лучше. Для всех.

Я думаю об этом, пока он объясняет мне, как управлять эйрлатом — короткие, рубленые фразы, в которые приходится вслушиваться, чтобы часть не упала мимо. Думаю, когда дрожащими руками первый раз поднимаю эйрлат в воздух, и когда Лайтнер на ходу объясняет, какие сигналы (не считая известных всем) и как трактовать. В городе я прицельно сосредоточена и не повышаю скорости даже тогда, когда вижу, как у него на лбу выступают капельки пота.

— Снижайся здесь, — говорит он. — Я позвоню, и меня заберут.

Мне снова хочется к нему потянуться, убрать налипшую на лоб прядку, но я понимаю, что это лишнее. Это совершенно точно лишнее, как и тот поцелуй, и то, что я в эти мгновения чувствовала.

Поэтому как только платная парковка принимает нас, я выхожу из эйрлата.

И ухожу, не оборачиваясь и не оглядываясь.

Глава 17

Проблемы и способы их решения

Лайтнер К'ярд

Я, конечно, знал, что доктор Э'рер слов на ветер не бросает, и если он сказал, чтобы я держался подальше от океана, значит, сказал не просто так. Но кто же знал, что пробежка за Мэйс по берегу обернется не только слабостью, а и дикой болью. Точнее, сначала все было более чем обычно: меня шатало, но я мог ровно стоять и даже ходить, и даже поцеловать Мэйс... А вот об этом лучше совсем не вспоминать!

Потому что стоило только вспомнить, как мне хотелось крушить все вокруг. Поэтому я отгонял прочь мысли про Вирну, старался не думать о нежной коже, мягких горячих губах и хрупкой фигуре, тесно прижатой к моему телу... А заодно о том, как брезгливо синеглазка вытирала губы после нашего поцелуя.

Это было как удар под дых. Нет! Гораздо ниже. По самому больному. Будто она маруну поцеловала, а не симпатичного парня!

Вот от последнего воспоминания все перед глазами затягивало красным. Не знаю, к счастью или нет, но навредить я мог только себе, с чем успешно справлялся.

У меня было ощущение, что я упал в насос, откачивающий пресную волю. Выкручивало суставы, внутри все горело, а темнота перед глазами сменялась короткими возвращениями в сознание. И когда я выныривал на поверхность, то злился еще больше.

Какие только слова не пришли мне в голову, когда я ждал нашего водителя. В больницу мне было нельзя из-за репутации отца, поэтому я набрал доктора Э'рера. К счастью, он согласился принять меня у себя на дому. Не будь этой испепеляющей изнутри боли, я бы о прогулке к океану даже не заикнулся, но здесь пришлось признаться: на случай, если это важно. Впрочем, я не собирался раскрывать свои секреты Э'реру, просто сказал, что решил испытать себя и отцовскую силу.

Доктор разозлился. Его ноздри раздулись, он процедил, что я поступил слишком самонадеянно, и что он был лучшего обо мне мнения. Правда, это было уже после пары часов восстановления, когда боль перестала скручивать внутренние органы, и я снова мог нормально дышать и даже сесть на кушетке (в доме Э'рера был медицинский кабинет).

— Я прошу вас не рассказывать об этом моему отцу.

Э'рер искренне оскорбился.

— Я доктор, Лайтнер, и знаю, что такое врачебная тайна. Так что рассказывать обо всем придется именно тебе. Но если ты продолжишь наплевательски относиться к самому себе, то я без зазрения совести сообщу Диггхарду об этом. Или мы с тобой, как с пациентом, распрощаемся.

Да плевать! Если отец не узнает о моей вылазке к океану, я готов пообещать быть пайнкой весь следующий год!

Но сегодня я прошел по краю. По словам Э'рера мне вообще грозила кома: не знаю, пытался ли он меня запугать или говорил правду, но осторожность не помешает. И не только в том, что касается здоровья, а ради Эн, семейки Мэйс и всего, что я задумал.

Вернувшись домой, я настолько погрузился в собственные мысли, что слишком поздно заметил вышедшую мне навстречу маму.

— Лайтнер! Твои глаза! Что случилось?

Я мысленно ругаюсь на всех и вся. Какого едха я снял очки?

— Пустяк. Все в порядке, мам. Правда. Я просто не рассчитал свои силы, и на сегодня я вне игры. До завтра все пройдет.

Вот ненавижу ей врать! А это вроде как полуправда. Завтра утром явлюсь к отцу, и он накачает меня новой порцией силы.

Но мама не отстаёт:

— Ты с кем-то подрался?

— Это был силовой спарринг, — ухватываюсь я за предложенную отмазку. — На тренировке. Не переживай, хорошо?

Сжимаю ее миниатюрную ладонь в своей и смотрю в глаза. Это срабатывает, как в детстве: морщинка на лбу матери разглаживается, а на губах появляется слабая улыбка.

— Хорошо, — повторяет она. — Пожалуйста, не заставляй меня волноваться.

Внутри поднимается волна стыда за мой обман: все-таки то, что я делаю и что собираюсь сделать не настолько безопасно. Но я душу это жалящее чувство в зародыше. А мама... Маме проще знать, что у меня все хорошо. Хотя что-то мне подсказывает, что она до конца не поверила.

Тем не менее мама бережно пригладила мою челку, коснулась пальцами щеки.

— Ты всегда можешь рассказать мне обо всем, что тебе беспокоит, — прошептала она. — Знаю, у меня нет отцовской силы и влияния, но, поверь, я могу дать нечто большее. Любовь. Поддержку. Лайтнер, я всегда поддерживаю тебя. Встану на твою сторону, что бы ни случилось.

Сказать, что я удивлен, значит, ничего не сказать. Потому что всегда считал, что отец душил мать как личность, закрывает ее своей широкой фигурой во всех смыслах, запугивает. И совсем не ожидал того, что в моей хрупкой и маленькой матери столько мудрости и внутренней силы.

— Спасибо, мам, — киваю я, хотя уверен, что никогда не воспользуюсь ее предложением. У нее большое сердце, поэтому его нужно беречь. — Я тоже тебя люблю.

Она кивает и улыбается.

— Лайтнер, как у тебя с той девушкой? Той, из-за которой ты улыбался.

Напоминание о синеглазке заставляет меня поперхнуться воздухом.

Ну да, из-за нее я улыбаюсь. Еще злюсь, сомневаюсь во всем на свете и чувствую себя то героем (когда я нашел убежище для ее сестер), то придурком (когда поцеловал). А так у нас Мэйс просто идеальные отношения.

— Не уверен, что ей нравлюсь, — признаюсь я.

— Ты и не нравишься?

— Представь себе! Такая девчонка существует.

— Может, ты просто еще не нашел ключик к ее сердцу? — с лукавой улыбкой заявляет мама.

Я думаю, что синеглазка тот еще сейф на дне моря, и к которому нужен не ключ, а шестизначный шифр. Вопрос в другом: хочу ли я его разгадывать?

Мама уходит, и я наконец-то могу пойти к себе и выспаться.

А перед сном еще все обдумать. Тем более что подумать есть о чем.

Например, о том, что Ромина угрожала Мэйс и ее сестрам. И, наверняка, той девчонке, ее подружке. А значит, пришло время показать этой надре, кто настоящий хозяин в Кэйпдоре и Ландорхорне. Если отец отказался делать это на своем уровне, то я разберусь с Д'ерри самостоятельно.

И начну с Родреса.

Так как у Родди появились «новые друзья», я решил побеседовать с ним там, где нам не помешают. Попросту, заявиться к нему в гости.

И лучше с самого утра.

Доктор Э'рер сдерживает свое слово, и все, о чем спрашивает Диггхард К'ярд во время нашей следующей встречи — как обстоят дела с контролем. Я отвечаю, что с переменным успехом, и отца устраивает такой ответ.

А после вливания силы я чувствую себя так, что готов свернуть горный хребет Дракур. Кажется, мое тело смирилось и привыкло к тому, что его заряжают как батарейку. Учитывая, что сегодня я не собираюсь ехать к океану, все вообще отлично.

Семья Родди живет в нескольких кварталах от нашего особняка. Дом у них не настолько роскошный по отцовским меркам, зато он ультрасовременный. Мне всегда нравился минимализм. У них,

кажется, всего двое слуг, потому что в доме абсолютно все автоматизировано: начиная от сканера на воротах и заканчивая автоматическим смыванием унитаза после того, как с него встанешь, закончив свои дела. Еще бы! Ведь родителям Родреса принадлежит компания «Бигихор», производящая эйрлаты, защитные системы и, пожалуй, всю электронику в Ландорхорне.

Стоит коснуться звонка, система-дворецкий впускает меня в дом. Родди ждет? Сильно сомневаюсь.

И действительно, меня встречает няэстра Б'игг. Худая и высокая, она носит каблуки даже дома (никогда не видел ее в другой обуви). О том, что они с Родресом родственники напоминают только кучерявые волосы и глубоко посаженные темные глаза. Впрочем, возможно они были бы гораздо больше похожи, если бы няэстра Б'игг не увлекалась переделыванием своего лица. Например, в прошлый раз у нее точно была другая форма носа.

— Лайтнер, здравствуй, — улыбается она. — Как дела?

— Отлично, Зыра.

Ее глаза довольно загораются: маму Родреса раздражает обращение «няэстра Б'игг», поэтому она настаивает, чтобы все называли ее по имени.

— Родрес дома? — спрашиваю.

— Еще не вернулся с вечеринки. Думала, вы ходите на общие.

Раньше этого придурка вообще ни на одну нельзя было затащить, а оказывается достаточно было просто сказать, что там будет Ромина.

— Я ушел раньше.

— Понимаю, — кивает няэстра Б'игг и шагает к картине, на которой изображен белый куб. — Я могу его набрать.

Она прикладывает ладонь к кубу, и картина исчезает, разом превращаясь в голографический экран тапета. Здесь все: и защитные системы дома, и контакты, и карты. Мамаша Родди нацепила на него маячок и в курсе, где именно находится ее сын? Такого и врагу не пожелаешь, брр!

— Не стоит, — успеваю ее остановить. — Могу я его подождать?

— Конечно! Но учти, что через час я уеду, и ты останешься сам по себе.

— Не страшно, Зыра. Я никуда не тороплюсь.

Я готов ждать Родреса хоть весь день, а вот предупреждать его о моем визите не стоит. С Родди станется не явиться домой или захватить с собой новых дружков, которые могут нарушить наш приватный разговор.

Няэстра Б'игг предлагает мне разместиться на кухне: отсюда сквозь стеклянные стены отлично видна подъездная дорожка, так что появление Родреса я не пропущу. А его мать готовит себе завтрак. Ну как готовит, она нажимает на кнопки, и за нее все выполняет техника. Я отказываюсь от каши, но соглашаюсь на чашку горячего льяри. Няэстра Б'игг расспрашивает меня об отце и об учебе в Кэйпдоре, но об отце особенно, и мне приходится ее развлекать. Или ей меня, с какой стороны посмотреть, поэтому я искренне радуюсь, когда эйрлат Родреса появляется во дворе. Бывший друг меня не видит из-за отражающих стекол, а вот мне прекрасно видно, что он один.

Я неторопливо допиваю льяри с горчинкой. Если Родди решит отправиться сразу в свою комнату, то это даже хорошо — я перехвачу его по пути.

Но он сворачивает на кухню и, замечая меня, замирает на входе.

На мгновение в глазах за стеклами стильных очков в тонкой оправе мелькает страх.

— Родрес, смотри кто у нас в гостях! — улыбается няэстра Б'игг.

Мы с Родди смотрим друг на друга, и я приподнимаю бровь: мол, скажи при матери, чтобы я убирался из вашего дома. Уверен, она упадет в обморок, когда узнает, что ее сынок поссорился с одним из К'ярдов. Но я бы с удовольствием на это посмотрел. Тот моргает и отводит взгляд.

— Давно не виделись, Лайт. Что ты здесь делаешь?

— Приехал узнать, как ты пережил вечеринку, и хочу еще кое-что обсудить, — усмехаюсь я. — По учебе.

— Так, — говорит няэстра Б'игг, загружая пустую тарелку и чашки в посудомоечную машину, — вы тут все обсуждайте, а я побежала по своим делам. Пока, малыш. Пока, Лайтнер.

Она целует сына в щеку, а мне машет рукой.

— Передавай привет отцу.

— Обязательно, Зыира, — жизнерадостно обещаю я, но стоит ее каблукам стихнуть в холле, поворачиваюсь к ее сыну.

Видимо, взгляд у меня становится соответствующим, потому что Родрес даже отступает на шаг.

— Тут везде камеры, Лайтнер, — предупреждает он. — И прослушка есть. Система вызовет политари, если...

— Если что? — перебиваю я, медленно поднимаясь с барного стула и приближаясь к нему. — Если что, Родди? Если я начну тебе угрожать? Или бить тебя? Ногами, например.

Родрес шумно сглатывает, но остается на месте. А вот я продолжаю:

— Зачем мне это? Зачем мне бить друзей? Мы же были друзьями, Родди. Помогали друг другу. Были друг за друга горой.

— Ну да! — хмыкает он, скрещивая руки на груди. — Друзья. Только вспоминали вы с Харом обо мне, когда нужна была моя помощь и мои мозги.

— То есть, выходит, мы тебя использовали, а Ромина дружит с тобой просто так?

Лицо парня становится пунцовым, он даже начинает заикаться:

— П-п-ри... при ч-чем здесь она?

— Да потому что с нее все началось, и тут твои гениальные мозги тебе отказали.

— Ничего мне не отказывало! Наоборот у меня раскрылись глаза на многие вещи.

— Угу, — зло усмехаюсь я. — Например, на глубину декольте Д'ерри. Знаю, там есть на что посмотреть. Собственно, это единственное, с чем у Ромины все в порядке. А вот с мозгами у нее как раз не очень.

— Ты злишься, Лайт, потому что после твоей выходки в столовой половина Кэйпдора не желает с тобой общаться!

— Нет, Род, это я не собираюсь общаться со всяким сбродом.

В глазах Родреса вспыхивает огонь силы вверху.

— И поэтому ты общаешься с калей... Мэйс?

Я шагаю вперед и кладу руку на плечо Родди, сжимая пальцы. Легко, в записи останется только дружеское похлопывание по плечу, но бывший друг дергается и сжимает зубы от боли.

— Я общаюсь, с кем хочу, — отвечаю я так, что бывший друг вздрагивает. — И на твоё счастье тут камеры.

— Ты мне угрожаешь?!

— Угрожаю? Нет. Нет, Родди, я хочу, чтобы ты рассказал правду про Д'ерри.

— Я уже рассказал правду.

— Неужели?

— Я рассказал политари, что ты мне угрожал, чтобы я оговорил Ромину.

О чем еще Вирна забыла мне рассказать?!

Внутри полыхает отцовская сила, а на лице Родреса появляется удовлетворенная, даже торжествующая улыбка. Правда, ненадолго: я сжимаю его плечо так, что он всхлипывает. А мне хочется стукнуть придурка головой о мраморный стол.

— Я не собираюсь подставлять дочь судьи Д'ерри только потому, что тебе так захотелось, — едва не плачет этот едх.

— Мне? — переспрашиваю я. — Мне захотелось?! Это Ромина издевается над людьми. Она швырнула Мэйс в океан!

— Если это так, то как же она выжила?

Родрес вздергивает подбородок.

— Что-то здесь не сходится, Лайт. В тот день был сильный шторм, даже если бы ты, к примеру, прыгнул за ней, то вы бы все равно не смогли выжить. Не говоря уже о том, что океан отобрал бы все твои силы, но, как я вижу, с твоей силой все в порядке.

Родрес не знает про раг'азну, но про силу он попал в точку.

— Ты говоришь про издевательства над людьми, — продолжает парень, — но по мне так это ты пытаешься свести счеты с Роминой и подставить ее. Мстишь, за то, что она тебя бросила.

— Это она сказала?

— Да! Это она сказала.

— А ты поверил?

Родрес не едх, он — влюбленный идиот!

— Я не стану ее подставлять, будь ты хоть десять раз К'ярдом. Так что, если хочешь, жалуйся папаше. Пусть он все решает. На своем уровне.

— Эй, — я киваю на камеру, — ты, между прочим, сейчас говоришь про правителя Ландорхорна, и это будет записано не в твою пользу.

Бывший друг резко бледнеет, а я выдерживаю паузу, чтобы он успел проникнуться осознанием. Уверен, мои зрачки сейчас горят от переизбытка силы, но так даже лучше.

— Твое счастье, что я привык решать все самостоятельно, — говорю я. — А пока мне нужна та программа для отслеживания.

Родрес на удивление быстро соглашается. В том, что он пожалуется Д'ерри, я сомневаюсь — это не то, за что она может его погладить по голове и по другим частям тела.

С Родди не получилось, точнее, получилось не до конца, но отказываться от того, чтобы заставить Ромину ответить за все, я не собирался. Она перешла черту. Особенно когда угрожала девчонкам Мэйс.

Глава 18

Ненужные мысли

Вирна Мэйс

— Ты сегодня где? — спрашивает Тимри, когда смена заканчивается.

Я сегодня на берегу океана. Целуюсь с К'ярдом, снова и снова, падаю в его глаза, как в штормовой океан. По крайней мере, цветом они такие же, когда в них не горит сила вьерха.

— Ну вот, опять, — она пихает меня локтем. — Может, расскажешь, кто он?

— С чего ты взяла, что это именно он?

— Она? — Тимри приподнимает брови.

Пламенно-рыжие, как огонь. В глазах К'ярда.

Ой все.

— Нет.

— Оно?

— Отстань, — теперь уже я смеюсь.

— Ба, Мэйс умеет улыбаться, — ухмыляется она, а потом добавляет: — И при этом не делает вид, что ее вот-вот стошнит.

Мы заходим в гримерную, где нам предстоит снимать макияж, и я складываю руки на груди.

— Ладно, я скажу, если ты скажешь, почему такой вид у тебя.

— Нормальный у меня вид.

— Да ты что?

Кто бы мог подумать, что мы с рыжей занозой будем нормально общаться, тем не менее мы нормально общаемся. За эти несколько дней я выяснила, что она не полная задница и, похоже, она то же самое выяснила обо мне. У Тимри младший браг и больной отец, матери давно нет, в «Бабочке» она работает, чтобы оплатить безумно дорогое лечение и кормить семью. А Лэйс... с Лэйс они постоянно делили первое место и доходы соответственно. Поэтому терпеть не могли друг друга. Об этом она мне сказала прямо, за что я ей искренне благодарна. Тимри вообще все говорит прямо, поэтому с ней лучше тоже напрямую.

Всегда.

— Короче, мне не нравится один тип.

— Тот, который постоянно приглашает тебя в ВИП-ку?

— Да.

Она проводит диском по щеке, и стирает косметику, как в рекламе дорогущего аппарата, устраняющего мимические морщины. Одно движение — и кожа выглядит по-другому.

— Он что-то говорит? Ну...

В общем-то, в «Бабочке» нельзя ничего такого, что посягает на неприкосновенность официантки, но запретить говорить не может никто. Из доказательств, если попытаешься намекнуть на непристойности, только твои слова против того, кто оплачивает счет и твою работу. И кормит твою семью (деньги за ВИП-обслуживание, не считая чаевых, существенно отличаются от тех, которые можно получить в общем зале).

— Ничего. Просто он мне не нравится. Я не первый день здесь работаю, и от таких потом бывают проблемы.

Тимри замолкает, потому что приходят другие девушки, и гримерная наполняется щебетанием. Голоса самые разные: у кого-то возбужденные, у кого-то усталые, но все однозначно счастливы, что

сегодня выходной и можно поехать домой отоспаться. Работаю и учусь я здесь одна, но у большинства девушек семьи, и мужья по выходным дома, могут посидеть с ребенком или заняться делами. Что касается Тимри, отдых ей не светит, она приезжает и первым делом отпускает сиделку' (оплачивать ее работу постоянно слишком дорого, особенно учитывая, сколько сжирают лекарства).

— Н'эргесу сказала? — спрашиваю я, когда мы идем по коридору к служебному выходу.

— Зачем? У него камеры и штат безопасников.

— Но твои подозрения...

— Мои подозрения хорошо оплачиваются, — говорит она и ругается, когда мы выходим на улицу: дождь хлещет такой, что даже зонт не спасает. — Вот это я ненавижу больше всего.

— Что?

— Вот это! — она машет ключом от эйрлата, жмет на кнопку несколько раз, пока срабатывает сигнализация. — Мой тебе совет, Мэйс. Купи себе такой же, пусть это развалюха, но летает же. Садись.

Первый порыв отказаться я заглушаю, когда в меня швыряет очередную порцию холодных хлестких ливневых струй. В салоне дребезжит старенькая печка, затертая панель, которая открывается от прикосновения, предъявляет еще более затертый карман для вещей, куда Тимри бросает ключи.

— До Пятнадцатого не обещаю, но до станции платформы на Тринадцатом довезу.

— Спасибо, — говорю я.

— Обращайся.

Музыка ревет, когда мы взлетаем, силовое поле у этой модели никакое, поэтому от ветра нас здорово потряхивает.

— Ты обещала рассказать про него.

— Да нечего тут рассказывать.

— Опять морозишься?

Яжимаю плечами. В случае с К'ярдом все не так однозначно, и говорить об этом я не хочу, тем более что говорить не о чем.

— Я ни с кем не встречаюсь.

— А я разве говорила про «встретаться», подруга? — Тимри мне подмигивает, и в эту минуту я чувствую себя донельзя глупо. Впрочем, еще глупее звучит даже мысль о том, что я могла бы встречаться с К'ярдом.

Мы из разных миров, и этого не отменить.

Тем не менее сейчас я почему-то об этом думаю и злюсь. Нашла о чем думать!

Впрочем, не только думаю, этот поцелуй до сих пор обжигает. Я уже стерла с губ все, что можно, включая помаду, но все равно его чувствую. Поэтому так упорно не смотрю на тапет, где можно открыть чат и написать сообщение: «Все совсем не так». Поэтому когда прихожу домой, я вообще стираю всю переписку и удаляю контакт (теперь до запроса от него я ничего не смогу ему отправить). Но запроса не будет, я это знаю точно.

С этой мыслью падаю на диван и отключаюсь, едва успев завернуться в плед.

— Внимательнее! — сурово командует Вартас, когда я пропускаю очередной удар палкой, и тупой конец ударяет мне в плечо. — На моем месте может оказаться кто-то другой, и тогда...

— И тогда мне прилетит палкой, — говорю я. — Вообще-то я думала, что мы начнем постепенно, а драться будем потом.

— Те, кого ты опасешься, тоже начинают постепенно?

Вообще-то он прав, поэтому приходится подобраться и внимательно следить за движениями, которые он показывает. Не думать о К'ярде и о том, что я со своим страхом воды его подвела. Но я действительно ничего не могу с собой поделать: при мысли о том, что придется шагнуть в воду,

внутри все сжимается, и становится нечем дышать.

— Вирна! — рычит Вартас, когда я неправильно делаю выпад.

— Сейчас исправлю...

— В жизни тебе никто ничего не позволит исправить. — Он резко шагает ко мне. — Ты попросила меня о помощи, и теперь я несу за тебя ответственность.

— Не надо ее за меня нести, сама донесу.

Кажется, сарказма я тоже набралась от К'ярда, поэтому сейчас поспешно добавляю:

— Извини.

— За что? — интересуется Вартас. — За то, что не хочешь учиться?

— Я хочу!

— Ну да, заметно. — Он одним быстрым движением перехватывает палку у меня из рук. — А я ведь говорил тебе, всегда быть настороже.

— Ты что...

— Будь на моем месте брат, ты бы уже валялась на полу, — говорит он, а потом швыряет мне палку обратно в руки. — Учти, больше щадить не буду.

Учитывать приходится, потому что Вартас действительно больше не щадит. Короткие минуты отдыха сменяются быстрыми разминками для снятия напряжения с мышц, а потом возвращаются силовые выпады, отточенные движения, во время одной блокирующей атаки мне здорово прилетает под ребра, но едва оказавшись на мате, я принимаю протянутую мне руку и сновавливаюсь в тренировку. У нас действительно очень мало времени, а Ромина меня щадить не будет.

Не только Ромина, кстати. Те уроды, которые напали на меня в подворотне в ночь нашей первой с Вартасом встречи — тоже. Уметь за себя постоять — хорошо. Быть слабой — плохо. Это прописная истина Раверхарна, поэтому сейчас я выкладываюсь на полную. Как ни странно, у меня даже начинает получаться и в конце занятия я блокирую несколько серьезных ударов, а после перехожу в нападение.

Которое заканчивается очередным полетом на мат.

— Никогда не нападай, если не уверена в результате, — говорит он, протягивая мне руку.

— Угу, — говорю я, поднимаясь.

У меня здорово болят ягодицы: не только от растяжек, но и потому, что с полчаса назад мне прилетело по ним палкой. Подозреваю, что Вартас в этот момент блаженно улыбался, дорвавшись до воспитательных целей. Еще у меня слегка болят бедра, и совсем не слегка — плечи. Завтра будет болеть все остальное, особенно учитывая, что мне сегодня на каблуках ходить.

— Утром и вечером желательно делать разминку, — говорит он, и тут же добавляет: — по возможности. Минимальный разогрев, основные выпады, чтобы тело запоминало. Так будет быстрее.

Так я быстрее сдохну.

Вслух я этого не говорю, но сейчас мне именно так и кажется.

— В вар-до главное не нападение, а использование силы противника против него самого.

— Угу, — повторяю я.

— Давай провожу до дома.

— Вообще-то до дома я уже не успеваю.

Он пристально смотрит на меня.

— Сразу в «Бабочку»?

— Да.

Взгляд становится еще пристальнее.

— Пока что мне ничего не удалось узнать, но...

— Вирна, я искренне надеюсь, что тебе ничего не удастся узнать. — Он подбирает ненужные палки и ставит их к стене. — В это лучше не лезть.

Мне кажется, что я ослышалась.

— То есть ты предлагаешь мне просто бросить Лэйс?

— Я предлагаю тебе просто жить дальше. Какие бы у нее ни были причины исчезнуть, самой или с чьей-то помощью, уверен, они более чем серьезные.

— Я тоже. Уверена, — говорю я. — Но в отличие от тебя мне бы в голову не пришло просто оставить ее одну.

— Лэйс может сама о себе позаботиться.

— А я — нет? — складываю руки на груди.

— А ты пытаешься заботиться обо всех.

— Не обо всех. Только о своей семье.

— Кто будет о них заботиться, если исчезнешь ты?

Тогда, после того как Ромина чуть меня не утопила, я об этом почти не думала. Я вообще мало думала о том, каково это — просто исчезнуть. Наверное, ей не хотелось бы, чтобы я во все это лезла. Может быть, действительно не стоило туда лезть, просто чтобы не подставлять ее. Такая мысль впервые приходит мне в голову, но сейчас устраивается там слишком прочно, чтобы просто взять и от нее отмахнуться. Что, если Лэйс *пришлось* исчезнуть?

Не знаю, чего в этой мысли больше: трусости или благоразумия. Малодушного желания сдать или желания не навредить еще больше. Я мало знаю большой мир и такие игры, в которые она ввязалась, для меня — нечто запредельное. Да что там, я не могу себе даже представить причину, по которой она во все это полезла.

Но я ведь тоже лезу.

— Ты никогда не спрашивал, как она решила этим заняться?

Он кивает. Обхватывает себя руками, футболка натягивается на плечах, на ней темнеют пятна пота.

— Спрашивал. Я много что спрашивал, но она не говорила. И знаешь, что я вынес из всей этой истории, Вирна? Если кто-то, даже самый близкий, не хочет делиться с тобой чем-то, значит, так будет лучше для него.

«Какая же это близость?» — хочется спросить мне, но я молчу. Молчу, потому что ровным счетом ничего не знаю об отношениях, у меня даже нормального общения с К'ярдом не выходит, не говоря уже о чем-то большем.

За последнее мне хочется наподдать себе палкой по заднице самостоятельно (какое, к едхам, «что-то большее» с К'ярдом?!).

В общем, да. Я забыла о нем на целых несколько часов тренировки.

Вартас все еще хмурится, но меняет тему:

— Пойдем. Накормлю тебя ужином.

И я соглашаюсь. Потому что ужин точно лучше, чем мысли о К'ярде.

Глава 19

Ссора

Вирна Мэйс

Если бы у меня была возможность круглосуточно есть, наверное, я бы ей воспользовалась. Хотя не уверена, что сработало бы, потому что даже в «Бабочке» я думала о нем, о том, как мы сидели в ВИП-ложе. Точнее, я сидела, а он лежал, глядя на меня потемневшими глазами без привычного огня, но ничего глубже этого взгляда я еще не видела. Даже тогда, в эйрлате, перед тем как он меня поцеловал.

Дома без сестер слишком тихо и одиноко, но я почему-то спокойна. Удивительное чувство, идущее откуда-то изнутри, такое глубинное знание того, что все правильно, и что если К'ярд сказал, что с ними все будет хорошо, значит, с ними все будет хорошо. Для меня это странно вдвойне, потому что я не привыкла доверять, первое и последнее доверие обернулось для меня самым неприятным уроком жизни, но сейчас...

Сейчас я даже не представляю, как назвать то, что со мной происходит.

К счастью, вскоре мое внимание переключается на другое: решение после «Бабочки» заскочить домой, и только после отправиться в Кэйпдор, оказалось правильным. Меня накрывает тем самым, что Лэйс называла «женская неприятность». После горячего душа, который я себе позволяю по очень большим праздникам, читай, по таким дням (в остальное время приходится пользоваться еле теплым, даже когда стучишь зубами от холода), я выхожу уже в более-менее вменяемом состоянии.

Что удивительно, меня накрывает какой-то совершенно неоправданной радостью: раньше Кэйпдор был необходимостью, приятными были разве что осознание того, что мне дает обучение, и встречи с Алеттой. К ней я так и не добралась из-за данного К'ярду обещания, которое так и не сумела выполнить. Сегодня между учебой и «Бабочкой» точно поеду к ней, а еще (об этом я думаю совершенно серьезно), я должна попробовать снова. Нельзя оставлять раг'азну без помощи, и... наверное, эта мысль совсем дикая, но я хочу извиниться.

За то, что так получилось с тем поцелуем, потому что противно мне не было. Пусть даже все это лишено смысла, я должна об этом сказать.

Мысли об этом почему-то воодушевляют, а еще я зачем-то иду в комнату Лэйс и нахожу там косметику. У меня не так много времени, и я совершенно не умею всем этим пользоваться, но ресницы накрасить не так уж и сложно, правда? Можно еще немного губы, самую малость, и чуть-чуть подвести глаза. От этого я, правда, отказываюсь, когда стрелка уезжает куда-то вправо, и мне приходится долго ее стирать.

На остановке я запрыгиваю на платформу, радуясь очередному теплу. Наверное, теперь уже последнему, потому что скачки погоды в Ландорхорне обычно заканчиваются бесконечно долгими холодами, но даже это почему-то сейчас не пугает. Странное дело, сейчас меня вообще ничего не пугает, кажется, что у меня все получится, и что все будет хорошо. Это настолько необычное ощущение, что мне сложно сдержать улыбку, и еще сложнее заставить себя не думать о том, что будет, когда я увижу К'ярда.

Первой парой у нас стоит подводная зоология, поэтому в аудиторию я почти влетаю, оглядываю ее, но его еще нет. Наверное, лучше подождать его за дверями, а когда увижу, вроде как сделать вид, что я роюсь в сумке или что-то вроде того. Разворачиваюсь и натываюсь взглядом на Ромину, которая заходит в аудиторию: привычно — в окружении своей свиты и парня из компании Лайтнера. Дочь главного судьи Ландорхорна смотрит на меня свысока и улыбается, в глазах выражение, как будто я вымазалась в дерьме, но даже это сейчас не может испортить мне настроение.

Равно как и голосок одной из ее подружек:

— Этот синий цвет на ее волосах просто кошмарный.

— Такое чувство, что она макнулась головой в водоросли своей подружки. Найтра рассказывала, именно так они выглядели на последнем издыхании.

— Она просто не представляет, что такое вкус.

— Ее подружка чуть не умерла от передоза, вы слышали?

— Девочки, оставьте, — этот снисходительный голос принадлежит Д'ерри. — Друзей не выбирают.

— Это уж точно, — говорю я. — Потому что как по мне, так лучше краситься во все цвета радуги, чем дружить с убийцей.

Их лица вытягиваются, все до одного: начиная с Ромины, на физиономии которой превосходство мигом съедает злость, и заканчивая тем парнем, который был в их совместной с К'ярдом компании. Он почему-то бледнеет особенно выразительно.

Я прохожу мимо и даже не оборачиваюсь, когда одна из девиц демонстративно толкает меня плечом. Ромина считает, что победила? Она ошибается. Теперь, когда Митри и Тай в безопасности, я значительно сильнее. Когда меня снова вызовут в полицию, когда мы встретимся с ней лицом к лицу, я уже не буду беспокоиться о них.

В коридоре не так многолюдно: после выходных первая пара в Кэйпдоре собирает разве что людей и тех вьерхов, которые действительно здесь, чтобы чему-то научиться. Что сюда привело Ромину, понятия не имею, но тут же выбрасываю ее из головы, думать о ней сейчас — совершенно точно лишнее.

Я надеюсь, что К'ярд придет.

Точнее, я уверена, что К'ярд придет, потому для него раг'азна тоже очень много значит. Потому что мы вместе делаем эту работу, и, наверное, почему-то еще. Это «почему-то еще» и толкает меня на глупость, когда я его вижу. Я даже не лезу в сумку, как собиралась, просто шагаю к нему навстречу и говорю:

— Привет.

Он смотрит на меня, в глазах — привычный огонь вьерха, и я уже собираюсь сказать, что рада, что с ним все в порядке, когда он просто проходит мимо.

Наверное, этого стоило ожидать после случившегося, но я не ожидала. Я вообще ожидала совсем другого, поэтому пока приходила в себя, он уже скрылся за дверями аудитории. Еще несколько мгновений я упустила, пока стояла и моргала на них: матовые, они полностью запечатывали происходящее. Тем не менее я шагнула следом за ним и почти влетела внутрь, когда столкнулась с Харом. Друг Лайтнера что-то набивал на тапете, поэтому меня не заметил: столкнулись мы больно и ругательства выдохнули одновременно.

— Вирна!

— Хар, — пробормотала я, высматривая Лайтнера в аудитории.

— Прости.

— Ничего, — ответила я, направляясь к ряду, на котором устроился он.

Почти успела: в сторону меня оттеснил один из вьерхов из его компании.

— Прости, детка. Здесь занято. Привет, Лайт.

— Привет, — это точно относилось не ко мне.

— Лайтнер. — Мой голос прозвучал, пожалуй, слишком громко.

С этой минуты все присутствующие уставились на нас. К'ярд медленно повернулся:

— Да?

— Нам надо поговорить.

Усевшийся рядом с ним парень присвистнул, но под его тяжелым взглядом тут же поднял руки.

— Молчу.

— Дай пройти.

Пройти ему, разумеется, дали: парня сдуло с места, а К'ярд шагнул к лестнице, сунув руки в карманы. Мы прошли мимо Хара, который проводил нас долгим пристальным взглядом, взгляды остальных липли к нашим спинам.

Да, не привлекая внимания, поговорить не получилось, но сейчас меня это совершенно не волновало.

— О чем ты хочешь поговорить, Мэйс? — поинтересовался он.

— О том, что случилось на берегу, — я подавила желание обхватить себя руками. — И не только.

— На берегу что-то случилось? — К'ярд приподнял брови.

— Да.

— Нет. Ты просто в очередной раз меня кинула.

— Это не так.

— Серьезно?

— Я действительно боюсь воды, — я глубоко вздохнула. — И я хочу это исправить, но...

— Забей, — он усмехнулся. — Я уже нашел того, кто действительно мне поможет.

Последнее прозвучало как пощечина или вроде того.

— Я правда хотела помочь, — сказала я.

— Нет, Мэйс. Ты хотела спрятать сестер.

— Что?! Да я даже не знала о том, что...

— Ты опять собиралась меня прокатить. — К'ярд шагнул ко мне вплотную, и глаза его, полные взятой взаймы силы, полыхнули. — Но, когда я приехал, живенько передумала. Девчонки вроде тебя выживают как умеют, и в сложившихся обстоятельствах вряд ли у тебя было время, чтобы выбирать. Твоим сестрам ничего не грозит, можешь не беспокоиться, я свое слово держу. Только сделай мне одолжение, будь так любезна: больше ко мне не суйся. Идет?

Меня снова окатило ароматом его парфюма, холодного, как первая хрустящая наледь, после чего К'ярд так резко шагнул в аудиторию, что зацепил меня плечом. Совершенно другое прикосновение почему-то отозвалось странным царапающим чувством, но звонок уже загонял оставшихся студентов на лекцию. Я последовала за ними, даже не сразу заметила, что Хар оказался впереди меня, рядом ниже, но на том же самом месте. Поняла это только тогда, когда почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд и, подняв глаза, поймала улыбку.

На которую не ответила.

— Куда это наш старик делся? — донеслось откуда-то снизу. — Он же никогда не опаздывает.

— Может, нам повезло, и его эйрлат сдуло в океан? — поинтересовалась одна из подружек Ромины.

— Добрая ты, Динайра.

— Ты вообще видела его развалюху? Там только кромелинцев катать. Сам он тоже ничего не весит, так что если отключить щит...

Что будет, если отключить щит, рассказать она не успела, потому что вошел ньестр О'лэй.

— Доброго утра, студенты, — произнес он, окинув довольно редкие ряды собравшихся взглядом. — Для вас у меня хорошие новости: у всех, кто не пропускает мои лекции, будет возможность получить зачет упрощенно. Для остальных не очень. И прежде чем мы перейдем к занятию... Меня задержали в деканате по личной просьбе ньестра К'ярда.

Вверх пристально посмотрел на него.

— Вы по-прежнему настаиваете на том, чтобы я расформировал вашу группу?

— По-прежнему, — процедил К'ярд и отвернулся.

— Что ж, в таком случае... — ньестр О'лэй посмотрел на меня. — Нисса Мэйс, подойдите ко мне после занятия, я дам вам другое задание. А теперь...

Кто-то из подружек Ромины хихикнул, по залу пронесся шепоток.

Я старалась не смотреть в сторону К'ярда, но взгляд тянуло туда, как магнитом. Или глупостью, которой мне при рождении щедро отсыпали, видимо. Откинувшись на спинку кресла, он перебрался несколькими словами с парнями, которые сидели рядом. С тех пор, как раскололась их компания, остались Ромина, девочки и Родрес, Лайтнер и мальчики, и Хар. Хар чуть ли не везде теперь сидел в одиночестве.

Странно, что я вообще об этом подумала, потому что сейчас мне не хотелось думать вообще. Слова

преподавателя ускользали, я тщетно пыталась сосредоточиться на лекции и не могла.

В конце концов поняла, что это бессмысленно, и подняла руку:

— Ньестр О'лэй, я могу выйти?

Вьерх посмотрел на меня, прищурившись.

— Можете, нисса Мэйс. Главное возвращайтесь.

— Нам будет очень вас не хватать...

Голос подружки Ромины догнал меня у дверей, за которые я вылетела стремительно. Пронеслась до ближайшего поворота, свернула к туалетам, и только оказавшись там, глубоко вдохнула и выдохнула.

Да, такой дурой как я, не стать, ей нужно родиться.

Ополоснула лицо несколько раз, совершенно забыв о том, что брала косметику Лэйс. Тушь некрасиво потекла, оставляя разводы, пришлось тщательно ее смывать и весь остальной макияж тоже.

К едхам все.

К едхам Лайтнера К'ярда!

«Будь так любезна: больше ко мне не суйся».

Да сдался ты мне!

Я с такой силой ударила по раковине, что боль плеснула в ребра ладоней. Отозвалась в плечах, ворвалась в уши странным тягучим звоном и хрустом. Я едва успела отскочить, когда раковина разломилась на две части, а из подведенной к ней трубы в потолок ударил фонтан.

Глава 20

Ночь приятных неожиданностей

Вирна Мэйс

Потолок медпункта «Бабочки» плавал над головой, как звездное небо. Если, разумеется, звездное небо могло быть белым, а звезды можно было бы запечатать под стекло. В любом случае посмотреть на него вот так, покачиваясь на волнах, было бы здорово, если бы я не боялась волн. И если бы волнами под моей спиной не была поверхность диагностической капсулы.

— Сейчас все в порядке, — сообщила врач.

Она была почти полностью седая, черные нити волос в серебряном шелке смотрелись удивительно гармонично. Глаза у нее горели, как два маяка, глаза вьерхи.

— Хорошо, — это уже голос Дженны.

— Налицо явное переутомление и упадок сил.

Кажется, это был диагноз.

— Ага, все ушли в разбитую раковину, — а это Тимри.

— Куда?

— Тим!!! — Боковая дверца капсулы откинулась, и я села, глядя на рыжую.

— Что за разбитая раковина? — Дженна смотрит на меня, губы плотно сжаты.

Тимри улыбнулась и приподняла брови.

— Я разбила раковину. В Кэйпдоре.

Теперь уже брови приподняла Дженна.

— Но там что-то случилось с краном и с трубой, вода брызнула сама собой, и...

— С чем связано переутомление? — Дженна перебила меня раньше, чем я успела продолжить.

Врач пожала плечами.

— Думаю, это вам лучше спросить у ниссы Мэйс, но я бы рекомендовала минимум два полноценных выходных. Когда я говорю полноценных, я имею в виду, что ей стоит взять выходные и в Академии.

— Это невозможно! — вскинулась я.

— Все возможно, девочка, если я даю такие рекомендации, — заметила врач. — Или ты хочешь однажды свалиться на месяц?

Нет. На месяц я свалиться не хочу, особенно сейчас. По большому счету, у меня и этих двух дней нет, но прежде чем я успеваю об этом сказать, Дженна уже командует.

— Ньестра Г'ым, сделайте, пожалуйста, полноценное заключение и освобождение от учебы, на сколько посчитаете нужным. Тимри, возвращайся к работе. Мэйс — за мной. В мой кабинет.

В общем-то, у меня нет выбора. После того, как я свалилась в обморок прямо у барной стойки (хорошо хоть не успела взять поднос с коктейлями), особо выбирать не приходится. Конечно, могло быть и хуже, я могла рухнуть прямо у столика, упасть на клиента или на клиентку, но видимо, мне везет. Определенно, должно же мне когда-то было начать везти.

В туфлях на каблуках и узком платье я за Дженной едва успеваю, и кажется, она это замечает, потому что сбавляет шаг.

— Прости. Я не подумала, что тебе тяжело.

Мне особо нечего ответить, и уж тем более нечего ответить на то, что она говорит дальше:

— Я совершенно не приняла в расчет твою учебу в Кэйпдоре. Точнее, не думала, что для тебя это настолько серьезно. Сколько ты вообще спала?

— Два часа в день.

— Два часа?! — Дженна почти останавливается, но тут же снова ускоряет шаг.

В кабинет мы влетаем на всех парах, она отлает короткие распоряжения секретарю: заказать еды, две чашки льяри, что-то еще, но я особо не слушаю. В голове пустынно, как на побережье. После того, как я расколошматила раковину (конечно, не я, а неисправная труба и напор воды, хотя все свалили на меня), я должна Кэйпдору за ремонт оборудования, и мне надо выплатить это в течение трех месяцев. Что в общем-то сейчас не так страшно, потому что я работаю в «Бабочке», и...

— Вирна, что произошло в Академии?

Меньше всего я ожидала такого вопроса, поэтому сейчас хмурюсь и пытаюсь собрать мысли в кучу.

— Вирна?

Дженна так и не села, она возвышается надо мной и курит. В дыму ее прическа, стильные тугие черные локоны, кажется немного размытой, как и яркая красная помада. До меня даже не сразу доходит, что это не дым настолько густой, а туман перед глазами.

— Что? Вы про то, что я разбила раковину?

— Да, я именно об этом.

— Не думала, что это имеет отношение к...

— Отношение «к», как ты выразилась, в моем клубе имеет абсолютно все. Я должна понимать, что происходит с моими сотрудницами. Так что произошло? Что тебя спровоцировало?

Я пожимаю плечами.

— Разозлилась.

— На кого?

— Я этого не говорила, — мгновенно подбираюсь.

— Это из-за Ромины Д'ерри?

— Нет.

— Тогда почему?

Надо было сказать, что да. Сейчас Дженна напоминает мне Н'эргеса, с той лишь разницей, что она в юбке и человек: взгляд в точности такой же. Просвечивает насквозь, от глаз до затылка, от груди до лопаток.

— Просто разозлилась, — говорю я, начиная терять терпение. — Какая разница на кого? Если мы закончили, я готова вернуться к работе, и...

— К работе ты сегодня не вернешься, — говорит Дженна. — И завтра тоже. Тебе нужно отдыхать.

— Мне нужно кормить сестер! — возражаю я.

И не только.

— Работать ты будешь по выходным, — она продолжает, словно меня не слышала, — и еще. Думаю, тебе стоит ходить в бассейн.

Это совсем неожиданно, поэтому я сейчас смотрю на нее во все глаза. Даже туман ушел, по крайней мере, все, что связано с Дженной, я вижу очень и очень четко. Тонкий профиль, длинные ресницы, губы — красивые, чувственные.

— Вода помогает снять усталость, — говорит она. — А поскольку я заинтересована в тебе, как в перспективной сотруднице, мне нужно, чтобы ты была в форме. Я достану для тебя абонемент за счет клуба. Не спорь.

Спорить я люблю, вот и сейчас собираюсь возразить, но тут же понимаю, что зря. Бассейн — это место, где я смогу справиться со страхом воды. Где я смогу избавиться от фобии, которой меня наградила Ромина.

— Поработаешь пару недель по выходным, — добавляет она, — на выходных оплата всегда больше, так что в накладе ты не останешься. Потом посмотрим, как построить твой график так, чтобы ты не

выбивалась из сил. То, что сказала доктор, Вирна — не шутки. Твоя сестра работала очень много, но у нее не было учебы. Это серьезная нагрузка, гораздо более серьезная, чем хождение на каблуках с подносом.

Она права. Доктор права.

Они обе правы, и я понимаю, что свалиться в моей ситуации еще хуже, чем потерять деньги из-за того, что я откажусь от смены на буднях. Поэтому сейчас молча киваю.

— Совсем забыла... ты умеешь плавать, Вирна?

Качаю головой.

— Нет. Значит, тебе понадобится тренер. Хорошо.

Кажется, Дженна всерьез за меня взялась, и это неожиданно приятно.

— Я отработаю, — говорю я, — в смысле, стоимость абонементов вы вычтете из моего оклада.

Управляющая переводит на меня взгляд, затягивается и выпускает дым. После чего улыбается и произносит:

— Отработаешь, Вирна. Разумеется, ты все отработаешь.

Вот и хорошо.

Поднимаюсь, чтобы идти переодеваться, но Дженна качает головой.

— Подожди, пока Г'ым сделает заключение. Я вызову для тебя эйрлат.

Как раз в это время открывается дверь, и заходит секретарь. С едой и одуряюще пахнущим льяри, от которого у меня еще сильнее кружится голова. Впрочем, возможно, голова кружится от запаха еды.

— Это для тебя, — говорит Дженна и снова улыбается. — Риста, пусть вещи ниссы Мэйс принесут сюда, пока она ест.

Вот сейчас у меня точно нет сил спорить. Управляющая берет блюдо, делает глоточек льяри и садится в свое кресло. Наконец-то.

Что касается меня, у меня отчаянно урчит в животе, наверное, я только сейчас понимаю, насколько вообще голодна. Поэтому когда за секретарем закрывается дверь, мгновенно набрасываюсь на еду.

В салоне эйрлата непривычно тепло, пахнет кожей и освежителем воздуха. Водитель изредка посматривает на меня через зеркало заднего вида, но в основном смотрит на дорогу. Заказной эйрлат в Ландорхорне — большая роскошь, его могут позволить себе только очень обеспеченные люди, да и то, по-моему, проще купить свой. Хотя для одноразовых поездок они вполне себе выход.

Вот как сейчас.

Дженне даже не пришлось меня уговаривать: после случившегося и довольно плотного ужина я едва передвигала ноги. Даже захоти, на платформу бы уже все равно не успела, последняя ушла около часа назад.

Сейчас, в тепле и комфорте, я думаю о том, у кого каждый день жизни — такой. Кому не приходится вставать в непроглядную темень, бежать под пронизывающими ветрами до остановки. О тех, кто спускает целые состояния в «Бабочке» или подобных заведениях. Целые состояния на мой взгляд, для них — это цена одного вечера.

Я выросла совсем в других условиях, но я знала, я всегда знала, что за границами Пятнадцатого круга есть совсем другая жизнь. Поэтому и пошла учиться, поэтому и хотела сделать все, чтобы моя жизнь была другой. Чтобы я могла позволить себе выглядеть, как Дженна, одеваться, как Дженна, а опаздывая куда-то, просто заказать эйрлат вместо того, чтобы мчаться сломя голову.

У меня было так мало времени об этом подумать, но сейчас эти мысли обрушивались на меня одна за другой, волнами.

Ночной Ландорхорн был красивым, не просто красивым — шикарным. Высотные здания и неон перетекали в россыпь огней над глубиной парков. Границы районов переливались разделительными полосами, и с каждым кругом город становился все ниже, все темнее, все больше походил на тот,

каким я привыкла видеть его с движущейся эконо-платформы.

— В гости к кому? — поинтересовался водитель, когда мы только взлетали.

— Нет. Домой.

Больше у него вопросов не возникло, да у меня особо и не было желания общаться. За последнее время у меня такое желание возникало крайне редко, и любая попытка заканчивалась провалом. Как, например, с К'ярдом.

Коснувшись губ, на мгновение вернула себя в тот поцелуй.

Не сказать, что короткий, но такой острый и такой яркий, как вспышка. Эта вспышка действительно длилась мгновение, но больше и не стоило, потому что мы с ним из разных миров. То, что он сделал — правильно, и то, что сделала я — тоже, пусть даже это было неосознанно.

Его дом наверняка размером с «Бабочку», а мой вот-вот развалится на ветру.

Не говоря уже о том, что людям и вверху ничего серьезного не светит.

Мысль про серьезно, про людей и вверху я встретила спокойно — наверное, уже привыкла, что мне в голову в последнее время приходят очень странные мысли. Например, накраситься, собираясь в Кэйпдор, рассказать К'ярду, что мне понравилось с ним целоваться, и все в том же духе.

Мне дали освобождение от учебы на целых три дня, и я уже отправила рекомендации декану в Кэйпдор. Передохнуть мне и правда не помешает, передохнуть, а заодно и подумать обо всем. Доехать до Алетты, потому что мои сообщения она продолжает игнорировать (а сегодня после случая с раковиной мне пришлось основательно задержаться в Кэйпдоре), немного убраться, решить, что делать дальше с исчезновением Лэйс.

Мне очень хочется связаться с сестрами, но я понимаю, что нельзя.

Ни на минутку, ни на одно слово, пока не будет закрыт вопрос с Роминой.

Интересно, что сейчас делает Митри? А Тай? Скучают ли они по мне, или им просто без разницы? Мы так долго не были семьей, что даже подумать страшно. Хотя возможно, мне просто так казалось.

И что сейчас делает К'ярд?

Я пытаюсь представить его комнату: она наверняка очень большая. На стенах голографические постеры известных групп... Какие группы он любит? Что он вообще любит?

Да, точно идиотские мысли.

Может, там и нет никаких постеров. Скорее всего он сейчас болтает с Кьяной, или с кем там еще.

Он любит океан. Любит воду, несмотря на то, что она способна отнять все его силы.

Он любит рисковать.

Это, наверное, все, что я о нем знаю?

«Теперь никто не знает про меня столько, сколько ты».

Пора завязывать с этим, но мне не хочется завязывать. Даже жаль, что дорога на эйрлате такая короткая: конечно, Ландорхорн очень большой, но скорости, которые развивают эти машины тоже не маленькие.

Почему из всех парней, на которых можно было обратить внимание, я выбрала К'ярда? Почему это не мог быть кто-то из прошедших в Кэйпдор по программе «Калейдоскоп»? Или кто-то вроде Вартаса?

Наверное, потому что никто кроме К'ярда не смог бы меня зацепить. Зацепить настолько сильно, чтобы я выбралась из своей скорлупы и позволила к себе прикоснуться. По-настоящему: так, как никому и никогда.

И я сейчас не о касаниях рук и губ.

Тапет в сумке бесполезен, я сама удалила его контакт. Но это тоже к лучшему, ведь так?

Стоит мне подумать про тапет, как он вибрирует.

«Привет!» — входящее сообщение с незнакомого номера. Подумав немного, нажимаю «Принять», и тут же приходит следующее:

«Вирна, это Мит. Я стрясла у Зорга тапет на пять минут».

В эту минуту я люблю Зорга, люблю Мит и К'ярда тоже люблю. Просто так, за компанию.

«Как у вас дела? Это безопасно?»

«Он говорит, что да, и что он удалит все сведения о нашей переписке с твоего тапета».

Словно в подтверждение ее слов, курсор слабо дергается, но сейчас мне плевать, что за нами подглядывают.

«Как Тай? Не скучаете? В ближайшее время достану вам школьную программу, чтобы вы пока могли заниматься сами».

«Без школьной программы точно не скучаем, — смайлик-улыбка. И следом грустный: — Зато скучаем без тебя».

На сердце становится тепло.

«Я тоже скучаю, Мит».

«Все, мне сказано закругляться. Пока, целую!»

«Пока! Обними за меня Тай».

Сообщения растворяются на моих глазах, словно их и не было, следом растворяется контакт в списке. Интересно, Зорг может добавить мне К'ярда обратно?

Наверняка может.

Говорю же, дурацкие мысли.

— Приехали, нисса.

— Спасибо, — с улыбкой подхватываю сумку и выхожу.

С такой же улыбкой открываю дверь, прохожу несколько шагов и замираю: на кухне горит свет. Я точно помню, что выключала его перед уходом, поэтому из-за двери выглядываю, едва дыша.

Кухня пуста, в доме тихо.

Только на столе стоит банка, до краев наполненная водой. А в ней — утонувшая бабочка.

Глава 21

Союзники

Лайтнер К'ярд

Я проследил за тем, как Мэйс скроется за дверь своей хибары, выждал минут пять и вывернул рогатку, разворачивая эйрлат.

Сегодня что-то случилось. Ее смена закончилась не утром, а в середине ночи — в самый разгар клубных развлечений. К тому же, она вернулась домой на арендованном эйрлате. Ничего необычного, если бы я не успел хорошо изучить синеглазку: экономившая на всем, она бы предпочла идти пешком, чем воспользоваться подобной услугой. Но в эйрлат она садилась без чьей-либо помощи, и в дом входила бодрой походкой.

Так что же произошло?

Первым порывом было плюнуть на все, взбежать по шатким ступенькам и потребовать все рассказать. Правда этот порыв я быстро потушил, вспомнив, чем закончился прошлый мой визит в домишко семейства Мэйс. И чем обычно заканчивались все наши разговоры.

Идея стрясти с Родреса его приложение оказалась просто отличной.

Гениальной.

Потому что так я знал, где находится Вирна. И с кем.

Я поклялся самому себе, что не стану использовать программу во вред Мэйс. Только присмотрю за ней.

Присмотрел.

Хотя вернее будет — подсмотрел за ее личной жизнью. Теперь я в курсе того, что она ездит к парню своей сестры, и остается у него на несколько часов. Очень сомневаюсь, что они с ним все это время пьют льяри!

Почему-то получалось легко представить, как этот едх лапает стройное и гибкое тело Вирны, сминает ее нежные губы, зарывается пальцами в густые пряди. Делает все, что так хочется сделать с ней мне.

Но с этого ракурса было понятно и ее смущение, когда он позвонил. И ее ответ на мой поцелуй. Точнее то, что за ним последовало! Она ведь даже спрятать сестер хотела попросить у этого Вартаса, а я просто подвернулся под руку.

Хидрец!

Дожил! Сохну по девчонке, которой на меня плевать.

После своего открытия я отправился за городскую черту и уничтожил там несколько валунов. Отец бы мной гордился, потому что, когда последний громадный камень рассыпался крошкой, во мне по-прежнему тлела его сила. Но утром я стряхнул с себя наваждение по имени Вирна и решил, что больше не поведусь на синеву океану, что горит в ее глазах. А для начала заставил О'лэя назначить Мэйс нового напарника.

Не знаю, почему она согласилась помочь мне с Эн. Не хотела остаться моей должницей? Или пожалела раненую раг'азну? Я не знаю и уже не хочу знать, ради чего она решила приблизиться к океану, которого боялась до дрожи.

Точно не ради меня.

Если ей так неприятен я, если она так сильно ненавидит океан, то надо ли продолжать наше сотрудничество?

Я освободил ее от собственного общества.

А для встречи с Эн... Найду кого-нибудь другого!

Вирна мне больше ничего не должна.

Единственная причина, по которой я присматриваю за ней — наша общая проблема с Роминой. И

меня совершенно точно не касается, что произошло с Мэйс и трубой в туалете. Эта девчонка — сама ходячая проблема.

Так пусть ее проблемы теперь решает едхов Вартас!

Возвращаюсь домой раньше, чем планировал. Точка «Мэйс» на планшете остается на Пятнадцатом круге, так что я тоже могу поспать.

Сворачиваю к лестнице, чтобы сразу подняться к себе, и на миг замираю, услышав крик в малой гостиной. Той, что окнами выходит на сад.

Особенно ясно слышится голос матери, поэтому оказываюсь там в одно мгновение. Вовремя: она снова вскрикивает и оседает на ковер под взглядом отца. А перед моими глазами все мутится, накрывая окружающий мир красной пленкой ярости.

Выбрасываю ладонь вперед и силой подхватываю маму, не позволяя ей упасть.

— Что здесь происходит? — Голос будто мне не принадлежит, а кулаки сжимаются до хруста.

Взгляд отца раскрывается бездной: холодной, злой и устремленной на меня.

— Какое право ты имеешь вмешиваться в наш разговор? — цедит он сквозь зубы.

До матери два шага, и я прижимаю ее к себе. Плечи под моими руками подрагивают, но мама выпрямляет спину и смотрит лишь на отца. Меня же интересует только она.

— Мам, он использовал силу? Он тебя ударил?

Скажи мне, и я сотру его в песок!

Она качает головой (всегда так делает, защищая его!) и переводит на меня полный упрека взгляд.

— Почему ты мне ничего не рассказал, Айтнер? О том, что с тобой случилось?

Вот, значит, о чем они спорят. Приходится мысленно досчитать до десяти перед ответом.

— Со мной ничего не случилось.

— Ты лишился силы!

— На время, мам. Именно поэтому не рассказал. — Поворачиваюсь к отцу: — Вопрос в другом: зачем об этом рассказал ей та? Чтобы поволновалась лишний раз?

— Твоя мать сама найдет причину для истерики.

Я шагаю в его сторону, но мама сжимает мою руку.

— Тебе стало плохо. Я волновалась за тебя.

— Зря волновалась, — отвечаю я холоднее, чем хотелось бы.

— Когда это случилось? — теперь уже интересуется отец, и приходится встретить его испытывающий взгляд.

— На выходных.

Глаза отца сверкают, ноздри гневно раздуваются. А в следующую секунду в меня ударяет ураганом силы, оттаскивает от матери в сторону.

— Что ты делал?

— Ничего!

— Лжешь. Все должно протекать нормально.

— Что ты знаешь о нормальности?

Я успеваю поставить щит, срабатывают рефлексy, и щит тоже срабатывает. Я прокатываюсь по ковро, но способен контролировать собственное тело. Ударяю силой в ответ, незримыми потоками она протягивается между нами, и пол под ногами грозитя разлететься в крошку: теперь уже отцу приходится защищаться. Он не двигается, но жилка на виске выдает его напряжение.

Во мне его сила, поэтому сейчас мы равны друг другу.

Воздух спрессован, он дрожит. Так же, как дрожит голос матери, смысл слов которой доходит до меня не сразу. Ей приходится повторять несколько раз.

— Пожалуйста, прекратите! — всхлипывает мама, в ее глазах паника и слезы, и все прекращается.

Я больше не чувствую давления чужой силы, поэтому тоже отступаю и опускаю подрагивающие ладони. Делаю вдох-выдох.

— Вот, значит, как, — чеканит отец. — Считаешь себя неуязвимым? С моей силой. А что будешь делать без нее?

Меня словно сбивает волной: настолько неожиданно его предложение. Недоумение смывает остатки ярости, заставляя разжать кулаки.

— Хочешь перестать подпитывать меня? — переспрашиваю я. — Готов пожертвовать собственной репутацией, если все узнают о случившемся? Что твой наследник сейчас без сил.

Губы отца сжимаются в плотную линию.

— Знаешь, я переживу один небольшой скандал, если это научит моего наследника сначала думать, а потом делать.

— Диггхард. — Я и не заметил, что мама шагнула ко мне, будто стараясь защитить. — Лайтнер не может остаться без силы!

— Об этом ему стоило подумать раньше. Как и тебе, прежде чем лезть не в свое дело.

Маму отец не удостаивает даже взглядом, смотрит на меня:

— Передумаешь, приходи. Но подготовь слова поубедительней, чтобы я знал, что ты наконец-то усвоил мой урок.

Правитель Ландорхорна покидает гостиную, а я стою, ошарашенный произошедшем. Жалею? Нет. Просто все еще шокирован. Из состояния оцепенения меня выводит шепот матери:

— Зря я это затеяла.

Как ни странно, я с ней и согласен, и нет. Не нужно ей вмешиваться в наши с отцом дела. Одновременно с этим освобождение от ежедневных встреч только радует. При этом мне до едхов страшно: как быть теперь, когда все увидят мои почерневшие глаза и все поймут. Тем не менее мой голос даже не дрожит, когда я отвечаю:

— Все в порядке, мам. Ерунда. Я справлюсь.

— Это не ерунда, — возражает она. — И без силы ты из дома не выйдешь.

Я едва сдерживаю нервный смехок.

— Звучит так, будто ты решила оставить меня без сладкого.

— И оставила бы.

Во взгляде мамы неотвратимость и уверенность в том, что задумала.

— Раз отец не хочет поделиться с тобой силой, это сделаю я.

Ну что за едх!

Если меня могло еще что-то удивить, то это только что произошло. Сегодня просто день удивлений для Лайтнера К'ярда!

— Мам, что за глупости...

— Не глупости. Я тоже вьерх.

— Ты женщина! К тому же, у тебя слабое здоровье.

Которое стало хуже после рождения моего брата. Врачи говорили, что вторая беременность — это слишком опасно, но когда мой отец слушал врачей.

— С моим здоровьем все в порядке, — произносит она. — Я знаю, как все делается, потому что в Кэйпдоре училась на медицинском и могу оказывать подобную помощь. Нас всех учат это делать на практике на случай военных действий.

И когда я собираюсь возразить, поднимает руку:

— Не спорь, Лайтнер. Я не использую силу, и от того, что я отдам ее часть тебе, хуже мне не станет. А вот если ты откажешься, я буду за тебя волноваться, и тогда с моим здоровьем может случиться... всякое.

— Это шантаж? — приподнимаю бровь.

— Это разумные доводы.

Вот как ей отказать?

— Что на это скажет отец?

— Не думаю, что ему нужно об этом знать.

— Он все равно узнает, мам.

— Вот когда узнает, тогда мы с ним и поговорим. — Сейчас в этой решительной женщине я вижу маму, какой она была до встречи с отцом. Фото не передают и сотой доли того, какой она когда-то была, но сейчас становится понятно, что отцу не удалось это из нее вытравить.

Мне кажется, что для нее это важнее, чем для меня — сила.

Важнее чем что бы то ни было, знать, что она может бросить вызов отцу, и что у нее есть союзник. Что я на ее стороне. А я уже достаточно знаю о том, как сила переливается и способен сделать так, чтобы с ней ничего не случилось. Поэтому сейчас киваю:

— Хорошо.

Глава 22

Закон и справедливость

Вирна Мэйс

Я ее не трогала.

Бабочку.

Она так и плавает в банке в моих руках, кверху лапками. Намокшие от воды крылышки кажутся еще более яркими, и такой же яркой становится моя ярость.

Ромина решила напомнить мне о том, что случилось?

Очень вовремя, потому что едва я успела увидеть этот кошмар, на мой тапет упал вызов-приглашение в участок политари. Поэтому сейчас я еду и держу эту банку, и очень хочу посмотреть дочери судьи Д'ерри в глаза, когда она это увидит. Ромина всерьез думала, что я оставляю это просто так?

В груди — опасное щемящее чувство, чувство родом из прошлого.

Когда мы с Лэйс были маленькими, родители играли с нами в прятки и оставляли подсказки, где их искать. Мама выкладывала стрелочки из дощечек, папа любил головоломки посложнее, сборные, вроде этой.

Здесь все предельно ясно: бабочка, утонувшая в воде.

Это предупреждение. Или угроза.

Над Ландорхорном проливной дождь, поэтому город за стеклами гусеницы размыт, утренние серые сумерки подсвечены расплывающимися огнями. На банку в моих руках изредка косятся, но я не настолько глупа, чтобы оставить ее дома. Пожалуй, в том, что Ромина (хотя скорее, ее приятели, кого бы она ни загнала на Пятнадцатый круг, чтобы сделать мне предупреждение) побывала у нас, есть свои плюсы. Теперь она знает, что моих сестер нет, и что причинить им вред они не смогут.

Не смогут заставить меня бояться.

Несмотря на то, что у меня с собой зонт, до участка я добегаю промокшая до нитки. Зонт под порывами ветра не особо спасает, а учитывая, что мне приходится держать еще и банку, результат налицо.

Буквально: мокрые волосы липнут к щекам, куртку хоть выжимай, в ботинках хлюпает. Пожалуй, сегодня я все-таки простыну, потому что уже сейчас меня начинает трясти. Что уж говорить об обратном пути.

— Нисса Мэйс. По делу Ромины Д'ерри, — сообщаю я дежурному, и он смотрит на меня как-то странно.

Уже не в первый раз удивляюсь, насколько центральный участок политари выгодно отличается от того, что на Пятнадцатом, здесь все новое и ультрасовременное. Здесь нет посторонних запахов, в холле — только ожидающие своей очереди по приему заявлений или перенаправлению, и дежурный, с которым я говорю, лишь один из десяти. Окошечки отгорожены друг от друга матовыми стеклянными перегородками.

— Проходите на четвертый этаж, нисса Мэйс, — он вручает мне электронный пропуск. — Вас ждут.

На четвертый? Раньше мы встречались в другом кабинете. Почему на четвертый?

— Четыреста пятнадцатый, — уточняет он, по-своему истолковав мою заминку. Номер четыреста пятнадцать и так высвечивается на моем пропуске, в этом нужды нет, зато теперь я понимаю, почему молодой человек так на меня смотрел.

Не на меня.

На бабочку, которая все еще плавает кверху лапками.

Иду к лифтам, где мне улыбается полноватая темнокожая женщина, подол платья облепляет ее ноги. Заметив в моих руках банку с бабочкой, она перестает улыбаться и отворачивается. В лифте она на меня тоже не смотрит, поэтому когда двери открываются, я с явным облегчением его

покидаю.

Коридор четвертого этажа встречает меня светлыми стенами, лозунгом политари «Честь и совесть. Отвага и милосердие». Буквы высечены на мраморной табличке, над именами лучших из лучших, там же изображены круги Ландорхорна в оберегающих их ладонях. Безликие двери кабинетов тоже матовые, кресла для посетителей в основном пустуют, только в самом конце коридора, уткнувшись в тапет, сидит молодой человек.

Четыреста пятнадцатый.

Касаюсь пропуском электронною замка и оказываюсь внутри просторною кабинета с круглым столом. Протоколистка, уже знакомый мне полигари с залысинами, Ромина и двое мужчин, переговаривающихся друг с другом. Один из них высокий и статный, и несмотря на то, что серебро в его волосах уже вытесняет золото, сразу понятно, кто передо мной. Отец Ромины, верховный судья Ландорхорна. Он смотрит на меня, как смотрят на пустое место — скользящим взглядом, не задерживающимся ни на секунду. Второй смотрит как на досадное недоразумение: подозреваю, что это адвокат.

— Нисса Мэйс, вы опоздали, — недовольно говорит политари.

— Платформа сломалась из-за дождя. Пришлось ждать следующую.

Ромина кривится, презрительно, но тут же мгновенно возвращает на лицо маску снисходительного расположения.

— Садитесь, — произносит политари и кивает на свободный стул.

За моей спиной открывается дверь и входит Алетта. Лицо по цвету сравнится с мрамором, на котором выбиты имена лучших политари Ландорхорна: бело-серое, следом за ней входит парень в очках, имя которого сейчас напрочь вылетает у меня из головы. Я смотрю на Алетту, но она на меня не смотрит, тенью скользит по кабинету и опускается на отодвинутый стул. Парень смотрит, но примерно как отец Ромины — насквозь, куда-то в стену, или в плотно запечатанное рулонными шторами окно, о которое колотится дождь.

— Садитесь, — с нажимом повторяет политари, глядя на меня.

Я сажусь.

Одновременно с парнем, который почему-то двигает стул слишком резко.

— Мы пригласили вас, нисса Мэйс, чтобы раз и навсегда закрыть тему досадного недоразумения, согласно которому вы обвиняете ньестру Д'ерри в том, что с вами случилось.

— Это недо...

— Не могли бы вы помолчать, нисса Мэйс? — раздражение в голосе стоящего рядом с отцом Ромины адвоката гораздо более очевидное, чем в его глазах. — Мы пригласили сюда всех свидетелей, в том числе и ниссу Алетту Грейм, которая, как вы утверждали, привела вас к ньестре Д'ерри и ее друзьям.

Алетта смотрит в стол, на сцепленные руки. Они такие же белые, как ее лицо.

— Что ж... если все в сборе, пожалуй, начнем, — политари явно не по себе.

Он постоянно смотрит на судью, а тот не смотрит ни на кого, от него веет уверенностью, силой и — нет, не холодом, холод исходил от Диггхарда К'ярда — желанием побыстрее покончить с этим «досадным недоразумением». Причем когда его взгляд мимолетно касается меня, я понимаю, что именно он подразумевает под досадным недоразумением. Точнее, кого.

— Прошу, ньестр Э'лкс, — откашлявшись, произносит политари, — присаживайтесь.

Когда адвокат занимает место рядом с судьей, я говорю, отчетливо и громко:

— Не все.

Вот теперь на меня смотрит даже Алетта. Парень в очках, Ромина, и все остальные, протоколистка оторвалась от своего привычного занятия и, приоткрыв рот, наблюдает за тем, что будет дальше. Ее скрученный на макушке узелок кажется тем креплением, к которому привязана ниточка кукловода. Когда она приподнимается на стуле, чтобы поправить идеальную юбку, она делает это изумительно ровно, как по прямой линии. И все это — глядя на меня.

— Есть еще один свидетель, которого я здесь не вижу.

— Кто же, позвольте спросить? — политари, судя по его лицу, готов убить меня прямо при свидетелях. Он мысленно прощается с карьерой, потому что взгляд судьи Д'ерри даже сквозь огонь вверху наливается свинцом.

— Лайтнер К'ярд.

Видит море, я бы никогда не назвала его имя. Никогда, но сейчас слишком многое поставлено на карту, чтобы я могла просто промолчать.

— И еще. Если не ошибаюсь, мне тоже положен защитник. Если Ландорхорн не предоставил его мне, могу я спросить, почему?

— Защитник? — к моим словам мигом цепляется адвокат Ромины. — Вы считаете, что вам нужен защитник, нисса Мэйс? С чего бы это?

— Представитель моих интересов, — остается только прикусить язык, но уже поздно.

— Если вы невиновны, с чего вам просить защитника? — снова идет в наступление адвокат, но прежде чем я успеваю открыть рот, звучит голос судьи Д'ерри.

— Девушка права.

Его слова похожи на удар штормовой волны о силовой щит.

— Да, мы упустили этот момент, когда планировали нашу с вами встречу. Считаю правильным удовлетворить ее просьбу. По поводу Лайтнера К'ярда — тоже.

Он смотрит мне в глаза и даже улыбается. Таким и должен быть Верховный судья Ландорхорна: жестким и беспристрастным. И все бы замечательно, если бы не одно «но» — в его глазах читается приговор «Я тебя размажу». Для меня это слишком, для любого нормального человека это слишком — подозреваю, что судья Д'ерри ломал не таких, как я — но после удара о воду, выбившего из меня жизнь до вдоха Лайтнера мне совершенно не хочется бояться. Наверное, во мне сгорел какой-то предохранитель, потому что я смотрю ему в глаза так долго, как он этого хочет, и вижу, как уверенность сменяется давящим раздражением.

— То есть сейчас мы просто расходимся? — уточняет политари.

— Сейчас мы не просто расходимся, — мягко, как неполноценному ребенку, объясняет судья. — Вы объясните ниссе Мэйс ситуацию, весьма неприятную, из-за которой мы вынуждены были форсировать встречу, и, к сожалению, упустили некоторые детали.

Привет, Лайтнер К'ярд, ты деталь.

Мне почему-то до одури хочется увидеть выражение его лица, когда я скажу это с интонациями Верховного судьи, и меня только чудом не разбирает смех. Да, во мне точно сгорел предохранитель. И не один.

— Нисса Мэйс, вы считаете это смешным? — интересуется адвокат, раздувая ноздри.

— Нет, просто не выпалась, — говорю я и в знак подтверждения своих слов прикрываю рот ладонью.

Провоцировать их заранее точно не стоит.

— Нисса Мэйс! — политари обращается ко мне на повышенных тонах. — Мы были вынуждены собраться, поскольку вы неоднократно и в весьма грубой форме, при посторонних намекали ньестре Д'ерри на случившееся.

— Не намекала, — я ставлю банку с мертвой бабочкой на стол. — Я говорила прямым текстом.

У Ромины округляются глаза. Она смотрит на банку так, будто действительно ее не узнает, морщится:

— Фу! Гадость какая.

— Никогда раньше это не видела?

— Нисса Мэйс! — теперь политари уже рычит. — Вы не имеете права ставить репутацию ньестры Д'ерри под угрозу, поскольку все свидетельские показания говорят в ее пользу. То, что происходит здесь и сейчас — исключительно жест доброй воли со стороны ньестра Д'ерри и его дочери. Обвинение снято.

Что?

Смысл слов не сразу до меня доходит, потому что я смотрю на Ромину, очень внимательно, но она выглядит так, будто ее вот-вот стошнит.

— Что? — переспрашиваю уже вслух.

— Обвинение с нэстры Д'ерри снято. Она не является подозреваемой, и прежде чем вы отсюда выйдете, вам нужно зачитать это.

Политари протягивает мне тапет, в котором говорится о снятии обвинения, к нему же прилагается постановление, согласно которому я должна извиниться (публично) за нанесенные Ромине оскорбления.

В этот момент, когда до меня доходит последнее, летит последний предохранитель. К чему был весь этот фарс? К чему здесь Алетта, к чему этот похожий на доску для взятия волн парень.

— Алетта, — говорю я, вскакивая из-за стола. — Алетта, скажи им правду!

Она молчит, и будет молчать, потому что все это — действительно фарс.

— Согласно показаниям ниссы Грейм, вы были не в себе, когда встретились с ней. Предположительно, из-за вашего увольнения, сыгравшего не последнюю роль. Вы были под тяжелыми психотропными веществами, далее вступили в ссору с...

— Я. Не. Была. Под тяжелыми веществами! — голос срывается. — Это она накачала меня тем дерьмом, она и ее дружки, и вы собираетесь просто...

— Сядьте, нисса Мэйс, — гремит политари, — иначе вам действительно потребуется защитник.

— Чудесное правосудие, — цежу я, сдавливая стол до боли в пальцах.

— Увольте нас от этого, — говорит судья и поднимается. — Дайте мне знать, что постановление доведено до сведения и подписано ниссой Мэйс. Роми.

Ромина окидывает меня торжествующим взглядом, отбрасывает свои шикарные волосы за спину и идет за отцом. За ними семенит адвокат, и в эту минуту я понимаю, что все: сейчас они просто выйдут за лверь. Выйдут за эту дверь, а после меня заставят подписать бумажку, по которой я должна извиниться перед Роминой за то, что она меня чуть не убила.

— А если бы было наоборот? — интересуюсь я. — Если бы я столкнула вашу дочь, связанную по рукам и ногам, в океан? Что бы вы сделали тогда?

Судья Д'ерри на миг оборачивается.

— Как бы вам ни хотелось в это верить, нисса Мэйс, но у моей дочери нет, не было и не будет с вами ничего общего.

Что-то щелкает внутри, когда я хватаю банку.

Стекло разбивается о стену, осколки и брызги летят на идеальное семейство Д'ерри, Ромина визжит.

Все это ясно проносится у меня перед глазами: так же ясно, как случившееся в «Бабочке», когда я опрокинула на Лайтнера поднос. Еще лучше я помню то, что произошло после, поэтому сейчас просто тяжело роняю себя на стул и смотрю, как за судьей и его дочерью закрывается дверь.

Глава 23

Разговоры под дождем

Лайтнер К'ярд

Изучая программу Родди, я думал: как можно быть таким идиотом в отношении с девчонками и таким гением в информационных технологиях? Приложение, которое он создал, не только позволяло отследить нужного человека или въерха, можно было отслеживать сразу несколько. Где они находятся и когда взаимодействуют друг с другом. И это не только в пределах Кэйпдора, но и во всем Ландорхорне. Главное, нужны были номера, и я вбил все известные мне контакты подружек Ромины. Особенно спасала такая функция: когда точки-объекты, встречаясь, сильно сближались, программа подавала сигнал. Без нее мне пришлось бы постоянно пялиться в тапет.

Было в том, что я наблюдаю за синеглазкой, что-то извращенное, пусть даже на моем тапете она лишь сияла точкой на карте. Но я отмахивался от этой мысли, оправдывая свои действия тем, что слежу за ее безопасностью, пока не удастся ничего найти против Ромины. С последним было тухло: Родрес отказался мне помогать, а девчонка, которая сдала Мэйс, запугана до смерти (я ездил к ней, но мне даже не открыли). Я раздражался всякий раз, когда по сотню раз на дню заходил в приложение, и терял терпение, хотя в этом деле оно бы мне точно пригодилось.

Иногда программа подавала знак, когда точки сближались, а учитывая, что Роминины подружки редко разлучались друг с другом даже в женском туалете, то делала она это часто. Поэтому, когда сегодня поставленный на беззвучный звонок тапет завибрировал, я всего лишь бросил на него взгляд. И только после осознал, что это вовсе не карта Кэйпдора.

Что Вирна и Ромина делают в Центральном отделении политари? Вместе с Родресом? Да еще и среди учебной недели?

Какого у них там случилось?!

Из аудитории я выбегаю так быстро, будто меня выносит волной. Сверяюсь с расписанием, выясняя, что у Вирны действительно должны быть занятия. Но она у политари, а не здесь.

Отсюда до Центрального отделения минут десять, но я, конечно же, наглухо застреваю в пробке. Слишком высоко здесь не поднимешься, поэтому приходится тащиться с черепашьей скоростью. Вот здесь меня и накрывает осознанием: куда я вообще лечу? А главное — зачем?

Нет, правда? Достаточно позвонить Мэйс и все узнать. В Центральном отделении политари ей точно ничего не грозит. Не грозит же?

Едх!

Вздохнуть поглубже, что вернуть себе внутреннее равновесие, которое, пожалуй, рядом с синеглазкой мне не светит.

На входе в Центральное отделение вижу семейство Д'ерри. На лице Ромины играет такая широкая улыбка, будто у нее сегодня день рождения.

— ...я же говорила, что эта девка получит по заслугам!

— Тихо, — обрывает ее судья Д'ерри. — Это не значит, что моя дочь должна забывать о приличиях и уподобляться людям.

— Я?! Людям? Пап, ну ты что!

Д'ерри только сейчас замечают меня.

— Лайтнер? — недовольно поджимает губы отец Ромины.

Да, я тоже не рад нашей встрече.

— Здравствуйте, судья.

— Не ожидал тебя здесь увидеть.

Взаимно.

— Я здесь из-за друга, — говорю я, пристально глядя на Ромину. Она морщит нос и приглаживает волосы — нервничает. Хотя пытается этого не показывать. — Не привык бросать друзей в беде.

— Преданность — хорошее качество. Если, конечно, она не нарушает законы Ландорхорна.

— Я считаю, что закон должен быть превыше всего остального, — отвечаю, глядя ему в глаза.

Судья кивает и увлекает дочь за собой, а я следую дальше и теперь натыкаюсь взглядом на Родреса. Судя по выражению лица, он тоже не рад меня видеть. Особенно, когда я преграждаю ему путь к выходу.

— Лайт, ты совсем сдурел? Мы в участке! Тоже хочешь за решетку?

Чего?!

— Мэйс?

— Нет, — мотает головой Родди. — Ее не посадили, если ты об этом. Хотя за то, как Мэйс общалась с судьей, я бы точно назначил ей пару штрафов. Чтобы неповадно было.

Я складываю руки на груди.

— Рассказывай.

— Что рассказывать? Нас пригласили сюда из-за ее клеветы, как свидетелей. Как я и говорил, Роми в этой истории не при чем. Обвинения сняты.

— Давай по порядку, — перебиваю я его.

Чем больше говорит Родрес, тем больше мне хочется проломить идеально-гладкую мраморную стену холла Центрального управления. Но тогда меня посадят в одну из клеток, а ведь где-то здесь Мэйс, которой сейчас нужнее поддержка.

Какого едха она меня не позвала?! Это ведь касается нас двоих!

Потом мне вспоминается последний разговор с синеглазкой и проломить стену уже хочется собственной головой. Вирна что-то пыталась мне сказать, но я не стал слушать. Впрочем, я еще могу все исправить. Могу ли?

Мне сейчас не до Родреса, поэтому я его отпускаю и спрашиваю у дежурного, где сейчас Мэйс. Но прежде чем он отвечает, из лифта появляется растрепанная Вирна. Ее волосы потемнели от воды, а глаза ярко выделяются на побелевшем лице. Но они потухшие, в них не видно привычной стойкости. Упрямства, которое всегда раздражает. Страх тоже нет. Кажется, в них ничего нет. И этот момент ужаснее, чем те мгновения, когда я достал ее из воды. В руках она сжимает банку с мертвой бабочкой, и меня передергивает. Потому что она именно такая, каким был наряд Мэйс в ту штормовую ночь.

Это что еще за хидрец?

Мы с Вирной сталкиваемся взглядами, и она будто оживает. Ее пальцы по-прежнему дрожат, а глаза расширены от шока, но при виде меня что-то меняется.

— Что... что ты здесь делаешь? — спрашивает Мэйс.

— спасаю тебя, — без улыбки отвечаю я. — В очередной раз. Пойдем.

И снова никаких возражений. Вплоть до того, как мы оказываемся в моем эйрлате.

Дождь льет так, что за этой пеленой ничего не видно. Я сразу включаю обогрев на максимум, чтобы синеглазка не простыла и потому что успел сам промокнуть, а силу использовать не хочу. Я хочу забросать Вирну вопросами, но терпеливо жду. Впервые моего терпения действительно хватает, пока она не начинает говорить:

— Они сняли с Д'ерри все обвинения и заставляют меня прилюдно извиниться.

Это я успел услышать от Родди.

— Знаю.

— Мне придется извиняться перед ней при всех. А еще я должна денег за раковину в Кэйпдоре...

Ее голос звучит все тише и тише, словно Вирна размышляет вслух. Против всех доводов рассудка я тянусь к ней и убираю налипшую на лоб темно-синюю прядь. Пальцы скользят по прохладной коже, настолько нежной, что хочется коснуться ее вновь, но Мэйс вздрагивает.

Это отрезвляет. Напоминая о другом прикосновении, губ к губам. О том, что за ним последовало. О

ее дружке.

— Извини, — цежу я сквозь зубы.

Будто выныривая откуда-то из своих мыслей, Вирна расправляет плечи и встречает мой взгляд.

— И тебе я тоже...

— Если ты опять скажешь, что должна мне, я выставлю тебя за дверь! Прямо под дождь!

Я зол как стая морских едхов, поэтому почти готов исполнить угрозу.

— А разве нет? — интересуется она и закусывает губу.

— Нет, — отрезаю я. — Ромина — наша общая проблема.

— Хорошо.

Мэйс кивает, по-прежнему стискивая банку с жутковатым содержимым.

— Что это?

— Подарочек от Д'ерри.

Мерзость!

— Она принесла это в управление?

— Она подбросила мне это на кухню!

А вот это уже полный хидрец!

— Мэйс, ты не должна жить одна. Твоя хибара — небезопасное место.

— Это мой дом!

— В котором будет некому жить, если Ромина до тебя доберется! — рычу я.

Почти поту хший взгляд Вирны вспыхивает гневом. Она перехватывает банку поудобнее и хватается за ручку. Я же ударяю по кнопке на панели эйрлата, блокируя двери.

— Выпусти меня, Лайтнер, — говорит она, глядя мне в глаза.

— Мэйс, признай, наконец, что я прав. Ты не можешь оставаться на Пятнадцатом. Это небезопасно! Тебе есть у кого остановиться?

Конечно, у нее есть к кому пойти! К этому Вартасу.

Но неожиданно Вирна качает головой.

— Нет. Никого.

— Родственники? Друзья?

Она задумывается на мгновение, но все равно говорит:

— Нет.

Не хочет подставлять своего парня? Или не настолько доверяет ему? Второй вариант мне нравится больше. Но Мэйс все равно остается под угрозой, а я не могу круглосуточно дежурить у ее дома.

— Ты должна переехать к кому-то, чтобы не оставаться одной.

— К кому?

Действительно, к кому?

Из всех моих знакомых на ум приходит только Хар. Он надежен. Но даже не считая нашей с ним ссоры, я ни за что не поселю Мэйс с другим парнем! Зато среди девчонок точно есть та, кому я могу доверить Вирну. Если она, конечно, не пошлет меня к едхам!

— К Кьяне М'эль, — говорю. — Она согласится помочь...

— Нет! — почти шипит она.

— Почему нет?!

— Потому что она вверху.

— Я тоже вверх.

— Я за вас рада! — Мэйс отворачивается к заблокированной двери. — Открой!

Открывать я, разумеется, не собираюсь.

— Вирна, твоя подружка до смерти напугана, а других свидетелей у нас нет. К тому же мы с тобой выжили только благодаря Эн, никто не поверит, что мы смогли справиться со стихией.

— Значит, все зря? Мы ничего не докажем?

— Нет! — отвечаю резко и тут же сбавляю тон: — В смысле, я этого так не оставлю. Она получит по заслугам. Но тебе нужно быть осторожной.

— И переехать? — зло уточняет Мэйс.

— И переехать!

— Нет.

Она упрямо сжимает губы, возвращаясь к образу синеглазки, которую я успел так хорошо узнать.

— Я тебя не спрашивал.

— А я не спрашивала тебя. Я не собираюсь жить с Кьяной!

Мы снова молчим, и я завожу мотор, чтобы развеять напряжение.

— Подвезти тебя в Кэйпдор?

— Нет. Буду рада, если подбросишь до ближайшей платформы. Мне нужно домой.

До платформы? В такой ливень? И в таком состоянии?

Конечно же, я отвожу ее домой, но Вирна не возражает. А может, у нее просто не остается сил, чтобы со мной спорить. Только согревшись, она немного расслабляется и даже, кажется, дремлет. По крайней мере, его глаза прикрыты. Но мне нравится бросать на нее короткие взгляды.

И так до Пятнадцатого круга, пока я не останавливаю эйрлат возле ее перекошенногодомишки.

— Лайтнер, — говорит она, прежде чем выскочить под не желающий униматься дождь, — если тебе все-таки понадобится моя помощь, я готова помочь. С Эн, или с Роминой.

— Только если ты переедешь к Кьяне!

— Нет! — цедит она и хлопает дверью.

Я смотрю, как она идет к дому, расправив плечи — мне кажется, она никогда не сгибается, даже под штормовыми ветрами, и мне становится по-настоящему паршиво. Особенно когда понимаю, что не спросил ее, почему она сегодня не в Кэйпдоре. В салоне, где только что была она, сейчас становится холоднее, чем на улице, а пустое сиденье вытягивает из меня силы быстрее, чем близость моря.

Только напоминание об этом заставляет завести эйрлат.

Напоминание об этом и о том, что мне нужно спрятать Вирну... пусть она сама считает, что справится со всем, но я так не думаю. Не хочет жить с Кьяной, будет жить одна. Вопрос только в том, как заставить ее принять мою помощь.

Глава 24

Как справляться со страхами

Вирна Мэйс

— Ты делаешь успехи, — говорит Вартас.

— Ага.

Успехи — это хорошо. Но я чувствую себя так, словно меня засунули в льярномолку и запустили ее на максимальном режиме. В общем, такой себе порошок Вирна Мэйс, которая всегда считала, что нужно сражаться, а сегодня поняла, что сражаться бессмысленно.

— Эй. Вирна!

- Да?

Сегодня у меня получилось отоспаться, и возможно, в этом все дело. В том, что я еще не проснулась, что мой организм вообще не понимает — как это, спать днем, да еще и не два часа, а целых шесть? Или в том, что я окончательно поняла: люди всегда будут виноваты. Для вьєрхов мы — расходный материал, и даже если десяток-другой случайно сгинет, не страшно.

— Ви-и-и-рна! — рядом с ухом свистит палка, но я автоматически ухожу в сторону и на следующий выпад ставлю блок.

— Реакция отличная, — подводит итог Вартас. — Что не так?

У меня нет ни малейшего желания пересказывать ему ситуацию с Роминой, но приходится. Чем больше я говорю, тем отчетливее во мне зреет мысль, что я хочу это изменить. Чтобы каждый вьєрх отвечал за то, что делает с человеком. Чтобы в политарии на нас смотрели на равных. Чтобы...

— Как думаешь, революция — это выход?

Поперхнувшись, Вар гас выразительно кашляет, и только потом опирается на палку.

— Ты это сейчас серьезно?

— Серьезнее некуда.

— Ну, чисто теоретически... это могло бы нас встряхнуть, — хмыкает он. — Но вообще, это перебор.

— Почему? — интересуюсь я.

— Потому что революция — это кровь и невинные жертвы.

— А сейчас невинных жертв мало? — спрашиваю я.

Вартас делает обманный выпад, с нуля, но я его блокирую. В глазах парня мелькает изумление, смешанное с одобрением, и мы продолжаем. Удар, скрещенные палки, пригнуться, уйти в сторону.

— Сейчас это делаем не мы.

— Значит, лучше просто стоять и смотреть?

Резкий рывок стоит отдающей в бедро боли, но я тут же концентрируюсь на движениях обходящего меня парня. Он говорил, что отслеживать надо все, и я отслеживаю: малейшее изменение позы, выражение лица (кстати, в вар-до умение владеть лицом и собой — одна из ключевых парадигм), так же медленно иду по кругу, стараясь удержать эмоции на глубине. Что, в общем-то, не так легко.

Переехать к Кьяне!

Супер!

— Никто об этом не говорит. — Вартас, кажется, не собирается нападать, но в случае с ним я знаю, что расслабляться рано. — Нужно уметь защитить себя и других, иметь смелость не остаться в стороне, но при этом не провоцировать еще большее зло.

— Философия вар-до, — говорю я.

— Философия мира.

— Мир — это иллюзия, — я нападаю, он отражает. — Там, где мне приходится прятать сестер. Там, где мне приходится извиняться перед убийцей.

Мы снова на миг расходимся, чтобы снова обменяться чередой ударов, и только два из них мне не удается «поймать»: в первый раз срывается палка, и запястье простреливает болью от возвращения защиты на позицию, во второй я слишком спешу, из-за чего получаю хлесткий удар по бедру. Хлесткий, но смягченный, потому что основную силу Вартас уводит в сторону.

— Давай на примерах, — он отбрасывает палку, и мне приходится сделать то же самое, — вечер, когда мы познакомились.

Теперь за движениями приходится следить особенно пристально, потому что даже напряжение тех или иных мышц способно выдать направление удара. Кажется, я не настолько безнадежная ученица, как мне казалось в начале, а может быть, сон и отдых творят чудеса. По крайней мере, я чувствую в теле силу, какой не было раньше.

Вар-до — сочетание силы разума, духа и тела, как говорит Вартас.

Сейчас у меня явный перевес на последнее. С разумом я пока не определилась, а вот с духом вообще все сложно.

— Я не остался в стороне, когда на тебя напали. — Резкий выпад и раскрытая ладонь полны энергии, поэтому я чувствую удар даже несмотря на то, что успела отпрыгнуть. — Но убивать этих парней до того, как это случилось...

Я обманчиво напрягаюсь, и в миг, когда Вартас уже готовится ставить блок, совершенно неожиданно ныряю вниз. Мне почти удается его достать, но ключевое сейчас — «почти», в сторону он уходит настолько быстро, что я успеваю увидеть только мелькнувшие перед глазами босые ноги.

— Думаешь, я — это предел? — говорю тяжело дыша. — Завтра они встретят еще какую-нибудь девчонку, и ей повезет меньше.

— Откуда ты это знаешь?

— А ты?! Безнаказанность порождает вседозволенность. — Мой удар он блокирует, а в следующий миг (сама не понимаю, как это произошло) его ладонь оказывается за моей талией, подсечка выбивает пол из-под ног, и я лечу на мат.

— Безнаказанность — да, — Вартас смотрит на меня сверху вниз, — но безнаказанными они не остались.

— Все это круто в теории, — я смотрю на него и на возвышающийся потолок, — но на деле совершенно не работает.

— Ты так уверена? Как по мне, не работают революции. Что изменится, если мы вернемся к тому, что нарушил Лидх Картерн?

— Как Лэйс вообще спуталась с таким идеалистом? — интересуюсь я, когда он протягивает мне руку.

— Не знаю. Возможно, считала, что что-то в этом есть.

Рывок помогает мне встать на ноги, я отряхиваюсь.

— На сегодня хватит, — сообщает Вартас. — Завтра продолжим.

Пока у меня освобождение и нет «Бабочки», мы действительно можем продолжать каждый день, но тут я вспоминаю о сообщении от Дженны, которое пришло пару часов назад.

— Завтра не получится, у меня бассейн.

Вартас вскидывает брови.

— Это комплимент от «Бабочки», — поясняю. — Буду сражаться со своими страхами. Точнее, страхом. Воды.

— Круто, — говорит он. — Со своими страхами надо бороться.

Мне кажется, что Вартас хочет что-то добавить, по крайней мере, морщинка у него на лбу говорит о том, что у него на эту тему есть какое-то «но», тем не менее он просто зовет меня на кухню, и я не

хочу продолжать.

В мыслях крутится наш с К'ярдом последний разговор: он вышел каким-то на удивление рваным. Сначала спокойным (наверное, так и должно быть, но для меня это необычно), и я помню, как Лэйс когда-то сказала — когда ты с парнем перестаешь цепляться, значит, у вас либо полная идиллия, либо вам просто стало друг на друга положить.

Не уверена, что мне на него положить, и уж точно у нас с ним далеко от идиллии, но... я не могу перестать думать о том, что положить на меня ему.

Переехать!

К Кьяне М'эль!

«Она согласится помочь», — сказал он, и при этом смотрел на меня, как будто все так и должно быть.

Благодаря вар-до я почти справилась с тем, что мне пришлось пережить в участке и с тем, что мне предстоит извиняться перед Роминой.

Как справляться с мыслями про К'ярда и М'эль, я пока не знаю.

— Привет! — когда мы встречаемся у входа в спортклуб, Дженна не похожа сама на себя.

То есть выглядит она по-прежнему потрясающе, даже в обтягивающих спортивных брюках и курточке, со стянутыми в хвост волосами, но на себя из «Бабочки» она точно не похожа. Эта Дженна — просто из тех, у кого в жизни все хорошо, ее улыбка ослепительна, и мужчины невольно сворачивают на нее шеи. Этот спортивный клуб из элитных, он расположен в том же районе, что и наша работа, поэтому нет ничего удивительного, в том, что здесь полно вьерхов. И вьерхи тоже на нее смотрят, провожают взглядами, не имеющими ничего общего с неудобным «калейдоскопница», к которому я привыкла.

В эту минуту я вспоминаю свои мысли про революцию, и мне становится смешно. Если кто-то и может сделать революцию — то это такие, как Дженна. Уверенные в себе, сильные, притягивающие взгляды.

Дальше мысли убегают к Алетте и к тому, о чем я раньше совершенно не думала. Например, о том, что рассказывала ее сестра: о девушке, которая встречается с вьерхом. Алетта думала об этом с позиций удачного «сотрудничества», а я думаю совсем о другом. Что, если вьерх или вьерха любит человека? Такое же возможно? И что тогда?

— О чем задумалась, Вирна? — мы проходим вместе, и охранник подмигивает ей, а она ему.

На меня он смотрит, как на маленькое, но очень досадное недоразумение: природа явно отстегнула большую часть моего роста Аэйс и Митри, поэтому когда я не на каблуках, я мелкая. Очень. Рядом с Дженной это ощущается особенно остро.

— Ни о чем, — отмахиваюсь от собственных мыслей. — Просто... о бассейне. Я никогда раньше не бывала в таких местах.

— Это ничего. — Дженна останавливается у стойки администратора. — Привет, Ли. Нам нужен еще один абонемент. Только в бассейн.

Ли — тоже идеальная. У меня вообще ощущение, что мир центра Ландорхорна — идеален. Здесь у всех сияющие улыбки, гладкая кожа без единой морщинки и волосы, которые воспевают реклама. Кстати, о волосах.

— Дженна, я хочу покраситься, — говорю я, пока Ли занимается моим абонементом. — То есть вернуть свой цвет волос. И постричься.

На лицо управляющей мигом набегают облачко.

— Сильно?

— Что-сильно?

— Я имею в виду, коротко? В «Бабочке» не допускаются короткие стрижки.

— Я это знаю, просто...

Что — просто, я договорить не успеваю, потому что в просторный стильный холл выходят Кьяна и Хар. Он несет спортивную сумку, она что-то ему оживленно рассказывает, настолько увлеченно, что даже не замечает, когда его рука касается ее пальцев. Или замечает?

Вряд ли я это узнаю, потому что раздвижные двери выпускают вьерхов на улицу, и тут же смыкаются за их спинами.

А я стою и смотрю на них.

На двери то есть.

— Знакомые? — небрежно интересуется Дженна, возвращая мне документы (они больше не нужны).

— Да, студенты Кэйпдора. Мы учимся на одном курсе.

— Интересно. Вы хорошо общаетесь?

— Не то чтобы очень, — перевожу взгляд на нее, но Дженна на меня уже не смотрит, подхватывает со стойки абонемент, электронные ключи и расплачивается. — Спасибо, Ли.

Ли снова отвечает улыбкой, и поворачивается к следующему посетителю, так же, как и ее коллега, стоящая рядом. Их форма бирюзовая, и отражение ламп в стеклянной стойке тоже горит бирюзой. Эмблема клуба — эталоны женской и мужской фигур, стоящих на выпуклой дуге. Фигуры в тех же цветах, что и одежда администраторов, а вот дуга черная и напоминает мост. Смотрится стильно.

Мы поднимаемся на лифте и сворачиваем к раздевалкам, Дженна смотрит на ключи.

— Похоже, твоя секция дальше. — Она вручает его мне. — Я уже пришла. Встречаемся у выхода.

— Хорошо, — улыбаюсь и иду искать свой ящик.

Из-за дальних дверей изредка долетают голоса, слышится шутки воды. Мы поднялись на семнадцатый этаж, и мне кажется, что это более чем высоко.

Мимо меня проходят две вьерхи в халатах, одна из них что-то возбужденно доказывает другой.

— ... на крыше. Ты не представляешь, какая красота на крыше в открытом бассейне!

— Нет, и не хочу представлять. Ты прекрасно знаешь, как я отношусь к холоду.

— Там вода с подогревом!

— А голова? Я не могу в такой холод, даже если у меня чуть-чуть намокнут волосы.

— Шапочка тебе зачем?

— Оли! От них волосы портятся!

— Ну ты и зануда.

Голоса стихают, а я, наконец нахожу свой шкафчик. Здесь он большой, внутри меня ждет халат и одноразовые непромокаемые тапочки. Халат пахнет свежестью и чуть ли не хрустит, когда я надеваю его на свой простенький купальник. Впрочем, меня это совершенно не смущает, я сюда не красоваться пришла, а купальник был вполне мне по карману, и это главное.

— Отдых идет тебе на пользу, — говорит Дженна, когда мы встречаемся у выхода к бассейну.

Или просто я лучше смотрюсь в халате и непромокаемых тапочках, чем в своей одежде. От этой мысли меня почему-то пробивает на смех, и я сжимаю губы. Плотно. Дженна истолковывает мое молчание по-своему.

— По поводу волос... я подумаю, Вирна. Если ты не хочешь стричься совсем коротко, все решаемо.

Киваю:

— Спасибо.

Мне действительно жаль отрезать волосы, но вряд ли получится выровнять тон на тот цвет, который мне сделали. Мне вообще до одури жаль свой ярко-красный цвет, который теперь отрастет не скоро. Наверное, я слишком расслабилась, если позволяю себе такую роскошь, как заморочки по поводу цвета волос.

Купальник у Дженны, кстати, именно такого цвета.

Алый, подчеркивающий ее яркость.

Мы проходим по коридору, оставив в стороне душевые, и выходим в бассейн. Он огромный, я сходу насчитала восемнадцать дорожек, а рассмотреть противоположную стену можно только если очень хорошо прищуриться. Повсюду спасательные жилеты, сотрудники клуба сидят на высоких стульях, не сводя взгляда с пловцов. Как будто кто-то из них собирается тонуть.

— С этой стороны неглубоко, — Дженна указывает на ближайшую дорожку. — Всего три валла.

Всего три валла. Ерунда какая-то!

В стальной атмосфере, с бирюзовой подсветкой-разделителем дорожек и вода кажется бирюзовой. Чем ближе я подхожу к лесенке, тем сильнее меня начинает трясти. Я говорю, что у меня нет поводов для беспокойства, здесь в любое время можно схватиться за бортик, но у меня темнеет перед глазами.

— Любое живое существо умеет плавать от природы, — говорит Дженна, внимательно глядя на меня. — К тому же, я буду рядом. Не бойся.

— Я не боюсь.

Я была бы не я, если бы этого не сказала, тем не менее руки у меня дрожат, когда я берусь за лесенку.

— Осторожно спускайся, потом оттолкнешься, и...

Я отпускаю руки резко, потому что понимаю, что иначе не сделаю этого вовсе.

Страх стягивает грудь, дышать становится нечем.

Пытаюсь уцепиться за бортик, но пальцы соскальзывают, вода смыкается надо мной, отрезая воздух и утягивая на глубину.

Не знаю, как остальные, но я сейчас точно собираюсь тонуть.

Глава 25

Перемены

Вирна Мэйс

Ромина смотрит на меня со смесью наслаждения и превосходства. Еще бы, извинения за то, что она меня чуть не прибила — такое услышишь не каждый день. Раньше меня бы не заставили вытолкнуть из себя даже слово, но сейчас, после всего, что случилось — после подноса в голову К'ярда, после моего увольнения и возвращения, после осознания того, что взять Ромину можно только хитростью, мне почти не составляет труда сказать эти слова:

— Я прошу прощения за то, что сказала. Возможно, я действительно ошиблась.

— Возможно? — она недовольно смотрит на меня.

— Возможно, потому что я не могу сказать точно. А следовательно, я не имела права бросать такие обвинения тебе в лицо.

Вот теперь она злится: не так себе все это представляла. Место выбрала такое, где побольше людей и вьерхов, попросила говорить погромче. Я говорила, но всю ярость и собственное бессилие сцедила на репетициях перед мутным зеркалом в ванной, на тренировках с Вартасом и на своих попытках избавиться от страха воды.

Ключевое слово — попытках, потому что тогда меня едва успели вытащить, и вообще, стоит мне отпустить бортик, как на меня накатывает панический страх. Дженна не сдается и говорит, что у меня все получится, а я пока я занимаюсь тем, что держусь за лесенку или за борт, ухожу с головой под воду и стараюсь там продержаться как можно дольше.

— Роми, может уже пойдем, а? — осторожно спрашивает одна из ее подружек.

Остальные тоже откровенно скучают: видимо, тоже ожидали развлечения погорячее, но развлечения не получилось.

— Надеюсь, ты это запомнишь, — все-таки говорит Ромина, пытаясь оставить последнее слово за собой. — И в следующий раз хорошо подумаешь над своими словами, потому что за ложные обвинения можно загреметь в тюрьму.

На слово «тюрьма» все-таки кто-то оборачивается, но тут же проходит мимо. Студенческий поток разделяется на разные направления и расходится, никому совершенно не интересно, за что и почему я извиняюсь перед дочерью судьи Д'ерри.

— Разумеется, — отвечаю я.

— Ладно. Можешь идти.

Искру, вспыхнувшую в груди мне удастся задушить до того, как она разгорится в очередную глупость. Если так подумать, держи я язык за зубами, сейчас всего этого просто не было бы. У Ромины не было бы повода требовать с меня извинений, выдернуть меня в участок политари, и дальше по списку. Сейчас я всей кожей ощущаю ее злобу и недовольство, но мы обе ничего не можем с этим поделать, не так ли?

— Хорошего дня, — говорю я, и ее кривая улыбка окончательно блекнет.

Сейчас у меня по расписанию «Легенды и мифы старого времени», но по пути я все равно украдкой поглядываю по сторонам — может, увижу К'ярда? Это выглядит как одержимость, наверное, это и есть одержимость, вроде как у линарии. Согласно легенде это существо создали духи утопленников, сила их страданий и злобы питает ее тело. Именно поэтому она утаскивает людей на дно, чтобы становиться еще сильнее.

Может, сравнение и не совсем удачное, но мысли о Лайтнере постоянно утаскивают меня туда, куда не стоит. Например, возвращают к его обещанию помочь разобраться с Роминой — с чего бы? И к тому поцелую, и к совершенно ненужным мечтам вроде того, что он делает это ради меня.

Нет, любой нормальный парень на его месте поступил бы так же.

Но как я ни пытаюсь себя заставить в это поверить, меня все равно затягивает все глубже, глубже и глубже. Настолько глубже, что вчера меня посетила совершенно идиотская мысль рассказать ему про Лэйс, после которой я долго сомневалась в своих умственных способностях.

Лайтнер — сын правителя города.

Лэйс нарушала закон.

Сомневаюсь, что его ко мне отношение, какие бы оно ни имело корни, это изменит.

На занятиях я старательно записываю все, что говорит преподаватель, и поглядываю на Кьяну. Она, сосредоточенно закусив губу, тоже что-то пишет. Потом неожиданно улыбается и постукивает пером по тапету. Уголок губ Хара ползет вверх, он быстро набивает ответ.

Почему я не сомневаюсь в том, что они переписываются?

Моя теория подтверждается, когда Кьяна оборачивается, лишь на миг, а Хар ей подмигивает. Чего я понять не могу, так это что происходит. Они оба не выглядят как парень и девушка, которые станут скрывать свой роман. Хотя возможно, я действительно чего-то не понимаю, но одно знаю точно: Кьяна М'эль не станет встречаться сразу с двумя. Что бы у них ни произошло, они с Лайтнером больше не вместе.

Эта мысль наполняет меня совершенно неправильной радостью, и от нее тоже хочется улыбаться. В последнее время мне подозрительно часто хочется улыбаться, мне кажется, что это не к месту, особенно в сложившихся обстоятельствах, но я ничего не могу с собой поделать. Мои чувства напоминают штормящее море, меня то выбрасывает на берег, то затягивает на глубину, и что с этим делать, не представляю. Равно как и не представляю, что мне с этой глубиной делать.

Во всех смыслах.

Правда, когда звенит звонок, меня накрывает идеей. Чем больше я на ней думаю, тем больше она мне нравится, поэтому я не тороплюсь выбежать из аудитории. Хар проходит мимо меня (а ведь он пришел на наши занятия совсем недавно!), и его улыбка не оставляет сомнений в том, что парень в восторге от лекции. То есть от переписки с Кьяной.

Она чуть задерживается, то есть не задерживается, но М'эль все делает медленно. Медленно — не значит тормозит, это просто ее стиль. Если сравнивать с водой, я бы сравнила ее с океанской волной, не в шторм, а когда под едва слышный рокот он накатывает на берег, омывая камни.

Приходится ждать, пока она соберется, а потом перехватывать прямо на лестнице (почему-то я уверена, что за дверями аудитории это сделает Хар).

— Кьяна, привет.

Она останавливается, но смотрит на меня без улыбки и настороженно.

— Привет.

— Я хочу извиниться. — В отличие от извинений перед Роминой эти — совершенно искренние. — Я вела себя резко, если не сказать грубо.

Девушка приподнимает широкие темные брови, на лице на миг отражается изумление, которое, впрочем, тут же стирает улыбка.

— Неожиданно, — говорит она. — Но спасибо. Не думала, что для тебя это важно.

— Важно, — говорю я. — И я очень рада, что у меня наконец-то хватило мозгов это признать.

Брови Кьяны приподнимаются повторно, потом она все-таки смеется.

— Наверное, никогда не привыкну к твоей особенности говорить в лоб.

— Над этим мне тоже стоит работать, — фыркаю, но тут же становлюсь серьезной. — Я подумала по поводу курсовой... Помнишь, мы хотели взять с тобой одну тему? И если мы обе хотим над ней работать, наверное, это будет даже круто. Мы можем рассмотреть легенду о лиархах с разных сторон, преподнести эту историю как бы с двух точек зрения — лиархов и вьерхов. Мне кажется, это будет прикольно, и Н'етха это может заинтересовать.

Она задумчиво смотрит на меня и жует губу, а йотом поднимает вверх большой палец.

— Крутая идея! Если честно, никогда не думала об этом с такой стороны.

— Тогда пойдем говорить с ним?

— Давай на следующей практике. Я сейчас очень спешу. — Она смотрит на двери, но тут же поправляется и переводит взгляд на часы. — Обязательно, Вирна. Я очень рада, что ты это

предложила. Серьезно.

Киваю, и Кьяна быстро бежит наверх, а я улыбаюсь.

Окидываю взглядом полупустую аудиторию и понимаю, что настроение у меня просто отличное.

С К'ярдом мы сегодня не встретились: его не было в Кэйпдоре. Это я выяснила, когда дожидалась его у аудитории, и один из вѐрхов отпустил шуточку на тему, что бегать за ним можно было бы менее заметно. Впрочем, даже это мне настроения не испортило. Впервые за долгое время я чувствовала себя на удивление бодро, зато тот факт, что у меня полностью свободный вечер (Дженна настояла, чтобы я не выходила на работу на этой неделе), полностью поставил меня в тупик.

Из «Бабочки» мне перевели аванс, на который теоретически можно было существовать месяц. Если не существовать, а жить, то недели две, а если жить на полную, то дня три-четыре. Я выбрала первый вариант (мало ли, что будет дальше), и по дороге домой купила себе лапши у дядюшки Ро и сладкую булку на утро.

Вообще мне было дико непривычно осознавать, что по возвращении домой ничего делать не надо. То есть совсем ничего. В бассейн сегодня идти было нельзя по определенной причине, Вартас был занят, а домашнее задание... ну, домашнее задание — это же вообще ерунда. Особенно когда делаешь его не ночью, когда мысли распливаются, как водоросли, а очень даже днем. Выяснилось, что днем я делаю все в разы быстрее, поэтому получилось даже немного позаниматься по пропущенным дням.

Декан восприняла мое освобождение с кислым лицом, но главное, что восприняла. И приняла, что не радовать не могло. В итоге после того, как закончила заниматься, решила взяться за уборку. Сидеть на месте и ничего не делать у меня всегда получалось очень плохо, а пыль в доме сама себя не вытрет, и полы тоже не помоют. Ближе к ночи, когда дом больше напоминал музей, а тоска по сестрам отступила на задний план, я устроилась на диване под пледом, глядя на пенящееся море.

Как же хочется распрощаться со своим страхом раз и навсегда! Я привыкла быть сильной, но эта боязнь воды стала для меня слабостью, через которую пока не получалось перешагнуть. Не получалось, но обязательно получится! Об этом подумала, когда взгляд наткнулся на банку: разумеется, бабочки в ней уже не было, равно как не было и воды, но саму банку я оставила. Чтобы помнить о том, что произошло, и почему мне нельзя сдаваться.

Почему Митри и Тай должны жить у Зорга.

Почему я ездила в их школу и договаривалась о дистанционном обучении.

Правда, это все равно не очень помогало. Я так привыкла к тому, что сестры постоянно мельтешат перед глазами — в череде бесконечно сменяющих друг друга будней, что сейчас, когда они оказались от меня далеко, по-настоящему смогла оценить их присутствие. То, как это на самом деле важно, чтобы близкие люди, семья, были рядом. Чтобы можно было зайти и пожелать доброй ночи (сколько раз я это сделала за последнее время? Ответ — нисколько), чтобы можно было обнять и спросить, как дела в школе, как настроение, или просто посидеть на кухне и поболтать ни о чем.

К сожалению, загоняя себя в рамки бесконечного действия, я напрочь забывала о таких вот маленьких, простых, уютных радостях. Стоило свалиться в обморок хотя бы ради этого. Ради того, чтобы понять, что я теряю, когда бесконечно мечусь между работой и Кэйпдором. Может статься, Лэйс была права, когда говорила про обучение.

Что оно мне даст?

Уютную клетку, где вѐрхи все равно все будут решать за меня?

Я настолько ушла в свои мысли, что когда засветился дисплей, вздрогнула.

«Вирна, привет! Это снова я, у Зорга опять было хорошее настроение».

Я улыбнулась и быстро подтянула к себе тапет.

«Было?»

«Ага. Тай пролила ему на брюки горячий льяри».

Я фыркнула.

«Осторожнее там, а то он сдаст вас обратно».

«Тебе так не хочется, чтобы мы возвращались?»

Я почему-то представила Митри: сидит на кровати, скрестив ноги, ярко-красные волосы стянуты в пышный хвост. Рядом вертится Тай, заглядывает в наш диалог, и от этого стало очень-очень уютно. И чуточку тоскливо, что я не с ними, там.

«Хочется. Очень», — призналась. И добавила:

«Мне вас безумно не хватает».

Судя по тому, что ответа не было долго, Митри слегка зависла. Впрочем, когда она все-таки написала, мне стало тепло.

«Твое „не хватает“ звучит гораздо круче, чем „Я скучаю“».

«Я скучаю мне показалось слишком пресным. Знаешь, что я вспомнила?» — снова смотрю на банку.

«Что?»

«Как мама и папа загадывали нам загадки».

«О! Я тоже это помню! Они спрятали мой подарок на день рождения, и заставили его искать с помощью подсказок, которые приходили на мой тапет».

Какое-то время сообщений не было, потом Митри написала:

«По ним я тоже очень скучаю».

Миг — и следующее сообщение.

«Мне их безумно не хватает. Так же, как Лэйс».

«Лэйс жива», — пишу я.

Молчание.

Что ответить на это молчание? В ночь, когда погибли мама и папа, был сильный шторм. На базе защиты Ландорхорна полетела автоматика, удерживающая сектор на Пятнадцатом, силовые щиты лопнули. Пока успели включить аварийный, разрушило несколько домов и перевернуло платформу, на которой они возвращались домой. На той платформе было трое человек, и никто не выжил. Никто не выжил и в тех домах, эту улицу в Пятнадцатом закрыли, и все обходят ее стороной. Равно как я обхожу стороной мысли о той ночи.

Потому что даже сейчас у меня по коже идет мороз.

Мама и пана работали там, где живет Алетта, и океан оборвал их жизни в один миг.

«Эй, не реви», — приходит сообщение.

«Я не реву».

«А Тай ревет».

«Подглядела, да?»

«Есть немного, — Митри меняет тему. — Скажи мне лучше, когда нас выпустят из заточения?»

Мне не хочется говорить им о том, что произошло с Роминой, поэтому я пишу:

«Скоро».

«Точно скоро? И если ты еще не была в нашей школе, можно тебя кое о чем попросить?»

Вообще-то я уже была, но тут мне становится интересно.

«???»

«В общем, есть один мальчик... Светлые волосы, учится в моем классе, зовут Рикард Дроган».

«Митри!»

«Ну ты просто глянь, не таскается ли он с такой девицей, с глазищами на пол-лица и с короткой стрижкой. Очень надо».

«Во-первых, подглядывать нехорошо...»

«Это не подглядывание, это благородная слежка».

«Слежка не бывает благородной. А во-вторых, зачем он тебе, если он с ней таскается?»

«А зачем тебе К'ярд?!» — тут же огрызается сестра.

«Кто сказал, что он мне нужен?!»

«Кто сказал, кто сказал... у тебя при виде него глаза становятся как у океанской ррики, а мозгов столько же, сколько у маруны. Все, пока, Зорг пришел».

Сообщения чата стираются раньше, чем я успеваю что-то ответить, хотя ответить мне есть что. В частности, «Ты влюбилась?!», и: «Все у меня с мозгами в порядке».

К'ярд к моим мозгам вообще никакого отношения не имеет!

Сердито завернувшись в плед, показываю галету язык и под шум волн за окнами вскоре проваливаюсь в сон.

Глава 26

Поединок

Вирна Мэйс

Во время большого перерыва я решила сходить в ресторан... то есть в столовую Кэйпдора. По моему скромному мнению, это все-таки был ресторан, и еда в нем стоила примерно столько же. Но сегодня у нас было еще три пары после обеда, поэтому я подумала (после того, как утренняя булка переварилась пару часов назад), что мне не стоит терпеть до вечера. Врач, которая давала рекомендации, посоветовала не голодать, про эти рекомендации я вспомнила, разумеется, уже в Кэйпдоре. Поэтому и подумала, что мое временное (или не очень) материальное состояние вполне позволяет себе один полноценный обед. И разумеется, я шла сюда совершенно не за тем, чтобы увидеть К'ярда. Которого все-таки увидела.

Он сидел один, за тем же самым столиком, за которым мы когда сидели вдвоем, спиной ко мне. Я поискала взглядом знакомые лица, и обнаружила, что Алетта вернулась в Академию и каким-то образом оказалось рядом с Роминой. Не просто за ее столиком, действительно рядом, на соседнем стуле. Дочь судьи вскинула голову, всем своим видом показывая, что она совершенно не гнушается совместного обеда с самой обычной девушкой.

— Видела Д'ерри? — донесся из-за моей спины голос.

В очереди было достаточно много народу, поэтому и двигалась она медленно, несмотря на то, что обслуживали студентов целых семь человек.

— Да, она такая классная! Хотела бы я с ней дружить...

— В окружение к Д'ерри так просто не попасть. Для этого нужно быть бедной-несчастной калей... в общем, девицей, которая пострадала от серьезной жизненной несправедливости.

— Ты слышала о том, что она сказала вчера?

— Что?

— Что раньше не задумывалась, как тяжело бывает людям из неблагополучных районов, и что история с этой, забыла, как ее... заставила ее серьезно пересмотреть свои взгляды на жизнь. Она считает, что людям и вверху надо становиться ближе друг к другу, и что она хотела бы показать всем пример.

— Ого!

— Стой, а эта разве не с голубыми волосами?

— Э-э-э...

Я все-таки обернулась. Девушки-верху уставились на меня, я — на них.

— Эта, — сказала я, — с голубыми волосами.

Я могла бы еще многое добавить по поводу Ромины, но свои ошибки и уроки по этому поводу усвоила прочно.

— Малышка, давно ты тут стоишь? — поинтересовался подошедший верх, легонько поцеловав девушку в губы.

Высоченный, валла полтора ростом, от него веяло серьезной силой.

— Уже минут пятнадцать, — пожаловалась она, прижимаясь к нему. А потом добавила, ткнув в меня пальцем: — Эта мне нахамила.

Что?!

— Seriously? — Парень лениво на меня посмотрел. — Эта мелкая?

— Чар! Это же... — Ее лоб прочертили глубокие морщины, но поскольку мое имя она так и не вспомнила, ограничилась тем, что едва заметно кивнула на К'ярда.

Что?!

— А, подстилка К'ярда. — Его голос прозвучал достаточно громко, чтобы услышали все.

И повернулись к нам. То есть сначала к нам, потом — к Лайтнеру, который медленно обернулся и так же медленно поднялся. По столовой пронесся шепот-волнение, из очереди выпало несколько студентов, чтобы на меня посмотреть. Что касается К'ярда, он медленно приблизился к нам: руки в карманах, на лице — улыбка, ничего хорошего не предвещающая. Сама не представляю, когда я научилась их различать, но как только об этом подумала, услышала:

— Что, прости, ты сказал, Чарнс?

— Ты далеко сидел, Лайт, — усмехнулся тот. — Поэтому для тебя повторю. Я сказал то, о чем уже давно говорит весь Кэйпдор: что эта калейдоскопница — твоя подстилка.

Лайтнер перестал улыбаться, и это было гораздо хуже, чем та улыбка, которую я только что видела.

— Во-первых, — сказал он, — я тебе не Лайт. Во-вторых, повторять за теми, у кого нет мозгов — не лучший вариант. И в-третьих, я предупреждал, что тот, кто еще раз произнесет слово «калейдоскопник» или «калейдоскопница», будет иметь дело со мной.

Парень хмыкнул.

— Да ты крутой, К'ярд. Что ж ты такой крутой последние несколько занятий по силовым тренировкам отсиживаешься в раздевалке?

Зал ахнул.

Я замерла. Только сейчас поняла, что кажется, не дышала вовсе: с той самой минуты, как Лайтнер к нам подошел. Он даже на меня не взглянул, но сейчас мне хотелось схватить его за руку и утащить как можно дальше от этого идиота. Очевидно, что он его провоцировал, очевидно, что если Лайтнер пропускает силовые тренировки, значит, что-то не в порядке. Учитывая, в какой он ситуации оказался из-за меня.

— Отсиживаюсь, потому что надоело валять придурков вроде тебя по траве, — небрежно произнес К'ярд. — Скучно.

Лицо парня пошло красными пятнами.

— Проверим?! — процедил он, сжимая кулаки.

— Чар... — пискнула его девица, но под его взглядом сжалась и отступила.

— Проверим, — хмыкнул Лайтнер и кивнул на двери, — только после тебя.

Они вышли так быстро, что я не успела даже ничего сказать, не то что сделать. На меня К'ярд так и не посмотрел, а в следующий миг скрежет стульев, возбужденные голоса и шаги слились в единый нарастающий гул. Толпа хлынула к дверям вслед за вышедшими парнями.

Эта же толпа оттеснила меня в сторону, когда я попыталась прорваться вперед остальных за ними. Не считая нескольких весьма неучтивых тычков под ребра, меня награждали убийственными взглядами, на которые, в общем-то, мне по большому счету было плевать. Когда я вырвалась из столовой, Лайтнера и второго вверху уже не было видно.

— Давай сюда! Так быстрее будет! — возбужденно взвизгнула одна девчонка, увлекая за собой подружку в ответвление основного коридора.

Недолго думая, бросилась за ними: толпа шумела, как идущая на берег волна, вскинувшая свой смертоносный гребень. Впрочем, до нее мне не было никакого дела, единственный, кто меня вообще волновал — Лайтнер. Я бежала за девчонками, зацепившись взглядом за яркую сумку, пятном полыхавшую на фоне обычной кэйпдорской формы.

Переход уводил вниз, под землю, на нас оглядывались.

— Эй! Вы куда так торопитесь?

— К'ярд будет драться с Х'имом! — запыхавшись, выдохнула одна.

— Что?! Где?!

— На полигоне, где ж еще, — не оборачиваясь, выдохнула вторая.

Выражения лиц парней надо было видеть, и когда я с ними поравнялась, бегущих стало больше. Очень скоро они меня обогнали, а потом девчонки резко свернули направо. Взлетели по лестнице, я

— следом за ними, за нами уже тянулся приличный хвост, и все-таки к полигону мы вылетели одними из первых. Судя по возбужденным голосам, доносящимся отовсюду, сейчас здесь будет весь Кэйпдор.

Знакомые окна, возле которых мы однажды сцепились с Роминой.

Полигон, пока еще пустой.

Я едва успела вцепиться в подоконник, когда меня в него вдавило с немыслимой силой. Обернувшись: со всех сторон напирала толпа, и в эту минуту я поняла, что если бы не девчонки, меня бы сюда просто не подпустили.

— Что?! Что там?! Уже дерутся? — доносились голоса отовсюду.

Толпа продолжала напирать, кто-то завизжал.

— Не дурите! — рявкнул какой-то парень. — Сейчас припрется охрана — и всех разгонят.

После этого в коридоре воцарилась тишина, глухая, давящая заставшими чужими эмоциями. В ней, как мне казалось, слышно было даже мое сердце, по крайней мере я чувствовала, как удары отдаются в сжавшиеся на подоконнике ладони. Чье-то прерывистое, сбивающееся дыхание справа (кто-то пробился сквозь толпу поближе), недовольное: «Эй!» — и все это тоже упало в беззвучие, когда на полигон шагнули Лайтнер и оскорбивший меня вверху. Переодеваться они не стали, просто скинули пиджаки, и я видела, как между ними протянулись канаты напряженных взглядов, натянутые до звона.

Лайтнер что-то сказал, но, разумеется, сюда не донеслось ни звука: помимо плотных стен Кэйпдора на время тренировок полигон запечатывали под силовым щитом. Оно и неудивительно, иначе здесь бы уже пролежала глубокая трещина, подобная тем, что расчертили землю на полигоне глубокими бороздами.

Тишина зашипела: по крайней мере, мне так показалось, когда между раскрытыми ладонями Лайтнера и его противника вспыхнула огненно-яростная сила. Пока что удерживаемая, но готовая сорваться с ладоней и нанести удар. Сгустки энергии полыхали все ярче и ярче, искры вспыхивали и отражались в глазах стоявших на расстоянии нескольких валлов парней.

Чтобы спустя миг сорваться с ладоней Чара, врезаться в землю, раздробив ее и отразившись рябью на силовом щите. Волна была такой мощной, что Лайтнера швырнуло назад, разошедшиеся края земли, как рана, просели вниз, и он едва удержался на ногах. За моей спиной взвыли, и этот вой прокатился по коже дикой, ни на что не похожей дрожью.

— Так нечестно! — крикнул кто-то. — Они должны бить одновременно.

— А вот не надо тормозить!

— Совсем идиот?!

— Он его сделает!

— Кто кого?!

Глаза Лайтнера сверкнули, он повернулся ко мне спиной. Теперь я не могла видеть его глаза и не представляла, как чувствует себя его сила. Судя по напряженной спине и перекатывающимся под рубашкой мышцам, чувствовала она себя не очень.

Дыхание сбилось, когда очередная атака с силой вспорола землю, комья грязи взмыли ввысь и на миг застыли, запечатанные под энергией, а потом волна ударила в разные стороны, швырнула назад и Чара, и Лайтнера, я видела, как из-под подошвы ботинок вверху полетели искры.

— Что здесь происходит?! — раздался за спиной гневный окрик.

Я отвлеклась лишь на миг, чтобы увидеть кого-то из преподавателей, а в следующий момент перед глазами полыхнуло. Вспышка рябью прокатилась по силовому щиту, с ладоней Лайтнера сорвалась энергия такой мощи, что Чара отбросило назад, протащило по земле прямо между двух раскрывающихся на глазах трещин. В следующий миг на полигон вылетела охрана и кто-то из преподавателей. Его профиль в движении показался мне чем-то смутно знакомым.

— Ректор! — охнула за моей спиной.

Ректор?!

Я увидела, как Чару помогают подняться, как Лайтнера пытаются перехватить за плечо, и как он

резко сбрасывает руку, награждая охранника таким взглядом, что тот пятится. Как делает шаг, пошатнувшись, как снова расправляет плечи. После чего меня буквально снесло от окна потоком пришедшей в движении толпы.

— Кто стукнул ректору? — донеслось справа.

Звонок перекрыл возбужденные голоса, все устремились к своим аудиториям. Я удержала сумку, растерянно озираясь по сторонам, не представляя, куда идти. К выходу с полигона? Я даже не представляю, где он. О том, чтобы идти на занятие, и речи не шло. Я должна была узнать, что с Лайтнером, что с его силой. Он говорил о том, что об этом не должны знать. Что случится, если узнают?

В эту минуту я поняла, что почти не дышала, и что сейчас существенно ничего не изменилось. Глубоко вздохнула, впуская воздух в легкие.

Снова.

И снова.

И снова.

Медпункт. Да, наверняка они сейчас идут туда, им нужна помощь. Я вытащила тапет, загружая карту Академии, вглядываясь в кратчайший проложенный навигатором маршрут.

Так, сейчас мне налево, и... вниз.

Кажется, мне предлагали возвращаться той же дорогой, что я бежала от столовой.

А, нет... там, где нужно было подняться, навигатор увел в небольшой коридорчик и посоветовал воспользоваться подземным транспортом, чтобы сэкономить время. Я вылетела на станцию в тот момент, когда вагончики скрылись в туннеле. Глянула на часы и выругалась: расчетное время прибытия следующего перевозчика через двадцать минут. Во время, когда идут занятия, интервалы в движениях большие.

Метнулась обратно, вылетела в коридор, перестроила маршрут.

Как раз в то время, когда на тапет упало сообщение:

«Синеглазка нужна помощь, женские раздевалки».

Женские раздевалки?!

Думать особо было некогда, я снова загрузила карту и спустя десять минут бега, одышку и покалывающую боль в боку вылетела к раздевалкам, где оставляла одежду и брала форму.

Лайтнер стоял, прислонившись к моему шкафчику, руки в карманах, глаза скрыты под солнцезащитными очками.

— К'ярд! — шагнула к нему, он ко мне.

Я успела только открыть рот, чтобы спросить, как он, когда Лайтнер словно споткнулся, а потом начал оседать на пол.

Глава 27

На пределе

Вирна Мэйс

Я едва успела его подхватить: за спиной раздались голоса девчонок. С силой толкнула К'ярда в сторону шкафчиков, отозвавшихся возмущенным лязгом, после чего впилась поцелуем в губы.

— Говорят, он сцепился с ним из-за...

Девушка за моей спиной осеклась. Я слышала их осторожные шаги, перебивающие пульс в висках, и только когда все стихло, поняла, что ладонь К'ярда лежит на моей талии, а вторая вплетается в волосы. Честно говоря, сейчас я уже сама была не уверена, кто кого целовал, и что сумасшедшие рывки сердца в груди спровоцированы исключительно адреналином.

Осознание этого заставило рвануться назад, позволяя холодному воздуху обжечь горящие губы.

— Ты...

— Знаю, ты меня спасала и все такое. — Лайтнер облизнул губы, и у меня потемнело перед глазами.

То ли потому, что несмотря на наш поцелуй они по-прежнему выглядели потрескавшимися, то ли потому, что я все еще чувствовала их на своих.

— Вытирать будешь, когда я этого не увижу, идет?

— Идиот, — прошипела я.

— Это уж точно. Мне сейчас нужно дойти до эйрлата. — Голос его был настолько глухим, непохожим на привычную силу Лайтнера К'ярда, что мне стало по-настоящему страшно. — Но это проблема, сама понимаешь. Потому что я могу вырубиться по дороге, и тогда...

— И тогда я потащу тебя за ногу, Лайтнер К'ярд, — хмыкнула я. — Представь, как это понравится всем в Кэйпдоре? Калейдоскопница тащит сына правителя Ландорхорна, а тот считает головой облетевшие листья и ступеньки. Круто, да?

С его губ сорвался смешок, но мне точно было не до смеха. Меня трясло.

— Тебе надо в медпункт!

— Мне нельзя в медпункт.

— Знаю! Поэтому сейчас ты обнимешь меня за талию и сделаешь вид, что мы идем к твоему эйрлату.

— Ага.

Я по-прежнему не видела его глаз, но видела, как тяжело и медленно вздымается его грудь, и как дыхание вырывается то длинными, то короткими вздохами, через раз. Я не представляла, как мы пройдем до стоянки, если честно, я вообще не представляла, что буду делать, если он просто свалится к моим ногам.

— Давай. Руку, — скомандовала я, устраивая его ладонь на своей талии.

Выждала еще немного, пока его дыхание стало более ровным, потом обняла его и шагнула вперед. Сколь бы ни была вероятность зависнуть здесь надолго, я понимала, что сейчас мы теряем время и силы. Он теряет. И я тоже. До сих пор не представляю, как мне удалось его удержать и швырнуть к шкафчикам, потому что сейчас все тренировки Лайтнера легли на меня тяжестью.

— Пошли.

Шли мы на удивление быстро, и в ходьбе он даже не сильно на меня опирался. Подозреваю, что на это уходили все его силы, а те, что оставались — проваливались в легкость и небрежность походки, напоминавшей ничего не значащую прогулку. На нас теперь не просто косились, на нас откровенно пялились, и мне стоило невероятных усилий удерживать на лице выражение беззаботности. Для достоверности я еще переплела пальцы свободной руки с его и улыбалась так, как не улыбалась никогда в жизни.

К счастью, большинство студентов были на занятиях. К несчастью, в Кэйпдоре слишком много

студентов, слишком много пар и окон между занятиями. Поэтому я то и дело ловила на ходу отвисающие челюсти въерхов и людей, а взгляды буравили мне спину, заставляя покрываться холодным липким потом. Напряжение К'ярда я чувствовала каждой клеточкой тела, на каждом шаге, когда дрожь уходила в меня.

Тем не менее он держался прямо, только пальцы под моими были холодными. Этот холод обжигал даже через форму на талии, заставляя дышать глубже, чтобы справиться с паникой. Я не представляла, почему для въерхов так важно не показывать отсутствие силы, но догадаться могла. Сын правителя не может лишиться магии, сын правителя должен быть образцом во всем и всегда. И уж совершенно точно он не может лишиться магии сейчас, после поединка с этим идиотом, потому что иначе...

Мы вышли из корпуса, и холодный ветер ударил в лицо. Обжег кожу колючими каплями, заставив на миг зажмуриться и немного ускорить шаг. Лайтнер не возражал, он вообще слепо доверял мне, подстраиваясь под мой ритм, и это пугало. Гораздо больше, чем что бы то ни было.

— Сейчас направо, — он кивнул.

Мы повернули, и оказались за главным корпусом.

Парковка, к счастью, уже виднелась вдали.

— Ключи в кармане, — хрипло выдохнул он.

— Хорошо.

Шаг. Еще шаг. Еще.

Мы оставили за спиной парк и почти вышли за черту парковки, когда со стороны главного корпуса наперерез нам шагнули Ромина со свитой.

— Ну что, Лайтнер, — произнесла она приторно-сладким голосом. — Говорят, тебя можно поздравить?

Ой, нет. Только не это.

Холод прокатился вдоль позвоночника, собираясь тугим узлом внутри живота. Стоило просто ее обойти, но чтобы ее обойти, нужно было шагнуть на газон: всю дорожку они перекрыли. В тот момент, когда я уже была очень близка к тому, чтобы это сделать, Лайтнер сжал мою руку. Слабо, но сжал.

— Тебе что-то нужно, Ромина? — хмыкнул он.

Честно — не знаю, как он себя сейчас чувствует, ни за что не уловила бы в этом сильном, резком и слегка раздраженном голосе слабости.

— В общем, да. Хотела сказать, что ты правильно поступил, — заметила она, — этому беспределу с оскорблением людей давно пора положить конец.

Не дожидаясь ответа (к счастью), они прошли мимо, а мы двинулись дальше. Теперь я чувствовала, насколько тяжелее стал каждый шаг, поэтому не сказала ни слова. Лайтнер заговорил первым:

— Вот дрянь.

— Успокойся.

— Что?! Успокойся?! Ты что, не понимаешь, что она делает?

Мне было не до Ромины, я смотрела на парковку, но и маруне было ясно, что она делает. Сейчас, после того, что случилось, сажает к себе за стол Алетту. Всячески выражает поддержку Лайтнеру, вступившемуся за меня. Подозреваю, что не только ему, что теперь Чара ее компания будет всячески осуждать.

На все это сейчас мне было плевать, эти мысли нужны были мне, чтобы дойти. Если Лайтнеру нужна эта злость, чтобы дойти — отлично! То, что надо.

— По-моему, ей доставляет удовольствие с нами играть.

— По-моему, она заигралась, — прорычал он.

Я вытащила ключи, эйрлат пискнул. Мы подошли, и я рванула дверцу на себя. Рванула, поэтому упустила момент, когда Лайтнер снова стал оседать. К счастью, открывшаяся машина была

поблизости, я толкнула его внутрь, и мы буквально свалились на сиденье вместе.

— Де-ерьмо, — выдохнул он, когда я завозилась, пытаюсь подняться. — Ты на мне, а я не способен даже пошевелиться.

Подозреваю, что щеки у меня сейчас стали цвета натуральных волос.

— Ты по жизни такой, или у тебя сейчас горячечный бред?

— По жизни, — фыркнул он. — Рядом с тобой, Мэйс.

— Ладно, давай-ка...

Договорить я не успела: голова у него запрокинулась, тело обмякло.

— К'ярд? — неуверенно позвала я.

Потянулась к нему, сняла очки: лицо заливала бледность, а когда я приподняла веко, увидела залитую черным цветом радужку. Это смотрелось так страшно, что я не отпрянула только чудом, а потом перехватила безвольно повисшую руку.

Нет. Нет, нет, нет.

К счастью, пульс был и довольно глубокий: видимо, все дело было только в полной потере сил. Я подалась назад, наполовину вылезла из эйрлата и попыталась пристроить К'ярда на сиденье. Когда это мне удалось, руки тряслись от напряжения, а мокрую от пота спину продувало ледяным ветром.

Так... ну и что дальше?

Я легонько хлопнула его по щеке. Потом — сильнее.

Сзади раздались голоса, до меня донеслось:

— Эй, это же... — и я сделала первое, что пришло в голову, то есть просто нырнула в салон, захлопнула дверцу и, приложив палец К'ярда к запускающему сканеру, включила затемнение окон.

Вовремя: проходившие мимо вьерхи, разумеется, заглянули внутрь. Лобовое стекло по-прежнему оставалось светлым, поэтому пришлось повторить трюк с поцелуем, и на этот раз я только чувствовала, как меня трясет, ничего кроме. Особенно когда снаружи донесся смех, и кто-то постучал по эйрлату.

Я отлепилась от Лайтнера в тот момент, когда голоса начали затихать, бросила взгляд в зеркало. Выглядела я сейчас немногим лучше него: бледная, с налипшими на взмокший лоб волосами. И совершенно не представляющая, что мне делать дальше.

Потерла лицо, пытаюсь собраться.

В автопилоте наверняка есть адрес его дома, но везти Лайтнера туда я просто физически не могу. Если нас остановят политары, а с моей везучестью они нас непременно остановят, все это, все, что мы сделали сегодня, отправится глубоко на дно. О случившемся с ним станет известно всем, но если даже предположить, что мне удастся доставить его домой без приключений... я не знаю, кто из его домашних и слуг в курсе, а кто нет.

Остается только одно: связаться с его отцом.

Он точно знает, что делать. И пусть при мысли о том, что мне снова придется общаться с правителем Ландорхорна (этот его взгляд продирает до сих пор), бросало в холодный пот, тянуть дальше было нельзя. Я не представляю, что может случиться с вьерхом, полностью исчерпавшим силу. Не представляю, и не хочу представлять.

Пришлось расстегнуть форменный пиджак, чтобы вытащить тапет из внутреннего кармана К'ярда. Приложив его палец к сканеру и от души покатав по дисплею туда-сюда (это достижение прогресса постоянно рычало про несовпадение), все-таки включила устройство.

Найти контакт труда не составило, гораздо сложнее было нажать вызов. Мне почему-то казалось, что я совершаю самую большую ошибку в своей жизни, но при взгляде на Лайтнера (он побледнел еще сильнее и дышал тяжело) все сомнения отпали. Я потянулась к значку вызова, когда снаружи донесся грохот.

Тапет я не выронила только потому, что сдавила его судорожно сжавшимися пальцами. Грохот повторился, и я даже не сразу поняла, что это просто колотят в дверь эйрлата. Кто-то не просто стучал, а, судя по всему, еще и как следует пнул машину. После чего раздалось ругательство, и

сквозь лобовое стекло я увидела насквозь промокнувшего под проливным дождем Хара.

Глава 28

Дружба

Лайтнер К'ярд

Не помню в какой момент я вырубился: только что остатки сил уходили на то, чтобы бороться с болью, а в следующую секунду она поглотила меня целиком. Выпила до остатка. И не пошевелиться, не сбежать. Просто накрыло тьмой.

Я помнил поцелуи Вирны, с привкусом отчаянья и дождевой воды. Ее обжигающую кожу, горячее тело, тесно прижимающееся к моему. Только ради этого стоило проучить этого придурка!

— Он в порядке?

— Жить будет, но вы, конечно, умеете веселиться.

Открываю глаза, но они тут же начинают слезиться от яркого света. А подняться вовсе не получается: чувство такое, будто меня придавило глыбой. И еще что на мне нет живого места, хотя досталось Х'иму.

— Смотри, уже очухался! Не зря К'ярды правят Ландорхорном, сил у них, как у морского едха.

— Ты сейчас сам к едху пойдешь, — сиплю я. Горло дерет и дико хочется пить.

Ненавижу это состояние! Ненавижу собственную слабость!

Хар здесь что вообще делает? И здесь — это вообще где?

Прохладная ладонь ложится мне на лоб, и хочется простонать от блаженства, потому что от этого прикосновения боль затихает. Снова открываю глаза, на этот раз осторожно, и ловлю взгляд Вирны, в котором читается облегчение и что-то еще. Какое-то чувство, которое ускользает от понимания. Видимо, я башкой треснулся, когда падал, раз мерещится. Всякое.

— У тебя такие холодные руки, синеглазка, — говорю я.

Мэйс смущенно улыбается и к моему огромному разочарованию отодвигается, но я успеваю перехватить ее запястье.

— Не уходи. Это приятно.

— Я вам не мешаю? — раздается справа, а мне лень поворачивать голову, поэтому просто бросаю:

— Катись к едху!

— Вообще-то ты у меня.

Теперь я смотрю за плечо Вирны, медленно, чтобы боль вновь не вернулась обвожу взглядом комнату. Натыкаясь на большой экран на стене, какой-то музыкальный канал, но звук выключен. Жалюзи подняты, а за стеклами темно: на улице по-прежнему льет дождь, поэтому сложно сказать сколько времени. Источник едва не ослепившего меня света — дизайнерский светильник под потолком.

Я лежу на диване на первом этаже квартиры Хара. Помню, он специально его выбрал, чтобы можно было и кино посмотреть, и выспаться, если фильм оказался не настолько интересным и лениво подниматься в спальню.

— Что я здесь делаю? — спрашиваю у друга, который, пока я оглядывался, успел сходить за горячим льяри и вручил чашку Вирне. Вторую он оставил себе.

Хотя плохо мне!

— Я благородно предоставил тебе свое жилье, когда ты при всех свалился в обморок на парковке Кэйпдора.

Благородно, как же! Наверное, смеялся от души.

— Почему я не в медпункте?

— Твоя девушка сказала...

— Я не его девушка! — прерывает его Мэйс.

— Девушка, — подтверждаю. Я еще не уверен насчет Хара и причин его поступков.

Он прищуривается, но продолжает со знакомой мне непробиваемостью:

— Вирна сказала, что никто не должен знать о твоей проблеме.

У меня всего один вопрос к Мэйс:

— Почему ты позвала именно его?

— Я сам шел за вами, — Хар не позволяет ей рта раскрыть, — когда увидел, что ты едва плетешься. Да и уединяться с девчонками в эйрлатах посреди занятий тоже не в твоих правилах.

Я приподнимаюсь на локтях: понемногу силы ко мне возвращаются.

— Ты уж определись: хорошо меня знаешь или нет.

Мы сверлим друг друга яростными взглядами, в его глазах даже вспыхивает сила вверху. Но Вирна вдруг снова кладет ладонь мне на плечо, на этот раз теплую, нагретую от чашки.

— Хватит, — говорит она. — Твой друг действительно помог. Одна бы я точно не справилась, потому что не знала куда тебя везти. И как это сделать.

Да уж, привези Вирна меня в особняк, проблем было бы море. Но от осознания, что синеглазка за меня волновалась, и прикрывала меня как могла, хотя не должна была этого делать, становится тепло. Это тепло полностью вымывает отголоски боли.

Теперь я смотрю на нее: во взгляде Вирны возмущение и обида, и мой гнев на Хара будто летняя гроза резко стихает. Она права — без его вмешательства меня бы отправили в медпункт и развели из моего состояния целое шоу. Отец, скандал, с наибольшей вероятностью снова сопровождение от Шадара. А у Хара собственная квартира — подарок родителей в честь поступления в Кэйпдор. И он не таскает сюда всех подряд, а значит, о нашем с Мэйс «визите» никто не узнает.

— Спасибо за помощь, — благодарю. — Но хотелось бы знать, чем обязан.

— Вирна мне все рассказала.

— Все? — напрягаюсь я, несмотря на то что Мэйс крепко сжимает мою ладонь. Главное, чтобы не про Эн, остальное — ерунда.

— О том, что ты ее спас, и какой ценой. Почему ты мне ничего не рассказал?

— Я пытался.

На это Хару нечего ответить, а я бы наслаждался его растерянностью, но что-то не хочется этим наслаждаться. Мы оба хороши: я не послушал друга, когда отправился в «Бабочку» тем вечером, а он — моих объяснений. Теперь мы квиты.

— Забудь, — говорю я.

— Ты тоже, — со всей серьезностью отвечает он. — Сегодня я помог тебе, потому что мы друзья.

— Ради этих слов стоило свалиться в обморок.

Хар смеется, а Вирна закатывает глаза и бьет меня по плечу.

— Ай!

— Ты меня напугал, К'ярд!

Знаю, синеглазка. Сегодня я сам себя напугал, потому что на мгновение показалось, что с такой глубины мне не выплыть. Но тебе я этого рассказывать не стану.

— Мне больше нравится, когда ты называешь меня по имени, — попытка игриво притянуть к себе Мэйс, сидящую на краю дивана, оборачивается ничем. Она просто подскакивает как ужаленная и сообщает:

— Я ухожу.

— Допей хотя бы льяри, — предлагает Хар. — И не обращай внимания на этого едха. Он таким родился.

Против вежливости друга у нее нет шансов, но внутри меня царапает раздражением.

— Не смей флиртовать с моей девушкой, — заявляю я.

— Я не твоя девушка! — рычит Вирна и пересаживается в кресло.

Мне уже гораздо лучше, особенно после принесенной Харом банки «Лавы». Она обжигает горло и бодрит так, что кажется — моя сила снова со мной. Пусть даже это самообман.

Обидно, что Мэйс не бросает слова на ветер, и когда льяри в ее чашке остается на доньшке, просто сбегает, ссылаясь на неотложные дела. Мне хочется сказать ей спасибо, нет, мне хочется повторить тот поцелуй в женской раздевалке, а потом нарушить собственные правила и затащить ее в эйрлат. Но это потом.

А сейчас мне наконец-то есть с кем обсудить ситуацию с Д'ерри.

Оказывается, Вирна действительно успела рассказать о случившемся. И про Ромину, и про свою лже-подружку, и про то, почему я теперь иногда теряю сознание из-за того, что иску пался в океане в шторм. Без подробностей, но Хар может додумать все сам. Радуется, что он мне верит и не задает ненужных вопросов о том, как именно мы тогда выбрались. Я понимаю, что возможно расскажу ему про Эн, но позже.

Мы разговариваем долго, даже дождь успевает стихнуть. Хару тоже не нравится то, что происходит в Кэйпдоре, и он обещает подумать насчет Ромины и ее новой политики быть хорошей для людей. А точнее — как разгрести тот хидрец, который она устроила.

— Кто, если не мы? — говорит он.

Узнаю своего друга!

— Мне нужна твоя помощь, — признаюсь я. — Вирна живет на Пятнадцатом в хибаре, и если Ромина решит свести с ней счеты, ей никто не поможет. Да и съём квартиры тоже не решает эту проблему. Я хочу, чтобы за ней кто-то присматривал. Тот, кому я доверяю.

Хар приподнимает брови.

— Хочешь поселить свою девушку у меня?

— Едх, нет! — рычу я.

— Так я и думал, — усмехается он. — Какие еще идеи?

— Кьяна. Я собираюсь попросить ее.

Хар явно напрягаете я и хмурится при упоминании моей бывшей.

— При чем здесь она?

Я не успеваю ответить: входная дверь издает мелодичный писк и распахивается, а на пороге застывает «мой план». В смысле, сама Кьяна М'эль.

В легком платье, с заплетенными в широкую косу волосами, с коробкой с пирогом в руках. Кьяна вся домашняя, и такой я ее еще не видел, поэтому и зависаю чуть дольше. Девушка приходит в себя первой, неловко ставит коробку на барную стойку:

— Я зайду позже.

— Останься. Я рад, что ты пришла.

Когда она подходит к Хару, он притягивает ее к себе привычным жестом, будто делал это множество раз, а Кьяна улыбается так, что на ее щеках появляются ямочки.

У меня же в голове щелкает, и все становится на свои места.

— Вы вместе? — интересуюсь я. — Как давно?

— Недавно, — отвечает девушка.

— С того дня, как мы с тобой подрались, — уточняет Хар.

— А ты времени даром не терял.

— В отличие от тебя, я сразу определился, кто мне нравится.

— Вижу, мальчики, вам интереснее без меня. Вернусь, когда вы закончите.

Кьяна пытается высвободиться из объятий Хара, но он шепчет ей что-то на ухо, что-то интимное, предназначенное только для двоих, и она расслабляется, доверчиво прижимается к его плечу. А у меня колет в груди. Завистью. Потому что хочется также прижимать к себе Вирну.

— Что значит — к себе? — уточняю я у них.

— Я живу в этом доме, — отвечает Кьяна, — только на шестнадцатом этаже. Такое совпадение.

Это не просто совпадение. Это подарок судьбы!

Это настолько круто, что ко мне возвращаются силы (к сожалению, не вверху, а обычные), и я подсакиваю с дивана.

— Счастлив за вас, — говорю искренне. — За тебя, Кьяна, что нашла своего особенного. Хар, вы круты!

— Столько комплиментов от К'ярда, — хмыкает Кьяна. — Это неспроста.

— Есть разговор.

Приходится рассказать все М'эль, как в общем, я и планировал. Она соглашается с тем, что Вирне нужна защита, только интересуется:

— А Вирна что на этот счет думает?

— У нее нет выбора, — отмахиваюсь я.

— Выбор есть всегда, Лайтнер. Ты не должен решать за нее. Никто из нас не должен.

Рассудительность Кьяны сейчас ой как не в тему!

— Даже если ей грозит опасность?

— Даже так, — девушка сжимает губы и сейчас до боли напоминает мне вторую упрямцу, от которой я бы не отходил ни на шаг. — Для начала я бы хотела поговорить с ней сама.

— Спорить с тобой бесполезно?

— Поверь мне, это так, — смеется Хар. На что Кьяна прищуривается:

— Лучше ешь пирог.

Теперь уже смеюсь я. Так заткнуть Хара — это надо уметь.

— Хорошо, — соглашаюсь я. — Поговоришь с ней завтра?

Кьяна кивает.

Несмотря на упорство М'эль (кажется все девчонки, у которых в фамилии есть буквы М и Э такие твердолобые!), из квартиры Хара я выхожу в приподнятом настроении. Впервые за долгое время мне спокойно. Несмотря на слабость и проблемы, которые принесла стычка с Х'имом. А в том, что она принесла, я не сомневаюсь. Не настолько я наивен, чтобы надеяться, что ректор не доложил обо всем отцу.

Предчувствие не подводит: дома меня уже ждут. Сцена моего возвращения в родительский особняк после спасения Вирны повторяется почти один в один. Разве что теперь вместо доктора Э'рера в кабинете отца ждет мать. Она статуэткой застыла в кресле и не сводит с меня обеспокоенного взгляда. Отец занимает излюбленное место у окна.

— Кажется, в наш последний разговор я выразился достаточно ясно, — произносит он обманчиво-тихо. И по моей коже прокатываются волны его ярости, хотя отец еще даже не воспользовался собственной силой. Как ни странно, сейчас меня это не задает. Возможно, сегодня вся злость выплеснулась в поединке, вместе с энергией матери.

— Вполне, — отвечаю спокойно. — Ты сказал: подумать, и я нашел решение.

— Подумать. А не действовать за моей спиной.

Это относится не только ко мне: отец поворачивается к матери.

— Подумать, а не рисковать его жизнью. Разве я позволял тебе делать то, что ты сделала?

Мама вжимается в кресло, но все равно отвечает:

— Я вправе решать сама...

— Как его убить? — перебивает отец. — Ты слабая! Твоей силы недостаточно! Так зачем играешь против меня?

— Это единственное, что тебя волнует? — зло интересуюсь. Кажется, насчет спокойствия я погорячился, потому что сейчас вновь начинаю закипать. — То, что ты узнал обо всем последним?

— Помолчи, Лайтнер. Ты полностью меня разочаровал. Мало того, что устроил драку, когда настолько слаб, так еще...

— Я его сделал! — на этот раз перебиваю его я, встречая взгляд отца.

— И что с того? Ты бросился на защиту этой девчонки!

Даже о роли Вирны рассказали, кто бы сомневался!

Мама ахнула, но я продолжал смотреть на отца.

— Я защищал себя! Потому что этот придурок задел род К'ярдов.

Его такой ответ ничуть не устроил:

— Ты — К'ярд, ты должен быть выше этого. Тем более выше того, чтобы связываться со всяким сбродом.

Я сжимаю кулаки, когда волны чужого гнева прокатываются по мне. Но понимаю, что нельзя выходить из себя. Он хочет, чтобы я разозлился, хочет ударить побольнее. Я же не стану этого делать. Не при матери. Не сейчас.

Мы сто раз проходили тему людей и К'ярдов! Но знает ли отец про изменения в академии?

— Кем бы мы были без людей? — интересуюсь я. — Странно, что ты этого не понимаешь. Судья Д'ерри понял это давно.

— Что? — в голосе отца звенит раздражение.

— Если ректор рассказал тебе про меня, то значит, должен был рассказать и про то, что происходит в Кэйпдоре.

По тому, как раздраженно раздуваются ноздри отца, догадываюсь, что об этом ему неизвестно.

— Ромина встала на сторону людей и теперь «дружит» с ними. О чем заявила на всю академию.

— Ты в этом уверен?

— В этом уверены все.

Теперь взгляд отца становится сосредоточенным, а я почти могу представить его мысли. Он думает, что у Д'ерри своя игра. Против него.

— Давно это началось?

— Сегодня. Но тебе стоит лучше следить за ситуацией.

По глазам отца вижу, что подобное обвинение выводит его из себя. Настолько, что он готов ударить силой, и внутренне напрягаюсь. Мне нечем ставить щит, поэтому удар может слишком дорого мне обойтись.

— Поосторожнее со словами, Лайтнер. Я хочу первым узнавать обо всем, что на самом деле происходит в Кэйпдоре.

— А я хочу, чтобы ты продолжил вливать в меня силу, —ставляю встречное условие.

— Для мальчишеских драк?

— Для того, чтобы все знали, что слова сына правителя Ландорхорна не стоит ставить под сомнения.

Правителю Ландорхорна не нравится, что ему перечат. Вижу, как ему претит сама мысль, что мы можем общаться на равных. Потому что он всегда стоит выше.

— Хорошо, — отец морщится, как от зубной боли. — Ты свободен. Мне нужно поговорить с твоей матерью.

Оставлять маму с ним совсем не хочется, но выбора нет. Поэтому я просто жду ее в коридоре. Сейчас я даже не могу подслушать, что творится за толстой старинной дверью кабинета.

Хидрец!

Несмотря на победу над Х'имом и над отцом, пусть даже последняя была словесной, меня слегка потряхивает, и поэтому приходится сжимать кулаки. Сегодня я превысил лимит вступления в неприятности. Да еще и узнал про Д'ерри, которая теперь вроде как на моей стороне, а на деле — всего лишь прикрывает свою задницу.

Интересно, ей папаша такую стратегию посоветовал, или сама придумала?

Ромина далеко не дура, и в этом проблема. Другое дело, что у нее тоже есть слабости. Например, вспыльчивость. И самолюбование. Д'ерри с детства считает себя принцессой, а остальных — мусором под ногами. Иногда, правда, из этого она извлекает пользу, но ее отношение остается прежним.

Она умеет, а главное — любит играть.

Игра. Игра. Игра...

— Лайтнер.

Меня выбивает из мыслей, когда мама появляется в коридоре.

— Мам, прости. Я не должен был тебя подставлять...

— Пустое, — прервала она меня и поманила за собой, подальше от отцовского кабинета. — Я ни о чем не жалею. Ты защищал девушку.

— То, что она человек, не дает никому права издеваться над ней.

Я готов доказывать это хоть каждый день, но подозреваю, что после сегодняшней показательной битвы, больше придурков не найдется.

— Это она? — осторожно спрашивает мама. — Та, из-за которой ты улыбаешься?

А я спотыкаюсь. Теперь лгать бессмысленно, и, если честно, совсем этого не хочется.

— Да.

— И она человек. — Мам глубоко вздыхает, словно пытается осознать всю глубину моих слов. — Это ужасно.

Такого я от матери не жду. Хотя чего я, собственно, хотел? Она вверху.

— Ужасно, что она человек? — бросаю я, и разворачиваюсь, чтобы уйти.

Но мама перехватывает меня за руку.

— То есть печально, — исправляется она. — Потому что наше общество не одобрит подобные отношения.

— Ты хотела сказать — отец их никогда не одобрит.

— И это тоже.

— Мне плевать!

Говорю, и осознаю, что это правда. Мне действительно все равно, что думает общество вверху, и тем более положить на мнение отца.

— Будь осторожен, сынок, — качает головой мама и целует меня в щеку. — А я поддержу тебя в любом случае.

От ее слов становится тепло.

Я буду осторожен. Буду очень осторожен.

Осталось только заставить Мэйс признать, что ее влечет ко мне с той же непреодолимой силой, как

и меня к ней. И если я не ошибся, она никуда от меня не денется. А в остальном...

Чтобы быть с Вирной, мне нужно преступить все законы Ландорхорна.

Или изменить их.

Глава 29

Разговоры о нас

Вирна Мэйс

Утро началось с того, что Н'етх поддержал нашу инициативу. Его вдохновила идея, что мы с Кьяной рассмотрим легенду с двух сторон, и еще больше вдохновило, как мы хотим это сделать. Рассказать две альтернативные версии, которые могли бы иметь место, как если бы это действительно были исторические события.

— Сейчас мало кто из студентов подходит к делу настолько творчески, — произнес он, — после занятий подойдите ко мне на кафедру за рекомендациями по литературе.

В общем, как-то так получилось, что мы с Кьяной и Харом сели вместе. Хар, к слову, выглядел гораздо более довольным, чем еще пару дней назад, из чего я сделала вывод, что их с К'ярдом примирение состоялось. Меня это радует, а еще радует, что я наконец-то возвращаюсь в «Бабочку»: Дженна вчера сказала, что в клубе меня очень не хватает. Вообще я чувствую себя настолько отдохнувшей и сильной, что меня не смущают даже ночные смены. Начинаю подумывать о том, чтобы снова вернуться на работу и на неделе, не только по выходным.

Тренировка с Вартасом будет утром, а пока... пока что мне не дается только бассейн, но с этим я тоже справлюсь. Я со всем справлюсь, постепенно. Странное, волшебное окрыляющее чувство, которое для меня непривычно, но оно мне нравится.

Именно поэтому я сижу и улыбаюсь, слушая Н'етха. Ровно до тех пор, пока из-за спины не раздастся ядовитое:

— Это сейчас модно, та разве не знал? Общаться с людьми.

Улыбка сбегает с лица, я оборачиваюсь: двое парней-вьерхов ухмыляются, глядя на меня. Следом оборачивается Кьяна и уже собирается что-то сказать, когда Хар выразительно смотрит на комментаторов. На этот раз уже с их лиц сползают улыбки.

— Студенты! Я был бы очень вам благодарен, если бы мы вернулись к занятию, — напоминает преподаватель.

— Мы на занятиях, — сообщает Хар, глядя на него. — Я могу дословно повторить все, что вы только что говорили, ньестр Н'етх.

— Уверен, что можете, — он улыбается. — Но постарайтесь так же внимательно меня слушать, сидя лицом ко мне. И вам не сложно, и мне приятно.

По рядам проносится смех, Кьяна тоже смеется, и я улыбаюсь. Риардан Н'етх — один из самых приятных преподавателей в Кэйпдоре, он молодой, и действительно горит предметом, который ведет: «Легенды и мифы старого времени».

Лекция продолжается, и я только-только успеваю сосредоточиться на словах Н'етха, когда мне на тапет падает сообщение:

«Ты меня поцеловала».

От неожиданности чуть не роняю перо, глядя на выскочившую строчку. Щеки вспыхивают, я кошусь на Кьяну, но она, кажется, увлечена лекцией. Сама не знаю зачем (по-хорошему, мне стоит последовать ее примеру), пишу ответ:

«Я тебя спасала».

«И разумеется, поцеловала меня ты только поэтому».

Это даже не вопрос, а утверждение, с которым я понятия не имею, что делать. В тот момент я действительно поцеловала его, чтобы сохранить его тайну, но мне это нравилось. Нельзя отрицать очевидный факт, мне нравится целоваться с К'ярдом.

Мне. Нравится. Его. Целовать.

Наверное, если почаще повторять это про себя, я даже перестану краснеть, когда об этом думаю. И уж тем более перестану краснеть, когда вспоминаю, как его губы касаются моих.

М-м-м, нет.

Это определенно не то, о чем стоит думать на лекциях.

«У меня лекция», — пишу я.

«У меня тоже».

«Вот и пиши лекцию».

«Лекции — это скучно. Гораздо интереснее думать о тебе».

Я дергаюсь так резко, что Кьяна удивленно смотрит на меня, спрашивает еле слышно:

— Все в порядке?

— Все хорошо, — отвечаю так же шепотом и выключаю дисплей.

Тапет жужжит. Снова.

Снова и снова.

Кьяна снова на него косится:

— Тебе кто-то пишет? Что-то срочное?

— Нет, ерунда, — я выключаю еще и вибрацию, после чего внимательно смотрю на Н'етха и на голограмму мифического сражения: молнии ударяют в бушующее море, а колесницы богов несутся над ним, чтобы сойтись в схватке.

Что-то они там не поделили, и я даже помню, как преподаватель об этом говорил, но не помню, что. Я вообще ни на чем не могу сосредоточиться.

Все-таки включаю дисплей.

«Не молчи, синеглазка».

«Синеглазка, не молчи».

«Ладно, я понял, ты настолько счастлива, что просто не находишь слов».

«К'ярд!»

«О, ты все-таки нашла правильное слово».

Я присылаю ему злой смайлик.

«Это твое обычное состояние, сделай лицо попроще».

Нет, он еще и издевается!

«Если ты не прекратишь писать всякую ерунду, я не буду с тобой разговаривать».

«Ты и так не особо разговорчивая, но я могу делать это за двоих».

Теперь мне хочется треснуть его тапетом.

«К'ярд, если тебе действительно есть о чем поговорить, давай сделаем это во время большого перерыва. Идет?»

«Ты приглашаешь меня на свидание?!»

«И-Д-И-О-Т!»

Я пишу это именно так, выразительно большими буквами, после чего собираюсь с концами выключить тапет, когда мне падает новое сообщение:

«Вирна, я пошутил».

Не знаю, что меня останавливает, то ли это его «Вирна», то ли... сама не представляю, что.

«Увидимся во время перерыва в столовой?»

Я ничего не отвечаю.

«Если ты не хочешь есть, можем в парке».

Ничего не пишу.

«Но там холодно и сыро».

В конце концов хватаюсь за перо:

«Хорошо, давай в столовой, но ты меня больше ни разу не будешь дергать на занятиях».

«Договорились».

И он правда не дергает, все оставшееся время, даже когда мне самой невыносимо хочется отвлечься, я сижу и слушаю лекцию, потому что К'ярд ничего больше не пишет. Но он и так уже написал достаточно, и вчера тоже сказал более чем. Это была просто шутка, ничего кроме, но эта шутка почему-то не выходит у меня из головы.

С той минуты, как я вспоминаю это его «девушка», лекция окончательно идет боком, и все, что я делаю — это смотрю на часы. Время, как назло, тянется невыносимо медленно, и когда звенит звонок, я, едва попрощавшись с Кьяной и Харом, вылетаю из аудитории. До столовой не так уж далеко отсюда, и за парочку поворотов я заставляю себя сбавить шаг, чтобы не выглядеть запыхавшейся.

Впрочем, наверное, я все равно выгляжу', поэтому когда вижу его, на ходу поправляю волосы и спрашиваю как можно более небрежно:

— Привет. Ты про Эн хотел поговорить?

Он смотрит на меня, смотрит как-то слишком долго, и под его взглядом мне становится невыносимо жарко. Правда, еще горячее становится, когда К'ярд произносит:

— Про нас.

— Что значит — про нас?

То, что я спросила это, глядя ему в глаза, до меня дошло уже постфактум, горящими щеками и слишком откровенным желанием сбежать. Хотя куда мне от него бежать в Кэйпдоре? Нет, куда мне от него бежать в Ландорхорне? Куда мне вообще от него бежать?

— Про нас — это то, о чем не говорят на голодный желудок, — не дожидаясь ответа, меня подхватывают под локоть и увлекают за собой.

Сегодня в столовой на нас смотрят все без исключения, причем если раньше это был такой исследовательский интерес, то теперь во взглядах помимо любопытства зависть, насмешка, раздражение, любопытство: столько эмоций, что у меня начинает кружиться голова. Никогда раньше на меня не обращали столько внимания, и не обратили бы — даже если бы я доучилась до победного седьмого курса в Кэйпдоре и сделала бы открытие в области лиабиологии, которое изменило бы мир. Вся причина этого внимания — Лайтнер К'ярд, но что самое странное, страшное, невыносимое и вместе с тем восхитительное — так это то, что мне это нравится.

— Что будешь? — интересуется он, на ходу изучая интерактивное меню, и, кажется, тоже совершенно не замечает этих взглядов.

— У меня есть деньги, — говорю я и тянусь за картой.

К'ярд тяжело вздыхает.

— Деньги не едят, Мэйс.

Я смотрю на него.

— Ты меня прекрасно понял.

— В этом-то и проблема, — я не успеваю открыть рот, когда он уже делает заказ. На двоих.

Мне невыносимо хочется заказать себе отдельно, а потом посмотреть, как он будет все это есть, но я решаю, что лучше об этом говорить. Раз уж зашел разговор «про нас».

— Я не хочу, чтобы ты за меня платил, — говорю я, когда мы садимся за столик.

— Ты хочешь сказать, что я не в состоянии заплатить за свою девушку?

Нет, надо было все-таки взять себе что-нибудь отдельно. А воды попросить из холодильника, чтобы

его полить.

— Я не твоя девушка, К'ярд.

— Да ладно? — Он приподнимает брови. — Почему?

Вопрос ставит меня в тупик.

— Потому что я человек, а ты вьерх.

— Это должно меня смутить?

— Нет, это смущает меня.

— Почему?

— Я сейчас полью тебя соком.

— А я полью соком тебя, — замечает он совершенно серьезно. — Хороши мы будем, оба политые соком, правда?

С ним невозможно говорить серьезно. Несерьезно, впрочем, тоже: для сына правителя Ландорхорна не существует преград, границ, которые нельзя перейти, и я совершенно не представляю, что с этим делать. Почему на его месте не мог оказаться любой парень, обычный, простой, че-ло-век? Просто такой же невыносимый и такой же, к которому меня тянет со странной, все возрастающей силой... но похоже, он такой один. И с этим надо что-то делать, потому что если ничего не сделать с этим сейчас, потом будет поздно.

— Слушай, Лайтнер, — говорю я. — Мы оба прекрасно понимаем, что твоей девушки из меня не получится. Мы для этого слишком разные.

— Так даже интереснее.

Вздыхаю.

— Интереснее для кого? Для всех в Кэйпдоре? Для прессы? Для твоей семьи?

— Это все, что тебя волнует?

Я моргаю.

— А этого мало? По-моему, более чем достаточно.

— По-моему, это все едхова хрень, — он морщится. — Прости, Мэйс, но я устал ходить кругами, как Эн вокруг рифа. Лично мне важно только одно: ты хочешь со мной быть, или нет?

От обезоруживающей простоты этого вопроса темнеет перед глазами. А может, не от простоты, может от смысла — ты хочешь со мной быть? Он всерьез считает, что все так просто? Что я могу сказать «да» (потому что очень хочу), и завтра мы станем парой? Море, нет. Парой мы не станем, правильная постановка фразы — я стану его девушкой. Его. Как это странно звучит. Как-то фантастически.

— Ты не понимаешь, — я качаю головой.

— Нет, это ты не понимаешь, Мэйс, — он хмурится. — Да или нет. Остальное... с остальным я разберусь.

Последнее он произносит так, словно для него действительно не существует никаких «но», и мне до одури хочется в это верить. Впервые в жизни мне хочется верить в сказку, которых в моей жизни никогда не было, но сказки опасны именно тем, что в них веришь. А потом открываешь глаза в реальности.

— Могу я подумать? — говорю я.

— О чем?

— О том, о чем ты меня просишь. — Точно так же впервые в жизни я не хочу зажимать чувства и слова, которые настолько мои, что никому другому я бы их не сказала. — Я родилась в другом мире, К'ярд. В этом мире вьерхи не встречаются с людьми, по крайней мере, не встречаются так, как это представляю себе я. Мы никогда не сможем вместе пойти... я не знаю, в гости, на юбилей твоего отца.

— С юбилеем точно придется подождать, — говорит он. — Но по-моему, ты забегаешь вперед, Мэйс.

Я просто предложил тебе встречаться.

Да, это звучит так, как и должно было звучать, но сейчас почему-то становится невыносимо больно. Я поднимаюсь, и он мгновенно поднимается следом, меняясь в лице.

— Вирна, я не это хотел сказать.

— А что ты хотел сказать? У меня есть сестры, о которых надо заботиться, у тебя есть эйрлат, который нужно пару раз в год загнать на станцию техобслуживания. Это та разница, которая не позволит нам быть вместе.

— Это та разница, которая сидит у тебя в голове, — серьезно говорит он. — Помимо эйрлата у меня есть брат. Младший брат, с которым я, правда, крайней редко общаюсь, потому что он мелкий надоедливый засранец. Если ты захочешь, я вас познакомлю. Позже. А о твоих сестрах мы можем заботиться вместе уже сейчас. Уже заботимся. Вот что я хотел сказать, Мэйс. Только это. Ничего кроме. Я хочу попробовать...

Лайтнер плотно сжимает губы, потом качает головой.

— Я хочу быть с тобой. Это же так просто. Да или нет?

— Для тебя, — говорю я, но все-таки опускаюсь за стол. Потому что когда мы вот так стоим друг напротив друга, на нас пялятся все, и это уже слишком.

— Это значит — «нет»? — Он мрачно смотрит на меня. Настолько мрачно, что фамильные черты К'ярдов делают его лицо резче, заостряют скулы, подчеркивают нижнюю челюсть. Огонь в его глазах становится ярче, и зрачки углами впиваются в радужку. Наверное, раньше это бы меня напугало: раньше, но не сейчас.

Потому что я знаю, что эта ярость — не для меня.

Эта ярость для того «нет», которое я еще не сказала, и самое страшное заключается в том, что я не хочу этого говорить.

— Это значит, что мне нужно время, — говорю я. — Так же, как нужно время, чтобы приблизиться к Эн.

— Чтобы приблизиться к Эн, нужно что-то делать, — отвечает он. И расслабляется: я вижу, как напряжение уходит из его черт.

— Я хожу в бассейн.

— В бассейн?! — Его изумление настолько искреннее, что мне становится смешно.

— Да. Тебе это кажется странным?

— Нет, — Лайтнер качает головой. — И как успехи?

— Пока никак. Но я над этим работаю.

— Как ты смотришь на то, чтобы сходить туда вместе?

— Лайт...

— Просто вместе сходить в бассейн, — он перебивает, и сокращение его имени звучит неожиданно даже для меня. Точнее, неожиданно оно звучит от меня: настолько, что мне больше не хочется ничего говорить. — Просто. В бассейн. Просто — да или нет?

Я улыбаюсь. И понимаю, что выбор передо мной даже не стоит.

— Просто... — говорю я и делаю паузу, чтобы насладиться выражением его лица, а потом заканчиваю: — Да.

Глава 30

Уроки плавания

Лайтнер К'ярд

Мэйс не сказала «да» насчет того, чтобы стать моей девушкой, но маленькая победа была у меня в кармане. А где маленькая, там и большая!

Остаток учебного дня превратился для меня в бесконечную едхову пытку, и если честно, все мои мысли в принципе были далеки от учебы. Все они были о Вирне и ее обещании пойти сегодня вечером в бассейн. Почему-то сегодня я был уверен (хотя с Мэйс сложно быть абсолютно уверенным в чем-то), что она придет. Но все равно опустил свой эйрлат на парковку фитнес-центра за сорок минут до условленного времени. Мне совершенно не терпелось увидеть Вирну в купальнике, и просто — увидеть Вирну.

— Веду себя как на первом свидании, — усмехнулся я своему отражению.

Но даже на это мне стало плевать, когда возле входа в центр мелькнула голубая шевелюра. Подхватив спортивную сумку, я вылез из эйрлата и пошел ей навстречу.

— Теперь буду знать, что на свидание тебя нужно звать трижды.

— Это не свидание, а урок плавания, — она складывает руки на груди.

— Мэйс, не занудствуй и не порть нам обоим удовольствие. Ты можешь считать это чем угодно, но мы с тобой будем наедине, и ты будешь практически без одежды, — с наслаждением отмечаю, как начинают алеть ее щеки, — так что это определенно свидание. Но если тебе так больше нравится, назовем это уроками любви. К воде.

Вирна прикусывает губу: я заметил, что она всегда делает это, когда смущается. И мне хочется сделать тоже самое — то есть нежно прикусить ее нижнюю губу, а потом мягко зализать укус.

— Насчет наедине, — говорит она, — не уверена. Я позвала друзей.

Мэйс машет кому-то рукой, и я оборачиваюсь. Как раз для того, чтобы наткнуться взглядом на подходящих к нам Хара и Кьяну.

— Ты же не против? — интересуется Вирна. Причем так сосредоточенно и серьезно всматриваясь в мое лицо, что я при всем желании не могу послать к едху лучшего друга с его девушкой.

— Нет, — выдавливаю из себя улыбку и подталкиваю Мэйс вперед.

— Ты мне больше не друг, — говорю Хару, когда мы проходим раздвижные двери фитнес-центра и расходимся по своим раздевалкам. Этот едх откровенно смеется надо мной, но это ничуть не портит моего настроения.

Я быстро принимаю душ, надеваю плавки и жду Мэйс возле выхода к бассейнам. Они с Кьяной появляются нескоро, или это у меня давно сбился хронометр в отношении Вирны, но, когда появляются, я разочарованно хмурюсь. Девушка Хара выходит в купальнике, а вот Мэйс завернута в халат.

— Я готова, — говорит она, но в синих глазах решимость смертника, готового жизнь отдать за Ландорхорн, и такая же неотвратимость перед предстоящим.

— Так, Кьяна, Хар уже в большом бассейне, можешь его догонять, — говорю, а сам перехватываю Вирну за талию, чтобы раньше времени не сбежала: — Нам в эту сторону.

— Что? — выдыхает Мэйс, предсказуемо начиная упираться руками и ногами. — Куда мы?

— Синеглазка, ты же хочешь научиться плавать. Так доверься лучшему учителю любви. То есть плавания!

Это срабатывает, Вирна перестает упираться, но все равно идет с неохотой.

— Уверен, что ты лучший?

— Ты во мне сомневаешься?

— Если бы сомневалась, то не пришла бы сюда, — произносит она совсем тихо, но я слышу и

улыбаюсь шире.

Особенно предвкушая реакцию синеглазки, когда она увидит, куда мы идем. Точнее уже пришли.

— Что это? — В ее глазах шок пополам с недоверчивостью, когда мы входим в небольшой зал, с голографическими подводными обитателями на стенах, с фонтанчиками и ступеньками, на которых можно сидеть.

— Добро пожаловать в детский бассейн! — объявляю я.

Щеки Вирны снова загораются, но на этот раз явно от гнева.

— Ты смеешься надо мной?

— Ничуть, — сейчас я абсолютно серьезен.

— Я давно не ребенок!

— К счастью для меня.

Она разворачивается чтобы уйти, но от меня уйти не так просто. Я перехватываю Вирну за широкий рукав халата, снова притягиваю ее к себе и утыкаюсь подбородком ей в макушку.

— Ты не научишься плавать, пока не научишься управлять своим страхом. А для этого тебе нужно перестать бояться воды, то есть привыкнуть к тому, что вокруг вода. Самая большая глубина в этом бассейне один валл, поэтому это идеальное место.

Девушка в моих объятиях не желала расслабляться, хотя я исчерпал все свои объяснения и аргументы. Остался только один:

— Доверься мне.

Мэйс молчала, а я ждал, и наконец-то дождался: она заворочалась в своем безразмерном халате и повернулась ко мне лицом.

— Хорошо, — кивает она. — Что делать?

— Для начала снять это безобразие, — указываю я на халат. — И не смотри на меня так! Это не я придумал, что в халатах в бассейн нельзя. В смысле, можно, но научить тебя плавать в халате мне будет сложнее!

Вирна тихо вздыхает и быстро выворачивается из своей белой раковины, а я теряю дар речи. Потому что ее соблазнительную фигуру прикрывает только две полоски достаточно скромного купальника. Я видел девчонок в бикини и без, но почти обнаженная Мэйс... К такому я не готов! Светлая кожа с легкой россыпью веснушек, небольшая, но упругая грудь, сильные бедра и стройные ноги. От одного взгляда на нее по венам вместо крови устремляется огонь, не имеющий ничего общего с силой вьерха.

— Что? — говорит она. — Что-то не так?

— Твои веснушки настолько соблазнительны, что я забыл шутку, — признаюсь честно.

Вышеупомянутые веснушки становятся ярче, когда Вирна краснеет. Причем непонятно от чего больше: смущения или гнева. Она ударяет меня по плечу кулаком, обходит меня и идет к бассейну.

Не верит? Ну и пусть! Я, между прочим, душу ей изливаю.

В бассейн велет лестница с широкими ступенями, но Мэйс замирает возле нее, поднимает на меня глаза, когда я останавливаюсь рядом.

— Чтобы научиться плавать, для начала нужно войти в бассейн. Вперед! Тут совсем не глубоко.

— А ты?

— Я иду с тобой.

— Разве тебе можно? Тут много воды.

— Мне все сложнее делать вид, что я не замечаю, как ты обо мне беспокоишься.

— Я серьезно, Айтнер!

Взгляд у нее становится такой, будто она хочет столкнуть меня с лестницы, и вовсе не с этой.

— Бассейн не причинит мне вреда, Вирна, даже если я останусь здесь жить. Помнишь, я говорил? Силы вверху забирает только стихия. Река. Море. Океан. Океан самый сильный, поэтому по мне так тогда ударило. Пойдем!

Я подаю ей раскрытую ладонь, за которую Вирна цепляется изо всех сил. С одной стороны хорошо — она наконец-то мне доверяет, с другой не очень, потому что мы не вошли воду даже по щиколотку.

— Смотри, силам вверху не страшны бассейны, а значит, ты тоже можешь быть спокойной.

Мы делаем шаг, потом еще шаг, преодолевая ступеньку за ступенькой, пока ступеньки не заканчиваются. Здесь уровень воды мне по колено, а миниатюрной Мэйс — примерно до середины бедра. Но взгляд ее направлен вперед, на глубину. Повезло еще, что сейчас достаточно поздно, днем любой детский бассейн напоминает коралловый риф для мальков. Я помню это из собственного детства и со времен, когда пытался научить плавать Джубо. Круто, что щедрые чаевые администратору открывают любые залы, но Вирне необязательно знать, что сюда никто не войдет.

— Стоим, — говорю я. — Проверяем уровень воды. Глубоко?

— Нет, — качает головой Мэйс.

— И волн нет. Штиль. Полный.

— Какие волны в бассейне? — усмехается она. Хороший знак.

— Никаких! Это его главное преимущество. А теперь закрой глаза. Закрывай, не бойся.

Вирна с неохотой подчиняется, а я с трудом подавляю желание поцеловать ее. Но если я поцелую ее так, как хочу, из детского бассейна нас точно попросят: камеры никто не отменял.

— Зачем это? — спрашивает она.

— Чтобы лучше измерить температуру воды. Тепленькая?

— Очень. В обычном бассейне вода гораздо прохладнее.

— Сплошная дискриминация по возрасту!

Она закусывает губу, чтобы сдержать смех.

— Теперь садимся, — командую я, подхватываю Мэйс и заставляю ее опуститься в воду. — Глаза не открывать! Вот, представь, что ты просто принимаешь горячую ванну. Никаких бассейнов, никаких глубин, никаких надоедливых детей. Просто почувствуй воду.

Оказавшись по грудь в воде, Вирна вся будто деревенеет и начинает тяжело дышать, но старательно выполняет все мои указания и доверчиво прижимается ко мне. Ладно, прижимается — не то слово, она сжимает мои предплечья так, что не уверен, что смогу ее от себя отцепить. Мне и не хочется этого. Поэтому будто случайно притягиваю ее ближе.

— Сиди здесь и привыкай к тому, что она тебя обтекает. Что она вокруг.

— Ты точно учитель плавания?

— Вообще-то, я учитель любви, ты плохо слушала. Но и плавания по совместительству.

— А сейчас уже можно открыть глаза?

— Можно, — говорю и снова тону в глубине взгляда синеглазки. — Поплыли?

— Куда? — В ее голосе мелькает паника.

— В другой конец бассейна.

— Я не могу, Лайт!

— Люблю, когда ты меня так зовешь, но сейчас со мной ничего не работает.

— Даже если я тебя поцелую?

Едх!

— Это подлый прием!

Я действительно над этим раздумываю, а у нее вырывается нервный смешок.

— Разыгрываешь меня? — прищуриваюсь я. — Один валл, Вирна.

— Это мой рост.

— Я выше тебя и буду рядом.

— Меня уже раз десять вылавливали из бассейна.

— Так чего ты боишься? Что случится нечто противоположное?

— Ничего я не боюсь, — шипит Мэйс и гребет в сторону крайнего бортика. Плыть у нее не получается, так как глубина здесь слишком детская, но, кажется, с тем чтобы почувствовать воду, она справляется, и вообще входит во вкус. Последние валлы бассейна вообще просто шагает по дну.

Я иду следом и стараюсь не пялиться слишком уж откровенно на ее спину и ягодицы. Едх знает, как это сложно! Особенно в такой прозрачной воде.

Вирна доходит почти до конца, но замирает у предупреждающей линии.

— Ты меня обманул! Глубина бассейна один и четверть валла!

— Я не знал, — признаюсь. — В этом центре я впервые. Но так даже лучше. Идем! Я буду крепко стоять на полу и держать тебя.

Мэйс колеблется долю секунды, а потом все-таки хватается за мою руку. Я вытаскиваю ее на глубину, и тогда она крепко зажмурившись ныряет в мои объятия, обхватывая меня руками и ногами.

Дыхание перехватывает, но вовсе не от того, что Мэйс сильно меня сдавливает, а от того, что ее близость расплавляет мозг и заставляет забыть обо всем. К такому я точно не готов. К ощущению ее кожи всей кожей, к аромату цветочного шампуня, к жару ее тела.

Она прижимается ко мне так доверчиво, что хочется защищать ее от всего мира, но еще больше хочется коснуться нервно бьющейся венки на ее виске. Губами. Что я и делаю. Вирна замирает в моих объятиях, но видимо считает, что глубина бассейна опаснее меня.

Это явный прорыв в наших отношениях!

Я могу стоять так бесконечно, пусть даже просто стоять и держать ее в объятиях — невыносимо. Но все-таки мы здесь не за этим, потому что если Мэйс прижмется еще теснее, то в полной мере ощутит, как сильно мне невыносимо.

— Тебе лучше отпустить меня, если хочешь продолжать уроки плавания, — говорю шепотом спустя несколько минут. — Если мы переходим на курс любви, то оставайся как есть.

Последние слова срабатывают, Мэйс ослабляет хватку... и идет ко дну. В смысле отпускает руки и изображает камень, соскальзывая вниз. Но я, конечно же, подхватываю ее раньше, чем она успевает с головой уйти под воду, и вытягиваю наверх.

— Что это только что было? — спрашиваю. — Ты решила сразу утопиться и так и не узнать про мои чудесные уроки?

— Идиот, — говорит она, но в ее голосе чувствуется обреченная усталость. — Так каждый раз, когда я приближаюсь к бассейну.

— Тут же рядом бортик, не говоря уже обо мне.

— Знаю, но у меня просто темнеет перед глазами.

Представляю, чего стоит Мэйс признаться в своей слабости. Поэтому перехватываю ее по-другому, заставляя лечь спиной на воду. Она ойкает, но цепляется за мои руки.

— Держу, — обещаю я. — И ни за что не отпущу.

— Я знаю, — отвечает она, глядя мне в глаза, и этот взгляд, кажется, пробивает мне ребра и достает до самого сердца.

— Закрой глаза и постарайся расслабиться, как делала это в самом начале. По сути, ничего не изменилось. Бассейн тот же самый. Вода тоже. Тебе нужно научиться держаться на воде, понять, что она тебе не враг. Вот так. А теперь представь, что ты морская звезда, и сделай как они!

Вирна выполняет все мои указания, и напряжение из ее тела потихоньку уходит. Она привыкает к воде, а заодно к моим прикосновениям. Я же кайфую от того, что касаюсь ее. От того, как Мэйс дрожит под моими пальцами.

Потом я отвожу Вирну туда, где она может стоять, и показываю, как правильно грести.

— Кто учил тебя плавать?

— Тренер, которого нанял мой отец. Но его методы были менее щадящими.

— Методы тренера?

— Нет, отца.

Я ухожу с этой темы и рассказываю, как учил плавать младшего брата.

— Ты мой второй ученик, — заявляю серьезным тоном. — И ты обязательно должна поплыть. Чтобы меня не лишили преподавательской лицензии.

Мэйс смеется, и я обожаю ее смех, но отвечает не менее серьезно:

— Я поплыву. Ради Эн.

Мы выходим из бассейна, когда уже окончательно замерзаем. Я заворачиваю Мэйс в халат и нехотя отпускаю. Длинный коридор до женских раздевалок сейчас кажется невероятно коротким, и расставаться с ней категорически не хочется. Даже на каких-то минут тридцать-сорок, пока Вирна будет принимать душ и сушить волосы. Впрочем, душ мне сейчас и самому в тему. Прохладный. Туда я быстро и направляюсь, чтобы успеть встретить Мэйс в холле возле раздевалок.

— Я рад, что ты доверилась мне. — Говорю, когда она выходит.

— Спасибо, что помогаешь.

— У меня в этом свой интерес.

— Эн?

— Нет, — качаю головой. — Я надеюсь, что ты поймешь, как со мной хорошо, и ответишь «да».

Она шагает вперед и запрокидывает голову, будто вот-вот встанет на носочки и поцелует меня. Я шагаю ей навстречу и заключаю в объятия, но Вирна только упирается руками в мою грудь.

— Не дави на меня, Лайтнер К'ярд.

— Я само терпение, — мысленно вздыхаю, потому что этого самого терпения сейчас почти не осталось. Ладно, пока есть «почти», будем держаться за него, поэтому сейчас я киваю и говорю: — Идем.

Глава 31

Подруги

Вирна Мэйс

Мне было не привыкать, что на меня все пялятся, особенно когда я появляюсь в обществе К'ярда. Правда, сегодня все пялились на нас с Кьяной, пока мы работали в библиотеке. Чувство было такое, что встала вся работа, и «Ум. Знание. Сила» Кэйпдора тщательно силились понять, что такого в калейдоскопнице, с которой дружат представители самых известных семей Ландорхорна. Что касается дружбы, я, если честно, была не уверена, потому что наши с Лайтнером отношения дружбой можно было назвать с большой натяжкой.

Чем они являлись по-настоящему, я старалась не думать, особенно принимая во внимание тот факт, что вчера меня довезли до дома, а потом еще полночи сидели у меня в гостях на старенькой кухне, и только когда я начала засыпать, К'ярд согласился, что завтра у нас занятия и ушел.

В общем, да.

— Да, — эхом моих мыслей отозвалась Кьяна. — Кажется, Н'етх был прав.

— Да, — подтвердила я с умным видом. На всякий случай, потому что обычное мое состояние «Вирна ушла в себя» сейчас демонстрировать не хотелось. Ну и потом, Н'етх плохого не посоветует.

— Похоже, придется ехать в Центральную библиотеку Ландорхорна, — сказала Кьяна, — здесь толком ничего нет. Ничего необычного, я имею в виду.

— Ничего, — подтвердила я.

Кьяна отключила библиотечный тапет и неожиданно улыбнулась:

— Как прошло?

— Что?

— Ну, занятия в бассейне. Ты куда-то так внезапно исчезла... Мы с Харом вас так и не дождались.

Я почему-то подумала о том, что ей мне хочется рассказать. Это было непривычно, учитывая, что я ни с кем не делилась ничем, даже с сестрами, но наверное, мне стоит начать.

— Мы были в детском, — сказала я, закрывая книгу и тоже отключая тапет.

— В... детском? — Темные широкие брови Кьяны приподнялись.

— Да, я...

Я хотела сказать, что боюсь воды, но в этот момент к нашему столу приблизились Ромина, Алетта и компания. Родрес, кажется, там маячил приставным навигатором, потому что был сейчас единственным парнем среди цветника дочери судьи.

— О, занимаетесь, — улыбнулась Ромина. — Какие вы молодцы!

— Занимаемся. — Голос Кьяны схолodнул на несколько градусов.

— Или уже закончили? — Ромина посмотрела на меня. — Вы, кажется, вместе работаете над темой лиархов и в'ерхов?

— Потрясающая осведомленность, — Кьяна поднялась. — Вирна, идем.

— Фу, как грубо. — Ромина намотала длинный локон на палец. — Вирна, ты теперь ходишь за всеми, кто дружит с К'ярдом?

Кьяна открыла было рот, но я ее опередила.

— Я хожу исключительно со своими друзьями, — ответила я. — Но ты, наверное, не в курсе, что это такое, да?

Лицо у Ромины вытянулось, ощущение было, что она сейчас зашипит, но я не стала этого дожидаться. Подхватила сумку, взяла Кьяну под руку, и мы вместе пошли к дверям.

— Прости, — сказала я, когда мы оказались в коридоре, — я просто вышла из себя.

— О чем ты? — Она посмотрела на меня. — За что прости?

— За то, что назвала тебя своей подругой.

— Вирна, ты самая необычная девушка, которую я знаю. — Кьяна покачала головой. — Впрочем, мне давно пора к этому привыкнуть. Я буду рада, если мы станем подругами. И если честно, мне очень понравилось, как ты ее отшила.

— Правда?

— Правда. Это было круто! — Она подняла палец вверх. — Сейчас переоденемся, и я спрошу у Хара, сможет ли он нас отвезти.

Не смог. У них с К'ярдом было военное дело, и прогуливать его было чревато: преподаватель там, по словам Кьяны (из рассказов Хара), просто зверь. И если лиабиолога можно было назвать просто старым вредным занудой, то тот, адмирал по званию, строил всех так, что мало не покажется.

— Я думала, у тебя есть эйрлат, — сказала я, когда мы прошли по центральной дорожке к выходу.

— Нет, мне не нравится водить.

— Вообще?

Кьяна покачала головой.

— Я очень рассеянная, а на магистрали это может плохо закончиться.

— Ты?! Рассеянная?! Ни за что не поверю!

Она рассмеялась.

— Да, видимо, когда я сажусь за рогатку, какой-то участок моего мозга просто выключается.

Смеясь и болтая, мы дошли до станции гусеницы. Благо, здесь даже ехать было недолго: всего четыре остановки на север — и мы на месте. Центральная библиотека Ландорхорна занимала несколько кварталов, и, даже при полной автоматизации во всех учебных заведениях, здесь хранились настоящие, бумажные книги! Я раньше видела их только на картинках, поэтому при мысли о том, что увижу по-настоящему, мое сердце забилось чаще.

— К'ярд передает тебе привет, — сказала Кьяна, вынырнув из тапета.

— Передай ему тоже.

— Сама передай, — фыркнула она и плотнее запахнула пальто.

Очередной порыв ветра ударил колючим холодом, и мы с радостью ринулись в раскрытую пасть двери гусеницы. Впрочем, ринулись — слабо сказано. Нас туда внесло собравшимся на станции потоком (вторая половина дня, обед, час пик), и плотно запечатало где-то в сердцевине вагона.

— На «Зиэйн скай» должно стать попроще, — сдавленно выдохнула Кьяна, прижимая к груди тапет. Хотя по сути, даже отпусти она его, вниз ему упасть не грозило: нас сдавило со всех сторон, как сэндвич под прессом.

— Надеюсь, — я улыбнулась.

— Да точно, там много народу выходит.

— Ты часто катаешься на гусенице?

— Постоянно. — Кьяна закусила губу и подтянула пальто, которое уехало вслед за пробивающимся к выходу парнем.

Я хотела спросить, как так вообще получилось, но решила не забегать вперед. Все-таки это слишком личный вопрос, а мне казалось, что наши отношения и так развиваются слишком стремительно. Равно как и отношения с Лайтом.

С Лайтнером, Вирна! С Лайтнером.

И ничего у нас не развивается, потому что...

«Сама передай».

Благо, мы сейчас ехали, сплюсненные с разных сторон, и наделать глупостей (читай, залезть в тапет и отправить ему сообщение) мне не грозило. Хотя очень хотелось.

И что дальше?

Я так привыкла оценивать все с позиций «И что дальше?», что совершенно забывала про сегодняшний день. Про то, что могу быть счастлива здесь и сейчас, в эту минуту. А я ведь могу, правда? Стоит закрыть глаза и позволить ему себя поцеловать, и мир перевернется. По крайней мере, для меня. Что будет потом, я не знаю, но так ли уж важно это «потом»?

На «Зиэйн скай», станции, где находилась самая известная высотка Ландорхорна, народу и правда стало поменьше. Ее острие вонзалось в серое небо, исчезая за распоротой тяжестью облаков. Смотровая площадка сейчас явно была не востребована, а вот само здание, ставшее музеем и хранящее в себе сотни исторических символов Раверхарна со всего мира, было и остается легендой. Оно символизирует нерушимый рубеж, мощь въерхов, оберегающих наш мир, и вечером здесь включается голограмма — пенящиеся волны, яростно бьющиеся о ее стены.

Красиво... наверное. Я это видела только на картинках, как и книги, а картинки для меня никогда не передавали и сотой части того, что я могла увидеть вживую. Для меня с детства важно было видеть все своими глазами, а еще лучше — чувствовать. Стоять и смотреть, прикасаться, ловить мгновения, когда захватывает дух.

— Наша! — воскликнула Кьяна.

И мы почти беспрепятственно выскочили на станцию и направились к ведущим вниз лифтам.

— Вирна, у меня к тебе не совсем обычный вопрос, — неожиданно произнесла она. — Мне неловко об этом говорить, но сейчас навалилось дикое количество учебы, и... в общем, мне пришлось отказаться от полной подработки, поэтому я скорее всего не смогу оплачивать квартиру, которую сейчас снимаю, сама. Может, ты захочешь снимать ее вместе со мной? Там как раз есть две комнаты.

От такого я на миг опешила. То есть мне, разумеется, было понятно, что мы вместе делаем курсовую, и вместе ездим в библиотеку, и даже вместе ходим в бассейн, но...

В бассейн.

— Кьяна, — сказала я. — Тебя К'ярд попросил? Только честно.

— Вообще-то, — она посмотрела на меня своими темными, цвета крепкого льяри, глазами, — да. Но это не отменяет того, что я только что сказала. Мне действительно придется оставить одну из подработок, и квартиру снимать станет достаточно напряжно. А я не хочу оттуда уезжать, она мне нравится.

— Ты подрабатываешь?! — теперь уже я удивилась по-настоящему.

Ладно, пусть даже Кьяна всерьез приглашает меня на пару снимать жилье, но въерха — и подработка? Въерха, у которой в друзьях К'ярд и Хар, а отец... кто же у нее отец? Фамилия М'эль точно мелькала в СМИ и упоминалась в новостях. Если бы мне еще было до новостных сводок и запоминаний. В то время, когда она мелькала, я даже представить не могла, что вот так буду идти рядом с Кьяной и разговаривать о совместном съеме жилья.

— Да, — она усмехнулась. — Так бывает, когда живешь одна и сама себя обеспечиваешь. В общем, я не настаиваю, но подумай, Вирна. Мне все равно придется искать соседку. А вот и библиотека.

Здание библиотеки напоминало о нашей истории: старинное, заново отстроенное в стиле старых монументальных и невысоких зданий. Здесь было всего четыре этажа, зато растягивались они на несколько кварталов. Белый мрамор и колонны, поддерживающие тяжелую крышу, широкие ступеньки и массивные перила в темных и рыжих прожилках. Со стороны казалось, что это здание сошло со страниц учебника по истории или каким-то чудом перенеслось в Ландорхорн из другой эпохи. Последнее, в принципе, было ближе всего. Если не ошибаюсь, этому зданию лет двести, и оно периодически реставрируется.

Я вместе с Кьяной поднимаюсь по ступенькам, отражающим стук ее каблучков. У меня при мысли о каблучках только одна ассоциация: «Бабочка», и я искренне счастлива, что сейчас могу ходить в кроссовках. Пусть даже они старые и потрепанные, но они мои, нигде не жмут и не натирают.

Холл библиотеки раскрывается над нашими головами куполом, сквозь витражное стекло не видно серого неба, цвета витражей погасшие, даже несмотря на подсветку. Охрана провожает нас взглядами, но когда мы проходим через сканирующие капсулы, тут же теряет всякий интерес. Мы останавливаемся у интерактивного стенда, и Кьяна вызывает карту.

— Нам нужен десятый зал, — говорит она. — Н'етх дал мне свой абонемент и два пропуска, так просто туда не попасть.

Судя по дарящей здесь тишине, никто особо и не стремится. Потому что в холле пустынно, и пока мы идем по длинным просторным коридорам с высокими потолками, по пути нам тоже никто не встречается. Кроме робота-уборщика: он проезжает, собирая невидимую глазу пыль, если такая здесь есть, конечно.

Десятый зал встречает нас массивными дверями, которые тоже сделаны под старину. Их довольно тяжело открывать вручную, но сразу за ними мы оказываемся в царстве приглушенно света, шороха, тишины, и... странного запаха. Этот запах мне не знаком, но он витает в воздухе, такой приятный, умиротворяющий, как уютные сиделки под теплым пледом. Он здесь повсюду, но понять, что является причиной, я не успеваю, мы уже подходим к стойке, за которой сидит мужчина. Считывающее устройство, вмонтированное в стойку, кажется чужеродным.

Библиотекарь — вверх. И он неодобрительно на меня косится, после чего переводит взгляд на Кьяну, которая прикладывает абонемент к сканеру.

— Риардан Н'етх, — мужчина снова переводит взгляд на меня. — Студентки Кэйпдора, значит.

— Да, — Кьяна достает свою карточку, и я следую ее примеру.

— Передайте ему, что со следующего месяца попасть сюда по абонементу преподавателя студентам станет невозможно, — хмыкает вверх. — Так что ваши пропуска станут недействительны.

— Почему?

— Новые правила, — он кивает. — Придется оформлять абонемент на каждого.

— Даже студентам Кэйпдора?

— Особенно студентам Кэйпдора. Как пользоваться картотекой показать?

— Благодарю, я умею.

Мы с Кьяной идем к интерактивному стенду, который тоже выбивается из атмосферы этого места. Бесчисленные полки с книгами справа и слева, деревянные ступеньки, ведущие в зал, и столы, большинство из которых заняты.

— Надо будет по максимуму взять все, что сможем, сегодня, — говорит она. — Подозреваю, что они хотят закрыть доступ студентам, я пыталась оформить сюда личный абонемент, но не смогла. Такие заморочки и бюрократия, что проще было взять отцовский абонемент и разовый пропуск.

Мне вся эта система незнакома и непонятна, равно как и то, зачем закрывать доступ студентам.

— Почему?

— Возможно, неаккуратно обращаются с книгами. — Кьяна быстро находит литературу, которая нам нужна. — Секции 214, 219 и 311.

Зал не просто большой, он огромный. Это я понимаю, пока мы идем до нужных нам полок, а потом еще поднимаемся на огромных механических подъемниках. Собираем нужные книги (их всего шесть), и возвращаемся к библиотекарю. Тот сканирует штрих-код на каждой и поясняет:

— Обработаны специальным составом для сохранности. Пальцы не слюнявить, в лучшем случае покроетесь красными пятнами. Обращаться бережно, иначе ваш преподаватель не расплатится. После того, как закончите работу, книги приносите мне на проверку, — подтверждая свои слова, он забирает абонемент Н'етха.

Мы идем в поисках свободного стола, и тут я вдруг понимаю, откуда исходит запах. Подношу книги, которые взяла, к носу. Осторожно принохиваюсь...

— Это запах старой печати. — Кьяна тихо смеется. — Но ты смотри, осторожнее. Они пропитаны особым составом, еще покроешься красными пятнами.

— Главное, чтобы шерсть не выросла.

Она плотно сжимает губы, чтобы не рассмеяться в голос, а за углом в зале, в самой темной его части, все-таки находится свободный стол. Здесь есть и своя отдельная лампа-светильник, которую мы включаем.

— Давай так: чтобы получилось быстрее, ты смотришь эти три книги, а я свои. Потом меняемся.

Киваю и устраиваюсь на стуле.

Окон в зале нет, слышно только шуршание страниц, шорохи, когда кто-то откидывается на спинку, встает, чтобы потянуться и размяться, или пьет воду. Я понемногу погружаюсь в мир лиархов и вьєрхов, и кажется, понимаю, почему Н'єтх дал нам ссылки на эти книги. В библиотеке Кэйдора нет и сотой доли той информации, которую можно найти здесь.

Я выписываю все интересное на тапет: чтобы потом обработать и ввести в курсовую. Оказывается, лиархи и вьєрхи (согласно совсем давним легендам-сказаниям) разделили сферы влияния не просто так. Земля образовывала очень сильные волнения, в смысле, сила вьєрхов, идущая от земли, образовывала очень сильные волнения, которые приводили к колебаниям магического потенциала лиархов. Образно говоря, если перевести на язык реальности, как землетрясение способно поднять волну, так и сила вьєрхов действовала на лиархов. Но поскольку они управляли стихией воды, а в присутствии вьєрхов их сила становилась нестабильна, чтобы избежать страшных последствий, лиархи окончательно ушли под воду, и там остались.

От бумажных книг непривычно уставали глаза, а еще крайне непривычно было постоянно заглядывать в оглавление вместо того, чтобы просто ткнуть в ссылку. Поэтому я ненадолго отложила тапет и потянулась.

— Как дела? — спросила у Кьяны, которая закусилa губу.

— Тут есть ссылка на книгу на древнеранханском, — она подняла голову. — Какая-то умопомрачительная легенда, которая упоминается везде, но которая не переведена.

— Значит, нам точно не светит ее прочитать, — заметила я.

Древнеранханский — мертвый язык, и вряд ли кто-то на нем... Я замерла под загадочным взглядом Кьяны.

— Нет! Только не говори, что ты его знаешь.

Она мне подмигнула.

— Я его выучила. На спор со старшим братом.

— Вы со старшим братом спорили на древнеранханский?!

— Да. И я его сделала, — она поднялась. — Никуда не уходи. Скоро вернусь.

Вот это она зря, потому что стоило Кьяне уйти, как у меня невыносимо зачесались пальцы отправить сообщение. В итоге я отодвинула от себя тапет подальше и начала изучать обстановку: табличку с надписью «Фотографировать книги категорически запрещено! Штраф!», высоченную стену, отделяющую несколько столиков от основного зала, собственные ногти.

Время шло, а Кьяна не шла, поэтому я снова начала коситься на тапет.

Подтянула его к себе.

Отодвинула.

Потом снова подтянула и написала в чат с К'ярдом.

«Я соскучилась».

Посмотрела на сообщение пару секунд... и нажала кнопку «отправить».

Глава 32

Легенда

Лайтнер К'ярд

Я уворачиваюсь от летящих в меня камней. Те, что оказываются слишком крупными или пролетают слишком близко, приходится дробить, превращая в крошку. Проще их просто отшвырнуть силой, но сегодня у нас командное преодоление препятствий. Так что я рискую зашибить парней, прорывающихся слева и справа от меня. По сути, мне на них плевать, но зачет засчитывается только, если команда придет к финишу в полном составе.

Вот и приходится прикрывать их.

Падаю на землю, чтобы пропустить особенно крупный камень. Кувырок. И тут же ухожу вправо, чтобы оттолкнуть напарника в сторону от выросших из-под земли острых пик.

Едхов Адмирал!

Вообще-то, ньестр А'долиж, но за его военное прошлое и за жесть в отношении преподавания все студенты за глаза называли его Адмиралом.

Всякий раз придумывает что-то новое, а нам с Харом отдуваться. Хотя другу повезло меньше — у него в команде Х'им, которому даже больничный не помог. Адмирал лишь помахал тапетом перед его лицом, и сказал, что, если начнется война, воевать придется даже калекам. Так этот идиот еще и умудрился брякнуть, что они не на войне, а в академии.

Уверен, после такого ловушек на полигоне автоматически добавилось.

Под ногами треснуло, и я соскользнул в яму. Но вовремя направил вниз огромный импульс силы, и земля в секунду уплотнилась, превращаясь в гору, по которой я вскарабкался наверх.

На меня Адмирал тоже взъелся: благодаря звонку отца ректору, я «прогулял» несколько занятий по военному делу. Так что есть за что отдуваться, и обычно мне даже нравится такой суровый подход. Не дает расслабиться, заставляет максимально сконцентрироваться, что всегда помогало в укрощении волн. Но сегодня перед занятием, Хар, проходя мимо, хлопнул меня по плечу:

— А могли бы сейчас пить льяри и кормить девчонок пирожными.

— В смысле?

— Кьяна пишет, что им с Вирной нужно в Центральную библиотеку. Хотела, чтобы я отвез их.

— Хидрец! — рычу я. — Я бы тоже мог отвезти!

— О чем и речь. Напишу, что ты передаешь привет.

Ответить я не успел, потому что Адмирал начал свой обычных инструктаж. А это почти часовая лекция о том, какие мы придурки, и разминка после. Но настроение вмиг становится отвратительным. Я мог бы увидеться с Мэйс, а не страдать этой фигней. И вообще, что если в библиотеке кто-то решит с ними познакомиться? На Кьяну надежды нет, Вирна пока свободна.

В смысле едха с два она свободна!

Но «да» мне еще не сказала.

Естественно, я думаю о Мэйс, а не об инструктаже, и возвращаюсь в реальность, когда через усилители доносится голос Адмирала про минутную готовность. В его случае это означает, что все веселье на полигоне начнется секунд через тридцать.

Мы добегает до «глаза урагана». Так называется этап отдыха — середина полигона, на котором можно немного расслабиться. Можно, конечно, и много, но тогда какая-то другая команда придет первой и получит балл выше.

Один из моих напарников падает прямо на землю, а я сажусь и прислоняюсь к камню. Сил во мне еще много, продержусь. Удивительно или нет, но я все-таки научился управлять чужой, практически как своей. Меня больше интересует, что делает Мэйс.

Проще всего взять и спросить, но я и так столько раз писал ей первым! Руки так и чешутся сделать это, удерживаюсь от того, чтобы не потянуться за тапетом, и встаю:

— Пойдем, — говорю команде. — Придем первыми — Адмирал не заставит идти штрафной круг.

Только ради этого стоит поторопиться!

Мы как раз проходим новую полосу препятствий, браслет на моей руке посылает легкую вибрацию и мигает входящим сообщением. Я краем глаза успеваю прочесть: «Я соскучилась». Краем другого глаза замечаю катящийся прямо на меня гигантский камень, но не успеваю поставить щит.

Хидрец!

Он разбивается прямо передо мной: не слишком изящно, крупный булыжник все-таки ударяет меня в плечо. Но за ним покрасневший от натуги напарник.

— Спасибо, — кричу я.

— Не за что. Не зевай.

Да какой зевать! Там Мэйс скучает и ждет моего ответа. Так что следующий камень я буквально распыляю в пыль.

Стоит ли говорить, что наша команда приходит первой?

А сил во мне столько, что я бы прошел еще парочку кругов, но занятия для меня на сегодня закончены.

Я издевательски машу Хару и ухожу к раздевалкам. Чтобы быстро смыть с себя пыль и грязь полигона, запрыгнуть в эйрлат и ехать к Мэйс. Только возле библиотеки вспоминаю, что Вирна не должна знать о программе Родреса, поэтому, припарковавшись, пишу:

«Ты где?»

Она отвечает не так быстро, как хотелось бы, но отвечает:

«Все еще в библиотеке».

«Если соскучилась, то выходи к главному входу. Я тебя жду».

В моих фантазиях Мэйс бежит ко мне со всех ног, в реальности приходится прождать минут сорок, пока старинное здание библиотеки выпустит девушек из своих недр. Едх, что они там делали столько времени?! Если бы Вирна не написала, что она соскучилась, я бы, наверное, уехал. Точно уехал!

Но она соскучилась.

И призналась в этом сама.

Сегодня точно должен пойти дождь!

Вот, пожалуйста. За это время действительно успевает начаться дождь, пока что мелкий и противный, но обещающий превратиться в затяжной. Поэтому я стягиваю с себя куртку и накидываю на плечи Вирны. Ей она великовата, но подходит к кроссовкам — так Мэйс выглядит похулигански. Мне хочется сказать, что я тоже скучал, но мы не одни.

— Куда тебя подвезти? — спрашиваю у Кьяны, которая замирает на ступенях.

— Меня должен встретить Хар.

— Боюсь, он освободится нескоро. Адмирал выписал всем штрафные.

— А ты почему здесь?

— Моя команда пришла первой.

— Понятно, — кивает девушка. Кажется, она в курсе, насколько тот зверь, и какие у него правила. — Тогда подбросьте меня до Кэйпдора. Если, конечно, не помешаю.

Вообще-то, больше всего на свете мне хочется остаться наедине с Вирной, но, прежде чем успеваю ответить, за меня это делает Мэйс:

— Не помешаешь.

— Садись, — говорю я, распахивая перед девушкой дверь. Потом помогаю разместиться Вирне на пассажирском месте рядом со мной.

Она так близко и так далеко, что это сводит меня с ума. Но приходится сдерживать себя, чтобы не поддаться вперед и не коснуться ее губ.

— Кто вас сюда загнал? — киваю на библиотеку, оставшуюся за спиной.

— Н'етх, он преподает мифы, — говорит Кьяна.

— Ваша общая работа? И как? Нашли что-то интересное.

— Да, очень любопытную легенду.

— Кьяна знает древнеранханский, — говорит Мэйс.

Я присвистываю.

— Что, серьезно? И что там? В этой легенде.

— Пусть тебе расскажет Вирна, — подмигивает она. — Если захочет.

В таком настроении мы быстро добираемся до Кэйпдора, и Кьяна убегает, напоследок попросив Мэйс серьезно подумать о ее предложении.

— О чем она? — интересуюсь я, когда мы остаемся одни.

Наконец-то одни.

Я забрасываю руку на спинку ее сиденья и заглядываю Вирне в глаза. Так бы и смотрел в них постоянно.

— Кьяна предложила мне жить вместе с ней.

— Ничего себе! — вскидываю брови. — И что ты думаешь?

Она стягивает куртку и возвращает мне.

— Что должна думать о сестрах. Я не могу уехать из дома.

— Твои мелкие в безопасности, — напоминаю я, — а ты должна подумать о себе, Вирна. Ты можешь переехать на время. Тем более Кьяне можно доверять, я тебе говорил.

— Она классная, — кивает Вирна. — Красивая, стильная, веселая, хорошо учится. И даже знает древнеранханский.

— Само совершенство, — шучу я, а вот Вирна, кажется, воспринимает мои слова серьезно, потому что плотно сжимает губы.

— Ты правда так считаешь?

— Конечно, нет. Никто не идеален, но так жить интереснее.

Мэйс закусывает губу.

— Она вьерха.

Так! И опять, и снова. Я подаюсь вперед, и наши лица оказываются совсем близко друг от друга:

— Синеглазка, если ты решила придумать что-то за меня, то хотя бы это озвучивай. Меня не интересует Кьяна, пусть она хоть сотню раз совершенна. Мне плевать, что она вьерха, как плевать на то, что та человек. Это ты сомневаешься, подхожу ли я тебе, а я со своими симпатиями давно определился.

— Симпатиями?

— Да, мне нравится девушка-океан. Мне нравишься ты, Мэйс.

Она смотрит на меня долго-долго, смотрит прямо в сердце, а потом хочет что-то сказать, но я закрываю ей рот пальцем:

— Только не говори, что я тебе тоже нравлюсь. Это будет означать, что ты согласна быть моей.

Мне искренне хочется, чтобы она укусила меня за палец и сказала что-то в своем стиле, что-то вроде того, что я идиот. Но она просто отстраняется, а я даже не пытаюсь скрыть своего разочарования.

— Хочешь есть?

— Да.

— Тогда давай перекусим. Я знаю одно заведение на Четвертом.

Мэйс не возражает, и это уже прогресс. Хотя, зная ее, опять попытается заплатить. Но и это мы проходили. Все это мелочи! Потому что главное я уже заполучил — свой океан.

Кафе небольшое и скромное в сравнении с той же «Бабочкой», но уютное и теплое в такой пасмурный день. С пледами на креслах, рыбками в стенах-аквариумах и тихой музыкой. Еще тут самый большой выбор десертов. Я почему-то уверен, что Вирне здесь понравится, и она, действительно, рассматривает все с интересом, хотя и старается не глазеть. И даже не против, когда я делаю заказ за нас двоих.

— Ты почему сегодня такая задумчивая? — спрашиваю я.

— Это из-за легенды.

— Той самой, которая не переведена?

— Ага.

— Она называется «Как земля полюбила океан».

— Хм... Интересное название, мне уже нравится.

— Сама легенда тоже интересная, но очень грустная.

— Еще бы. Она же легенда.

— Не любишь легенды?

— Нет. После каждой хочется удавиться.

— Тогда не буду тебе ее рассказывать.

— Эй, так не пойдет! Ты возбудила мое воображение, а теперь отказываешься его удовлетворить?

На этот раз Мэйс тихо смеется.

— Она про девушку по имени Хайенн. Хайенн была младшей и самой любимой дочерью правителя П'элза. И самой красивой.

Кто бы сомневался? Правда, вслух я этого не сказал. С Мэйс станется больше ни слова ни сказать, а название легенды действительно меня заинтриговало.

Отец позволял Хайенн вести ту жизнь, которую ей хотелось, и больше всего на свете девушка любила океан. Она не могла купаться в нем, потому что в воде теряла собственные силы, но любила гулять по побережью и слушать шум волн. Поэтому отец построил для нее малый дворец прямо на скалах. Так как Хайенн гуляла каждый день, то своей красотой привлекла внимание лиархов, что охраняли границы своих водных владений. Одним из них был молодой воин Гор. Чем больше он наблюдал за красавицей, тем сильнее влюблялся в нее, поэтому однажды не выдержал и вышел на берег. Он представился простым юношей, что спасся во время шторма. Хайенн влюбилась в него с первого взгляда и пригласила к себе во дворец.

— А в древности времени даром не теряли!

— К'ярд!

— Что, К'ярд? Ты дальше рассказывай.

Оказавшись на суше, Гор потерял свои силы, которые утекали как вода. То есть буквально. Это его убивало, поэтому ему приходилось каждую ночь купаться в океане. Конечно же Хайенн заинтересовало, куда постоянно исчезает ее возлюбленный. Она проследила за ним и узнала тайну Гора. Разозлилась на то, что он ей ничего не сказал, и прогнала его.

Гор вернулся в океан, а Хайенн поняла, что не может жить без него. Бросилась она за ним к берегу, начала звать, и тогда появился он вместе с волнами. Поцеловал ее и превратился в воду. Оказалось, что не суша медленно убивала его тело и магию, это делала сила его возлюбленной. Сила земли.

Когда Хайенн поняла, что натворила своим прикосновением, то горе ее было таким огромным, что она превратилась в скалу, врастающую в океан. Чтобы Гор мог обнимать ее. Чтобы остаться с ним

навечно.

— Мыс Гор, — догадываюсь я. — Не знал, что с ним связана такая странная легенда.

— Почему странная?

— Ну ты подумай. Парень и девчонка не могли прикоснуться друг к другу. Сдуреть можно!

— А ты так не смог бы?

— Точно нет, — качаю головой и провожу пальцами по ее раскрытой ладони. — Тогда бы я не смог сделать так.

Время рядом с Вирной летит как никогда быстро. Мэйс уже пора на работу, а мне не хочется ее отпускать. И судя по тому, как она медлит, ей тоже не хочется расставаться, поэтому мы продолжаем сидеть в эйрлате, на парковке возле «Бабочки».

— Я буду ждать тебя здесь, — говорю я. — После твоей смены.

— Нет.

— Да, — на сей раз я не собираюсь отступать. Поэтому когда мы выходим из эйрлата, повторяю: — Да, Мэйс. Я буду ждать тебя здесь, и я отвезу тебя домой. Договорились?

— Это будет рано утром.

— Завтра выходной.

— Я буду сонная и говорить со мной будет не о чем.

— А потом ты проснешься, и мы будем долго разговаривать.

— Что значит — а потом я проснусь?

Я приподнимаю брови и сую руки в карманы. Отступаю, потому что больше всего мне сейчас хочется затолкать ее в эйрлат и увезти как можно дальше от этого клуба, ото всех этих взглядов, которые на нее будут сыпаться, ото всего... Но Кьяна, чтоб ее с ее совершенством, права. Я не могу решать за нее.

— До утра, Мэйс.

— К'ярд!

— До утра, — повторяю я и сажусь в эйрлат.

Потому что больше всего на свете мне сейчас хочется ее поцеловать. И потому что после этого я уже точно не смогу ее отпустить.

Глава 33

Вся правда о вѣрхах

Вирна Мэйс

Ночь перед выходными в «Бабочке» — это то самое время, когда ноги просто отваливаются уже после двух часов работы. Исключительно потому что присесть просто некогда, а шпильки, кажется, врезаются тебе в пятки даже несмотря на достаточно удобную колодку. Я, наверное, никогда к ним не привыкну, и наверное, не будь сегодняшней встречи с Лайтнером, я бы устала еще сильнее. Сейчас же у меня было такое чувство, что я не хожу, а летаю. И определенно радовало, что за все это время меня ни разу никто не приглашал в ВИП-ложу. То есть приглашал, конечно же, но сейчас при воспоминаниях об этом мне почему-то хотелось смеяться.

Обе наши встречи с К'ярдом были просто эпохальными. Да, без преувеличения, особенно первая, когда я запустила в него подносом. И пусть то, что за ней последовало, совершенно точно не было смешным, сейчас воспоминания о той ночи больше не казались мне настолько ужасными.

Впрочем, вторая наша встреча получилась не менее запоминающейся...

Я настолько потерялась в мыслях, что чудом не перепутала столики и заказы. Поймала себя на подлете к одному, понимая, что эти коктейли нужно отнести двум вѣрхам, а не паре, и как раз в ту минуту, когда я себя развернула к нужному столику, на сцену вышла Джойс Уитни. Как всегда ослепительная, в обтекающем невероятную фигуру платье, сегодня напоминающем сверкающую в солнечных лучах чешую.

Зал взорвался аплодисментами раньше, чем изящные пальцы певицы успели обнять микрофон. Что ни говори, а Джойс и правда была прекрасна. Ее образом занимался ведущий стилист «Бабочки», который, собственно, разработал всю концепцию образов для клуба. Гримом — личный визажист Дженны и Джойс. Об этом я узнала от Тимри, как и о многом другом, но сейчас просто на миг застала, зачарованная ее глубоким, низким голосом:

— Добрый вечер, мои дорогие! Меня не было около двух недель... уверена, вы уже успели соскучиться...

Сквозь аплодисменты прорвались возбужденные голоса и крики, что, разумеется, успели. Я же пришла в себя и быстро метнулась к нужному столику, отнесла коктейли и фрукты (безумно дорогое удовольствие), а после бросилась за следующими заказами. Среднее время выполнения у нас было от двух минут до пяти, в случае какого-то серьезного блюда — не более двадцати минут. За нарушение штрафанут так, что мало не покажется, и пока я бегала между столиками, в зал хлынула музыка. А следом — невероятный голос Джойс.

— Раскрой глаза... На миг позволь дыханьем мне Тебя обнять, Пока сгораю я в огне. Пока дышу у пока живу одним тобой. Пока я здесь... Пока ты можешь быть со мной. Пусть этот мир Для нас раскроется двоих, И наша память Пусть навсегда сотрет других. Сплетеньем рук, улыбкой и сияньем глаз Отвечу я, Что я твоя, твоя сейчас. И даже миг, когда накроет нас волна Я не замечу. Ведь я больше не одна...

— Вирна! — Из песни меня выбило голосом Тимри. Я вздрогнула и обернулась, рыжая остановилась рядом со мной. — Штраф хочешь? — поинтересовалась она. — Что залипла прямо посреди зала?

Я и правда залипла, и осознание этого заставило меня шустренько сместиться в сторону барной стойки, где, кажется, были уже готовы новые коктейли.

— Спасибо, — прошептала одними губами, пока мы забирали заказы. — Все в порядке?

— Все, — буркнула Тимри.

И убежала в сторону ведущей к ВИП-ложам лестницы так быстро, что я не успела ее больше ни о чем спросить.

Голос Джойс и правда обладал какой-то странной властью, как иначе объяснить, что я просто застыла, забыв обо всем? Сейчас, глядя на нее, я могла бы сравнить ее с лиархой, особенно в этом платье, с текущими по плечам и спине длинными, иссиня-черными волосами. Возможно, дело было в том, что я сегодня слишком много читала про лиархов и вѣрхов, а может быть, этот ее образ действительно перекликался с моими представлениями про расу из легенд. Почему-то Гора я тоже видела с иссиня-черными волосами (в легенде его внешность описывалась исключительно шириной плеч и ярко-синими глазами, остальное составитель решил пропустить, ну или не счел важным).

Какой я представляла Хайенну? Наверно, похожей на Кьяну. Сейчас мне подумалось, что она вполне могла бы сыграть ее роль в студенческой постановке, а может быть, нам и стоило все это организовать? Куда меня вообще понесло?

Понесло меня как на волнах.

Это я поняла, когда спустя еще несколько заказов неожиданно представила себя танцующей с К'ярдом. Пары двигались по залу, словно подхваченные магией голоса Джойс, а я думала о том, как его ладонь ложится мне на талию, как он притягивает меня к себе, и как мы танцуем, сплетая пальцы свободных рук. Как под его взглядом мне становится жарко, и как потом...

Я зажмурилась, потому что сегодня уже в сотый раз выпадала из реальности в К'ярда. Собственно, в моей реальности стало слишком много К'ярда, и с этим определенно надо было что-то делать.

Но я не могла.

И не хотела.

Не могла не думать о том, что после работы он будет ждать меня на парковке.

Не могла не думать о том, понравится ли ему мой цвет волос: я твердо решила, что завтра пойду возвращать свой натуральный цвет, тем более что отросшие корни уже полыхали. Еще чуть-чуть, и это станет заметно всем (пока что это было заметно только мне), и некрасиво, и...

Я поймала себя на мысли, что думаю о том, что хочу быть красивой. Хочу быть по-настоящему красивой, а главное — теперь, с заработком в «Бабочке» могу себе это позволить. Возможно, после того как мне перечислят следующую сумму, стоит посмотреть себе платье.

В общем, мысли у меня были абсолютно нерабочие, но благодаря им я действительно летала между столиками, как надъеррская бабочка, которой выдали неограниченный запас энергии и жизни. В эту ночь столики были заняты до самого утра, поэтому когда Джойс покинула сцену, а следом объявили о том, что будут рады видеть всех следующей ночью, я вздохнула с облегчением.

В раздевалке стянула каблук и с наслаждением влезла в свои любимые кроссовки. Кроссовки с коротким облегающим платьем, смотрелись, конечно, весьма специфически, но мне же не домой так ехать.

«Я буду ждать тебя здесь...»

При мысли об этом сначала стало очень жарко, а потом захотелось сунуть голову под воду. Последнее, впрочем, мне и так предстояло, учитывая, что я сейчас пойду умыться.

— Вирна! — В раздевалку заглянула одна из девушек. — Тебя хочет видеть Дженна.

Дженна? Рано утром в выходной?!

— Давай, живенько, иначе мне влетит.

Я удивленно посмотрела на нее, но все-таки закрыла шкафчик и направилась в коридор.

Приемная Дженны предсказуемо пустовала: она не задерживалась здесь дольше, чем на пару часов после открытия, исключение составлял разве что юбилей. А вот дверь в ее кабинет оказалась приоткрыта, и сама Дженна сидела за столом, из открытых окон тянуло холодом и дождем.

Когда дверь за моей спиной захлопнулась, я вздрогнула: Н'эргес бесшумно отделился от стены и указал на диванчик.

— Садись, Вирна.

— Что происходит?

Я не двинулась с места.

Это было не просто странно, это было более чем странно. Я бы сказала, пугающе.

Дженна и начальник службы безопасности переглянулись, после чего она достала свой изящный портсигар. Подцепила крышку длинными ногтями, вытащила серебристо-пепельную трубочку и закурила.

— Садись, — повторила она слова Н'эргеса. — Нам предстоит долгий разговор.

— О чем?

— О том, что на самом деле происходит в нашем мире. И о Лэйс.

— Что? — переспросила я, не в силах поверить в услышанное.

Дженна снова затянулась. Я же пыталась справиться с обрушившимися на меня чувствами, пока осознание сказанных ей слов медленно проникало в мой разум.

То, что на самом деле происходит в нашем мире.

Лэйс.

Они что-то знают, я была в этом уверена, но... Разве я не этого ждала? Разве не этого добивалась все это время?

— В нашем мире принято считать, что вверху защищают нас от разрушительной силы воды, — странно было это слышать из уст вверху, вдвойне странно из уст Н'эргеса. — На самом деле все обстоит немного иначе. Проседание изменило наш мир, но мало кто знает, почему оно произошло. Потому что однажды вверху уже злоупотребляли своей силой. Потому что сила земли способна поднять любую волну самой страшной мощи.

Я все-таки опустилась на диван.

Я действительно этого ждала, и бежать мне было некуда, да и незачем. Не говоря уже о том, что Н'эргес вряд ли позволил бы мне выйти из кабинета после того, что я услышала. Вопрос заключался в другом — почему они говорят это мне.

— Лидх Картерн боролся за равенство, но его последователям этого показалось мало. Они хотели власти. Они стремились к тому, чтобы отодвинуть людей на второй план, и они сделали все возможное, чтобы возвыситься над остальными. Своей силой они создавали цунами, посылая в землю глубокие импульсы силы. Сильнейшие из них. Одновременно. Это приводило к тому, что вода стала средством для устрашения, люди бежали от побережья. А потом случилось то, что случилось.

— Погодите, — произнесла я. Мне нужна была эта пауза, чтобы осмыслить все сказанное им. — Вы хотите сказать, что вверху спровоцировали Проседание?

— Именно это он и хочет сказать, — Дженна выдохнула дым и откинулась на спинку кресла. — Материк начал проседать из-за того, что делали они, начались сдвиги в глубинных пластах, и мы стали уходить под воду. Вверху почти разрушили этот мир. Однажды. И они сделают это снова, если мы их не остановим. Нресская волна — отличный тому пример.

— Нресская волна. Ее ведь удержали ценой огромных потерь?

— Они зачастую переоценивают свои силы.

— Мне одной кажется это странным? — спросила я, повернувшись к Н'эргесу. — Вы вверху...

— Не все вверху заиклены на власти.

— Не все, но большинство, — усмехнулась Дженна. — Знаешь, откуда сейчас приходят волны, Вирна? Под водой десятки тысяч силовых линий, пронизывающих землю. Это — современная установка вверху, которая способна регулировать не только высоту волн, но и силу, и мощность, и все, что происходит с нашей планетой. Их не напугало Проседание, они считают, что могут справиться с тем, что запускают с каждой новой волной. Свои тайны они передают из поколения в поколение и тщательно охраняют, чтобы держать контроль над миром.

Вот сейчас я почувствовала себя по-настоящему странно: Дженна говорила такие вещи, которые... которые, в общем-то, способны были переломить ход истории и поднять такую волну, справиться с которой было не под силу ни одному вверху. А я думала только о том, знает ли К'ярд о том, что они мне сейчас говорят.

Разумеется, знает.

Ведь тайны передаются из поколения в поколение, а он уже достаточно взрослый мальчик, чтобы осилить сокровенную историю власти.

— Откуда у вас такие сведения? — тихо спросила я.

— Как я уже сказал, не все вверху ценой власти готовы разрушить мир.

— Но все к тому и идет, — Дженна снова затянулась. — Ты же понимаешь, почему запрещено приближаться к воде, Вирна? Потому что следы установок, уничтожающих наш мир, заметны. Потому что могут начаться вопросы. Поэтому все ныряльщики исчезают без следа. Поэтому

Подводное ведомство никогда не оставит в живых никого, кто мог что-то видеть.

«Поэтому все ныряльщики исчезают без следа».

— Вы знаете, что стало с Лэйс, — сказала я.

Не вопрос. Утверждение.

Дженна покачала головой.

— Нет. Не знаем. Мы знаем только то, что она подобно многим из нас рисковала собой, чтобы добыть доказательства того, о чем мы сейчас говорим.

Доказательства. Доказательства. Доказательства.

Я приложила ладони к глазам, чтобы избавиться от странного чувства. От давящей, рухнувшей мне на плечи тяжести, которой не испытывала уже давно.

— Зачем вы говорите все это мне? Сейчас. — Я отняла руки от лица и посмотрела почему-то на Н'эргеса.

— Мы проверяли тебя, — это сказала Дженна. — Все это время мы следили за тобой, Вирна. Ты потеряла сестру...

Я сжала руки так, что ногти до боли впились в ладони.

Я не потеряла ее.

Нет. Нет. Нет!

— И ты станешь той, кто поможет нам сбросить власть, веками душившую нас. Ведущую мир к катастрофе, от которой он, возможно, уже не оправится.

— Почему я? — мне не хотелось на нее смотреть.

Мне хотелось свернуться на диване клубком, хотелось обхватить себя руками и забыть все, как страшный сон.

Вместо этого я подняла голову, тяжелую, как прибрежные валуны. Посмотрела ей прямо в глаза, но Дженна не отвела взгляд.

— Потому что именно ты заинтересовала Лайтнера К'ярда. И только ты сможешь достаточно близко подобраться к его отцу.

— Вот это. — Н'эргес раскрыл ладонь возле моего лица, и я увидела крохотную, размером меньше антвалла капсулу. Я бы не разглядела ее, если бы начальник службы безопасности стоял хотя бы на шаг дальше, — Анткапула. Последняя разработка, попадая в организм вверху, она вызывает колебания его силы, которые приводят к мгновенному разрыву сердца. Сама капсула сгорает в этих колебаниях, и от нее не остается следа. Тебе всего лишь нужно сделать так, чтобы она попала в его еду. Мягкая оболочка не позволит ее заметить...

— Хватит, — сказала я, чувствуя, как грудь сдавливает все сильнее, и с каждым мгновением становится все сложнее дышать. — Вы считаете, что я это сделаю?

— Кроме тебя некому. — Дженна выпустила последнюю струйку дыма и затушила сигарету, бросила ее в пепельницу. — Вверху считают, что они неуязвимы. Что к ним невозможно подобраться, что их сила и власть нерушимы. Смерть Диггхарла К'ярда станет началом новой эры...

— Нет, — я вскочила. — Нет, я не стану этого делать. Я не считаю, что убийством можно решить все.

Дженна и Н'эргес переглянулись.

— Не все, но многое. Мы не знаем, где Лэйс, и что с ней стало. Но у нас есть кое-что, что она оставила для тебя, Вирна.

Управляющая развернула ко мне настольный тапет. Прежде чем я успела вздохнуть, с экрана на меня уже смотрела Лэйс. Такая, какой я ее помнила: глаза сверкают, волосы стянуты в хвост, тугие раскаленные спирали.

— Девчонки, привет. — Слышать ее голос сейчас странно до невозможности, поэтому возникает чувство, что все это происходит не со мной. Что я сплю, или что-то вроде того. Пальцы скручивает

судорогами до боли — дотянуться и коснуться дисплея. — Вирна. Митри. Тай. Я искренне надеюсь, что вы не увидите эту запись, и что когда все закончится, а точнее, когда все начнется, мы с вами будем вместе, и останемся вместе, что бы ни случилось.

Запись в кабинете Дженны: Лэйс сидит на том самом диване, с которого только что вскочила я. И она улыбается, она... я знаю свою сестру, я вижу, когда горят ее глаза, когда она горит — тем, что делает.

— Но если вы все-таки ее смотрите, я бы хотела вам кое-что рассказать. Наверное, вы думаете, что я подвергала нас всех опасности, и это так. Отчасти. Отчасти, потому что опасности мы подвергаем сами себя, каждый день. Когда ничего не делаем. Я больше так не хочу. Я никогда вам не рассказывала, но наши родители были ныряльщиками. Они искали доказательства того, что вверху сделали с нашим миром, мама и папа рисковали собой, чтобы раскрыть всем правду о том, как вверху узурпировали власть. Я узнала об этом случайно, за несколько месяцев до того, как они погибли. Я знала о том, что их убил не шторм.

Сейчас мне окончательно стало нечем дышать. И стало бы еще сильнее, если бы Н'эргес не сунул мне в руку стакан с водой. Я не пошевелилась. Мне казалось, что если я сдвинусь с места, произойдет нечто ужасное, а рука у меня двигалась, как у механического работника на особо опасном производстве. Вода обожгла горло льдом.

— К нам приходили не только работники социальных служб. Меня забирали в Подводное ведомство. Меня допрашивали, и я... — Я никогда не видела у Лэйс такого лица. Никогда: сквозь всю ее силу на мгновение проступили растерянность, слабость и страх, словно сами воспоминания о тех днях могли сотворить с ней нечто ужасное. — И я сделала все, чтобы вас защитить. Я и сейчас делаю для этого все от меня зависящее. Теперь, надеюсь, вы понимаете, почему я решила стать ныряльщицей. Почему я искала тех, кто действительно может мне помочь... Не мне, а всем нам.

Странно, что я не поперхнулась. Сил во мне осталось только на то, чтобы вернуть стакан Н'эргесу.

— Мама и папа отдали жизни за то, чтобы мы могли жить в другом мире. И я сделаю то же самое, если потребуется. Я хочу, чтобы вы были счастливы. Хочу, чтобы мы просыпались по утрам, зная, что наш мир в наших руках, а не в руках тех, кто распоряжается нашими судьбами по щелчку пальцев. Я верю, что однажды так и будет, и если я этого не увижу, не страшно. Я сделала все от меня зависящее, чтобы изменить ситуацию, и я всего лишь хочу, чтобы вы знали. Я вас люблю.

Экран погас.

Я проглотила слезы. А вместе с ними и застрявший в груди ком, не пускающий воздух в мою грудь.

Дженна тоже поднялась:

— Мы ни к чему не станем тебя принуждать, Вирна. Идти с нами или нет — только твой выбор, — сказала она. — Просто помни, что когда Диггхард К'ярд отдает приказ о допросах, когда он просматривает записи из Подводного ведомства, он не думает о том, что убийство ничего не может решить. Он просто убивает. Ригман.

Н'эргес отступает в сторону, чтобы дать мне пройти, и я выхожу из кабинета. Прохожу через приемную, выхожу в коридор, останавливаюсь, потому что не представляю, куда мне идти. Слова Лэйс звучат в сознании, как будто запись зациклена, но так оно и есть. Она зациклена внутри меня, она крутится снова и снова, снова и снова, снова и снова. Она вплавляется в мое сознание, выжигает изнутри.

— Вирна! Ты в порядке? — Голос Тимри доносится до меня как сквозь толщу воды. Я понимаю, что каким-то чудом добралась до раздевалок, а еще понимаю, что мне надо что-то сказать.

— Да.

— Да? На тебе лица нет. — Рыжая упирает руки в бока. — Что она тебе сказала? Втык дала, да? За то, что залипала во время обслуживания? Едховы камеры! Хндрец! Вообще передохнуть нельзя. Оштрафовала?

Вопросы льются на меня, как из морской воронки, как из водоворота, который вот-вот меня затянет и поглотит без остатка. Усилием воли выталкиваю себя на поверхность. Смотрю на Тимри и думаю: она с ними или нет? Да нет же, она не с ними, иначе не смотрела бы на меня так сейчас. Иначе...

— Так, давай, собирайся. Отвезу тебя домой, — говорит она.

— Не надо. Меня ждут.

— Ждут? — Тимри приподнимает огненно-рыжие брови, а потом ухмыляется. — О... понимаю. Ну

тогда удачи! И не грузись, что бы там ни было! Вечером поговорим.

Она машет мне и убегает, а я иду умываться.

Умыться. Снять форму. Одеться. Взять вещи.

Простые механические действия, привычные, доведенные до автоматизма, сейчас помогают мне удержаться на плаву. Они же помогают мне выйти на парковку, где меня ждет К'ярд. Сейчас я предпочла бы, чтобы его там не было (я хочу этого так же сильно, как того, чтобы он там был), но он там. Его эйрлат действительно стоит на том самом месте, на котором я вечером из него вышла, а сам он, прислонившись к нему, что-то смотрит на тапете.

Заметив меня, вскидывает голову, и улыбается.

Правда, в следующий миг улыбка сбегает с его лица, а я ускоряю шаг.

— Синеглазка, что слу... — Договорить он не успевает, потому что я почти врезаюсь в него.

А потом целую.

Глубоко.

В губы.

Глава 34

Близость

Лайтнер К'ярд

Из легких разом выбивает весь воздух. Меня будто накрывает океанской волной: мощной и неотвратимой. Накрывает и тащит на самое дно, а я не могу сопротивляться этому. Не могу и не хочу.

Я хочу эту волну.

Хочу эту девчонку.

До боли. Поэтому подаюсь вперед, обхватываю ладонями ее лицо и перехватываю инициативу.

Губы Мэйс горячие и мягкие, а пряди волос, в которые я зарываюсь пальцами — прохладные. От этого контраста все во мне вспыхивает, и становится почти нечем дышать. Это даже лучше, чем в моих воспоминаниях. Лучше, чем когда-либо и с кем-либо. Так остро. Так сладко. Так невероятно. Такую встречу я мог представить только в своих мечтах.

Чтобы Мэйс сама поцеловала меня.

С ума сойти!

Хочется пошутить насчет того, что я заснул в эйрлате, и мне это всего лишь приснилось, но я забываю шутку, стоит Вирне встать на носки и обхватить руками мою шею.

Ради этого не стоило спать всю ночь.

Ради такого можно было не спать тысячи ночей.

Сердце колотится в груди, как заводное, пока я сжимаю Мэйс в своих объятиях, а она вот уже минуты три не пытается дать мне по морде. Только сильнее льнет ко мне, заставляя растворяться в ней. Но где-то на краю моего сознания трещит противный звонок, как на сигнале будильника.

Что-то не так.

Потому что на мою Вирну это непохоже.

В этом поцелуе сквозит отчаянье и безнадежность. И я не могу этим воспользоваться.

Едх! Никогда не считал себя рыцарем, из тех, чьи доспехи пылятся в коридоре семейного особняка. Но сейчас понял, что не могу просто утащить ее в свой эйрлат, и воплотить все свои фантазии, возникающие каждый раз, когда я думаю о своей синеглазке.

С трудом я отстраняюсь от Мэйс. Хотя вернее, наверное, сказать — отрываю ее от себя. Все во мне противится этому, но я прерываю этот поцелуй и вглядываюсь в расширенные глаза Вирны.

— Подожди-подожди, — шепчу прямо в губы. — Не так быстро. Может, сначала переместимся куда-то, где нам никто не мешает?

Звучит странно, но как звучит.

Мэйс раздумывает пару мгновение, затем кивает и послушно садится в мой эйрлат, а я только убеждаюсь в своих догадках, что случилось нечто из ряда вон. И лучше, действительно, быть там, где никто не мешает нашему разговору.

Дожил! Девушка, по которой я схожу с ума уже несколько недель целует меня так, будто это первый и последний раз в ее жизни, а хочу с ней разговаривать. Но, катись оно все к едху, это правильно. Потому что синеглазка — сейчас самое важное, что есть в моей жизни. И я ей нужен.

Я. Ей. Нужен.

С этим знанием я готов разворотить горный хребет Дракур. Ради нее.

В выходные утром в Ландорхорне пробок нет, так что путь от Четвертого до Пятнадцатого не занимает много времени. Мэйс обхватывает себя руками и смотрит либо на свои кроссовки, либо на меня, когда считает, что я не вижу. Ее взгляд царапает мою теку. Видимо, поэтому не сразу замечает, что мы оказываемся на знакомой улице. Или просто решается спросить, когда мы

выходим из машины.

— Почему... Почему ты привез меня домой?

— Ты предпочла бы отель? Здесь нам точно никто не помешает.

Она кивает и отпирает двери своей лачуги. Удивительно, сейчас последняя не кажется мне настолько убого. Да, она не то, к чему я привык, но в комнате Вирны, куда мы вместе поднимаемся, каждая вещь говорит о ней. Свернутый на старом диване плед — о том, что Мэйс аккуратная. Изъеденный временем и ржавчиной, но не потерявший своей изящности светильник — о том, что она предпочитает уют. Детские рисунки на стенах — о том, что она любит своих сестер.

Почему я не заметил всего этого в прошлый раз?

Я закрываю дверь и подхожу к Вирне, обхватываю ее со спины, зарываясь лицом в ее волосы, прижимаю ее к своей груди. Какая она хрупкая. И ранимая.

Я уничтожу любого, кто причинил или захочет причинить ей боль.

Поэтому разворачиваю ее к себе лицом и говорю:

— А теперь рассказывай, что произошло.

— Что?

— Что произошло в «Бабочке»?

Мэйс бледнеет. Хотя, казалось бы, куда больше?

— Ничего не произошло.

— Брось. Я, конечно, уверен в своей неотразимости, но не хочу, чтобы ты меня целовала, потому что зла на кого-то или расстроена.

Мэйс запрокидывает голову и смотрит на меня так долго, что я почти сомневаюсь, что добьюсь от нее ответа.

— Ты можешь рассказать мне обо всем, — добавляю я твердо. — Если тебя кто-то обидел...

— Я кое-что узнала, — перебивает она. — О Лэйс. О моей старшей сестре... Она... — Вирна делает глубокий вдох, как будто собирается шагнуть в воду, причем не в бассейн, а в океан. По крайней мере, взгляд у нее в точности такой же. — Она была ныряльщицей.

Такого я не жду, поэтому мои брови приподнимаются.

— Откуда ты это взяла?

— От нее самой. Видела запись с ее сообщением. Она обращалась к нам, ко мне, Митри и Тай. Записала его на случай... Если не вернется.

Голос Вирны срывается, и я инстинктивно сжимаю ее в своих объятиях, защищая от любой угрозы. От всего на свете. Утыкаюсь подбородком в голубую макушку, и чувствую, как синеглазку слегка потряхивает от сдерживаемого напряжения.

Пытаюсь уложить в голове ее слова, но не очень получается. Ныряльщики — преступники, добывающие из затонувших городов ценные вещи и затем незаконно продающие их. Ныряльщики, в принципе, вне закона. И сестра Вирны была одной из них? В это верится с трудом, потому что я не знаю никого честнее и правильнее Мэйс.

— Она объяснила, почему это делала?

Кажется, Вирна напрягается еще сильнее, как силовое поле в моих ладонях во время тренировок.

— Понял. Тупой вопрос. Хотела заработать, зачем же еще.

Вирна отстраняется и смотрит на меня странно, будто уже жалеет, что рассказала мне.

— Ты знала, — говорю я, прищурившись. — Или догадывалась. Именно поэтому не хотела, чтобы я искал Лэйс.

Щеки синеглазки слегка розовеют, совсем чуть-чуть, но ее кожа такая светлая и тонкая, что сразу же выдает ее с головой.

— Знала! — Я отстраняюсь и отхожу к окну. Оно мутное от старости и налипшей со стороны улицы грязи, и вообще там смотреть особо нечего, но лучше смотреть в окно, чем на Вирну. — Почему ты ничего не рассказала после того, как я открыл свой секрет с раг'азной? Или после того, как спрятал твою малышню? Из-за того, что я вьверху? Или потому, что идиот, который считает, что ты в ответе за действия твоей сестры?

Я так распалюсь, что не слышу, как Мэйс ко мне приближается. Она подходит бесшумно и обхватывает мою талию. Из меня снова будто вышибает весь дух, когда она прижимается грудью к моей спине, утыкается лицом между лопаток. Все мое раздражение мигом сдувается от одного прикосновения, от осознания, что моя девушка-океан первая обнимает меня. Второй раз за этой утро.

— Из-за твоего отца, — выдыхает она тихо.

— Я не мой отец, Вирна.

— Я знаю. Именно поэтому я все тебе рассказала.

Я поворачиваюсь, чтобы заглянуть в ее глаза, но Мэйс упорно прячет взгляд. А когда, все-таки смотрит на меня, в их глубине растерянность, подавленность и боль. Много боли, которую я бы забрал себе, если бы мог.

— Ты узнала, что с ней произошло?

— Нет.

Я понимаю, что с ныряльщицей могло служить все, что угодно: начиная от встречи с Подводным ведомством и заканчивая тем, что Лэйс могла просто не справиться со стихией и не выплыть. Остаться на дне, и спасти ее было некому.

Мы это оба понимаем.

— Не вини себя, — говорю. — Ты за нее не отвечаешь.

— Я ничего не заметила, Лайтнер. Ничего не поняла, когда ей нужна была моя помощь.

По телу Вирны прокатывается дрожь, но ее глаза остаются сухими.

— Она ее у тебя не просила.

— Лэйс не хотела, чтобы мы пострадали. Хотела нас защитить.

Спорное заявление, учитывая, чем она занималась, но я придерживаю свое мнение при себе.

— И я очень этому рад. Тому, что она не втянула тебя в то, чем занималась.

Мэйс вздрагивает, и в ее взгляде мелькает беспомощность, которую мне тоже хочется стереть.

— Вирна, ты самая потрясающая девушка, которую я знаю. Ты не только красивая, умная и талантливая, твоей выдержке и целеустремленности можно позавидовать. Ты не побоялась пойти против Д'ерри. Не побоялась назвать меня засранцем в нашу первую встречу. — На губах Вирны появляется слабая улыбка, и я мысленно поздравляю себя с победой. — Пошла учиться плавать после того, как едва не утонула. Для этого нужна необыкновенная смелость.

— Я тебе пообещала!

— Но могла отказаться.

— Не могла...

— В этом вся ты! Ты удивительная. Великолепная. Одна единственная. Ты мой океан.

Мы смотрим друг на друга, и затем она снова меня обнимает. Так, будто в последний раз. А потом говорит:

— Останься со мной сегодня.

Я так ждал этого. Но не после подобных откровений!

— Мэйс, я не уверен, что мы... Ты устала, а я не хочу этим пользоваться. Позволь мне хоть казаться немного лучше, чем я есть.

— Я хочу этого. Хочу тебя, Лайтнер.

Перед просьбой в ее взгляде невозможно устоять.

К едхам всем!

Я подхватываю ее на руки и опускаю на старый продавленный диван. Плед летит на пол, но нам плевать. Зарываюсь пальцами в ее волосы и целую Мэйс, как мне всегда хотелось. Прикусываю ее нижнюю губу, сплетаю наши языки, пока мои руки гуляют по ее телу. А она подается мне навстречу, сдавливая мою талию ногами и прижимается так, будто не может без меня.словно мы одно целое.

Я ласкаю ее всю: губами и руками. Стягиваю ненужную и явно лишнюю одежду, отбрасывая ее в сторону, и раздеваю Вирну. Ответные прикосновения Мэйс несмелые, но даже от них мутится рассудок. Настолько сильно я ее желаю, эту девочку, ворвавшуюся в мою жизнь.

— Океан, — шепчу я, оставляя дорожку поцелуев на нежной шее и ключице, касаюсь ее совершенной груди. — Мой океан.

Вирна всхлипывает и подается навстречу мне, когда я накрываю губами вершинку ее груди. Когда ласкаю ее языком.

Вирна отпускает себя, доверяя мне всю себя, и эта ее новая грань сводит с ума. Как и то, что я могу чувствовать ее всю, целовать и изучать ее тело. Скользить по ней пальцами и губами. Открывая для себя. Раскрывая для себя. Осторожно и бережно.

Я стараюсь быть нежным изо всех сил, но вся моя выдержка летит туда же, куда я все и всех послал, когда мы прикасаемся друг к другу кожа к коже. Я толкаюсь вперед, Вирна всхлипывает, и я губами ловлю ее стон. Распахиваю глаза широко-широко, чтобы встретиться с ее таким же взглядом.

Все понимаю.

Понимаю все ее колючки. Понимаю, почему' Мэйс так долго не подпускала меня к себе. Понимаю, почему она так неумело целуется.

Я не променяю ни один ее поцелуй ни на какой другой!

Отступаем, словно обожглись, и снова соединяемся, потому что не можем жить по одиночке. Вирна шипит, а я останавливаюсь, давая ей привыкнуть. Едх, это стоит всей моей выдержки! Потому что горячая волна накрывает нас с головой. И тогда я целую Мэйс. Целую губы, нос, скулы, глаза, морщинку, что залегла между бровей, и снова. Мы целуемся, как одержимые, ударяемся друг друга, как волна о скалу. То медленно до дрожи, лаская, то сильно, пока не темнеет перед глазами.

Это похоже на шторм.

На водоворот.

Меня затягивает в мой океан.

К ней.

И если я сейчас остановлюсь, то просто погибну.

Умру без нее.

Ответный стон ее удовольствия — музыка для меня. И я помогаю себе руками, лаская ее, ловя дыхание и утопая в синеве потемневших глаз.

Вирна выдыхает мое имя и выгибается дугой, а я шепчу ее имя, на этот раз отпуская себя, пока меня не уносит в этот океан вместе с ней.

Я абсолютно счастлив.

Так, как никогда в жизни.

Так, как ни с кем.

Только с ней.

Когда эта буря заканчивается, внутри меня только опустошенность и вот это счастье. Теплое, как прибрежный песок в солнечный день, мягкое, как морской прибой. Я укрываю нас пледом и сжимаю Вирну в объятиях, понимая, что теперь точно никуда не отпущу. И плевать, что она там себе думает про въерхов и людей.

— Почему ты мне не сказала? О том, что ты больше ни с кем...

Я осекаюсь, потому что пытаюсь на нее разозлиться, но вместо этого хочется улыбаться.

— Ты бы согласился?

— Нет. Я бы сделал все по-другому.

— Вот поэтому и не сказала.

— Я мог бы быть нежнее или внимательнее...

Вирна подается вперед и целует меня так, что я забываю о том, что собирался сказать.

— Все было чудесно, — говорит она.

На это мне нечего сказать. Ну, кроме:

— Теперь ты обязана согласиться стать моей девушкой.

Она улыбается и явно собирается что-то сказать, но вдруг вскрикивает и едва не падает с дивана. Я успеваю ее подхватить и уложить на подушки, но там, где касаются мои ладони остаются красные следы, будто от ожогов.

Оказываюсь на ногах и смотрю на свои руки. Они не просто горят, кожу жжет силой вьерха.

Моей собственной.

Она вернулась.

Силы вернулись.

Но никогда не вели себя так странно — они искрят, будто оголенные провода.

— Что за хидрец? — я склоняюсь над ней. — Вирна?! Мэйс!

Она не слышит. Она без сознания.

Я хватаю ее за плечи, чтобы встряхнуть, но на бледной коже красными пятнами вспыхивают новые ожоги.

— Едх! — цежу через зубы и оглядываюсь в поисках того, что позволит мне защитить ее от моего же прикосновения.

Приглушаю силу, насколько это возможно, хватаю с полки серое полотенце и какую-то майку, оборачиваю кисти целиком и только после склоняюсь над Мэйс. Она еще бледнее, чем обычно, и мелко дрожит. На лбу бисеринки пота, а кожа ледяная, как если бы я только что выловил девушку из океана.

Я легонько торможу Вирну, но у нее лишь запрокидывается голова.

— Синеглазка, это не смешно, — шепчу я. — Приходи в себя, и мы вместе решим любую проблему, какой бы она ни была.

Она по-прежнему меня не слышит. У нее лишь мелко подрагивают ресницы, а губы ярким алым пятном выделяются на лице. Это выталкивает меня в ночь, когда я прыгнул за Вирной в океан. Тогда она тоже не приходила в себя, и я почти потерял ее.

Но если тогда мне было хидрец как страшно, то сейчас я готов был прыгнуть за ней хоть десять раз, только чтобы она распахнула глаза!

Проблема в том, что мы не на берегу океана, мы в ее доме. В безопасности. Были.

Едх меня заberi, я не знаю, что делать!

Что это вообще?

Она придет в себя?

Что, если это смертельно?

Я отшатываюсь от Мэйс и хватаюсь за голову. Тряпки падают к моим ногам, но мне не до них. Мысль одна страшнее другой приходит в голову...

Так, паникой делу не поможешь!

Соберись!

Вирне нужна помощь как можно скорее, и я знаю только одного вверху, который может мне помочь. Ей помочь.

Одеваюсь так быстро, что Адмирал был бы мною доволен и поставил бы высший балл. Выбегаю к эйрлату, нахожу перчатки от гидрокостюма. Возвращаюсь и крайне осторожно заворачиваю Мэйс в плед, а потом отношу ее в машину и размещаю на заднее сиденье.

Вирна лышит тяжело. Но главное, что дышит!

Завожу эйрлат и быстро нахожу на тапете нужный контакт: он у меня в быстром доступе. Облегченно выдыхаю, когда отвечают быстро.

— Доктор Э'рер! Мне срочно нужна ваша помощь! Я могу приехать?

Время до дома доктора смазалось в одно растянувшееся мгновение. За которое я, кажется, нарушил все мыслимые и немыслимые правила дорожного движения, и, к счастью, меня не остановили политари. А потом было долгое ожидание в гостиной Э'рера: он не пустил меня в медицинский кабинет. Спасибо доктору, он не только принял меня сразу же, он еще и без лишних вопросов согласился оказать медицинскую помощь Вирне.

Это ожидание действительно показалось самым долгим в моей жизни, хотя прошло сорок минут. Тридцать восемь, если точнее. Я даже не стянул перчатки, и только сейчас это замечаю. Сила оживает в ладонях, стоит мне о ней вспомнить. Естественная. Послушная моей воле. Она больше не искрит на пальцах, а просто наполняет меня целиком, и я не чувствую разницу между тем, как было раньше, и сейчас.

Тогда что это за хидрец?

Э'рер появляется в гостиной раньше, чем мне в голову приходит хоть одна идея. Я вскакиваю и подхожу к нему. Доктор усталый и сосредоточенный, но на мой взгляд отвечает:

— С девочкой все в порядке, Аайтнер. Я запустил восстановление, и погрузил ее в сон. Сейчас она отдыхает, а когда проснется, от ожогов не останется и следа.

— Дело не только в ожогах. Она сознание потеряла.

— Потому что была обессилена. Энергетически. Такое бывает у вьерхов, когда они перерасходуют свои силы. У людей... тоже бывает. Хотя, честно признаюсь, с лечением людей я сталкиваюсь редко. Но острого воспалительного процесса и хронических заболеваний я не обнаружил. Она молода и здорова. Так что процедура восстановления пойдет ей на пользу.

Я шумно выдыхаю, будто до этого не дышал вовсе и жму доктору руку.

— Спасибо, доктор Э'рер. Вы даже не представляете, как много для меня сделали. Я могу увидеть Вирну?

— Конечно, — говорит Э'рер. — Пойдем.

Вирна лежит в восстановительной капсуле, и на этот раз она действительно спит. Потому что вид у нее умиротворенный, а кожа слегка порозовевшая. Датчики на экране показывают, что ее пульс и давление в норме.

Мне хочется схватить синеглазку и сжать ее в объятиях, но... Я лишь сжимаю кулаки и хмурюсь.

— Это произошло из-за меня, — признаюсь стоящему рядом Э'реру. — Моя сила вернулась ко мне.

— Как я понимаю, поздравления преждевременны.

— Да. Ожоги на коже Вирны остались от моих пальцев. Что-то случилось с моей силой. Если вы говорите, что из нее высосало энергию, это сделал я.

— Исключено. Мы используем силу земли, а не жизненную энергию людей.

Э'рер кивает мне на вторую кушетку, и теперь уже на меня направляют сотни медицинских датчиков.

— Впервые слышу о том, чтобы прикосновение вьерха могло так подействовать на человека. Ты прикасался к этой девушке раньше?

— Да, и все было в порядке.

Я даже целовал Мэйс, но тогда во мне была отцовская сила.

— Случай интересный. Я бы хотел все изучить и обдумать. Но мой предварительный диагноз — аллергическая реакция.

— Аллергия? На меня?

— На твою силу, Лайтнер. Возможно, это единственный случай, а может нет. Одно ясно — тебе лучше воздержаться от физического контакта с этой девушкой.

Что?

Не целовать Мэйс?

Не держать ее за руку?

— Не волнуйтесь, Э'рер, он больше к ней не приблизится. — Я вскидываю голову и поворачиваюсь к двери, в которую шагает Диггхард К'ярд.

Глава 35

Решение

Вирна Мэйс

Я прихожу в себя и первые несколько минут вообще не могу понять, где я, и что случилось. Надо мной высокие светлые потолки, а я лежу в ультрасовременной капсуле восстановления. Последнее выясняется, когда я слегка приподнимаюсь, цепляясь за края. Крышка капсулы сейчас открыта, и я как в ракушке. С той лишь разницей, что совершенно не представляю, откуда этой ракушке взяться здесь. И где это — здесь?

— Нисса Мэйс.

Голос из-за спины раздается так неожиданно, что я вздрагиваю и оборачиваюсь. Мужчина-вверх смотрит на меня так, как смотрит большинство вверхов: вроде бы на меня, а вроде бы и нет, как будто я слегка прозрачная. Впрочем, здесь я несправедлива, у этого в глазах горит исследовательский интерес. Почему исследовательский, я не успеваю понять, но он меня опережает:

— Не пугайтесь. Меня зовут Кирам Э'рер. Я врач.

Врач.

А я, кажется... свалилась в обморок после близости с Лайтнером. Лайтнер... Это он привез меня сюда? Но где тогда он? Что вообще случилось?!

Очевидно, мое молчание более чем говорящее, потому что доктор продолжает:

— Вам стало плохо. У вас крайне необычная реакция на силу вверхов.

Я моргаю.

— Это совершенно непонятный для меня феномен, который я пока не могу объяснить. Что-то внутри вас... или в составе вашей крови вступило в реакцию с силой нэстра К'ярда.

— Он здесь?!

Вопрос срывается с губ сам собой, и доктор качает головой.

— Нет, ему пришлось уехать.

Что?

— Меня попросили вызвать для вас транспорт, вас отвезут домой. Ваша одежда здесь же, на стуле...

Только сейчас я понимаю, что на мне длинная сорочка, из тех, что носят в больницах, одноразовая, или вроде того. И кажется, она просвечивает настолько, что мне становится дурно. Я обхватываю себя руками, а врач продолжает:

— Я очень заинтересован в нашей следующей встрече, нисса Мэйс. Мне бы хотелось наблюдать вас и посмотреть, чем именно вызвана такая реакция. Если вы согласитесь, мы подпишем контракт, и обещаю, что оплата будет более чем щедрой.

Да, про исследовательский интерес мне не показалось.

— Оплата за что? — уточняю я. — За то, что вы будете ставить на мне опыты?

Доктор качает головой.

— Зачем же так резко. За то, что я изучу вашу особенность, а главное, для того, чтобы понять, как вам прикасаться к вверхам без возможности заработать сильнейшее истощение и аллергическую реакцию.

Что?

— Не стану вас торопить, — произносит он, указывает на стол. — Я оставил вам свою карточку, с помощью нее вы сможете в любой момент со мной связаться. Одевайтесь, я пока закажу эйрлат, и вас отвезут.

Он выходит, и только сейчас на меня обрушивается волна осознания.

У меня нет ключей.

У меня нет документов.

У меня нет ничего, кроме моей одежды и понимания того, что Лайтнер привез меня сюда и попросил отвезти обратно, и мысли о том, что... он меня бросил?

Эта мысль совершенно идиотская, но я никак не могу от нее избавиться. Она бьет в меня раз за разом, как молния в обугленное дерево на скале, и мне кажется, что если сейчас я остановлюсь на ней еще раз, то просто рассыплюсь пеплом. Поэтому все, что я себе говорю — мне надо успокоиться. Мне надо успокоиться, добраться домой, взять в руки тапет и написать ему.

Доктор сказал: «Ему пришлось», а значит, что-то случилось. Случилось что-то срочное, иначе бы он не уехал, это просто я в лучших традициях Вирны Мэйс думаю самое худшее.

Точнее, то, что для него это было просто...

Так, все.

Я выбираюсь из капсулы, сбрасываю недосорочку на пол, потом все-таки подбираю и складываю на стул. Как раз в ту минуту, когда понимаю, что моя одежда — это плед. Это мой старенький плед, который лежал на диване в моей комнате, и от абсурдности ситуации мне хочется рассмеяться. Вот только боюсь, что если я начну смеяться, ничем хорошим это не кончится, поэтому сорочку приходится надеть обратно. А после — завернуться в плед, узлами завязав его снизу и сверху, а образовавшуюся в середине прорезь стянуть руками. В итоге я напоминаю бабочку, которая неудачно пытается выбраться из кокона, а когда доктор заглядывает в свой кабинет, молча принимаю одноразовые тапочки.

— Не забудьте карточку, — говорит Э'рер, но, медлит. Видимо, пытается понять, как мне ее можно отдать.

Я высовываю руку, и один край плела слегка расходится, но стоит карточке оказаться в моей ладони, я с силой ее сжимаю и заворачиваюсь еще плотнее.

Водитель на меня косится, и я его могу его понять. Очевидно, принимая вызов, он совершенно не представлял, что в таком районе может оказаться такая пассажирка.

Об этом я стараюсь не думать, равно как и о том, что случилось у Лайтнера.

Потому что он не ушел... не оставил бы меня в таком состоянии, если бы не...

Надеюсь, у него все хорошо. Я просто на это надеюсь.

И когда дверь эйрлата автоматически открывается, бросаюсь к дому. Холод вливается в ноги, я слышу рев мотора за спиной (водитель спешит убраться с Пятнадцатого), но мне все равно. Сейчас мне главное добраться до тапета, и я влетаю в незапертую дверь, бегу в комнату. Мгновения, пока открываются сообщения — он все время тормозит — кажутся самыми долгими в моей жизни и в то же время дают короткую отсрочку. В эти мгновения я думаю, что Лайтнер уже написал мне, что он все объяснил, но...

Нет. Он мне не написал.

Зато сверху мигает сообщение от «Академия Кэйпдор».

Я открываю и моргаю на слова: «Нисса Мэйс, уведомляем вас о том, что вы отчислены».

Мне кажется, что это какой-то кошмар, но ниже идут сообщения о том, что мои пропуска и все, что касается обучения, аннулировано. Я все еще не верю, поэтому пытаюсь войти на страницу Академии, используя логин и пароль, но мне выдает сообщение «В доступе отказано».

Это какой-то бред.

Это просто бред.

Меня же не могли отчислить вот так, ничего не сообщив мне! У меня слегка дрожат пальцы, когда я набираю контакты деканата факультета лиабиологии. Сегодня выходной, точнее, выходной у меня, у меня нет пар, но секретариат точно должен работать. И я бы поехала туда, я бы бежала через весь город, если бы не заявление об аннулированных пропусках. Теперь меня даже не пустят на Второй!

Секретарь не отвечает долго, а когда я слышу ее голос, холодный и равнодушный, мне стоит

огромных усилий собрать все свое спокойствие, чтобы произнести:

— Это Мэйс... Нисса Вирна Мэйс. Мне пришло уведомление об отчислении. Должно быть, это какая-то ошибка...

— Нисса Мэйс, — перебивает меня секретарь, — никакой ошибки нет. Вы отчислены.

— Почему?!

В голове крутятся тысячи вариантов, но первыми в голову приходят пропуски, и я выпаливаю, перебивая ничего не успевшего ответить секретаря:

— Это из-за того, что много пропустила?! У меня есть обоснования... — Да что там есть, документы прикреплены несколькими сообщениями ранее, когда я общалась по поводу освобождения. — Я же отправляла вам. Я могу переслать, я...

— Вы отчислены не поэтому, нисса Мэйс, — холодно произносит секретарь, — а из-за недостойного поведения.

— Что?!

— Ваше поведение на территории Академии недопустимо. Камеры зафиксировали, как вы без малейшего стеснения соблазняли нъестра К'ярда в раздевалке, а после уединились прямо на парковке в его эйрлате, что является прямым нарушением правил.

Что?!

— Всего доброго, нисса Мэйс.

Секретарь отключается раньше, чем я успеваю что-либо сказать, а ее «всего доброго» звучит в ушах, как насмешка.

Я сажусь.

Потом встаю.

Снова сажусь.

Вспоминаю, с чего вообще схватилась за тапет и пишу:

Лайтнер, у тебя все хорошо?

Стираю.

Можно тебя набрать?

Стираю.

Набери меня.

Смотрю на мигающий курсор, после чего набираю сама. Сообщение остается неотправленным, он не отвечает. Тишина кажется такой звенящей, что режет слух. Я думаю о том, чтобы ехать к нему, но потом понимаю, что у меня нет пропуска на Первый круг. У меня есть только этот тапет и тишина. И воспоминания о том, что случилось в этой самой комнате.

Еще у меня есть контакты Кьяны, ей я и пишу:

Кьяна, привет.

Она отзывается тут же:

Привет!

Можно тебя набрать?

Да, разумеется.

Я не знаю, зачем... и что я скажу, но когда набираю, у меня даже совершенно спокойный голос:

— Привет.

— Привет, — повторяет она. — Что-то случилось?

Видимо, не совсем спокойный.

— Просто не могу связаться с К'ярдом. Можешь мне в этом помочь?

— Вы что, поругались?

— Нет. Не в этом дело.

— Хар! Хар, ты сегодня говорил с К'ярдом?

— Нет, а что?

— Вирна не может его найти.

— Да не вопрос! — раздается из динамика голос Хара. — Вирна, привет!

— Привет, — в который раз отзываюсь я.

Сейчас, когда я слышу их голоса, ко мне возвращается уверенность. Понемногу.

Мне кажется, что все это действительно просто страшный сон, и что я сейчас проснусь. И все будет иначе. Ведь будет, правда же?

— Он его сейчас наберет. — Судя по голосу, Кьяна улыбается.

Я глубоко вздыхаю и тоже улыбаюсь. Через силу. Мы проходили это по психологии, если улыбаться, когда что-то случилось, возвращается позитивный настрой. Кажется.

— Лайт! Ты куда провалился?! — снова голос Хара. — Тут... Слушай, я понимаю. Все в порядке? Отлично. Тогда найди две секунды: тебя ищет Вирна. Вы что... Что за дерьмо?!

Последнее доносится так громко, что страшный сон возвращается. А вместе с ним четкая характеристика: дерьмо. Дерьмо — это то, что случилось.

Дерьмо — это то, что я сейчас чувствую.

Я никогда себя так не чувствовала: меня словно выкручивают изнутри, как мокрую тряпку.

— Я сейчас еще раз его наберу, — говорит Хар и уходит.

— Вы поругались, — констатирует Кьяна.

Мы переспали.

К счастью, это откровение я оставляю при себе и молчу. Мне больше не хочется ни о чем говорить. Если он не отвечает мне, но отвечает Хару, значит... я не знаю, что это значит.

— Вирна, это нормально. С ним невозможно иначе.

Вот именно это я сейчас хотела услышать.

— Прости. Я сказала глупость.

— Да нет. Все в порядке.

— Не в порядке. Я не должна была этого говорить, меня вообще ваши отношения не касаются... Да что ж такое! — Кьяна, судя по голосу, сейчас подумала примерно так: «Хидрец, хидрец, хидрец, зацензурено». — Слушай, может просто увидимся? Ты хочешь увидеться? Мы могли бы тебя забрать, и...

— Не стоит.

— Точно?

— Точно. У меня работа.

— Вирна, я его добью, и мы тебя наберем, хорошо? Он сказал, что у него все отлично, так что не волнуйся. Потом я его подержу, а ты его пнешь, куда захочешь. Договорились?

— Договорились, — соглашаюсь я.

Я бы сейчас согласилась со всем.

— Тогда до встречи.

— До встречи.

Кьяна медлит, словно не хочет прерывать разговор, но потом все-таки прощается.

Я кладу тапет на стол и сажусь на диван. Непонятно почему меня начинает знобить, так сильно, как никогда раньше. Мне кажется, что в меня вползли все туманы и холода Ландорхорна, вместе взятые, что они втекают в меня с каждым вдохом и подбираются к сердцу. Чтобы не позволить им этого сделать, я задерживаю дыхание, а потом переключаюсь на методику глубокого, которое практикуют борцы вар-до. В этой борьбе все замешано на дыхании, чтобы максимально сконцентрировать энергию и вложить ее в удар, очень важно правильно дышать.

Вот я и дышу.

Стараясь не думать о том, что Лайтнер так занят, что не нашел даже времени мне ответить. Я хочу верить в то, что это просто недоразумение, пытаюсь вытащить из памяти случившееся ночью, а если быть точной, утром, но понимаю, что не могу найти объяснений тому, что он оставил меня одну.

Если у него все отлично...

Или он так сказал, чтобы отвязаться от Хара.

Или все гораздо проще, и у него действительно все отлично.

Если я сейчас остановлюсь на этой мысли, я просто сломаюсь.

Лягу на диван и буду лежать так, пока не подохну с голоду. Поэтому я делаю все, чтобы на этой мысли не останавливаться: для начала переодеваюсь. Потом выбрасываю сорочку и застилаю диван, стараясь не думать (не думать!) о том, как он меня обнимал. А потом слышу, как открывается дверь, натуженный скрип доносится до меня вместе с осознанием того, что я ее не закрыла.

Я. Не закрыла за собой эту едхову дверь!

Холод все-таки подбирается к сердцу, собирается в тугий концентрированный ком. У меня в комнате нет ничего, кроме тапета, и... шокера. Я сжимаю его в руке и шагаю в коридор.

Шаг.

Еще шаг.

Шаги мне навстречу.

Я замираю. И только чудом не превращаюсь в статую, когда вижу шагнувшего из темноты Диггхарда К'ярда.

Появление отца Лайтнера в моем доме кажется еще более невероятным, чем все, что случилось раньше. Но прежде чем я успеваю сказать хоть слово, говорит он:

— Нисса Мэйс.

В его глазах не просто пренебрежение, а пренебрежение, смешанное с раздражением. Раньше он смотрел на меня, как на пустое место, сейчас смотрит как на пустое место, которое чем-то испачкано.

— Где мы можем поговорить?

«Нигде», — хочется ответить мне. Вместо этого я отвечаю:

— На кухне, — и прохожу туда первая.

Для этого мне приходится его обойти, и его взгляд вонзается мне в спину. Что ни говори, а К'ярды умеют смотреть так, чтобы ты почувствовала себя маленькой и никчемной. У Лайтнера тоже был такой взгляд. Когда-то. Но сейчас гораздо больнее вспоминать его другой взгляд.

На кухне я включаю свет и кладу шокер на стол.

Выражение лица Диггхарда К'ярда меняется: теперь он смотрит с брезгливым изумлением. Совершенно непонятно, зачем он спрашивал о месте разговора, если все равно не собирается садиться. Даже не подходит к мебели или стенам, чтобы не дай морс их не коснуться.

— Мой сын совершил ошибку, — говорит он, причем говорит с таким видом, словно у него болит зуб. — И он очень об этом сожалеет.

— Да ну? — я складываю руки на груди.

Мне хочется не просто их сложить, закрыться, спрятаться за стеной с силовой защитой, вот только у меня такое чувство, что ни одна защита в мире мне не поможет.

— Именно так, — подчеркивает он. — И эта ошибка могла стоить ему репутации. К счастью, я вовремя об этом узнал.

Эта ошибка сейчас хочет только одного: чтобы правитель Ландорхорна ушел и оставил меня одну. Но выставить из дома правителя Ландорхорна — не очень просто. Даже если у тебя есть шокер.

— Мне нужно понимать, нисса Мэйс, что вы меня слышите. И что вы понимаете, что больше не сможете видиться с моим сыном.

Это у них в правительстве такие методы переговоров? Паршивые, надо сказать. С другой стороны, если он здесь... В эту минуту я понимаю кое-что другое, и мне хочется обхватить себя руками, чтобы спрятаться, как в детстве.

— Меня отчислили из Кэйпдора благодаря вам?

Какое-то время мы молча смотрим друг на друга, и я прямо вижу, как меняется его взгляд. Как из него уходит пренебрежение и втекает жесткость. А ведь они с Лайтнером действительно очень похожи, с той лишь разницей, что передо мной его более взрослая версия. В эту минуту я думаю о том, что мне рассказала Дженна, и о том, что знает Лайтнер. О том, что происходит в мире.

— Хорошо. Теперь я понимаю, чем вы его привлекли. Вы действительно умны.

Его устами это звучит как оскорбление.

— Я бы не смогла попасть в Калейдоскоп, не будь это так. Правильно?

— Не зарывайтесь, нисса Мэйс, — меня осаживают спокойным тоном, от которого по коже стелется холод. — Я здесь исключительно для того, чтобы предложить вам и вашим сестрам достойный выход из...

Он окидывает взглядом кухню, на которой мы так часто собирались вчетвером, а когда-то и вместе с родителями, и в пылающих глазах снова эта брезгливость. Такое чувство, что ему тошно здесь находиться, и что его просто в веревки крутит от того, что он вынужден это делать.

— Ситуации. Я дам вам достаточно денег, чтобы вы могли переехать в достойный район. Чтобы могли позволить себе лучшую школу для своих сестер.

Он говорит «для своих сестер», но не говорит про Лэйс. Он вообще ничего не говорит про то, про что в общем-то должен бы... про моих родителей, про то, что они были ныряльщиками, про то, что он может сломать мне жизнь одним щелчком пальцев. Нет, он и так может, я в этом не сомневаюсь. Направляясь сюда, он наверняка перетряхнул все грязное белье нашей семьи, которое только сумел найти, но он предлагает мне деньги.

В эту минуту я, кажется, впервые за этот вечер чувствую прилив сил.

Диггхард К'ярд или не знает про Лэйс (что маловероятно), или она жива. Она не попала в Подводное ведомство, как в свое время мои родители. Она просто скрывается, и...

— Я знаю, что вы их прячете.

Но не знаете, где.

Мне удастся удержать эту информацию при себе.

— И я знаю, что вам нужны деньги. Они у вас будут, если вы дадите мне обещание никогда ни словом не упоминать о том, что произошло между вами и моим сыном.

Между вами и моим сыном — в интонациях такая разница, как если бы нас разделял океан.

— А что произошло между мной и вашим сыном?

Диггхард К'ярд удовлетворенно кивает.

— Я знал, что мы с вами договоримся, нисса Мэйс.

Яжимаю плечами.

— Мне не нужны ваши деньги.

От удовлетворенного спокойствия хищника не остается и следа.

— Мне вообще ничего от вас не нужно. И если вы в следующий раз соберетесь со мной побеседовать, стучите, пожалуйста.

В его прищуре плещется раскаленная лава.

— Я не предлагаю дважды, нисса Мэйс, — холодно произносит он. — Предупреждаю: если вздумаете болтать о моем сыне, очень сильно об этом пожалеете.

— Не бойтесь, что я начну болтать о вас? — спрашиваю я и сильнее сжимаю пальцы на предплечьях. Меня трясет не то от холода (дверь он оставил открытой), не то от напряжения. — О том, что вы вломились ко мне в дом, а потом угрожали мне.

Дигтхард К'ярд смотрит на меня сверху вниз. А потом произносит так, словно само мое имя его пачкает:

— Нет, нисса Мэйс. Таких, как вы, я не боюсь.

Он поворачивается ко мне спиной и выходит. Я слышу удаляющиеся шаги, но дверь по-прежнему остается открытой. Когда я до нее добираюсь, меня уже реально колотит, не помогает ни дыхание вар-до, ни попытки сжать кулаки. Меня трясет так, что зуб на зуб не попадает, от ярости, напряжения, отчаяния, боли. Все это перемешивается во мне в таких концентрациях, что кажется, я сейчас просто взорвусь. Вместо этого я смотрю, как правитель Ландорхорна салится в эйрлат, а следом садится один из его телохранителей. Эйрлат совершенно неприметным: еще бы, если кто-то увидит Дигтхарда К'ярда на Пятнадцатом...

Я начинаю задыхаться, и когда огни эйрлата гаснут в осенних сумерках, захлопываю дверь. Грохот обрушившейся на берег волны перекрывает треск, а я возвращаюсь к себе.

Собираю сумку.

Беру тапет и пишу Дженне: «Ты сегодня будешь?»

Как ни странно, она отвечает почти сразу: «Что-то важное?»

Не знаю, можно ли назвать важным то, что я собираюсь ей сказать, но пишу: «Да».

Подхватываю куртку, выключаю везде свет, на ходу сую шокер в сумку. Почти бегу к платформе, с трудом справляясь со срывающимся дыханием. До начала смены еще шесть часов, но я не могу сидеть здесь. Не хочу сидеть здесь. Не в этой комнате, не в этом доме, не сегодня.

Не сейчас.

Я не знаю, как справиться с эмоциями, и меня швыряет, как щепку на волнах. От мыслей о том, что Лэйс жива, к прицелу взгляда правителя Ландорхорна: «Мой сын совершил ошибку, и он очень об этом сожалеет».

«Я не мой отец, Вирна».

Мне очень хочется верить последним словам. Мне хочется этого больше всего на свете, но почему он не нашел даже минуты, чтобы со мной связаться?! От бессилия хочется выть, вместо этого я кутаюсь в куртку и вглядываюсь в темноту. Обычно ожидание платформы кажется бесконечно долгим, но сейчас я не замечаю, как проваливаюсь в мысли и прихожу в себя только когда она тормозит на станции.

Несколько человек окидывают меня угрюмыми взглядами и идут под плавающими фонарями домой. Наверное, хорошо, когда у тебя есть дом, но мой мне домом быть перестал. С тех самых пор, как я осталась здесь одна. С тех самых пор, как Митри и Тай больше не засыпают за соседней стенкой, а Лэйс не возвращается по утрам, чтобы наорать на меня и сказать, какая я эгоистка.

У меня больше нет дома.

У меня больше нет семьи.

У меня даже учебы больше нет — интересно, что бы Лэйс на это сказала?!

У меня ничего не осталось.

Только я.

И чувство, которое жжет изнутри.

Я думаю, что когда-нибудь будет иначе, и только эта мысль позволяет мне продержаться до Четвертого. Охранники здороваются, но я отвечаю непривычно скупой и иду в сторону гримерных.

— Вирна! — доносится мне в спину. — Тебя ждут Дженна и Н'эргес. У нее в кабинете.

Значит, все-таки ждут?

Чудесно.

Я глубоко вздыхаю, коридор встречает меня приглушенным светом. Крылья бабочек-светильников рассыпают мягкий неон, но даже от него сейчас почему-то слезятся глаза. Перед дверью в приемную замираю.

Мне ясно, что когда я туда войду, дороги назад не будет, но...

«Нет, нисса Мэйс. Таких, как вы, я не боюсь».

Я открываю дверь, прохожу мимо пустого стола. Секретаря ужепустили, а значит, меня действительно ждут. Захожу в кабинет, пропитавшийся туманом сладкого дыма от сигарет Дженны. Сегодня действительно холодно, настолько холодно, что море невыносимо спокойное, а она даже не открыла окно.

Смотрю на нее.

Потом на Н'эргеса.

Потом снова на нее.

И говорю:

— Я с вами.

Глава 36

Предательство

Лайтнер К'ярд

— На месте.

Эйрлат садится на одной из парковок Кэйпдора, и я сразу толкаю дверь, чтобы избавиться от общества своих телохранителей. Хотя вернее будет сказать — конвоя. Меня сопровождает сам Шадар, начальник службы безопасности отца, но к моей безопасности это никакого отношения не имеет.

По версии правителя Ландорхорна меня нужно защищать от самого себя.

— Ньестр К'ярд просил вас напомнить, чтобы вы вели себя разумно, — говорит Шадар.

Я ничего не отвечаю, хлопаю дверью и спешу в Кэйпдор.

Еще никогда я не спешил сюда так сильно!

Поэтому ускоряю шаг, стараясь забыть эти долгие выходные. Особенно ту их часть, в которой почувствовал себя заключенным.

— Ты разочаровал меня, Лайтнер.

Я столько раз слышал от отца подобное, что перестал обращать на это внимание. Одним разочарованием меньше, одним разочарованием больше. Но тем утром, когда он нашел меня у доктора Э'рера, они прозвучали иначе. Будто он уже вынес мне приговор, и обратной дороги больше нет.

Доктор оставил нас наедине в гостиной, тогда отец и заговорил.

Меня дернуло от его сухого тона, даже сила заискрила в кончиках пальцев. От этого, а еще от злости на Э'рера. Врачебная тайна, врачебная тайна... Именно он сдал нас с Мэйс отцу!

— Плевать, — сказал я. — Я совершеннолетний, и могу сам решать, что мне делать.

Я бросил взгляд на кабинет, где в восстановительной капсуле лежала Вирна, и подумал: «К едхам!». Хватит этой лжи! Я хочу быть с ней. Не тайно, а по-настоящему.

— Ты зарвавшийся мальчишка, который не понимает, что делает.

— Почему же не понимает? Я прекрасно все понимаю. Счастлив, что разочаровал тебя. Теперь я могу построить собственную жизнь такой, какой захочу.

— С кем? С грязной безродной девицей? С человеком?

Я сжал кулаки, унимая ярость. Сейчас я нужен Вирне, а на отцовский снобизм мне плевать.

— Я не должен отчитываться перед тобой. Воспитывай из Джубо второго Диггхарда К'ярда, от меня можешь отказаться.

Я развернулся, чтобы уйти. К Вирне. Но сила отца ударила в спину, прижала к полу будто массивным валуном, раскатала по поверхности. Я даже не успел поставить щиты, их просто смело. А потом я сжал зубы, чтобы не заорать в голос. Потому что собственная сила мощным потоком потекла от меня к нему. И это было так же больно. Если не больнее!

— Ошибаешься. Должен. Потому что я правитель этого города, а ты — никто.

Перед глазами потемнело, словно я оказался глубоко под водой. Меня затягивало. Душило.

— Катись к едхам! — прохрипел я, цепляясь пальцами за ковер.

— Это ты пойдешь. Со мной. Если не хочешь проблем... для нее.

Он кивнул в сторону медицинского кабинета, и во мне все похолодело. Я готов был ползти туда, только чтобы защитить Мэйс.

— Ты. Ее. Не. Тронешь.

— Трону. Потому что могу. И если по-другому с тобой не работает.

Отец шагнул вперед, сила вверху вспыхнула в его глазах.

А после я очнулся дома в своей комнате.

Перед глазами все еще плавали разноцветные круги, сил во мне было как в мальке. Первое, что я сделал — бросился к своей куртке, в которой всегда носил тапет.

Куртку небрежно скинули на стул, а вот тапета не было. Поэтому я вывалился из дверей своей спальни. Буквально, потому что меня продолжало пошатывать. Чтобы натолкнуться на взгляд Шадара, который при виде меня оттолкнулся от стены.

— Где мой тапет?

— Здесь. — Он достает из кармана пиджака тапет, который чей угодно, но только не мой. — Теперь это ваш тапет.

Плевать! Я все равно синхронизирую его со своими аккаунтами.

— Где отец?

— Ньестр К'ярд сейчас занят, и передал вам, что если будете вести себя достойно, он забудет о своем обещании.

Навредить Мэйс, если другое со мной не работает.

Я заперся в комнате, включил тапет, синхронизировал данные и набрал доктора Э'рера.

— Вирна еще у вас? — спросил без вступления.

— Она пришла в себя, и я вызвал ей машину.

Я бросил трубку, не попрощавшись, и схватил куртку. Я должен был быть рядом с Мэйс! Должен был убедиться, что она в порядке. Но меня снова ждал сюрприз с все еще дежурившим возле моей спальни безопасником.

— Вам нельзя покидать дом. Приказ вашего отца.

Я сжимаю руки в кулаки и шагаю к нему, но в этот момент в коридоре появляется мама. Ее глаза расширены, а губы подрагивают, когда она буквально подлетает ко мне и обхватывает за плечи.

— Лайтнер, я так рада, что с тобой все в порядке!

Конечно, со мной все в порядке, а вот с Вирной — нет. Меня до сих пор трясет от ярости, стоит вспомнить о том, что устроил отец, но сейчас я могу думать только о Мэйс.

— Должно быть по-другому?

— Дигтхарл сказал, что ты снова у доктора. Я так волновалась...

— Дело не во мне, мам. Плохо стало Вирне.

От моих прикосновений.

У Мэйс на меня аллергия. Как бы бредово это ни звучало.

— Мы можем с тобой поговорить? Прямо сейчас.

Она кивнула в сторону своих комнат, тем самым показывая мне, что отказ не принимается. Но я и не собирался отказываться: мне самому нужно было с кем-то поговорить. Чтобы разобраться в том, что случилось на самом деле, и что со всем этим мне делать теперь. Шадар направился за нами, и то, что за мной он ходит лично — это хидрец. Полный.

В маминой личной гостиной светло, отчего случившееся кажется мне странным сюрреалистичным сном.

— Твой отец мне все рассказал. — Мама кивнула мне на диван, на который я опустился, а сама отошла к окну. — Про то, что ты изменился.

— Про то, что я больше не прогибаюсь под него, а думаю собственной головой?

— Он сказал, что с тех пор, как ты познакомился с этой девочкой, ты перестал заботиться...

— О его репутации? — Я сжал кулаки.

— О себе, Лайтнер. Ты перестал заботиться о себе. Ты едва не погиб, когда прыгнул в океан. И когда лишился своей силы. Ты воспользовался моей силой, чтобы драться с другим студентом. И сегодня! У тебя снова ее нет!

— У меня ее нет?!

— Лайтнер! Ты должен оставить эту девочку в покое!

Мамин голос дрожал, и впервые за всю мою жизнь она сорвалась на крик. Но не это меня удивило. Удивили ее слова.

— Ты говорила, что поддержишь меня. — Я подскочил с дивана, и перед глазами снова вспыхнули огненные искры. — В любом случае!

— Я была неправа. Не знала, что все зашло так далеко, и что тебя это разрушает.

— Если что-то меня и разрушает, так это отцовские приказы! Это он тебя попросил поговорить со мной? Сказать именно это. Хотя о чем я? Попросил, как же! Скорее приказал.

— Нет, он здесь не при чем, — мама качает головой. — Я должна была рассказать тебе обо всем сразу. Как только увидела ту улыбку, и узнала, что ты влюбился в эту девочку. Потому что когда-то я была на твоём месте. Я тоже любила человека.

— Что? — переспрашиваю я. — Ты надо мной смеешься?

— Похоже, что я смеюсь?

Мама обхватывает себя руками и резко поворачивается ко мне спиной. Отчего я чувствую себя крайне мерзко.

Хидрец. Хидрец! И снова хидрец!

— Мам, это правда? Я хотел сказать... Как так получилось?

— Лоран работал в моем любимом во времена студенчества кафе, помогал отцу. Это было небольшое заведение с очень вкусными булочками, никто из моих подруг не хотел туда идти, потому что его держал человек, но... Я завтракала там каждое утро, и однажды мы разговорились. А после стали общаться. Я не любила студенческие вечеринки, но они помогали нам видеться: вместо того, чтобы идти с подружками, я проводила время с ним. Все свободное время мы тратили на прогулки по Ландорхорну или на посиделки в кафе у его отца. Тогда мне казалось, что у нас много общего. Что весь мир... только для нас.

Голос мамы звучит тихо, но для меня каждая новая фраза подобна раскату грома. Потому что ее история слишком напоминает мою.

— Я увлеклась... Нет, влюбилась в него так, что не представляла себе жизни без Лорана. И он отвечал мне взаимностью. Но мой отец об этом узнал.

Я напрягаюсь, застываю и не свожу с нее глаз. Дед умер, когда мне было восемь, но по воспоминаниям из детства он был похож на моего отца: властный, деспотичный, считающий, что все должны делать так, как скажет он.

— И что он сделал?

Мама снова поворачивается ко мне, но ее лицо белое, как стены комнаты.

— Поговорил с Лораном.

— Поговорил?

— Да, просто поговорил.

— Он ему угрожал?!

Мама качает головой.

— Нет, Лайтнер, он предложил ему деньги. Достаточно крупную сумму. Взамен Лоран должен был забыть про меня. Он так и сделал. Взял деньги и исчез из моей жизни. Его отец продал свой семейный бизнес, они переехали.

— Ты не пыталась с ним связаться?

— Пыталась, — горько усмехается мама. — Множество раз. И однажды мне это удалось, я сбежала и нашла его. Вот только человек, которого я любила не захотел меня видеть. Он боялся, что если нас заметят вместе, у него отберут то, что дали. Мне пришлось уйти и забыть эту историю.

За боль в ее глазах мне хочется отыскать этого Лорана и хорошенько ему вломить. Но эта история совершенно не имеет никакого отношения к Мэйс. Моя девушка-океан — гордая и независимая. И больше всего на свете она ценит близких, дружбу и любовь. Пусть она нуждается в деньгах, но никогда в жизни она не поступит так.

— Это ничего не доказывает! — говорю я. — Если бы дел не сделал этого, все могло быть иначе.

— Это доказывает, что вьерхи и люди мыслят по-разному.

— А отец вообще считает, что планета должна вертеться вокруг него! Хватит, мам. Хватит решать за меня. Я сожалею, что у тебя получилось так, и что этот твой Лоран трусил и сбежал. Но я не он. Я не оставляю Вирну!

Мама хочет что-то сказать, но в этот момент новый тапет оживает сигналом входящего звонка. Выхватываю его молниеносно, но к сожалению, это не Мэйс, а Хар.

— Лайт, ты куда провалился?

— Никуда.

— Тут...

— Ты немного не вовремя, — перебиваю я его. — Совсем не вовремя.

— Все в порядке?

Это слишком долгий разговор, в двух словах не объяснишь, к тому же мама не сводит с меня глаз.

— В полном, — отвечаю я.

— Отлично. Тогда найди две секунды: тебя ищет Вирна. Вы что...

Связь обрывается так резко, что я не сразу понимаю, что произошло. Я пытаюсь перезвонить Другу, но номер оказывается заблокированным. Тогда я набираю Мэйс, но она тоже не отвечает на звонок.

Что за хидрец?!

Тебя ищет Вирна.

Если ищет, то где она?

Только тогда до меня доходит, почему у меня новый тапет. Кто-то перехватывает мои звонки и мою почту. Кто-то? Отец.

Конечно же, это приказ отца.

— Он в курсе, что это противозаконно? — интересуюсь у матери, сжимая тапет так, что он трещит. Будь во мне капля силы вьерха, к едхам расплавил бы его! — Все его приказы. Все эти манипуляции. Давление на людей и на вьерхов. Меня воротит от его методов! Меня воротит от него!

Последнее я цежу сквозь зубы.

Тебя ищет Вирна.

Одной фразы достаточно, чтобы сорвать последние тормоза.

— Лайтнер, успокойся! — мама подходит ближе и обнимает меня. — Ты меня пугаешь!

Я не собираюсь обнимать ее в ответ. Единственное, что мне хочется — уехать и никогда сюда не возвращаться.

— Прикажи им меня отпустить, — говорю я.

— Что? — Глаза мамы расширяются, когда она вскидывает голову и смотрит на меня.

— Ты жена Диггхарда К'ярда. Прикажи Шадару меня отпустить.

Она бледнеет.

— Лайтнер, я не могу.

— Не можешь или не хочешь? Ты же хотела мне помочь, так помоги. Сейчас!

На лице мамы мелькает сожаление, и я высвобождаюсь из ее объятий, отталкиваю от себя.

— Значит, ты с ним заодно.

Я шагаю к двери, но мама вдруг бледнеет еще сильнее, охает и начинает оседать к моим ногам.

Дальше все превращается в вихрь: настолько быстро все происходит. Я успеваю подхватить маму и отнести ее в спальню, приказываю Шадару, чтобы он вызвал доктора, а сам не отхожу от ее постели. До самого появления Э'рера. Только тогда он выпроваживает меня обратно в гостиную.

И в мой ночной кошмар.

Второй раз за день от моих рук страдает женщина, которая мне дорога.

Сначала Вирна, теперь мама.

Единственное, что приходится делать — ждать и раз за разом тонуть в чувстве вины.

Я слишком далеко зашел. Слишком много всего наговорил. Хотя она здесь ни при чем. Отец держит ее точно так же, как пытается удержать меня. С ним я и буду говорить.

— У нее был очередной приступ, — объясняет доктор, появляясь в гостиной вместе со своим ассистентом, — поэтому сейчас ей нужен покой. Позаботься о том, чтобы ее ничего не беспокоило.

Я мрачно киваю, хотя напряжение в груди немного отпускает. Хорошо, что с мамой все в порядке.

— Насчет Мэйс...

— Девушка не приняла мое предложение изучить ее заболевание. Поэтому ничем больше не могу помочь тебе, Лайтнер.

— Вы и так помогли, — говорю, но в моем голосе больше сарказма, чем благодарности.

После ухода доктора я остаюсь возле матери. Она по-прежнему бледная, но ее дыхание ровное и спокойное.

— Прости меня, — шепчу, целую ее в щеку.

Я все исправлю.

Должен исправить.

Должен позаботиться и о маме, и о Вирне.

Поэтому поднимаюсь и оглядываюсь. Потом заглядываю в прикроватную тумбочку — пусто, перерываю покрывало — тоже ничего нет. Возвращаюсь в гостиную и переворачиваю все, что можно, даже диванные подушки.

— Это ищешь? — интересуется отец с порога. В его руках светлый тапет матери. — Чего я точно не ждал, так это того, что мой сын будет вести себя как вор.

Я выпрямляюсь и встречаю его взгляд.

— Ты не оставил мне выбора, — морщусь. Вижу его, и все во мне вспыхивает от ярости.

— Ну почему же не оставил? Ты всегда можешь начата действовать как К'ярд.

— По-моему, мы уже разобрались, что я недостоин этой фамилии.

Беру себя в руки, потому что новой ссорой с отцом ничего никому не докажу.

— Достоин, просто предпочел об этом забыть и занимаешься глупостями.

— Глупостями я занимался, когда пытался быть похожим на тебя.

— Тебе не нужно быть похожим на меня. Достаточно избавиться от мыслей о том, что между тобой и девчонкой из трущоб может что-то быть. И я предоставил тебе такую возможность.

До меня не сразу доходит смысл его слов, а когда доходит, сердце словно сжимает ледяная рука.

— Что ты сделал с Вирной? — спрашиваю тихо, хотя больше всего на свете хочется схватить отца и вытрясти из него правду.

— Предложил ей лучшую жизнь.

— Что?

— Девчонка оказалась гораздо умнее тебя и взяла деньги. Что снова доказывает мою теорию, что люди — другие. И я ее даже понимаю, у нее есть сестры, которых нужно кормить.

— Взял на вооружение метод деда?

Отец прищуривается.

— Значит, мать рассказала тебе? Хорошо. Нет, сын, это я ему в свое время подсказал, как просто избавиться от навязчивого внимания человека и одновременно сделать доброе дело.

Я не верю своим ушам. Это не может быть. Про Мэйс. Она бы никогда...

— Правда я считаю, — продолжает отец, — что даже это слишком хорошо для тех, кто готов виться возле вьерхов, только чтобы урвать себе кусок.

Я сжимаю кулаки.

— Ей не нужны были мои деньги!

— Значит, нужны были мои, — усмехается он.

— Я должен ее увидеть, — говорю. — Убедиться, что ты говоришь правду.

Взгляд отца становится более жестким.

— Это лишнее. Главное условие нашей с девчонкой сделки — то, что она больше к тебе не приблизится и не станет отвечать на твои звонки. Нарушит его, ничего не получит. Хочешь лишить ее всего, к чему она так стремилась?

Нет, не хочу.

Все, чего я хочу — быть рядом с Вирной.

Что отец сказал ей? Чем угрожал? Наверняка, было что-то еще, если она и согласилась на его условия! Но узнать об этом я могу только от нее.

— А что насчет меня? Я так и буду безвылазно сидеть дома? И лаже по тапету не могу общаться с друзьями?

— Это превентивные меры. Когда я окончательно буду уверен в том, что ты образумился, сможешь свободно передвигаться по Ландорхорну. И мой тебе совет, Лайтнер — не пытайся меня переиграть.

Отец кивает в сторону комнаты матери и уходит, а мне остается только бессильно сжимать кулаки и убеждать себя, что нужно просто подождать.

Оставшуюся часть выходных мне хотелось утопить. Потому что они превратились в едхову бесконечность. Только уверенность, что в Кэйпдоре я смогу встретиться и поговорить с Вирной держала меня наплаву.

Только она была моим воздухом.

Первым делом я узнаю, какая сейчас пара у Мэйс и, наплевав на собственную, направляюсь в нужную аудиторию. Но Вирны нигде не видно, зато я замечаю М'эль.

— Кьяна! Где Мэйс? У вас была общая работа.

— Была, — подтверждает девушка. — Но Бирна забрала документы. Она больше не учится в Кэйпдоре. Я только сейчас узнала от Н'етха.

Она говорит, и каждое ее слово как валун, который скатывается в горы и падает мне на голову. Что значит, забрала? Мэйс дорожит учебой, как ничем другим.

— Это все из-за тебя? — Кьяна грозно сверкает глазами. — Что ты сделал?

— Просто предложил стать моей девушкой.

А когда она согласилась, начался весь этот кошмар.

Пока Кьяна удивленно моргает, я протягиваю руку:

— Можешь дать свой тапет? Я хочу позвонить ей. Это очень важно.

К счастью, больше не приходится ей ничего объяснять.

— Держи. Но я уже пыталась. Она не отвечает.

Я набираю Вирну, но эффект тот же, как если бы я звонил с собственного.

Тишина.

— Спасибо, — возвращаю Кьяне ее тапет.

— Может, объяснишь, что происходит?

— Я не знаю, — пожимаю плечами.

Действительно, не знаю.

— Мне нужен Хар.

— Я иду с тобой, — решительно заявляет Кьяна. — И не отстану, пока все не объяснишь.

Приходится согласиться. Тем более она все равно узнает: у них с Харом все серьезно. Так же как и у нас с Мэйс.

Серьезно ли?

Стараюсь об этом не думать. Связываюсь с другом по тапету Кьяны, мы встречаемся на стадионе, и меня определенно радует, что из-за угла не выпрыгивает охрана. Потому что то, о чем я собираюсь попросить друга, определенно глупость по версии отца.

Я рассказываю друзьям обо всем случившемся. И о том, что Вирне стало плохо, и о том, что произошло потом, объясняя почему дозвониться до меня теперь сложно. Что тема Мэйс теперь под запретом.

— Ты веришь ему? — спрашивает Хар, который молча выслушивает мою историю.

— Нет, — отрезаю я. — Именно поэтому прошу тебя съездить к ней домой. Если отец ей угрожает, я должен об этом знать.

Хар переглядывается с Кьяной и кивает.

— Конечно, — обещает друг. — Скинь точный адрес. Поеду сейчас же и передам новости через Кьяну.

Мы договорились, что не станем привлекать внимание, так что я оправился на политологию, но Кьяна нашла меня сразу после следующего урока. И по ее сдвинутым бровям я понимаю, что ничего хорошего она не скажет.

— Хар сказал, что дома никого нет... — Девушка колеблется и растерянно смотрит на меня, словно что-то не договаривает.

— Что-то еще?

— Дом не заперт. Вещей нет. Лайт, ничего такого... просто, похоже... что оттуда уехали.

Едх!

Я не представляю, что делать, и судя по лицу Кьяны, она тоже не представляет.

— Бабочка, — говорю я. — Помнишь этот клуб? Она там работает. Но только ночью.

— Это не проблема, — кивает Кьяна.

Мне снова приходится ждать, и надеяться, что Вирна найдется, и что я не теряю время зря, когда я ей нужен.

Засыпая, я думаю только о своей девушке-океане. О том, как все могло сложиться иначе, если бы Э'рер не растрепал все отцу. И о том, что я должен поговорить с ней как можно скорее.

Утром Хар ждет меня на стадионе, и я, замечая его фигуру, срываюсь практически на бег. Но друг не улыбается.

— Не нашел?

— Нашел, — отвечает он нехотя. — Даже говорил с ней.

Тон друга мне нравится даже гораздо меньше его настроения.

— Что она сказала?

Хар колеблется, и я выхожу из себя:

— Говори!

— Сказала, что больше не хочет тебя видеть. Никогда.

— И все?

— Да.

— Ты не пытался все ей объяснить? Не пытался сказать, что произошло, почему я...

— Пытался. Она сказала, что это не имеет значения.

Я отшатываюсь от него и опускаюсь на скамью. Падаю на нее.

Отец сказал правду? Мэйс просто от меня отказалась.

Глава 37

Новая жизнь

Вирна Мэйс

Вартас смотрит по сторонам: видно, что ему не по себе. Мне еще больше не по себе, но другого выхода из сложившейся ситуации я не вижу. Поэтому наблюдаю за ним, стоя у соседнего здания, в тени излома высоты, построенной как перекрестье двух линий. Долго стоять не получится, приходится сделать глубокий вдох и идти к нему. Быстро.

На меня смотрят.

На меня теперь все смотрят, хотя раньше я была невидимкой. Причина тому — новая одежда. Я одета как Дженна, или, может быть, как Лэйс — если бы у нее были деньги на такие шмотки. А еще у меня мой цвет волос. Ту длину, которая была совсем темной, как океанская глубина, восстановить было легче, и цвет на нее лег легко. Совсем светлые спасти не удалось, поэтому сейчас волосы у меня до талии. Заплетены в необычную косу, к которой я бы раньше даже подступиться не смогла. Стилист Дженны потратила на меня полдня, прежде чем у меня начало получаться что-то более-менее адекватное. Сейчас я могу сделать эту прическу, даже если меня разбудить посреди ночи.

Впрочем, меня никто не будит.

В том районе, где сейчас живу я — на Четвертом, в паре кварталов от «Бабочки», окна в квартире настолько глухие, что не слышно ничего, что происходит на улице. Звукоизоляция в самом доме тоже шикарная: от соседей не доносится ни звука.

У меня новая квартира, новая жизнь и новая цель.

Потому что от старой ничего не осталось.

Не уверена, что что-то осталось от старой меня.

Вартас как раз поворачивается ко мне спиной, и я делаю то, чего в принципе никогда не делала раньше. Просто подхожу и закрываю ему глаза руками.

— Вирна?! — Он оборачивается слишком резко, и в недоумении смотрит на меня.

Впрочем, я даже понять его могу: первые пару дней я смотрела на себя в точности так же, сейчас привыкла.

— Какого...

Я не даю ему договорить, почти касаюсь губами губ. Со стороны должно выглядеть так, будто и впрямь касаюсь.

— Пройдемся.

К счастью, он не собирается выяснять все на месте, просто предлагает мне руку, и я кладу ладонь на сгиб его локтя. Мы шагаем по улице как самая обычная пара, хотя ничего обычного в нас нет. И мы совершенно точно не пара.

— Вирна, что все это значит?! Куда ты пропала? Я не мог с тобой связаться...

— Я стану ныряльщицей.

Это перебивает поток вопросов сразу же: Вартас замолкает, а я делаю вид, что рассматриваю витрины и неоновые огни. Наверное, будь все иначе, я бы действительно их рассматривала. Несмотря на то, что вся моя жизнь прошла в Ландорхорне, этот мир — мир богатства, роскоши, всевозможного изобилия — для меня чужой. Новый. Непознанный.

— С ума сошла?! — резко выдыхает он, когда обретает дар речи.

— Не останавливайся, — отвечаю с милой улыбкой.

Временами мне кажется, что она ко мне приклеилась, и когда надо будет изобразить другую эмоцию, у меня просто не получится. К счастью, сейчас мне другие эмоции не нужны, а с улыбкой мне здорово помогла «Бабочка», я отточила ее на работе до совершенства, поэтому сейчас для меня это просто раз плюнуть.

— За нами наверняка следят, так что сделай вид, что ты мой парень. И лицо попроще.

Вартас вдыхает и выдыхает сквозь стиснутые зубы.

— Ты сошла с ума.

— Нет. Я просто хочу все изменить.

— Что — все? — Он смотрит мне в глаза. — Что — все, Вирна?

— Потом я тебе все расскажу.

— Почему не сейчас?

— Потому что это долгий разговор, и не уверена, что его стоит вести на улице.

Он снова вздыхает.

— Ладно. Зачем тогда ты меня позвала?

Я бросаю на него взгляд: достаточно короткий, чтобы он не показался пристальным, и достаточно долгий, чтобы изучить выражение его лица — напряженное, сосредоточенное. Разумеется, я не собираюсь втягивать его во все это, мне просто нужна его помощь. Мне нужно забрать сестер, а без него сделать это будет крайне проблематично. Нельзя, чтобы о Зорге и о его доме кто-то узнал, пусть даже это Дженна и Ригман. В том, что Н'эргес будет за мной следить, особенно первое время, я не сомневаюсь. Поэтому мне нужен кто-то, кто может помочь.

Кто-то, кто точно не проболтается.

И Вартас идеально подходит.

— Мне нужно оторваться от слежки, — говорю я. — Но я не представляю, как это сделать без твоей помощи.

— Я, если честно, не представляю, как это сделать с моей помощью. — С губ его срывается смешок. — Вирна, во что ты встряла?!

Я не отвечаю.

Первый порыв, когда я влетела в кабинет Дженны, уже прошел, осталась только холодная решимость. Я сразу сообщила им, что доступа к К'ярдам у меня нет и больше не будет, и что я хочу продолжить дело Лэйс. Удивительно, но они согласились, и теперь большая часть моего свободного времени проходит в бассейне. Мне это стоит немалых усилий, и меня начинает колотить, стоит мне оказаться под водой, тем не менее я не сдаюсь. Совсем скоро мы поедем к морю, за Пятнадцатым с моей стороны.

У нас будет, как выразилась Дженна, тесное погружение.

— Придется придумать, — отвечаю я.

Рассказываю ему только самую суть, избегая всего, что касается нас с Лайтнером и Эн. Про Эн я вообще стараюсь не думать, равно как и про обещание, данное ему. Впрочем, я уже нарушила столько всего, что одно маленькое обещание ничего не изменит. Мне нельзя приближаться к Лайтнеру, и дело вовсе не в его отце. Дело в Дженне и в Н'эргесе, во всем, что нас разделяет.

Между нами целый мир, поделенный чертой между верхами и людьми, и чем быстрее все случившееся останется в прошлом, тем лучше. Я не думаю о том, «осознал» ли он свою «ошибку» (как сказал его отец) или нет, по сути, это не так уж важно. Наверное. Вообще в том, что касается «нас», во мне все находится в глубокой заморозке, и пусть оно лучше так остается. По крайней мере, я могу спокойно ходить по улицам, а не лежать на кровати, подтянув колени к груди и уткнувшись в них лицом.

— Вирна, — произносит Вартас, когда я замолкаю. — А о них ты подумала? Что будет с ними, если ты исчезнешь — так же, как Лэйс?

— Я не исчезну.

— Уверена?! Думаешь, она собиралась исчезнуть?! — Он хватается меня за руку и разворачивает лицом к себе, но я стряхиваю его ладонь.

— Не кричи.

— Не кричи?! Да что с тобой происходит?!

Ничего.

Со мной не происходит ровным счетом ничего — с той самой минуты, как я проснулась у доктора в одиночестве. Хотя моя жизнь наполнена событиями, открытиями, действиями, со мной исключительно пустота, и эта пустота позволяет мне двигаться дальше.

— Ты мне pomoжeшь? — спрашиваю я.

Наверное, с тем же успехом задать такой вопрос мог механический работник на особо опасном производстве. Я касаюсь его щек пальцами, но не чувствую ничего, и это по-своему хорошо.

— Вирна...

— Ты мне pomoжeшь? — повторяю уже резче, глядя ему в глаза.

С губ Вартаса срывается ругательство, он отворачивается. На миг.

Потом перехватывает мои запястья и смотрит мне в глаза:

— Уверена, что с тобой им будет безопаснее?

— Уверена, — говорю я. — Мои сестры будут знать правду. Я не оставлю их в неведении. И я приму меры, чтобы с ними ничего не случилось.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — цедит он, а потом выдыхает. — Да. Я тебе помогу.

— Вот и чудесно, — отвечаю я и беру его под руку. — Пойдем. Выпьем льяри.

Время шло, но для меня оно как будто застыло.

«Бабочка» — работа, улыбки, разнос еды и напитков, дом — опущенные жалюзи и сны без сновидений, бассейн — и новые попытки уйти под воду или держаться на ней, не испытывая дикого, всепоглощающего страха. Наверное, только в эти минуты я оживала, страх пробуждал во мне что-то настоящее, человеческое, не похожее на следование заданной программе. Впрочем, бассейн пробуждал кое-что еще.

Воспоминания о том, как меня учил плавать Лайтнер.

Как он ко мне прикасался.

И как я впитывала его прикосновения всей кожей.

Что произошло у меня дома, я не представляла, и представлять не хотела, но иногда мыслями все же возвращалась к тому странному случаю и к словам доктора о совершенно необычной реакции на силу вверху. Сила вверху.

Значит, она к нему все-таки вернулась?

Или это была реакция на силу его отца? Но почему тогда ее не было раньше?

Все эти вопросы больше не имели смысла, но они то и дело возникали в моей голове. Преимущественно после тренировок в бассейне. Дженна наняла для меня тренера, очаровательную девушку, которая спустя несколько дней перестала быть очаровательной, потому что считала меня безнадёжной. В ее глазах это читалось явно, это, а еще то, что она не знает, как со мной быть, потому что я не поддавалась ни жесткому прессингу, ни аккуратным уговорам.

Точнее, я бы и рада была поплыть.

Но я не могла.

— Вирна, ну и лицо у тебя, — пробегая, шепнула Тимри. — Случилось что-то?

— Все нормально. — Я тут же вернулась в реальность.

Выпадения из нее допустимы дома, когда я лежу, широко распахнутыми глазами изучая потолок и считая на нем светильники (в тысячный раз), или даже в бассейне. Но не на работе.

У стойки я забрала заказы и, едва успела разнести, когда ко мне подскочил Сьерг Нихэм. С ним мы пересекались редко: он был заместителем Дженны и отвечал преимущественно за порядок в зале.

— Мэйс! — прошептал он. — Мэйс, тебя требуют в ВИП-ложу.

Я приподняла брови:

— Сьерг, обычно такое решается в самом начале вечера. У меня семь столиков, и отдых за ними идет полным ходом...

— Да, я знаю, это не по правилам, но девушка очень просила. Сказала, что хочет именно тебя, так что давай. Я раскидаю твои заказы по другим девочкам, а ты поднимайся.

— Погоди. Ты сказал девушка?

— Да, так и сказал. — На лице управляющего проступило раздражение. — Ты в курсе, сколько они платят за ложу? Да не стой же столбом, Мэйс.

Он выдернул из моих рук поднос, а потом подтолкнул в сторону лестницы. В последнее время она перестала быть для меня чем-то особенным, я уже обслуживала ВИП-ложи, и ничего страшного там не случалось. В первом случае это была пожилая пара, которая задумала отдохнуть, чтобы им никто не мешал, во втором — представительный вьерх, который больше общался по тапету, чем обращал внимание на меня.

Словом, девушка так девушка.

Я отметила, что с моего браслета исчезли номера столиков, которые начинали мигать желтым, когда гости собирались сделать заказ, и появилась надпись: ВИП-обслуживание. Да, в «Бабочке» все делается быстро.

Ступеньки, поворот направо, в шестую, дежурные улыбки охране.

Я оказалась внутри, но диванчик был пуст.

— Вирна!

От раздавшегося за спиной голоса я вздрогнула. Медленно обернулась:

— Кьяна?

Она стояла, нахмурившись, сложив руки на груди.

— Знаешь, то, что мне нужно покупать ВИП-ложу, чтобы с тобой поговорить — это ненормально.

— Может быть.

— Может быть?! Ты не отвечала на мои звонки! Ты мне вообще не отвечала!

— Зачем? Я все уже сказала Хару.

Кьяна приподняла брови.

— Думаешь, я в это поверю?

— Мне совершенно неважно, во что ты веришь, — ответила я. И тут же добавила: — Хочешь что-нибудь заказать?

— Да! Напиток для прочистки мозгов. Есть у вас такой? — Она шагнула ко мне. Это было настолько на нее непохоже — всегда уравновешенная и непробиваемая Кьяна сейчас разве что не искрилась.

— Занятная шутка.

— Ты... — Кьяна плотно сжала губы. — Ты... что он тебе сказал?

— Кто?

— Кто?! Диггхард К'ярд, разумеется!

— Предложил денег. Я согласилась. На этом все.

— Не все. Это на тебя непохоже.

— Что именно? — уточнила я. — Брать деньги, в которых я так нуждаюсь?

Теперь уже я вплотную приблизилась к ней.

— Или ты думаешь, что я встречалась с Лайтнером по большой любви?

Кьяна отшатнулась.

— Вирна! Что ты несешь?

— Правду. Правда не всегда бывает приятной, но тебе этого не понять.

Что ты несешь — это точно было про меня, и сейчас меня точно несло.

— Тебе не приходилось жить в продуваемом всеми ветрами домике и думать о том, что купить поесть — вчерашних булочек или сыра по распродаже. Не приходилось думать о том, что может хватить заплатить за свет, а может и нет — и тогда следующий месяц ты будешь коротать вечера, разгуливая везде с тапетом. Что молчишь? Думаешь, я родилась для этого, Кьяна? Нет. Я устала. Я хочу жить как вы. Хочу жить даже лучше. Дигтхард К'ярд просто дал мне такую возможность.

Кьяна покачала головой.

— Я не представляю, что на самом деле случилось, но...

— Тебе и не надо этого представлять. Достаточно представить, что тебе все время хочется есть — утром, в обед, вечером. Даже ночью. Со временем ты к этому привыкаешь, и голод перестает быть для тебя выматывающим. Ты даже перестаешь его замечать.

Глаза ее потемнели, а потом вспыхнули еще ярче.

— Я все равно не поверю в то, что ты говоришь.

— Как я уже сказала, мне совершенно без разницы, во что ты веришь. — Я сложила руки на груди. — Ты будешь что-то заказывать? Если нет, тогда я пойду. Мне гораздо интереснее обслуживать столики, с которых мне капает процент, чем торчать тут с тобой.

Кьяна молчит и просто смотрит на меня. Выносить ее взгляд становится физически тяжело, поэтому я разворачиваюсь.

— Прощай, Кьяна. Не нужно больше сюда приходить.

Не успеваю сделать и шага, как она перехватывает меня за руку:

— Вирна, постой!

Меня ударяет так сильно, что темнеет перед глазами, и судя по тому, что девушка с криком отдергивает руку, ее тоже. На моем запястье горят следы от ее пальцев, на ее ладони — точно так же отпечатался след от него. Перед глазами проясняется, и в этот миг она растерянно смотрит на меня.

— Что... что это?

— Аллергия, — говорю я. — На вьерхов.

И вылетаю из ложи.

Меня снова трясет, кожу жжет, как будто на нее накинута раскаленная браслет, перед глазами вспыхивают синие искры. Дышать становится трудно, и только внизу я понимаю, что почти бегу. Это заставляет остановиться, отдышаться и выйти в зал уже совершенно спокойно.

Насколько это возможно.

Доктор Э'рер говорил, что это моя реакция на вьерхов, но судя по виду Кьяны, не только моя. Ее тоже ударило — я видела растерянность, словно она пыталась прийти в себя, как после сильной пощечины. И следы на ее ладони.

Это же не может быть совпадением, правда?

То есть... Это не может быть реакцией вьерхов на меня? В смысле, на людей?

Или может?

Я решительно ничего не понимаю, поэтому как оглушенная подхожу к стойке. Следом к ней подлетает Сьерг.

— Мэйс, что случилось? Почему она передумала заказывать и уходит?! Что ты ей сказала?!

Я перевожу взгляд на него взгляд.

— Мэйс!

— Ее не устроил уровень цен. Девочка поняла, что не может себе такое позволить. Вы же видели, она слишком молоденькая.

Он смотрит недоверчиво, и без того маленькие глазки становятся совсем крохотными, лысина блестит от пота.

— Слушайте, переключите на меня мои столики. Мне нужно работать.

У Сьерга дергается бровь, тем не менее столики возвращаются ко мне. Я беру поднос и иду работать. А над тем, что случилось, подумаю позже.

Я чувствовала себя абсолютно разбитой, но заснуть не могла, как ни ворочалась с боку на бок. Обычно после смены в «Бабочке» я просто падала на постель и открывала глаза по будильнику, но сегодня сон не шел вовсе. Покрутившись на постели, которая превосходила мой диван по мягкости и удобству даже не представляю во сколько раз, я поднялась и подошла к окну. Подняла жалюзи, забралась на подоконник, и так и сидела, обхватив руками колени, глядя на безумную дневную жизнь Ландорхорна.

Раньше мне удавалось ее зацепить разве что краем глаза, проносясь в гусенице между станциями, но сейчас она предстала передо мной во всей красе. Вереницы эйрлатов, те же гусеницы, сверкающие на солнце высотки, кажется, впитавшие в себя всю его силу, потому что смотреть на них было почти больно.

Стоило, наверное, сделать льяри (да, у меня в квартире была машина, позволяющая загрузить в нее зерна, а на выходе получить напиток, и мне даже не нужно было беспокоиться об оплате счетов за электроэнергию, потому что все расходы взяла на себя Дженна), но я продолжала сидеть и смотреть на город. И думать о том, что в Кэйпдоре сейчас проходят занятия, и кажется, у нас по расписанию подводная зоология. Совместная с Лайтнером.

Точнее, у нас была бы подводная зоология.

И наверное, много чего могло бы быть, но уже не будет. Потому что если Мэйс — девчонке с Пятнадцатого, рядом с сыном правителя Ландорхорна было просто нечего делать, то Мэйс с Четвертого, которая скоро станет ныряльщицей — невозможно. Совсем скоро, если верить Дженне, мы окажемся по разные стороны. Совсем скоро я стану одной из тех, кто разрушит его мир, и кого он будет ненавидеть.

Когда силовая установка, контролирующая все побережье у Ландорхорна, будет отключена, когда мы представим доказательства ее существования миру, уже ничего не будет как прежде.

И все же разговор с Кьяной не шел у меня из головы. Ее взгляд, ее слова: «Я все равно не поверю в то, что ты мне говоришь». Равно как не шло из головы и случившееся: я потеряла запястье, на котором до сих пор оставались красные пятна, и вздохнула. С чем бы это ни было связано, это очень и очень странно. Единственная возможность во всем разобраться — связаться с доктором Э'рером, но мир въерхов теперь для меня закрыт.

Я свою сторону выбрала.

Завибрировал лежащий на столе тапет, и я спрыгнула с подоконника.

«Вирна, сейчас, — сообщение было от Вартаса. — Приезжай. Срочно».

Чем, спрашивается, я думала, когда ставила тапет на беззвучку? Если бы меня вырубило, как обычно, я бы просто этого не услышала.

Как бы там ни было, собралась я в считанные секунды, и уже спустя десять минут была в гусенице. План Вартаса, в общем-то, был прост: один их клиент пригонял эйрлат на обслуживание с утра, а забирал вечером после работы. Поскольку брат заказной или оплачивать прокат по понятным причинам мы не могли, оставался только такой вариант. Ну, скажем... такой вариант, который еще и подразумевал, что за нами не будет слежки. Потому что я зайду на станцию, а вылетим мы на эйрлате.

На чужом.

И если нас остановят...

К счастью, у Вартаса есть разрешение на вождение, и водить он умеет — именно по той самой причине, где он работает. Иногда клиенты оставляют транспорт, а потом просят его подогнать к тому или иному месту.

Но...

Какие могут быть «но», если мне нужно забрать сестер, и нужно, чтобы об этом месте никто не узнал? Правильно, никаких. И их не будет, так же, как не будет никаких «но», связанных с тем, чем я собираюсь заниматься.

Когда я вхожу на станцию, на меня первым делом натывается взглядом незнакомый парень. Сначала таращит глаза, потом присвистывает, а следом выходит Вартас.

— Джеки, уплывай.

Джеки показывает ему непристойный жест, потом вытирает руки о тряпку. До этого он копался во внутренностях эйрлата явно не первой свежести: краска у него на боках потертая, и сам он выглядит так, будто больше никуда и никогда не полетит.

— Должен будешь, — говорит Джеки. — И этой развалюхой станешь заниматься сам.

— Джеки в курсе? — интересуюсь я, когда парень скрывается из поля зрения.

— А ты как думаешь? Мне пришлось сказать, что у меня бурный роман, и что я хочу вывезти тебя на крутой тачке в город, чтобы произвести впечатление.

Я окидываю взглядом помещение: больше всего оно напоминает склад, хотя со стороны улицы выглядело просто как двухэтажное здание. На Шестом таких мало, но они есть, хотя преимущественно здесь однотипные коробки в двенадцать этажей. Вспомнилось, как Вартас сказал, что Лэйс вышла неподалеку на своих шпильках. Ну и что моя сестра забыла на Шестом?

— Вирна, нам надо торопиться.

Надо, поэтому я вытряхиваю себя из мыслей, и иду за ним к эйрлату, на который указал Вартас. Не такому красивому и легкому, как у Лайтнера, но явно дорогому и шикарному.

— Что будет, если владелец его хватится?

— Не хватится. Мы должны успеть.

— Сколько тебе пришлось заплатить Джеки?

— Ерунда.

— Не ерунда. Это мое дело.

— Вирна, потом.

Вартас кивает на сиденье, и я сажусь.

— Он точно тебя не сдаст?

— Точно. Я знаю его маленькие делишки, которые он проворачивает втайне от владельца — например, обслуживание без очереди и вне записи. Которые нигде не фиксируются.

Не то чтобы меня это успокаивает, хотя... да. Ненадолго становится спокойнее. Но только до той минуты, как Вартас затемняет стекла, и эйрлат выходит на улицу. Мне все время кажется, что сейчас тот, кого отправил Н'эргес, все поймет и последует за нами. Поэтому я неотрывно смотрю в зеркало заднего вида, как будто могу что-то там разглядеть. Когда Н'эргесу было надо, за мной следили, и я ничего не почувствовала.

— Вирна, расслабься! — говорит Вартас. — Лучше скажи мне, куда лететь.

— Пока что прямо до обводной.

Несмотря на то, что мы с Лайтнером были там всего один раз, дорога отпечаталась у меня в памяти. Я помню ее слишком хорошо, так что вполне могу изображать навигатор. Я и изображаю, командуя, где сойти с обводной, а потом как выйти на пустые земли за границей Ландорхорна.

Вартас изредка бросает на меня многозначительные взгляды, но я молчу.

— Не передумала? — все-таки спрашивает он спустя какое-то время.

— Нет.

— Ты еще можешь остаться в стороне.

— Я не хочу оставаться в стороне, — я смотрю ему в глаза. — Мои родители погибли, потому что верили в то, что могут изменить мир. Моя сестра пропала, потому что хотела его изменить.

— Ты не такая, как Лэйс.

— Это сейчас был комплимент или оскорбление?

— Это была констатация факта. В тебе нет ярости. И ненависти.

Да во мне сейчас ничего нет.

Я неосознанно потираю запястье, и взгляд Вар гаса вонзается в красные следы.

— Что это?!

Я молчу.

— Что это, Вирна?!

— Аллергия на вьерхов.

— Что?!

Мне приходится рассказать ему и об этом. На самом деле хорошо, что приходится, потому что чем ближе мы к домику Зорга, тем сильнее меня начинает потряхивать.

Когда я заканчиваю, молчит уже Вартас. Долго молчит. До той самой минуты, когда произносит:

— Вирна, ты понимаешь, во что ты лезешь?

— Более чем.

— Ты даже не знаешь, что с тобой происходит!

— Это вторично.

— Вторично?! То, что тебя шарахает от вьерхов, как от оголенных проводов? Ты про такое когда-нибудь слышала?!

— Про такое не слышала, — говорю я. — Зато слышала про поцелуй со смертельным исходом. В легенде.

— В какой еще легенде?

— Про лиархов. Там парень вышел из моря и влюбился во вьерху. Правда, прежде чем ему стало плохо, он достаточно долго жил на земле. По легенде он превратился в воду, когда ее поцеловал, хотя я не представляю, чем они занимались все время до этого, пока он жил у нее во дворце. Не за ручки же держались, честное слово.

Вартас вывернул рогатку: линия побережья изгибалась, открывая теперь уже полный вид на мыс Гор. Отсюда далекий, но не менее от этого прекрасный.

— Вот, кстати, она, — сказала я, указав на вонзающуюся в высокое небо скалу. — Ей тоже стало нехорошо.

— Да, Мэйс. Ты действительно сильно изменилась, — произнес Вартас, окинув меня пристальным взглядом.

— Ну так жизнь не стоит на месте.

Домик Зорга мы увидели сразу, и парень коснулся панели, снижая скорость, а заодно и заставляя эйрлат плавно снижаться. Я старалась не смотреть в сторону океана, но взглядом все равно цепляла сверкающую на солнце гладь, вспоротую белыми резцами зубов на рифах. Холодная иена ложилась на побережье, обманчиво подхватывая рассеянные в воде блики и заставляя вспоминать о том, как мы прилетали сюда с Лайтнером.

Так, все.

Сейчас я заберу сестер и забуду об этом месте.

Я повернулась, чтобы смотреть исключительно на домик Зорга, как раз в тот момент, когда его хозяин вышел на крыльцо. Сложив руки на груди, остановился, пристально глядя на нас — привычно непробиваемый и спокойный, как скала.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь. — Вартас заглушил двигатель и разблокировал двери.

Вместо ответа я толкнула дверь и первой вышла на побережье.

Глава 38

Выбор

Лайтнер К'ярд

— Как обстоят ваши дела с учебой?

Это был стандартный вопрос отца за завтраком. С тех пор, как он приставил ко мне телохранителей и решил контролировать мою жизнь до мельчайших деталей, наши общие завтраки тоже стали стандартными. Постоянными и похожими один на другой. И мой ответ также не меняется.

— Будто ты не знаешь. Спроси у Шадара.

Отец сверлит меня взглядом, от которого мигом пропадает аппетит. Хотя аппетита у меня уже давно нет: я ем, потому что мне надо есть. Его не устраивает такой ответ, но с ответами у меня, как и с аппетитом. Не добившись от меня ничего, отец переводит взгляд на брата:

— Джуборо?

— Все как обычно, — он пожимает плечами и оглядывается на пустой стул, на котором обычно сидела мама.

Доктор запретил ей вставать с постели, поэтому на завтрак она не спускается. Мама вообще почти все время спит, и нам редко удается поговорить. Но всякий раз, как я вижу ее — бледную, слабую, в моей груди будто начинают тлеть угли ярости. Потому что, если бы не отец, у мамы бы не случился приступ.

Если бы не отец, меня бы не пасли круглые сутки, как особо опасного преступника.

Если бы не отец, я был бы сейчас счастлив с Вирной.

Или не был бы.

Я не знаю, чем он ее запугал, или что пообещал, но факт оставался фактом — Мэйс от меня отказалась.

Отказалась от нас.

Если отказалась она, зачем держаться за это мне?

Впрочем, кое-чему меня вся эта ситуация точно научила. Можно сказать, раскрыла глаза. Теперь я смотрел на маму и думал, что вот это мое будущее. Не буквально, нет. Но отец меня сейчас продавит — как маму, как Вирну, как продавливают всех вокруг, и на этом все закончится. Я буду жить не своей жизнью, а той, которой прикажут жить.

— Без глупостей, — напоминает отец, когда я поднимаюсь из-за стола.

Под глупостями он подразумевает все, что не указано в его регламенте поведения сына Диггхарда К'ярда. То есть все, что делает меня мной.

Нравится мне такое?

Хочу я для себя такую жизнь?

Считаю ли я это глупостью?

Точно нет.

Поэтому я отвечаю честно:

— Не волнуйся, отец. Больше глупостей не будет.

С сегодняшнего дня я буду поступать правильно. Как посчитаю нужным. Другое дело, насколько тебе это понравится.

Самое время сделать выбор. Пока отец не запретил мне посещать Кэйпдор.

— Лайтнер, нам нужно поговорить!

Кьяна выныривает из-за колонны во внутреннем дворе академии, по которому я прохожу, и преграждает мне путь.

Ненавижу эту фразу. После нее обычно следует нечто неприятное. Но я останавливаюсь, всем видом показывая, что внимательно слушаю.

— О чем, Кьяна?

— Не о чем, а о ком. О Вирне!

Имя Мэйс ударяет в меня с силой гигантской волны, я сжимаю кулаки и шагаю дальше. Тем более что у меня есть дела.

— Нет. Больше ни слова о ней. Мы договорились.

— Это ты с Харом договаривался, не со мной.

— Хорошо, теперь договариваюсь с тобой. Не говори со мной о ней.

— Я с ней встречалась.

Мне это совершенно неинтересно. Неинтересно и точка.

— Ходила в «Бабочку».

— Дай угадаю, она сказала тебе, что у нее все прекрасно, теперь у нее есть деньги, а ты ей не нужна.

На лице Кьяны растерянность.

— Ну в общем, да, — кивает она. — Хотя я, в отличие от некоторых, не верю ни единому ее слову.

— Веришь или нет, мне наплевать. Мэйс, думаю, тоже наплевать. На тебя в том числе.

— Она меня обожгла.

Это заставляет меня остановиться.

— В каком смысле?

Кьяна протягивает мне раскрытую ладонь, которая выглядит так, будто ее облили кипятком — красная и опухшая. Ничего необычного, но я уже видел такие следы. В ночь, когда мы с Мэйс виделись в последний раз. Видел на ней.

— Я решила, что ты должен это увидеть. Не стала залечивать.

— Откуда этот ожог?

— Я просто схватила ее за руку, и нас обожгло. Обоих. Я готова поклясться, у нее на запястье тоже остался след.

— Аллергия на вьерхов, — вспоминаю я. — Доктор Э'рер сказал, что это аллергия.

— Что за бред? — хмурится Кьяна. — А у меня тогда что? Аллергия на людей?

Я качаю головой.

— Я не знаю. Все это конечно любопытно. Но совершенно неважно.

— Что ты такое говоришь? Мэйс явно нужна помощь.

— А она ее просила? — рявкаю я, но тут же понижаю голос, чтобы не привлечь внимание: — Когда попросит, тогда найди меня.

Щеки Кьяны вспыхивают, а глаза яростно сверкают.

— Я думала, что рядом с Вирной ты изменился, Лайтнер. Стал лучше...

— Рядом с ней изменился, — перебиваю я, — но теперь я не с ней, и все вернулось на круги своя.

— Тогда нам действительно не о чем говорить.

Кьяна разворачивается и уходит, а я по инерции иду туда, куда шел. Но по пути останавливаюсь возле стенда расписания. Однажды мы здесь столкнулись с Мэйс и даже умудрились тогда не

наговорить друг другу гадостей. Теперь я хоть весь Кэйпдор обойду, ее не встречу. Сегодня подводная зоология, но ее там не будет.

Но и меня здесь тоже не будет.

У меня по расписанию сейчас должна быть история Ландорхорна, у Родреса тоже, и я нахожу его возле аудитории. Конечно, же в окружении подружек Д'ерри, но они меня не интересуют.

Я хлопаю бывшего друга по плечу и говорю:

— Родди, на пару минут.

Он бледнеет, раздраженно сжимает губы, но отходит со мной в сторону.

— Лайтнер, я думал, мы все обсудили в прошлый раз.

— Это не касается нашего прошлого разговора. Ну, почти. — Я достаю свой тапет и протягиваю ему. — У меня новый тапет, и я бы хотел установить на него все программы, которые были на прошлом. Понимаешь, о чем я?

Родрес прищуривается.

— Я хорошо заплачу.

— Мне не нужны твои деньги, К'ярд. Мне достаточно своих.

— Речь не только о деньгах. Я буду должен тебе любую услугу.

Парень перестает хмуриться и уже смотрит на протянутый тапет с интересом.

— Нужно время.

— Знаю, — киваю я. — Поэтому отдаю его тебе.

— Отдаешь? — Лицо Родди нужно видеть! Он еще не верит мне, но уже перехватывает тапет.

— До вечера, — уточняю я. — Сегодня загляну к тебе. Или не успеешь? Тогда вернешь мне его завтра, до первой пары. Дольше без него не протяну.

Родрес в замешательстве, он крутит тапет в руках, включает его, проверяя на отсутствие пароля для входа.

— Какие именно программы тебе нужны, Лайт?

Уверен, Родди может установить на него много всего интересного. Как и скачать с него все, что угодно. Правда, все самое интересное — к примеру, личную переписку, я уже стер. Безвозвратно.

Я оглядываюсь, демонстрируя, что не хочу, чтобы нас кто-то подслушал, но другим студентам до нас нет дела, а подружки Д'ерри стоят слишком далеко, чтобы до них доносилось хотя бы слово.

— Главное — то приложение, что помогает отследить любого по тапету. Ты говорил, что сам его создал.

— Да, это я его написал.

— Я так понял, ты показал его родителям. Видел у вас экран на стене, твоя мама отслеживала твои перемещения по городу через тапет.

Родрес морщится, но кивает:

— Не только через тапет. Через любую электронику. Будь это часы или эйрлат. Но понимаешь...

Значит, нужна электроника. Отлично.

— Понимаю! — Я хлопаю его по плечу. — Мам надо беречь и не мотать им нервы.

— Ты правда так считаешь?

— У моей мамы недавно был очередной приступ. До сих пор с постели не встает.

Родрес становится еще серьезнее.

— Сочувствую.

— Спасибо. Так что насчет вечера? Вернешь тапет?

— Постараюсь. Но ты мне будешь должен, — напоминает Родди.

— Сочтемся.

Я почти ухожу, но тут слышу свое имя. Оглядываюсь и вижу, как к нам направляется Ромина. Собственной персоной и даже без гадкой ухмылки на лице.

— Привет, Лайтнер. Я слышала, что произошло.

В моей жизни за последние дни случилось столько едхой задницы, что я понятия не имею, о чем конкретно она говорит.

— О чем именно?

— О том, что Мэйс забрала документы из Кэйпдора! Как она могла так поступить? Это же такой шанс! Я знаю, что мы должны быть снисходительны к людям. У них совершенно другая культура и образ жизни...

— Если ты об этом, — перебиваю я, — то ее дела меня больше не касаются. Между нами все кончено.

Д'ерри до этого момента красиво играющая свою роль на несколько мгновений из нее выпадает. От меня не ускользает самодовольная ухмылка Ромины, которую, впрочем, она старается спрятать за участием. Она отодвигает Родди в сторону, подхватывает меня под руку и уводит в коридор со словами: «Это личный разговор».

Родресу вряд ли это нравится, но он не решается ей возразить.

— Вы расстались? — доверительно спрашивает она, когда мы оказывается в небольшой нише. Здесь только узкое окно на внутренний двор академии и дверь, ведущая в какую-то подсобку. — Почему?

— Тебе не кажется, что наедине нам не нужно притворяться?

— Не нужно. — Она складывает руки на груди. — И в этом особая прелесть наших отношений, Лайт. Искренность.

— Хочешь знать правду? Она меня бросила. Теперь можешь начинать злорадствовать.

— Бросила? Она тебя бросила?

— Представь себе.

Изумление на лице Д'ерри сменяется смехом, который она совершенно не сдерживает.

— Я говорила, что она маруна. У нее точно мозги отсутствуют.

Я приподнимаю брови.

— Скажи еще, что ты со мной не согласен, — хмыкает она. — А я с самого начала знала, что она продуманная стерва.

Ромина вкладывает в свои слова такую концентрацию яда, что мне впервые за всю жизнь хочется ударить женщину. Но я мысленно считаю до десяти, и даже сила никак себя не проявляет.

— Можешь злорадствовать, сколько хочешь.

— Знаешь, не хочу злорадствовать, — снова улыбается Д'ерри. Она делает шаг ко мне и проводит пальчиками с длинными ногтями по моей груди. — Мы знаем друг друга с детства. Знаем как никто другой. Мы же изначально из-за нее и поссорились. Из-за этой Мэйс. И теперь, когда ее нет...

Я затыкаю ей рот поцелуем. Глубоким, страстным, таким, что Ромина сначала напрягается, не ожидая такого напора, но почти сразу мигмом расслабляется в моих объятиях. Подается вперед, когда я скольжу ладонями по ее спине и кладу их на задницу Д'ерри, с силой сжимая пальцы.

Вот тогда Ромина отталкивает меня, разве что не впечатывая в стену.

Она тяжело дышит, глаза сверкают.

— Не торопись, Лайтнер. Или ты думаешь, что я готова так быстро все забыть? Тебе придется как

следует постараться, чтобы заслужить мое прощение.

— И что я должен для этого сделать?

— Скажу. Вечером. Или завтра. Когда захочу. — Она поправляет форменную рубашку так, чтобы еще лучше продемонстрировать формы. — А тебе лучше подумать над тем, что ты мне скажешь.

Д'ерри хитра, ее не так просто обвести вокруг пальца, как Родреса, но помимо прочего, она честолобива. Из-за возможности видеть меня у своих ног у нее отъезжают мозги: сколько себя помню, всегда так было. Она тащится от того, что тащатся от нее, и Родреса выбрала исключительно потому, что он готов ползать за ней и целовать каждый ее след.

— Подумаю. — Я улыбаюсь.

Глаза Д'ерри сияют торжеством, когда она уходит, но стоит ей завернуть за угол, моя улыбка тает.

Ромина права: мы слишком хорошо знаем друг друга. Я, например, в курсе, что в Академии она носит ключ от своего эйрлата в кармане формы.

Тот самый, что я сейчас сжимаю в ладони.

Ключ к моей свободе.

Поэтому я прячу его вместе с ладонью в карман брюк и заставляю себя идти спокойно.

Если Родрес прав, Шадар не хватится меня еще несколько часов, потому что мой тапет останется на занятиях. А когда хватится, я буду уже далеко.

Эйрлат Ромины выделяется на парковке. В отличие от черных и стальных, он белый с перламутром и переливается на солнце как морской жемчуг. Подарок судьи на ее совершеннолетие.

Это чистой воды импровизация, но я знаю, что мне нужно сделать. Просто использую свой шанс. Посылаю небольшой импульс в землю, по столбу с ближайшей камерой, благодаря чему она смещается в сторону. Сила полностью восстановилась и теперь слушается меня так, как никогда раньше. Второй импульс разворачивает другую камеру слегка влево, и эйрлат Д'ерри попадает в слепую зону.

Каждое мое действие может слегка усложнить Шадару задачу, а может и не усложнить. Но в любом случае, вряд ли он ждет от меня чего-то подобного. Пожалуй, это единственное мое преимущество. А остановиться... Остановиться я уже не могу.

Раздается писк разблокировки, и я оказываюсь внутри салона эйрлата. Машина оживает под моими пальцами на рогатке. Мои руки даже не подрагивают, когда я осторожно вывожу ее с территории Кэйпдора, минуя ворота и длинную подъездную дорогу. Кажется, что мне вот-вот преградит путь эйрлат безопасников, но ничего подобного не происходит. Все тихо и спокойно, и можно представить, что я в собственном эйрлате, отличие лишь в том, что в моем темные сиденья и не пахнет духами Д'ерри.

Этот запах раздражает чуть ли не сильнее ситуации, в которой я оказался. Поэтому, когда я оказываюсь где-то за Пятнадцатым кругом, останавливаю эйрлат и выбираюсь из него, то с огромнейшим наслаждением вдыхаю морской воздух. Он солью ощущается на языке, холодным ветром врывается в легкие.

Но для меня это и есть вкус свободы.

Свободы от отцовских правил.

От той жизни, которую я не выбирал.

Которую выбрали за меня.

Мэйс считает, что, если я К'ярд, то могу себе все позволить. Что вверху — повелители самой жизни. Что бы она сказала на это? На то, что мне приходится вести себя как преступник, только чтобы отстоять свои права. Впрочем, теперь я и есть преступник. Угнанный эйрлат — лучший пример.

Мэйс...

Мы бы могли сбежать вместе. Если бы она не сдалась. Не прогнулась под моего отца. Не повелась на его угрозы. Поговорила со мной.

Но она не стала. Не захотела.

Вспомнились слова Кьяны про эту едхову аллергию, про ожоги на коже. Все из-за этого? Или из-за чего-то еще? Если бы я мог понять, из-за чего...

В любом случае я не собирался разыскивать Вирну. Не потому, что отец проверит ее в первую очередь, а потому что она сама от меня отказалась. Отказалась от нас.

Как я сейчас отказываюсь ото всего, что меня здесь держит.

Я возвращаюсь в эйрлат и теперь огибаю мыс: здесь нет камер, поэтому я не рискую Эн. Шадар и политари будут искать меня на морском побережье, а не возле океана. Это собьет их с толку и позволит мне выиграть время. Но даже перед мысом Гор, сажая эйрлат на небольшой заросшей травой поляне в лесу, я глушу мотор и кладу ладонь на приборную доску. Еще один импульс, и электроника полностью выходит из строя.

Я захлопываю дверь эйрлата Ромины, швыряю ключи на землю и разбиваю их, а потом, набросив капюшон толстовки, углубляюсь к океану. Еще в Кэйпдоре я заглянул в раздевалку и сменил обычную форму на спортивную, чтобы было проще. Но отсюда до хижины Зорга тоже четыре-пять энтваллов.

Я мог бы предупредить Хара, но не стал. Ни его, ни Кьяну. Отцовские безоисники в первую очередь подумают на моих друзей, будут их проверять, а я не хочу для них проблем.

Если быть К'ярдом — значит, быть несвободным, то я не хочу быть К'ярдом. Но отец не позволит мне уйти. Буквально достанет из-под земли.

И единственная моя возможность от него освободиться — сбежать отсюда.

С помощью Эн пересечь океан.

Чем больше я об этом думаю, тем больше убеждаюсь, что это единственный выход. Другой город, другая жизнь. Зато буду зависеть исключительно от себя. Это вряд ли будет просто, потому что я не буду чувствовать силу несколько недель. Но даже в этом у меня уже есть опыт.

Ветер пронизывает, забирается под толстовку, и мне приходится согреться с помощью силы и ускорять шаг. Но я все равно выдыхаю с облегчением, когда выхожу к океанскому побережью и не чувствую удушья от его близости. Ведь если бы было иначе, мой план отправился бы под хвост едху. А так все правильно. Как и должно быть.

Перед встречей с раг'азной мне как минимум понадобится снаряжение. Поэтому я иду дальше, до самой хижины Зорга. Впрочем, когда я оказываюсь в бухте, то понимаю, что у него гости: у дома стоит незнакомый эйрлат. Едхов эйрлат, который скрывался за домом, и который я увидел только сейчас!

Я резко отступаю назад, но тут на пороге хижины появляется девушка с ярко-красными волосами. На ней короткая юбка, сапожки и блестящая куртка, на шее подхваченная ярко-синим шарфом.

Ярко-синим, как ее глаза: это я понимаю, когда она поворачивается в мою сторону.

И еще я понимаю, что передо мной...

Мэйс.

Глава 39

Между нами правда

Вирна Мэйс

Мне кажется, что у меня галлюцинации, хотя им взяться неоткуда. Но К'ярду тоже неоткуда тут взяться: сейчас разгар дня, он должен быть на подводной зоологии. На той самой, с которой началось наше знакомство, и лучше бы оно никогда не случилось. Потому что сейчас от желания попятиться и сбежать в дом меня отделяет только чувство собственного достоинства и мысль о том, что отсюда бежать некуда. Это пустынное побережье, и здесь...

— Вирна, там еще один рюкзак остался. А девчонки, кажется, счастливы... — Вартас выходит с рюкзаками на крыльцо, и это, кажется, худшее, что могло случиться.

Потому что его голос я только слышу, а вижу взгляд К'ярда, и он сначала становится темным, как земные недра, а потом таким же раскаленным, как то, что находится под толщей земли. В довершение ко всему он направляется к нам, и желание сбежать к сестрам становится прямо-таки непреодолимым, но вот сейчас этого точно нельзя делать. Мне надо пошевелиться или что-то сказать, или сделать хоть что-то, но я словно выросла каблуками в пол.

В тот самый, который по ощущениям проваливается ко всем едхам, и я падаю в эту трещину, все глубже и глубже, на самую глубину горящего огнем взгляда.

— Ну, Мэйс. Что застыла? Не хочешь поздороваться? — интересуется он, сунув руки в карманы.

Сейчас это выше моих сил, вот так стоять на крыльце и смотреть на него, поэтому я молча подхватываю, а если быть точной, выхватываю один рюкзак из рук Вартаса и несусь к эйрлату. Для этого мне приходится пройти мимо К'ярда, слишком близко, и от этого темнеет перед глазами. Пальцы начинают дрожать, и приходится с силой славить потрепанную петлю для вешалки на рюкзаке.

Вартас подходит к эйрлату следом за мной.

— Ты знала, что он здесь будет?

— Нет. — Голос срывается на хриплый шепот, приходится выждать пару секунд, прежде чем продолжить: — Не знала.

Рюкзаки мы складываем в багажник, после чего я поворачиваюсь к Вартасу:

— Сходи за девчонками. Пожалуйста.

Мне кажется не самой удачной идеей оставаться наедине с К'ярдом, но гораздо менее удачная идея — оставлять их с Вартасом. Напряжение над побережьем клубится и скручивается в тугие спирали, как надвигающийся ураган, хотя на небе сейчас ни облачка.

Вартас награждает меня пристальным взглядом, но все-таки идет к дому. Хоть бы Зоргу что-то понадобилось на побережье — я не представляю, что, но он же должен видеть, что к нему еще кое-кто пришел! Или ему без разницы?

Когда Вартас шагает к ступеням, К'ярд слегка сдвигается вправо и резко задевает его плечом. Выходит весьма ощутимо, но к счастью, Вартас лишь на мгновение цепляет его взглядом, а после взлетает по ступенькам и скрывается за дверями.

К'ярд подходит ко мне.

Я же не думала, что все будет так просто, правда? Но если молчать, и делать вид, что его здесь нет...

Это получается относительно, особенно когда он останавливается в двух шагах от меня, протягивает взглядом снизу вверх.

— Значит, так, да? — цедит сквозь зубы.

Я отворачиваюсь, но меня резко хватают за плечо и разворачивают лицом к себе.

— Не смей отворачиваться, когда я с тобой говорю.

— Не смей?! — Во мне вспыхивает такая ярость, что его руку я сбрасываю с непонятной,

непостижимой силой. — Кто ты вообще такой, чтобы говорить со мной в таком тоне?!

— Твой бывший парень, — говорит он. — Или тот, кого ты использовала, как последнего идиота? Скажи мне.

Вот теперь меня начинает трясти. Вся моя выдержка или все то, что я держала в себе годами, осыпается как осколки ракушек. Мне кажется, что еще немного — и я влеплю ему пощечину. Останавливает только то, что он прав. То есть, он считает, что он прав, и он должен так считать дальше. Поэтому я мило улыбаюсь и говорю:

— Почему как последнего? Ты далеко не последний, у меня еще все впереди.

В следующий миг земля под ногами содрогается, я отскакиваю в сторону на инстинктах, понимая, что волна его силы только чудом не зацепила эйрлат. От раскалившегося докрасна взгляда меня встряхивает сильнее, чем могло бы встряхнуть, если бы я не отпрыгнула в сторону, а в следующий момент он смотрит в ту же сторону, что и я.

— Знаешь, что? — говорит он. — Ты права. Твоих сестер привез сюда я, и забрать тоже смогу только я. Тебе придется хорошенько меня попросить, Мэйс.

— Отойди от нее.

У Вартаса спокойный голос. Очень спокойный — настолько, что мне становится не по себе, просто потому что в точности так же он выглядел тогда на пустынной улочке Пятнадцатого. Митри и Тай стоят за его спиной, и явно ничего не понимают, переводят взгляд с меня на Лайтнера, и обратно. К'ярд медленно оборачивается, и я шагаю между ними.

— Хорошо, — говорю, глядя ему в глаза. — Как мне тебя попросить?

Мгновение он смотрит на меня так, будто не верит своим глазам, потом его лицо искажается. Лайтнер плотно сжимает губы, но все-таки выплевывает:

— Да пошла ты.

И разворачивается, чтобы уйти.

Я едва успеваю выдохнуть, когда Вартас все с теми же интонациями произносит:

— Извинись.

Тай вскрикивает: К'ярд двигается так быстро, что я едва успеваю заметить летящий в лицо Вартаса кулак. Тот уворачивается, а следом Лайтнер блокирует его выпад с такой яростной силой, что ни одна энергия вар-до не способна удержать. Земля вокруг них содрогается, Тай кричит, а у Митри расширяются глаза.

— Ви-и-и-рна... — сдавленно шипит она, как будто ей нечем дышать.

Она тычет пальцем за мою спину, и я не понимаю, почему.

Но все-таки оборачиваюсь, чтобы увидеть идущую на нас волну размером с трехэтажный дом. Она обрушивается на берег, швыряя на меня стоящий рядом эйрлат. За мгновение до удара земля вздрагивает, и машину волочет по земле, в сторону от меня. В лицо ударяют брызги, вода накрывает меня с головой.

В груди вспыхивает дикий, панический страх, перекрывающий вдох судорогой. Я даже закричать не могу, чувствую только, как меня подхватывают чьи-то руки, и падаю в темноту.

В себя я прихожу от того, что Митри убирает волосы с моего лба.

— Вирна! — негромко шепчет она. — Вирна, просыпайся. Одежда уже высохла. Вартас говорит, пора ехать.

Я открываю глаза: надо мной невысокий, я бы сказала, совсем низенький, особенно после новой городской квартиры, потолок. Сестра сидит рядом со мной и улыбается. Тай выглядывает из-за ее спины.

Первым делом я вспоминаю, что произошло, а потом рывком сажусь на кровати. Притягиваю к себе сначала Митри, потом Тай, судорожно обнимаю.

— Эй, задушишь! — притворно хрипит Митри, а потом вырывается со смехом. — Вартас нас успел

оттащить, даже не зацепило почти.

Я мотаю головой.

— Что? Как такое возможно?

Сестра высвобождается из моих объятий, а вот Тай не спешит. Запрокинув голову, смотрит на меня.

— Не представляю, — пожимает плечами Митри. — Волна была одна и разбилась почти сразу, когда Лайтнер тебя подхватил. Нам разве что ноги намочило.

— А?

Я все еще не понимаю, что произошло.

Одна волна? В океане?

На меня всей ее тяжестью обрушиваются воспоминания: вот Митри с ужасом смотрит мне за спину, вот я оборачиваюсь, а на меня идет толща воды. Точнее, она идет на берег, и мне повезло, что стояла я достаточно далеко. Летящий на меня эйрлат, дрожащая земля, снова повсюду вода, чьи-то руки на талии и темнота.

Не чьи-то.

К'ярда.

Он меня снова вытащил, и кажется, два раза подряд. Если бы не сила вверху, меня бы размазало ровным слоем по берегу, под эйрлатом...

Сила вверху!

— Где К'ярд? — шепотом спрашиваю я. — Что с ним?

— А что с ним? — Митри с удивлением смотрит на меня. — Высушился и ушел.

— Ушел?

— Да, куда-то в сторону мыса Гор.

К Эн.

Только сейчас я замечаю, что в моих руках по-прежнему Тай, и она на меня смотрит, прямо-таки вглядывается в лицо. Спросить, что такое, я не успеваю, потому что открывается дверь и входит Вартас.

— Ай!

Я заворачиваюсь в слегка сползшее покрывало (ладно, обнаженные плечи и спина — не так уж страшно), но он рывком вылетает в коридор и уже оттуда рычит:

— Вирна! Я думал, ты уже оделась. Времени у нас не сказать, чтобы много.

— Сейчас оденусь, — говорю я и отпускаю младшую. — Девочки, спускайтесь, я сейчас буду.

Тай продолжает на меня глазеть, но ее уводит Митри. Чуть ли не силой вытаскивает за дверь.

Когда остаюсь одна (в комнате, где какое-то время жили мои девчонки), быстро откидываю одеяло и одеваюсь. Я вылетела из дома в первом, что попало под руку, потому что торопилась, и это — короткая юбка, облегающий джемпер, новая курточка, шарфик и сапоги. Да, увидев меня такой, вряд ли Лайтнер теперь сомневается в том, что я сказала Хару.

Мне бы радоваться надо, но радоваться не получается.

На сердце так мерзко, как только может быть, единственное, что радует — так это то, что он снова на побережье. И не только. Если после такого всплеска силы рядом с океаном он просто ушел, значит, его сила восстановилась. Значит, я ему больше не нужна, чтобы помогать Эн. И вообще больше не нужна.

Все это крутится в голове, пока я одеваюсь.

Это, а еще волна.

Единственная!

Что это могло быть, если не какой-то сбой установки вверху? Чем больше я об этом думаю, тем больше понимаю, что все делаю правильно. И с Лайтнером в том числе. Если бы я сказала ему правду, если бы мы остались рядом, рано или поздно Дженна, Н'эргес, кто-то еще или все они вместе потребовали бы от меня именно того, что они требовали изначально. К тому моменту, когда отказаться я бы уже не смогла, а точнее, мне бы этого не позволили. Поэтому' чем дальше мы друг от друга, тем лучше. Во всех смыслах.

Я спускаюсь вслед за сестрами и благодарю Зорга. На мою благодарность он даже не меняется в лице, только бросает: «Угу», — и отворачивается, давая понять, что мы и так здесь задержались.

Мы и так задержались.

И не только.

Эйрлат основательно поцарапало о камни, чудо, что он вообще выжил. Выжил только благодаря К'ярду, но помимо царапин правое крыло изрядно помято.

— Вартас... — шепчу я.

— Вирна, не сейчас. Поехали.

Мы выдвигаемся в обратный путь. Девочки на заднем сиденье, мы с Вартасом впереди. Несмотря на то, что система обогрева уже высушила сиденья, в салоне все равно пахнет солью и водорослями. Когда мы взлетаем, я на миг оборачиваюсь в сторону мыса Гор, но тут же себя одергиваю.

Митри замечает мой взгляд, и этого уже более чем достаточно, чтобы снова почувствовать себя мерзко.

— Откуда она взялась, это волна? — цедит Вартас.

Дженна говорила об установках, я ловлю эту мысль просто на кончике языка. Ему я все рассказала, и я собиралась все рассказать сестрам, но вот так обрушивать на них информацию о Лэйс и о том, что я теперь буду ныряльщицей, особенно после того, что случилось — это слишком.

— Испугались? — спрашиваю, повернувшись к девочкам.

— Больше за тебя, — фыркает Митри.

А Тай быстро-быстро мотает головой.

— Что, совсем нет? — улыбаюсь. — Какая ты у меня смелая!

Сестренка моргает, плотно сжимает губы, а йотом говорит:

— Вирна! Какие у тебя были глаза!

— Представляю, какие у меня были глаза, — смеюсь. — Когда на меня шло это чудовище...

Тут только до меня доходит, что Тай не могла видеть моих глаз, когда я повернулась к ним спиной. И что Митри в недоумении смотрит на младшую — видимо, в точности так же, как сейчас я.

— Кроха, ты о чем? — спрашиваю я.

— Твои глаза, — говорит Тай. — Они были такие же, как у того парня. Только синие.

«Такие же» глаза мне представляются особенно ярко, только не синие. Раскаленные, как ядро земли, как самое сердце нашего мира.

— Не говори ерунды, — резко обрываю сестру и отворачиваюсь.

— Но я правда видела!

— Тай, ты просто перепугалась, — смеется Митри.

— Не испугалась я! — почти кричит сестренка. — У нее были...

— Хватит!

Я говорю это так, что в салоне эйрлата мгновенно становится очень тихо. Настолько тихо, что мне кажется, я слышу биение своего сердца. Эта тишина длится какие-то мгновения, потом Тай начинает реветь. Митри прижимает ее к себе и хмуро смотрит на меня через зеркало заднего вида.

Я обхватываю себя руками и смотрю на проносящийся за окнами пейзаж. Сама не отдаю себе

отчета, что ногти вонзаются в ладони все сильнее. До той минуты, пока не чувствую острую боль, и только тогда расслабляю пальцы, глядя на красные лунки, из которых сочится кровь.

— Возьми платок. — Вартас протягивает мне свой, и я машинально оборачиваю им руку.

Тай потихоньку успокаивается (Митри вроде что-то шепчет ей и гладит по голове), и снова становится тихо. Эта тишина давит на меня все то время, пока мы летим. В городе становится шумно, даже несмотря на плотно запечатанные окна суэта Ландорхорна врывается в меня, словно выдергивая из толщи воды на поверхность. Кажется, только тогда я делаю первый глубокий вдох и расслабляюсь.

— Спасибо, — благодарю Вартаса, когда он останавливает эйрлат на парковке перед нашим домом. Сестры выходят, я наклоняюсь, чтобы достать рюкзаки, но он меня опережает. Резко выдергивает их, не позволяя мне взять самую тяжесть.

— Да что ты за человек такой, Вирна, — выдыхает сквозь плотно сжатые зубы, а потом резко шагает в сторону дома.

Сестры осматриваются, Тай крутит головой, Митри просто осторожно разглядывает холл. Лифты здесь работают по сканированию радужки, равно как и вход в сам дом. Насколько я понимаю, эта ультрасовременная система безопасности, поэтому Ромине сюда не войти. Сюда не войти вообще никому, кому я не предоставлю допуск. А чтобы его предоставить, надо звонить Дженне. Данные считываются в минуту, потом так же быстро загружаются в систему, защищенную кодовым доступом владельца квартиры. Мне, разумеется, этот доступ не выдавали, но если не сделать разрешение Митри, будет сложно.

— Зайдешь? — спрашиваю Вартаса, хотя он уже и так зашел, чтобы сбросить рюкзаки в просторной прихожей.

Тай ахает. Впечатления настолько велики, что она, кажется, уже забыла про обиду.

— Ты сама знаешь, что мне некогда.

— Я заплачу за ремонт. Сколько потребуется...

— Мне достаточно было бы простого спасибо.

— Но я же сказала тебе спаси...

Последний слог поглощен грохотом закрывшейся двери.

— Он расстроен из-за эйрлата, — говорю я в ответ на пристальный взгляд Митри.

— Ага. Конечно. Из-за эйрлата, — фыркает сестра.

Мне хочется поинтересоваться, что это за намеки, но Тай уже убежала в комнату.

— Какая большая! Какая большая, она же больше чем весь наш дом!

Первые пару дней мне тоже так казалось — просторная столовая, совмещенная с комнатой отдыха, где стоит диван, кресла и маленький столик. В столовой — стол на шестерых, стулья с красивой обивкой. Владелец квартиры явно любил красный цвет, потому что здесь много кармина, а еще золота. Две спальни — одна светлая, в светло-зеленых тонах, другая — в темно-синих, стальных. Не стоит говорить, какую выбрала я.

— Это ваша комната, — говорю я, поднимая жалюзи.

— Ты же расскажешь все, да? — Митри не сводит с меня взгляда. Тай с ногами прыгает на постель, и я понимаю, что снова готова на нее орать.

— Да. Позже. Разберите пока вещи.

Я выхожу, а точнее, позорно сбегая к себе, где падаю кровать. Смотрю на потолок, который почему-то плавает перед глазами. Должна видеть люстру в форме морской звезды, оплетенную стеклянными водорослями (дизайнер здесь постарался на славу), но вижу почему-то побережье. Идущего ко мне К'ярда.

В этот момент понимаю, как отчаянно я устала.

Мне хочется отмотать время назад, и войти в аудиторию на пять минут раньше. Или на пять минут позже. Чтобы никогда с ним не пересекаться, чтобы не обратить на себя его внимание, чтобы сейчас о нем не думать. О нем, об Эн, о том, как все могло бы быть, и как уже никогда не будет.

Потолок вместе с люстрой начинает расплываться, но видимо, из-за того, что он плавал, я это не сразу замечаю. Только когда мне становится тяжело дышать.

Все тяжелее, тяжелее и тяжелее, и тогда я провожу ладонями по скулам, стирая соленые дорожки. Кожу начинает щипать, я отдергиваю руку и смотрю на ранки от ногтей. Перевожу взгляд на запястье: там еще остался след от прикосновения Кьяны. Но сегодня, когда К'ярд меня схватил, ничего не произошло. Или все дело в том, что я была в одежде?

Последняя мысль вызывает смех. Я начинаю смеяться, слезы текут, а я смеюсь — сначала тихо, потом начинаю хохотать и зажимаю руками рот. Просто запечатываю его ладонями, чтобы не позволить этому дикому звуку вырваться в комнату. То ли действует осознание прижатых к лицу рук, то ли понимание, что за соседней стеной мои сестры, но я все-таки замолкаю и тяжело дышу.

Потом уже легче.

Стираю остатки слез, и вовремя — в комнату заходит Митри.

— Эй. Все хорошо?

Я плотно сжимаю губы и качаю головой.

— Надо поесть. Вы голодные.

— Нет, мы поели у Зорга, пока ты спала.

Я не спала. Я была в отключке.

— Это подождет. — Митри подходит и садится рядом со мной. — Как и то, что ты собираешься мне сказать, чего бы это ни касалось.

— Это касается Лэйс.

У нее расширяются глаза, а потом...

— Все равно подождет, — говорит она. Притягивает меня к себе и обнимает, совсем как мама когда-то. И я позволяю себе уткнуться лицом ей в плечо, не думая ни о чем. Пока она гладит меня по волосам, мне кажется, что все будет хорошо. В эти короткие мгновения точно все хорошо.

В эти короткие мгновения я могу не думать о том, что разделяет нас с Лайтнером, с каждой минутой все сильнее отдаляя друг от друга.

Потому что между нами гораздо больше чем ложь.

Между нами правда.

Глава 40

Доказательства

Лайтнер К'ярд

Ощущение океана казалось забытым.

Это не бассейн, где справа ботик, а слева разделитель. Это стихия, которая окружает тебя со всех сторон.

Как Мэйс.

Мэйс тоже окружала меня со всех сторон, продолжала окружать, даже оставаясь в домике Зорга. Несмотря на то, что мы больше не вместе. Несмотря на то, что мне нужно было оставить это в прошлом. Несмотря на то, что мне хотелось придушить ее за то, что она приехала за сестрами с тем едхом.

Это все оказалось неважным. Она все равно была во мне. Я это осознал, когда увидел надвигающуюся на берег волну.

Я действовал на инстинктах.

Я защищал самое дорогое.

Вирна по-прежнему была самым дорогим.

Но я не знал, что с этим делать. Кроме того, чтобы поэтично ее отпустить. Отойти в сторону и не мешать ее счастью.

Это даже в моих мыслях звучало сопливо!

Я ушел. Просто ушел, чтобы не повернуть назад.

У меня есть моя цель, я выбрал это. А Мэйс... Мэйс выбрала парня своей сестры. Хотя сейчас он, наверное, ее парень.

Я плыл все дальше от берега, гребками сокращая расстояние между мной и мысом Гор. Почти выдохся, когда раг'аэна появилась из морских глубин, подставляя мне белый плавник.

— Эн, приятель! Прости, что так долго.

Эн издал протяжный звук, который мне показался самым родным на свете.

Я рассмеялся и похлопал его по плавнику. Теперь мне не нужно было сражаться с течением, раг'аэна поддерживала меня на плаву.

— Рад, что с тобой все в порядке. Не скучал?

В ответ я услышал звук, похожий на ворчание.

— Я тоже скучал. Но теперь я с тобой.

Раг'аэна протяжно крикнула и подставила нос, показывая свое расположение.

— Готов к приключениям?

Я одолжил у Зорга гидрокостюм, а еще еду и питьевую воду. Сказал, что хочу побыть на берегу. На берегу еда и осталась. Но если Эн сможет подойти ближе, я перенесу ее на него, а дальше «Прощай, Ландорхорн!» Я видел карту, кажется, она отпечаталась в моей памяти. Если плыть на Юго-восток, по пути есть острова, на которых я смогу отдыхать, а возможно, там есть родники...

Но чем больше я сейчас думал про свой план, тем больше понимал, что это не триумфальный уход. Выбор своего пути и прочая.

Это побег.

Я действительно собираюсь сбежать и все бросить.

Все и всех.

Маму. Друзей. Брата. Сбежать и оставить их на отца.

Мэйс не бросила сестер, хотя могла. Могла начать новую жизнь. С деньгами отца и работой в «Бабочке» она бы ни в чем не нуждалась. Но она заботилась о своей семье. В отличие от меня, которого посчитают мертвым. О бабочке никому не известно, а океан губителен для вьерхов.

Джубо справится. Отец будет воспитывать из него наследника, но мама... Маму это добьет.

Так чем я лучше отца?

Что я творю?!

Точно не то, что должен.

Я рвано выдыхаю и глажу Эн по носу.

— Боюсь, приключения откладываются, приятель.

Я начинаю грести в сторону мыса, но раг'эна вдруг перехватывает меня и тянет назад, в океан.

— Эн, ты что творишь?! — кричу я.

Если бы это еще его остановило!

Эн тащит меня на огромной скорости, сначала почти на поверхности, а потом, остановившись, резко бросается на глубину. Я только успеваю активировать маску, чтобы не нахлебаться воды. Чем дальше от поверхности, тем должно становиться холоднее, но океан на удивление теплый. Неестественно теплый, будто его медленно нагревают.

А еще светлый!

Что за хидрец?

До меня не сразу доходит, что красноватое свечение точно не может исходить от белой раг'эны. Наоборот, немаленький Эн просто теряется на фоне гиганта, растянувшегося по океанскому дну. Множество раскинутых лап вонзаются в камни, а огромная голова мелко подрагивает, вонзаясь в почву и поднимая мутную воду. Как и не сразу ко мне приходит осознание, что паукообразное существо — неживое.

Это механизм.

Но что он делает?

Машина врезалась в дно массивными бурами: я рассмотрел это, немного отплыв в сторону. Именно это и нарушало видимость, а еще нагревало воду, в которой уже практически невозможно было находиться.

Исследовательская установка?

И что она исследует?

Датчик на маске противно запищал, Эн подхватил меня и потащил обратно на поверхность. Вынырнув, я стащил маску и с наслаждением вдохнул чистый прохладный воздух. Но перед глазами все еще стоял гигантский спрут.

Я ни о чем подобном никогда не слышал: ни в Кэйпдоре, ни от отца, ни тем более не читал об этом в новостях. Поэтому если это какие-то исследования, то явно секретные. Удачно эту штуковину здесь спрятали. На дне океана, куда точно никто не доберется.

Ну кроме разве что ныряльщиков.

Мысль мелькнула в голове внезапно, вновь отбрасывая меня в утро, когда мы с Мэйс были счастливы. По крайней мере, был счастлив я. Она говорила, что ее сестра ныряльщица, но они вне закона. Кажется, сегодня я стал преступником дважды: когда угнал эйрлат и когда нашел на дне эту штуковину.

Хотя нашел ее вовсе не я.

— Эн, почему ты мне это показал?

Раг'эна издает протяжный звук, в котором слышится тревога. Чтобы не делала эта машина, он показал мне ее не просто так. Его она беспокоила. Но почему?

— Жаль, ты не можешь разговаривать. — Я успокаивающе поглаживаю нос Эн, размышляя, что бы это могло значить.

Может, она создает какие-то волны, которые ему причиняют боль?

Ясно одно — нужно возвращаться на берег. Только там я узнаю, что происходит.

— Я вернусь, приятель, — обещаю я бабочке. — И гораздо раньше, чем в прошлый раз. Узнаю, что за едх порт ит океанское дно, и вернусь. Не успеешь соскучиться.

Как ни странно, на этот раз Эн даже не пытается меня бодать или легонько куснуть, как обычно делает, когда не хочет отпускать.

Сил хватает только на то, чтобы доплыть до берега: этот день выпил меня досуха. Я вытягиваюсь на песке в позе морской звезды и позволяю себе небольшой отдых, но расслабиться не получается. В голове будто большой пазл, который отказывается складываться в общую картину. Беспокойство раг'азны. Та волна, что едва не накрыла нас с Мэйс возле лачуги Зорга: я успел ее разбить с помощью силы, но это не отменяет того, что она пришла. Теперь этот механизм, который неизвестно что ищет в земных недрах. Что он вообще ищет?

Мне кажется, что я что-то упускаю, но сил думать больше не остается.

Тем более, что солнце уже садится.

Я возвращаюсь к Зоргу, меняю костюм на свою одежду и обещаю в следующий раз заплатить больше.

— Не нужно, — отвечает он с привычным безразличием. — Просто не возвращайся сюда.

Вот тебе и безразличие!

— Тебе надоели девчушки, Зорг?

— Девчушки хорошие, но вот от тебя слишком много проблем.

Меня зло берет от его тона. Кто он, к едхам, такой, чтобы прогонять меня? Но я ухожу.

Ухожу туда, где бросил эйрлат Ромины.

С целиком сгоревшей электроникой.

Едх!

Приходится снять крышку и оценить величину хидреца. А он действительно большой. Огромный, я бы сказал. Потому что импульс задел аккумулятор, и теперь, чтобы его восстановить, нужно понемногу, по мизерной струе, вливать силу. Если влить сразу все, может окончательно все сгореть к едхам или вовсе рвануть.

Я ни разу не механик эйрлатов, но однажды пришлось чинить эйрлат Хара, когда мы возвращались от Зорга. Естественно, тогда его аккумулятор просто перегрелся. Вот и эйрлат Ромины просто... перегрелся. С моей помощью. К счастью, это можно поправить, если очень сильно постараться.

В следующий час я в полной мере осознаю, что поломать что-либо проще, чем это же починить. Но аккумулятор все-таки заряжается, а эйрлат под моими пальцами оживает, отзываясь мягкой вибрацией.

— Есть! — выдыхаю я и загружаю систему. Тоже с помощью силы, посылая точечный импульс. По-другому не получится, потому что ключи я раздавил.

У меня только одно оправдание — я не собирался возвращаться. Но если бы сам не создал себе столько проблем, было бы проще, и я бы не огребал сейчас по полной.

— Аккумулятор поврежден. Обратитесь в сервисный центр, — выдает система, и я вспоминаю все нецензурные слова, которые когда-либо знал.

— Я это без тебя знаю, — рычу я. — Лучше отвези меня, куда надо.

Снимаю все ограничения, переводя машину в исключительно ручной режим.

— Старт невозможен. Дверь разблокирована.

— Едх!

Дергаю все двери. Я готов их приварить, только чтобы наконец-то убратся отсюда. Потому что, если не уберусь, придется топать через лес и ночной пляж к Зоргу. И не факт, что после своих слов он меня впустит! А отсюда помощь не вызвать: тапет я отдал Родресу.

Дверь сзади оказывается повреждена, и я хлопаю ею с такой силой, что одна из встроенных под сиденье панелей вентиляции выпадает. От нового ругательства меня спасает только то, что вместе с панелью на пол выкатывается ржавого цвета предмет. Маленький, размером с бусину: не вруби я повсюду свет, возможно бы даже его не заметил.

Но я замечаю, и подхватываю его.

Впрочем, тут же хочется его выбросить.

Потому что это зуб, и ржавчина вовсе не ржавчина, а запекшаяся кровь.

Ну у Д'ерри и трофеи!

Я собираюсь вернуть гадость на место, но застываю, вспоминая слова Вирны на показаниях:

«Я выбила ей зуб».

Тот самый зуб, который я сейчас держал на ладони.

Доказательство того, что Ромина в ту ночь пыталась убить Вирну.

Нужно только отвезти зуб к политари, а остальное — дело техники. Судья наверняка щедро заплатил семейному дантисту и тому, кто приводил личико Ромины в порядок после всего этого. Современная медицина с полным восстановлением и не на такое способна, но против такого доказательства они уже ничего не сделают. В конце концов, это дело сдвинется с мертвой точки.

Я возвращаюсь на сиденье и наконец-то завожу эйрлат. Из-за неисправности он движется медленно, но лететь мне все равно недалеко, до первой камеры. На этот раз я возвращаюсь напрямик, и на въезде в город меня действительно тормозит эйрлат политари.

Стоит остановиться и выйти из машины, как грузный политари защелкивает на мне наручники.

— Вы арестованы по обвинению в угоне, — говорит он.

Меня быстро пересаживают в другую машину, просто запихивают на заднее сиденье, а после разворачиваются в сторону обводной.

— Мне нужно в центральное управление, — говорю я.

— А может тебя сразу в ночной клуб отвезти? — усмехается второй политари, который ведет эйрлат. — Поедешь, куда доставим.

Только тут до меня доходит, что меня не узнали. И кажется, не ищут. По крайней мере, не силами политари.

Я проверяю свою догадку:

— Я Лайтнер К'ярд.

— Тогда я — правитель Ландорхорна, парень, — поддерживает его шутку первый.

— На моего отца вроде не похож, — возвращаю я ему усмешку. — Документы проверьте. Они в правом кармане куртки.

Они переглядываются, но все-таки первый вытаскивает карточку из моего кармана, прикладывает к сканеру, и ожидаемо меняется в лице. Как и его ко мне отношение:

— Ньестр К'ярд, это машина объявлена в розыск. Мы вынуждены вас арестовать до разбирательства. — Тон политари теперь извиняющийся, но мне плевать.

— Делайте свое дело, только отвезите в центральное управление.

В центральном я в полной мере понимаю, что такое быть К'ярдом. Меня ведут прямиком к риссару — высокому и седовласому, а он снимает с меня наручники и лаже не заикается про угон. За пять минут его стараниями я превращаюсь из подозреваемого в свидетеля, который наоборот возвращает ньестре Д'ерри ее эйрлат, но я перебиваю его раньше, чем он успевает возвести меня в ранг героя:

— Я действительно его угнал.

Я рассказываю риссару про зуб и напоминаю про показания Вирны. Он слушает внимательно, а потом вручает мою находку своему помощнику.

— Мы сделаем экспертизу. Если все так, как вы говорите, то мы пересмотрим это дело, — обещает он мне, и я понимаю, что да, он пересмотрит. На этот раз все будет по-честному.

На меня разом накатывает усталость.

Все-таки этот день бесконечный. Но кто-то там в океане явно решает испытать меня на прочность, потому что в кабинет риссара входит отец.

Его лицо бесстрастно, и даже по взгляду сложно понять: он хочет оторвать мне голову или пока не определился.

— Оставьте нас на несколько минут, — приказывает он, будто кабинет принадлежит ему. Хотя отец считает, что весь Ландорхорн принадлежит ему.

— Что ты творишь? — спрашивает он, когда дверь за риссаром закрывается.

Отец возвышается надо мной, но я не собираюсь вставать с кресла.

— Восстанавливаю справедливость. Нашел доказательство вины Д'ерри.

Он морщится, будто от зубной боли. Потому что он может сделать так, чтобы дело снова закрыли, но это будет откровенное злоупотребление властью. А ему это не нужно. Так что придется пожертвовать репутацией судьи Д'ерри для того, чтобы самому остаться чистым. Относительно, потому что еще остается шутовина на дне океана. О ней я не могу спросить напрямую, потому что не собираюсь подставлять Эн. Он точно этого не заслужил.

— Ты помешался на этой Мэйс!

Имя Мэйс словно удар в грудь заставляет меня напрячься. Но только на долю мгновения.

— Мы это уже обсуждали. Впрочем, могу тебя поздравить. Ты своего добился, я больше с ней не общаюсь. Но я не собираюсь всю жизнь жить у тебя под колпаком. С сегодняшнего дня я живу отдельно и той жизнью, которую выберу сам.

Вот теперь лицо правителя Ландорхорна окончательно теряет свою невозмутимость. У отца такой вид, будто он не может поверить в мои слова.

— Сегодня я доказал, что могу действовать самостоятельно, — намекаю я на побег от Шадара.

Отец все понимает. Понимает, что не сможет навсегда запереть меня в особняке, а иначе контролировать меня будет сложно.

— Ты от меня ничего не получишь, — цедит он.

— Мне от тебя ничего не нужно.

Мы с минуту смотрим друг другу в глаза: отец сверлит меня взглядом, а я жду. Жду, пока до него дойдет, что он мне не нужен.

Нужно было сделать это в самом начале. Расставить все по своим местам.

Но лучше поздно, чем никогда.

— Посмотрим, как ты с ней справишься, — наконец-то говорит он. — С независимостью.

Он быстро выходит из кабинета, а я выдыхаю. Пальцы подрагивают от перенапряжения и усталости, но из этой битвы я вышел победителем.

Вот теперь точно все.

Вернувшийся риссар смотрит на меня с недоумением, но потом все-таки говорит:

— У меня для вас две новости, ньестр К'ярд. Первая — ДНК совпало и ваши слова подтвердились.

— А вторая?

Политари суровеет.

— Ваш отец подтвердил, что это действительно был угон и отказался внести за вас залог. А так как вы нарушили закон, то я вынужден приказать проводить вас в камеру.

Глава 41

Что я такое

Вирна Мэйс

Дженна не смогла встретиться со мной вечером, перед сменой. Писать ей, о чем хочу поговорить, я не стала, поэтому вся смена прошла как в тумане. Сегодня девчонки оставались дома, но сегодня же надо было решить вопрос о возвращении в школу, если я хочу, чтобы у них была нормальная жизнь. У них должна быть нормальная жизнь. Ромина, судя по всему, удовлетворилась моим извинением и вообще всячески рассказывала всем о том, как она дружит с людьми, ее мне вряд ли стоило опасаться.

Что касается Дженны и Н'эргеса, я хотела просить их о том, чтобы они позаботились о моих сестрах, если со мной что-нибудь случится.

После вчерашнего просить об этом Вартаса у меня бы не повернулся язык, но мне нужно было знать, что Митри и Тай не останутся на улице, если я вдруг окажусь в Подводном ведомстве или еще где-нибудь.

Митри восприняла мой рассказ спокойно. Насколько можно воспринять такое спокойно — я хорошо помнила свои чувства, когда увидела запись с Лэйс.

— Ты поступаешь правильно, — уверенно сказала она. — Я бы тоже хотела...

— Даже не думай.

Мы с ней говорили весь оставшийся вечер — до выхода в «Бабочку», и, если честно, еще никогда в жизни я не чувствовала, что мы настолько близки. На несколько мгновений мне захотелось отказаться от того, на что я согласилась, просто чтобы продолжать жить... и забыть обо всем, что было. Но потом я вспоминала слова правителя Ландорхорна, вспоминала, как меня вышвырнули из Кэйпдора, и понимала, что просто нормальной жизни у меня никогда не будет.

Ни у меня. Ни у других людей. Ни у моих сестер в том числе.

Пока все так, как есть, любой вьерх может растереть нас, как грязь под ногами. Выбросить из школы, из академии, с работы — откуда угодно, просто за то, что ты перешла ему дорогу. Или ей.

Возможно, Ромина уже забыла о том, что случилось.

Но я нет.

— Мэйс, ты сегодня где? — поинтересовалась Тимри, когда я вернулась с новыми заказами к стойке.

— Под водой.

Рыжая приподняла брови.

— В смысле, в ушах шумит, а в голове ни единой связной мысли.

— Не выспалась, что ли?

— Да, я весь день не спала.

— О-о-о-о...

Я ткнула ее локтем.

— Это не то, о чем ты подумала.

— Да я еще ни о чем не подумала.

Она убежала с подносом, а когда вернулась, нужно было убежать мне. Поэтому к разговору мы смогли вернуться только спустя несколько часов. К тому моменту у меня уже действительно не осталось ни одной связной мысли, поэтому когда Тимри спросила:

— Это ты с ним весь день не спала? С тем, кто ждал тебя на парковке? — почти ничего не почувствовала.

Почти, потому что кое-что все-таки почувствовала.

Но кое-что было совершенно не в тему.

— Нет. Не с ним.

— А с кем?

— Просто не спала.

— А такое бывает? — Она фыркнула, но тут же стала серьезной. — Случилось что-то?

Много чего.

— Нет.

— У тебя никогда «нет», — обиделась Тимри и добавила: — Иногда стоит быть более открытой, Мэйс. Я тебе, например, рассказываю почти все.

Я не знала, что на такое ответить, поэтому промолчала. Тимри ушла, и я поняла, что так тоже будет лучше. Я уже пробовала дружить с Алеттой и с Кьяной, и ничего хорошего из этого не вышло.

Дженна приехала в клуб утром, я как раз переодевалась. Меня дернула к ней одна из девочек, как в прошлый раз, когда я только-только узнала о Лэйс. И как в прошлый раз, в кабинете вместе с ней оказался Н'эргес. Я подавила желание подойти и взять его за руку, чтобы проверить, работает ли с ним «аллергия на вьєрхов». Отчасти потому, что я не хотела, чтобы у меня на ладони снова были ожоги, отчасти потому, что не была уверена о том, что готова им об этом рассказывать.

— Ну здравствуй, Вирна. Присаживайся.

В кабинете Дженны было холодно, настолько холодно, что кресло даже через джинсы ощущалось холодным.

— Итак? — поинтересовалась она, глядя на меня в упор.

— Я забрала сестер, — сказала я. — Мне нужно получить для них доступ в квартиру, чтобы они могли вернуться в школу.

Дженна приподняла брови.

— То есть ты забрала сестер, и ничего не сказала нам?

Я в ответ приподняла тоже:

— А должна была? Я говорю сейчас.

Привычка Н'эргеса стоять за моей спиной нервировала. Особенно сейчас. Я не стала оборачиваться, просто чуть подалась вперед.

— В том деле, которое мы делаем, Вирна, тайн между нами быть не должно. — Взгляд Дженны стал ледяным.

— Это не касается нашего дела.

— Касается. С того момента, как ты согласилась быть с нами, его касается все. Я думала, что мы с тобой правильно поняли друг друга.

— Я тоже, — ответила я. В тон ей. Жестко. — Я продолжаю дело Лэйс. Я хочу, чтобы о создающих волны установках узнал весь мир. Какое отношение к этому имеют мои сестры, я не представляю.

Дженна продолжала смотреть на меня, но я не отвела взгляд. Глаза не опустила, и вернула ей взгляд в точности такой же, каким она наградила меня.

— Где они прятались? Между нами не должно быть секретов, Вирна.

— Я не могу сказать.

— Почему?

— Это не только мой секрет.

— А чей еще?

Я промолчала.

— Вирна, наша сила в единстве. Мы будем сильны, пока мы вместе. Пока доверяем друг другу. — Дженна тоже подалась вперед. — К тебе приходили Хар Р'амриш и Кьяна М'эль. Об этом ты тоже ничего не сказала. Почему?

— Ты говоришь о доверии, — заметила я, — но отслеживаешь каждый мой шаг. Почему?

— Потому что в деле, которым я занимаюсь, осторожность превыше всего.

— Значит, ты ответила и на свой вопрос тоже. Итак, что ты скажешь про доступ?

Дженна откинулась на спинку кресла и неожиданно рассмеялась.

— Знаешь, Вирна, поэтому я тебя и выбрала. У вас это семейное, видимо. Лэйс тоже была такой.

— Какой именно?

— Несгибаемой. — Она постучала пальцами по подлокотникам. — Сегодня у нас будет погружение. Ночью, разумеется, поэтому у тебя выходной. Как следует отдохни, чтобы набраться сил.

Погружение?

Уже?

Она говорила о том, что такое будет, но... но...

Волна, ударившая в меня сейчас, была ничуть не слабее той, что накрыла меня на берегу. Я задыхалась под толщей воды, только вытащить меня больше было некому.

— Мне кажется, я еще не готова, — через силу вытолкнула я. — Бассейн...

— Бассейн тебе не поможет. — Впервые за весь наш разговор заговорил Н'эргес. — Эти попытки — когда ты чувствуешь под ногами дно или можешь ухватиться за борт, от страха не избавляют.

— Это правда. — Дженна развела руками. — Мы пробовали. Не получилось. Значит, нужно действовать по-другому. Более решительно.

— Я не...

— Мы будем рядом, Вирна. И это больше не обсуждается. Тестовое погружение сегодня. Ближе к полуночи тебя заберет Ригман, поэтому будь готова. Надеюсь, не стоит напоминать, что для сестер ты просто идешь в «Бабочку»?

Сколько раз Лэйс так просто шла в «Бабочку»? Мне в голову даже не приходило, что она идет на погружение, чем она занимается. Зато мы с сестрами спали спокойно и не забывали себе головы тем, что с ней происходит. Но однажды она просто исчезла.

— Она ведь ушла на погружение? — спросила я. — В ту ночь? Что она вообще должна была сделать? Какая у нее была миссия? Почему...

— Вирна, слишком много вопросов. — Дженна покачала головой. — Но я все-таки постараюсь ответить. Да, в ту ночь Лэйс была на погружении. Мы изучали закономерность включения установок, а чтобы понять, с какой периодичностью они «просыпаются», под водой нужно находиться каждый день. Разумеется, каждый день не может погружаться один и тот же человек, поэтому мы меняемся.

— Вы? Ты тоже погружаешься? И как...

— Сегодня ты все увидишь сама. А пока довольно вопросов. Отсыпайся, тебе нужно быть отдохнувшей и полной сил. Потребуется все твое внимание, все твои силы и вся концентрация. Иди.

Последнее вообще прозвучало как приказ, поэтому я поднялась.

Пока летела домой, думала о том, правильно ли поступила, рассказав обо всем Митри. И о том, что для нее я тоже могу просто уйти в «Бабочку». Однажды. Не сейчас, когда Дженна и ее безопасник будут рядом со мной, а потом. Значительно позже. Или чуть раньше. Просто исчезну... и так и не объявлюсь. Даже не дам знать, что со мной все в порядке.

Что могло заставить Лэйс так поступить?

Визит старшего К'ярда говорил о том, что Лэйс не попала в Подводное ведомство, но что, если Дженна знает больше, чем говорит? Что, если не сработала защитная маска, или отказал кислород,

или... да мало ли что могло произойти.

Я тряхнула головой, отгоняя совершенно ненужные мысли.

Вера в то, что Лэйс жива, просто не может с нами связаться, давала мне надежду и силы. И если я однажды исчезну, если окажусь неведомо где, мне бы отчаянно хотелось, чтобы в меня верили. Знали, что я вернусь.

И ждали.

С этой мыслью я вышла из эйрлата и по ступенькам взлетела к двери.

— Совпадений не найдено. — Женский механический голос окончательно вытряхнул меня в реальность.

Что значит — не найдено?

Я снова приблизилась к сканеру.

— Совпадений не найдено.

Что это еще за новости?

Я достала тапет, чтобы набрать Митри и попросить ее спуститься, потому что загрузила система, но вспомнила слова Тай.

«Твои глаза. Они были такие же, как у того парня. Только синие».

Да ну нет, ерунда какая-то.

Я бы сказала, абсолютная ерунда.

Тем не менее я зачем-то активировала камеру и чуть не выронила тапет. Глаза у меня действительно были синие, не такие, как обычно — насыщенная синева превратилась в темную, словно подсвеченную изнутри, как будто в океан уронили прожектор.

Впрочем, цвет не шел ни в какое сравнение с тем, что...

Мои зрачки вытягивались в горизонтальную полоску и снова собирались в шарики.

Снова и снова.

Снова и снова.

Снова и снова.

До тех пор, пока свечение не погасло, и радужка не приобрела нормальный цвет.

Я медленно развернулась к сканеру. Приблизилась.

Щелкнул замок, из динамика донеслось:

— Добро пожаловать домой, нисса Мэйс.

Я смотрела на капельки воды, стекающие по ладони. То на них, то в зеркало, в котором отражалось мое лицо с совершенно нормальными глазами. Только это совершенно точно было не нормально. То, что я видела. То, что со мной творится.

Аллергия на въерхов?

Нет никакой аллергии на въерхов. Есть я. И моя реакция на их силу.

Есть разрушенная в Кэйпдоре раковина, которую я физически не могла разрушить. И которая развалилась вовсе не из-за поврежденных труб.

Есть одна-единственная волна, пришедшая в солнечный день, когда я пыталась справиться с чувствами к К'ярду. И мои глаза в тот момент, и заметившая их Тай, которой я не поверила.

Но кто поверил бы?

И во что мне верить?

В нашем мире не существует лиархов, они — легенда.

Но есть я.

И ожоги на ладони Кьяны — от моего запястья.

Если бы я не видела это своими глазами, если бы не чувствовала все сама, я бы просто посмеялась над тем, о чем сейчас думаю.

Как. Такое. Возможно.

Что я?

— Вирна! Вирна, открой. Ты там уже час сидишь. — Митри постучала в дверь, подождала и постучала снова. — Вирна!

Я поднялась и пошла открывать. Не знаю, сколько я тут сидела, но после безуспешных попыток заснуть, отодвинуть увиденное на задворки сознания, я поднялась и ушла в ванную, где, не отрываясь, смотрела на свои глаза.

Мои.

Такие, какими они были всегда.

Снова и снова задаваясь одним-единственным вопросом: что я такое?

— Ты спать не будешь, что ли? — поинтересовалась сестра, критически меня оглядев и, видимо, не найдя ничего, за что можно зацепиться, чтобы поволноваться.

Я бы могла дать ей повод, но у меня язык не поворачивался сказать, что Тай была права. Потому что для меня это перебор.

Потому что даже для меня это перебор.

И это понимание — понимание того, что я не человек или не совсем человек, сводило меня с ума.

Впрочем, гораздо больше сводило с ума другое. Когда я думала про К'ярда, когда я думала, что мы не можем быть вместе — потому что он в'ерх, а я человек, когда я отказалась от него, чтобы не зацепить тем, что собираюсь сделать, когда я все это делала, я даже не представляла, что мы действительно окажемся на разных полюсах. И что я не смогу к нему притронуться совершенно по другой причине.

Потому что моя сила убивает его, а его — меня.

— Эй, Вирна! — Митри пощелкала пальцами у меня перед носом. — Я говорю: можно мне сходить за едой? Надоело просто сидеть дома. Сначала мы у Зорга сидели, но там хоть по берегу можно было гулять, а здесь вообще как в тюрьме.

— Ничего себе, тюрьма, — хмыкнула я.

— Ну, ты понимаешь. Пойдем вместе?

Чтобы все нечаянно увидели мои глаза?

Я поняла, что в гардеробе существенно не хватает солнцезащитных очков. Старые я после лета выбросила, а новые пока не покупала. Но кажется, в ближайшее время мне они понадобятся, потому что я — как раг'азна. Непонятный реликт. Ископаемое. Неведомое нечто, которое посадят в лабораторию и будут изучать. А вместе со мной посадят моих сестер, потому что о таком нигде нет информации.

Нигде.

Только в легендах.

Не потому ли исчезла Лэйс?

Не потому ли, что ее сила откликнулась на океан, как откликнулась моя?

«Вода — это жизнь, Вирна», — вспоминаются слова мамы из полузабытого, полустертого состояния на грани между жизнью и смертью. Мне кажется, что я уже слышала их раньше, но сейчас мне кажется, что мир вообще перевернулся с ног на голову. Я не знаю, во что верить, не знаю, что делать, меня словно подхватило воронкой и тащит на глубину.

И там, на глубине, я становлюсь кем-то совершенно иным.

— М-да, — говорит Митри и собирается уходить.

— Я сейчас переведу тебе на платежную систему денег, — перехватываю ее за руку. — Погуляйте, можете сходить в кафе. Купите себе чего-нибудь.

— Вирна, у тебя точно все в порядке?

— Точно. Просто история с ныряльщиками... для меня это слишком.

— Понимаю. — Сестра тут же кивает. — Но ты же можешь отказаться, если захочешь?

— Я не хочу.

Завершая разговор, ухожу к себе и перевожу деньги сестре на тапет, через платежную систему. Для карточки она еще слишком мала, а вот платежка — выход в такой ситуации.

Свернувшись у себя на постели, слушаю, как собираются сестры, как воодушевленно щебечет Тай:

— В кафе?! Мы пойдем в кафе?!

Для них это все в новинку. Впрочем, для меня тоже. Я была в кафе не в качестве официантки всего один раз. С Лайтнером.

— Мы ушли! — заглядывает ко мне Митри.

Я нахожу в себе силы поднять большой палец вверх.

Хлопает дверь, я переворачиваюсь на спину, раскинув руки и ноги. Лежу, слушая биение собственного сердца. Оно бьется так же, как и всегда, во мне ничего не изменилось. Хотя изменилось все.

Я отказалась от Лайтнера.

Сама.

Но я никогда не думала, что это будет так. Вспоминая прикосновения его губ, движения ладоней по моему телу — ласкающих, согревающих, я чувствую, что тоню. Все глубже, глубже и глубже — пока мне не становится нечем дышать.

Тогда я подсакиваю, хватаю куртку и пишу Митри сообщение:

«Я буду на Пятнадцатом. Посидите в кафе подольше».

Мне кажется, я уже сто лет не была здесь, хотя прошло чуть больше недели. От знакомой станции платформы я сворачиваю в другую сторону, ухожу сначала на улочку, которая тупиком обрывается у моря, потом спускаюсь по насыпи. Все дальше и дальше от жилого района, туда, где меня никто не увидит. Под ногами хрустит мелкий мокрый от воды камень, здесь совсем не так, как на побережье у океана. Здесь — совсем другие чувства, но море — это тоже живая вода.

Мне кажется, я понимаю, что со мной.

Мне кажется, я знаю, с чего все началось.

С падения в океан, когда я ударились о стихию, а она ударила в меня. Со всей своей мощью. Точнее, тогда, в океане все началось. А продолжилось...

После.

От столкновения с силой Лайтнера.

— Я привез тебя к океану, именно тут мы можем получить самые острые из самых острых ощущений, которые можно придумать. Потому что в воде мы теряем свою силу.

— Теряете силу?! В воде? В бассейне тоже?.. А в душе?!

— Нет. Эта вода не считается.

— А какая считается?

— Живая вода. Стихия.

Мне кажется, что я схожу с ума, но проверить то, что крутится у меня в голове, можно только здесь.

В двух шагах от накатывающих на берег волн.

Или если подойти ближе.

Я подхожу. Опускаюсь. Протягиваю к нему руки.

От близости воды начинает трясти, а может, меня трясет от забирающегося под куртку ледяного колючего ветра и осознания того, что если у меня сейчас все получится, если сила отзовется на море, пути назад больше не будет.

Поэтому какой-то крохотной частью своего существа я отчаянно желаю, чтобы она не отозвалась. Чтобы море просто коснулось моих пальцев и отступило, как оно делает всегда, просто ушло, стягивая вместе с пеной мелкие камушки. Волна ударяет в руки.

И ударяет в меня.

С такой силой, что на миг темнеет перед глазами, и когда я отдергиваю ладони, за мной тянется водный шлейф. А прямо из моря встает волна. Она рождается у меня на глазах, в считанные секунды, и за миг до того, как она наберет силу, я отшатываюсь, стряхиваю пенные капли с пальцев, и чувствую, как из груди выбивает воздух.

Устоять на ногах не получается, поэтому я падаю на камни.

Волна разбивается, уходит вглубь, море с шипением ее поглощает, а я лежу и смотрю в небо. Мне не нужно проверять, какие у меня сейчас глаза, но я все-таки достаю тапет. И потом еще какое-то время слушаю шорох тянущейся ко мне воды.

Сила океана в разы больше, но он тоже тянулся ко мне.

Та волна — накрывшая меня с головой, это отклик на мою силу.

Не знаю, сколько я еще так лежу, а потом сажусь, подтягивая колени к груди. Смотрю на границу холодной воды и неба до тех пор, пока от солнечных бликов не начинают болеть глаза.

Только потом, когда они становятся просто синими, поднимаюсь и иду назад.

Мне нужно на платформу, на станцию, но ноги сами несут в другую сторону.

Дом встречает меня открытыми дверями, распахнутыми настежь, и я захожу внутрь. У нас нечего брать, особенно когда я забрала все вещи, но кто-то, кажется, здесь все-таки побывал. Старенький плед, который я аккуратно сложила, сброшен на пол. Зачем я не закрыла дом, и сама не знаю. Наверное, так стремилась показать Лайтнеру, что мне здесь больше ничего не нужно, что я взяла деньги его отца и навсегда отказалась от того, что мне так дорого.

Я предала все, что любила.

И того, кого люблю.

Наверное, стоило по-настоящему потерять возможность быть с ним, чтобы это признать.

Наклонившись, поднимаю плед, отряхиваю его и снова аккуратно кладу на диван. Отворачиваюсь, чтобы больше не думать про Лайтнера. Иду на кухню. Хочу посмотреть, не разбили ли чего, и, если разбили, прибраться. Ключи у меня с собой, я так и ношу их в сумке, поэтому когда все здесь закончу — запру дверь. Этот дом не заслуживает того, чтобы с ним так обходились.

Смотрю на залитое солнцем, бьющееся о берег холодное море в проеме распахнутой настежь двери. Закрываю ее и иду на кухню. На ходу стягиваю куртку, собираюсь перекинуть ее через спинку стула, и замираю.

На столе стоит плотно закрытая банка, в ней — мертвая бабочка. Только на этот раз воды в банке нет, в ней лежит сигарета. Мне кажется, что в теле напрягается каждая мышца.

Каждая клеточка.

Тянусь к банке, но в это время за спиной скрипит дверь.

Я вздрагиваю.

И оборачиваюсь.

Примечания

Антивалл — минимальная единица измерения длины, видимая человеческому глазу.